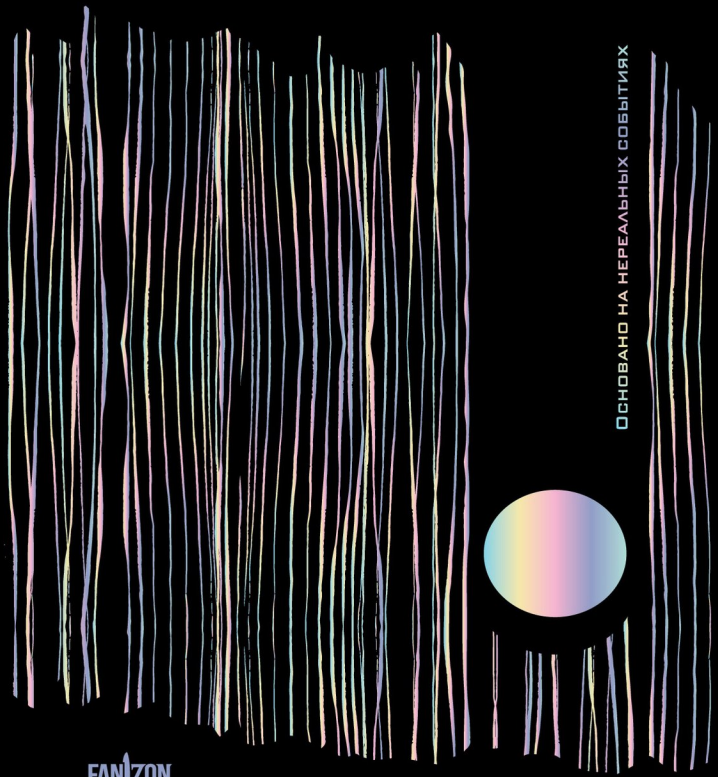
Иэн М. Бэнкс

ТРАНЗИЦИЯ



FANZON

Транзиция
Иэн М. Бэнкс

Аннотация
Иэн М. Бэнкс. Транзиция
Пролог
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
Эпилог

Аннотация

Тэмуджин О, Эдриан Каббиш и Философ – транзиторы всемогущей теневой организации «Надзор», перемещающиеся между параллельными реальностями и вмешивающиеся в события, увеличивая влияние организации на мир. Миссис Малверхилл и Пациент 8262 – бывшие транзиторы, которые сомневаются как в самом «Надзоре», так и в правильности его действий.

Их противостояние протекает в мире, застывшем между падением Берлинской стены и финансовым кризисом 2008 года. Такому миру нужна помощь. Но должна ли это быть помощь «Надзора»?

Иэн М. Бэнкс
Транзиция

Аластеру и Эмили, а также в память о Бек.
Благодарю Адель, Мика, Ричарда, Леса, Гэри и Зоуи.

Основано на нереальных событиях.

Iain M. Banks
TRANSITION
Copyright © 2009 Iain Banks

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

Fanzon Publishers

An imprint of Eksmo Publishing House

Школа перевода
В. Баканова

Перевод *Лидии Галушкиной*

© Л. Галушкина, перевод на русский язык, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Знаю, таких, как я, называют ненадежными рассказчиками. Впрочем, если вы верите на слово каждому встречному — ваши проблемы.

То, что вы читаете эти строки, само по себе поразительно и абсолютно беспрецедентно.

Видели когда-нибудь сейсмограф? Ну, такую мудреную, чувствительную штуковину с похожим на паучью лапку пером, которое фиксирует подземные толчки, вычерчивая линию на движущейся ленте? Теперь представьте, как это перо безмятежно скользит по бумаге, проводя ничем не примечательную прямую, означающую тишь и покой как у вас под ногами, так и на всей планете, — и вдруг из-под острия появляются слова, а бумажная лента начинает метаться туда-сюда, чтобы поспеть за каллиграфическими вензелями. Пусть, скажем, перо выводит текст: «Знаю, таких, как я, называют ненадежными рассказчиками…»

Вот какова была вероятность того, что я напишу эти строки, а кто-нибудь их прочитает! И я не преувеличиваю.

Время, место. Без этих уточнений, пожалуй, не обойтись, хотя в моих обстоятельствах они несущественны. Тем не менее нам нужна отправная точка — где и когда, — так что давайте начнем с миссис Малверхилл и нашей первой встречи на заре золотой эпохи, которую тогда еще никто не осознавал. Я имею в виду десятилетие с хвостиком между двумя падениями: Берлинской стены и башен-близнецов.

Если совсем уж точно, эти двенадцать лет, которые я сейчас назвал бы благословенными, начались прохладной, бурной ночью 9 ноября 1989 года в центре Европы, а закончились ясным утром 11 сентября 2001-го на Восточном побережье Америки. Первое событие возвестило, что угроза глобальной ядерной катастрофы, висевшая над человечеством без малого сорок лет, рассеялась и эпохе всеобщего идиотизма пришел конец. Впрочем, ненадолго: второе повлекло за собой новую эру безумия.

Падение Стены зрелищным не было. Стояла ночь, а по телевизору показывали, как толпа берлинцев в кожаных куртках, по большей части с молотками, без особого успеха атакует армированный бетон. Никто не погиб. Зато многие, несомненно, напились, обдолбались и переспали

друг с другом.

Да и сама Стена трепета не внушала; высокой ее не назовешь, неприступной — тоже. Главным препятствием была пограничная зона между бетонными ограждениями: песчаное минное поле, гиблое царство сторожевых псов и колючей проволоки. Вертикальный же барьер играл скорее символическую роль, служа просто разделительной чертой. И не важно, что никто из ликующих вандалов, рвавшихся к Стене, не мог существенно ей навредить без тяжелой техники; главное — люди преодолели этот символ раздора, преграду, якобы защищавшую от внешнего мира, и их не расстреляли на месте.

Так или иначе, сложно себе представить лучшую аллегорию пробудившейся надежды, оптимизма и рывка навстречу переменам. Что касается теракта, устроенного «Аль-Каидой» на территории США (а поскольку он стал поводом для военного вторжения и оккупации другого государства, причем во имя демократических ценностей, давайте выразимся в национал-демократическом ключе: теракт, устроенный на территории США Саудовской Аравией), — вряд ли найдется событие, по духу более контрастное.

Между этими двумя грандиозными столпами

гамаком растянулись годы, которые человечество провело в счастливой дреме.

Примерно на экваторе этих томных времен мы с миссис М. потеряли друг друга из виду. Затем встретились вновь и уже в последний раз расстались, незадолго до третьего великого Падения — падения Уолл-стрит и Сити, банковского и финансового краха, начавшегося 15 сентября 2008 года.

Находить такие закономерности в книгах наших жизней весьма увлекательно, не правда ли?

Впрочем, подобная конгруэнтность [1], пусть и полезная для фиксации наших личных судеб в пределах общего исторического процесса, по существу, бессмысленна. За время, которое мне довелось пробыть здесь после моего собственного скромного падения, я убедился, что значимость тех или иных вещей, как правило, определяем мы сами. Мы находим смысл даже в бессвязной цепочке событий, при этом отмахиваясь от самой очевидной взаимосвязи между отдельными аспектами нашей жизни, если взаимосвязь эта противоречит особенно дорогому, тщательно

---

[1] Примечания: 1

Конгруэнтность (в широком смысле) — равенство, адекватность друг другу различных экземпляров чего-либо или согласованность элементов системы между собой. *(Здесь и далее — прим. пер.)*

взлелеянному нами предрассудку или дарующим надежду убеждениям. Кажется, об этом мне поведала миссис Малверхилл. Или мадам д'Ортолан — я иногда их путаю.

Я немного забегаю вперед, поэтому, в свете вышеизложенного, предлагаю не бороться с этим эффектом, а насладиться им сполна.

Пусть мы только начали, вам уже, наверное, любопытно, как моя роль в данной истории закончится.

Сейчас расскажу.

Заканчивается все вот как: ко мне в палату заходит человек. Одет в черное, на руках — перчатки. Вокруг темно, горят только дежурные лампы в коридоре, однако мужчина меня видит. Я лежу на больничной койке, подголовная секция приподнята; пара трубок и проводки соединяют мое тело с медицинскими приборами. Человека в черном это не волнует: медбрат, который мог бы услышать сигнал тревоги, валяется в конце коридора связанный и с заклеенным ртом; его монитор выключен.

Мужчина закрывает дверь, и в комнате становится еще темнее. Он тихонько, на цыпочках подбирается к изголовью кровати, чтобы меня не

разбудить, хотя врачи дали мне успокоительное — слегка одурманили, чтобы лучше спалось. Незнакомец оглядывает койку, даже в полумраке подмечая, что одеяло и простыни плотно подоткнуты, а я туго спеленут, будто в коконе.

Убедившись, что я неподвижен, мужчина берет свободную подушку, осторожно опускает мне на лицо, а затем резко наваливается сверху, давя ладонями на подушку и локтями прижимая мои руки к койке. Он переносит вес почти целиком на верхнюю часть тела; в пол теперь упираются лишь носки его ботинок.

В первые секунды я не сопротивляюсь. А когда начинаю, незнакомец только ухмыляется. Мои слабые попытки высвободить руки или отбрыкаться ни к чему не приводят. Даже здоровый, сильный парень, будь он накрепко замотан в простыни, вряд ли сбросил бы с себя такую тяжесть.

Последним, отчаянным рывком я пытаюсь выгнуть спину. Человек в черном легко меня усмиряет. Спустя мгновение-другое я падаю без сил и больше не шевелюсь.

Мой противник далеко не глуп — понимает, что я могу притворяться мертвым.

Идут минуты, а он — неподвижный, как и я, — лежит сверху, время от времени сверяясь

с наручными часами, дабы убедиться, что мне конец.

Надеюсь, вы довольны. Не успел я начать, а вы уже знаете финал! А теперь давайте приступим. Перво-наперво — к тем событиям, которые в некотором смысле еще не случились.

Все начинается в поезде, бегущем по самой высокогорной в мире железной дороге из Китая в Тибет. Все начинается с мужчины в дешевом деловом костюме коричневого цвета, нетвердой походкой переходящего из вагона в вагон. В одной руке у него небольшой баллон с кислородом, в другой — автоматический пистолет. Под ногами — подрагивающая металлическая площадка. Гофрированный рукав между вагонами со свистом сжимается и разжимается, словно огромный двойник ребристой трубки, соединяющей кислородный баллон с прозрачной маской у мужчины на лице. Под маской блуждает нервная улыбка.

Поезд с грохотом вздрагивает, и от резкого толчка мужчину швыряет на ребра «гармошки». Похоже, вечная мерзлота в этих краях не такая уж вечная: поговаривают, что с грунтом здесь имеются проблемы.

Вагоны перестают крениться и теперь идут плавнее. Мужчина восстанавливает равновесие;

зажав кислородный баллон под мышкой, он свободной рукой поправляет галстук.

Пистолет К54, произведенный еще во времена Вьетнамской войны, с годами стал гладким, отполированным. Стрелять из такого ему прежде не доводилось, но, по слухам, оружие надежное. Глушитель, правда, незатейливый, похож на самодельный. Впрочем, сойдет.

Мужчина в коричневом костюме взводит курок, а свободную руку заносит над кодовой панелью, расположенной на двери в частный вагон. На экранчике лениво мигает красный огонек.

Поезд подъезжает к наиболее возвышенному отрезку маршрута — перевалу Танг-Ла; до Лхасы он доберется только к вечеру. Здесь, на высоте в пять с лишним километров, воздух холодный и разреженный. Пассажиры по большей части сидят на местах, не снимая кислородных масок. Снаружи вот уже около часа тянутся гребни и волны Тибетского нагорья. Эта симфония в желтовато-серых и бурых тонах, местами приправленная июньской зеленью, — предвестница кряжистых гор, чьи грозные парапеты уже виднеются вдалеке.

Начальник охраны поезда запросил за код доступа кругленькую сумму. Лишь бы не обманул.

Рука быстро набирает цифры.

Красный огонек перестает мигать и сменяется зеленым. Мужчина нервно сглатывает.

Стучат колеса; дверная ручка под пальцами кажется ледяной.

А еще все начинается с нашего приятеля Эдриана Каббиша — судя по голосу, внешности и манерам, молодого, а на деле повидавшего многое. Одним лондонским утром — ладно, уточню: в разгар лета 2007-го — он просыпается у себя дома в Мейфэре, как и множество раз до этого. Спальня занимает значительную часть мансарды. Редкий дождик постукивает по окнам, обращенным под углом в сорок пять градусов к сероватому небу.

Если бы Эдриану понадобилась эмблема, ею стало бы зеркало. Вот что он говорит себе по утрам, стоя в ванной комнате, перед тем как отправиться на работу (а иногда и в выходные, когда на работу идти не надо, — просто так, забавы ради):

— Рынок — это Бог, и нет иного Бога, кроме Рынка.

Здесь Эдриан делает паузу и улыбается своему заспанному отражению. На него смотрит молодой мужчина-европеоид, худощавый, но мускули-

стый. Загорелый, черноволосый, с серо-зелеными глазами и широким ртом, по обыкновению, растянутым в плутоватой усмешке. У Эдриана однажды была сексуальная партнерша гораздо старше его; она назвала его губы «чувственными», и он, немного подумав, решил, что это круто. Девушки помладше, скорее, назвали бы его рот симпатичным, если вообще сочли бы нужным заострять на нем внимание.

За ночь у Эдриана проклюнулась щетина. Временами он отращивает недельную бородку, а затем сбривает; ему идет по-всякому. Без ложной скромности, внешность у него модельная. Он выглядит ровно так, как мечтал бы выглядеть. Разве что роста немного добавил бы.

Эдриан прокашливается и сплевывает в одну из двух стеклянных раковин. Обнаженный, проводит пальцами по темным завиткам лобковых волос.

— Во имя Капитала, милостивого и мудрейшего, — произносит он и с довольной ухмылкой подмигивает своему отражению.

Кроме того, все начинается в малоэтажном офисном здании в Глендейле — пригороде Лос-Анджелеса. Жалюзи нарезают послеполуденный свет на узкие полосы, которые ложатся на ковро-

вую плитку, стулья, людей в костюмах и стол для переговоров; фоном глухо рокочет автострада. Майк Эстерос начинает свою презентацию:

— Господа и вы, милая дама… я представлю вашему вниманию не просто питч. Нет, не поймите неправильно, это, конечно, питч, но в то же время — важная часть фильма, который, я надеюсь, вы поможете мне снять.

Сейчас я расскажу вам, как найти космических пришельцев. Без шуток. Выслушав меня, вы убедитесь, что это возможно. Вероятно, у вас даже возникнет желание поймать инопланетянина. Так или иначе, в наших силах снять фильм, который захватит умы целого поколения, — не хуже «Близких контактов» или «Титаника». Спасибо, что согласились уделить мне несколько минут; обещаю — вы не пожалеете.

Скажите, кто-нибудь из вас наблюдал полное затмение? Это когда Солнца совсем не видно за Луной, а пробиваются лишь отдельные пучки и завитки света… Вы, сэр? Впечатляющая картина, не так ли?.. Точно, поразительная. А для кого-то даже судьбоносная. Некоторые начинают охоту за затмениями — срываются в любой уголок мира, чтобы раз за разом наблюдать этот уникальный и таинственный феномен.

Давайте поговорим о затмениях. Даже если мы сами их не видели, есть множество снимков в журналах, телерепортажей, роликов на «Ютьюбе». Мы уже почти равнодушны к таким вещам. Затмения заняли свое место в череде обычных природных явлений, как смена погоды или землетрясения, только совсем не разрушительные, ничем не угрожающие людям.

А сейчас вдумайтесь: какое невероятное совпадение, что наша Луна идеально, тютелька в тютельку перекрывает Солнце! Если спросите астрономов, они вам скажут, что Луна по отношению к Земле гораздо крупнее, чем любой другой спутник по отношению к своей планете. Возьмем, к примеру, Юпитер, Сатурн и так далее — их спутники в сравнении с ними ничтожно малы. А земная Луна огромна и находится к нам очень близко. Будь Луна меньше или дальше расположена, мы наблюдали бы лишь частичные затмения, а будь она крупнее или ближе, то скрыла бы Солнце совсем, и во время полного затмения мы не видели бы солнечную корону. Это потрясающее совпадение, невероятная удача! Насколько известно, подобные затмения уникальны. Возможно, такое явление имеет место только на Земле. Запомните этот факт — мы ско-

ро к нему вернемся.

Теперь предположим, что пришельцы существуют. Пусть не такие милые и одинокие, как в фильме «Инопланетянин», и не настолько свирепые, как в «Дне независимости». Просто обычные, усредненные жители других планет. Как считаете? Если задуматься, это вполне вероятно. Мы же с вами существуем, хотя Земля — всего лишь планетка, которая вращается вокруг среднего размера звезды в одной из множества галактик. В нашей галактике еще четверть миллиарда солнц, а во Вселенной — четверть миллиарда галактик, если не больше. Уже открыты сотни разных планет в других звездных системах, а ведь поиски только начаты! Ученые утверждают, что почти вокруг каждой звезды вращаются планеты. На скольких из них таится жизнь? Земле не один миллиард лет, однако Вселенная еще древнее. Кто знает, сколько цивилизаций существовало, когда Земли не было и в помине или когда человечество только зарождалось? А сколько их сейчас?

Итак, если развитые пришельцы не выдумка, они, вероятно, способны на межзвездные перелеты. Скорее всего, их источники энергии и технологии настолько для нас непостижимы, насколько сверхзвуковые самолеты, атомные

подлодки и космические шаттлы непостижимы для племен Амазонии, плавающих на долбленых каноэ. Раз уж инопланетяне достаточно пытливы, чтобы заниматься наукой и техникой, их интерес наверняка распространяется и на путешествия по Вселенной.

В наши дни самолеты в основном перевозят туристов. А уже потом — тех, кто летает по работе. Неужели умные, любознательные пришельцы в этом от нас отличаются? Не думаю. Большинство из них тоже, должно быть, туристы. Подобно нам, они любят круизы. Как по-вашему, захотят они побывать на планете вроде Земли, на которую еще не ступала нога — а может, щупальце? — пришельца? Или предпочтут путешествие в виртуальной реальности?

Что ж, кого-то устроит и второе. Возможно, таких большинство. Однако самые знатные кутилы и богачи, инопланетная элита — эти выберут настоящие впечатления. Ради чего? Похвастаться перед другими, что посетили все экзотические места межгалактического тура! Кто знает, какие красоты владеют их умами? Что для них Большой каньон, Венеция, Великая Китайская стена, Йосемитский парк, египетские пирамиды?

Вот что я думаю. Помимо других чудес, при-

шельцев должно привлечь драгоценное явление, которое, возможно, есть только на Земле. Они захотят посмотреть на наше затмение. Своими глазами взглянуть на космос сквозь земную атмосферу, полюбоваться, как ровно Луна перекрывает Солнце, увидеть, как мир погружается в сумерки, услышать, как замолкают звери и птицы, и собственной кожей ощутить внезапную прохладу. Даже если наша атмосфера для них губительна, даже если им понадобятся скафандры, они пожелают находиться в центре событий, в условиях, максимально близких к реальным. Они захотят побывать на Земле, среди нас, когда ляжет тень.

Тогда-то и надо искать инопланетян! Во время полного затмения! Пока все вокруг благоговейно смотрят в небо, советую вам хорошенько оглядеться. Ищите странных, неуместно одетых людей. А может, тех, кто безвылазно сидит в своих фургонах или на яхтах с тонированными стеклами.

Если пришельцы и существуют, они будут именно там, причем такие же отрешенные и уязвимые, как зачарованные видом земляне.

На этой идее и основан фильм, который я хочу снять. Увлекательный, забавный, печальный,

глубокий, а прежде всего — жизнеутверждающий. В нем есть две сильные главные роли: отца и сына, а еще шедевральная женская роль второго плана. Возможны и другие характерные роли, а также множество второстепенных.

Такова задумка. Теперь о сюжете…

Помимо этого, все начинается в совершенно другом месте… Например, как-то так:

В Асферже, городе платанов и бельведеров, сейчас разгар лета; утро стоит ясное, и Туманный купол, царственно парящий над Университетом практических навыков, сверкает в рассветных лучах, словно колоссальный золотой мозг. А ниже, на крыше философского факультета, зеленеет парк, где меж статуй и каналов в сопровождении свиты прогуливается леди Бисквитин…

А еще все начинается с неприметного мужчины, сутулого и худощавого, который входит в маленькую комнатку огромного здания. В руках у него всего-то лист бумаги да половинка фрукта, однако навстречу раздается крик. Мужчина бросает равнодушный взгляд на единственного человека в помещении и запирает за собой дверь. Вопли не смолкают.

И наконец, все начинается здесь и сейчас, за этим самым столиком на веранде ресторанчика

в парижском квартале Маре. Некий мужчина достает из маленькой, искусно украшенной коробочки крошечную белую таблетку и добавляет ее в свой эспрессо. Мужчина осматривается, пробегая взглядом по дороге с автомобилями и пешеходам — одни спешат, другие неторопливо прогуливаются, — подмечает вызывающе красивого официанта-алжирца, который флиртует с парочкой смущенных американских туристок, и ненадолго задерживает внимание на пожилой парижанке с изысканной укладкой и макияжем, поднявшей над столом свою крохотную собачку, чтобы та полакомилась остатками круассана. Затем мужчина опускает в чашку щербатый кусочек тростникового сахара и нарочито обстоятельно начинает помешивать кофе. Коробочка из золоченой бронзы тайком возвращается во внутренний карман пиджака.

Мужчина кладет под сахарницу банкноту в пять евро, убирает бумажник, а затем в два жадных глотка выпивает эспрессо. После этого откидывается на спинку стула, все еще сжимая изящную чашку в одной руке и безвольно свесив другую. Как будто чего-то ждет.

Стоит начало осени 2008 года нашей эры; полуденный воздух чистый и теплый, небо — белесое,

пастельное. С минуты на минуту все изменится.

1

Пациент 8262

На мой взгляд, я поступил весьма умно, сделав все возможное, чтобы в итоге попасть сюда. Впрочем, не я один склонен считать свои поступки разумными, не так ли? К тому же в прошлом эта уверенность в собственной дальновидности слишком уж часто предваряла горькое осознание, что дальновидности мне все-таки не хватило. Что ж, посмотрим…

У меня удобная койка, врачи и сиделки относятся ко мне неплохо — с профессиональным холодком, который конкретно в моем случае куда предпочтительнее чрезмерного внимания. Кормят приемлемо.

Здесь, в палате, у меня уйма времени для размышлений. Возможно, именно размышления даются мне лучше всего. Как и другим людям. Человечеству как виду. Это наш конек, наша сверхспособность; это возвышает нас над стадом. Во всяком случае, мы любим так думать.

Как же приятно, когда о тебе заботятся, ничего не требуя взамен! Какая невиданная роскошь

— спокойно предаваться мыслям, когда никто не мешает!

Я лежу совершенно один в маленькой квадратной комнатке с белеными стенами, высоким потолком и большими окнами. Койка у меня старенькая, со стальным каркасом, регулируемым вручную подголовником и складными боковыми поручнями, защищающими пациента от падения. Чистейшие простыни сияют белизной, подушки слегка комковатые, зато отлично взбиты. На полу — глянцевитый бледно-зеленый линолеум. Видавшая виды прикроватная тумбочка да простенький стул с черным металлическим каркасом и сиденьем из потертого красного пластика — вот и вся мебель. Над единственной дверью, ведущей в коридор, — окошко в форме веера.

За высокими, от пола до потолка, окнами виднеется декоративный балкончик с железной решеткой. Между прутьев можно разглядеть лишь полосу газона и рядок деревьев, а за ними — мелкую речку, которая блестит на солнце, когда свет падает под нужным углом. Сейчас листопад, поэтому реку видно лучше. Я различаю лес на дальнем берегу.

Моя палата на втором — верхнем — этаже

клиники. Однажды я видел, как по реке проплывает лодка с двумя-тремя пассажирами; порой за окном порхают птицы. Как-то раз высоко в небе пролетел самолет, оставив длинный белый след, похожий на кильватер. На моих глазах он медленно расползался, кучерявился и краснел от закатных лучей.

Думаю, в клинике мне ничто не угрожает. Здесь меня искать не догадаются. Во всяком случае, я на это надеюсь. Я рассматривал и другие убежища: юрту, затерянную в бескрайней степи, где с тобой лишь большая семья да ветер; многолюдные и смрадные фавелы на крутом холме, пропахшие всеми сортами пота, звенящие от ругани, плача младенцев и нестройной музыки; палатку среди величественных развалин монастыря на Кикладах [2], где я прослыл бы эксцентричным отшельником; туннели Манхэттена — приют скитальцев с тяжелой судьбой…

Есть много, очень много мест — и потаенных, и у всех на виду, — где меня никогда не стали бы искать, однако преследователи хорошо меня изучили, а значит, могут догадаться, куда я направлюсь, даже раньше, чем я сам. К тому же

[2] Примечания: 2

Киклады, Кикладские острова — архипелаг в южной части Эгейского моря, входит в состав Греции.

вписаться в окружение, вжиться в роль довольно непросто. Этническая принадлежность, физиогномика, цвет кожи, язык, навыки — нельзя упустить ни единой детали.

Мы, люди, привыкли друг друга классифицировать. Этих — сюда, тех — туда; даже в огромных городах, по праву именуемых «плавильными котлами», мы сбиваемся в группы по анклавам и кварталам, где живем в комфорте среди тех, чьи традиции и культура нам близки. Порой наша чувственная природа, генетически заложенная тяга к странствиям и экспериментам, жажда экзотики или хотя бы простого разнообразия приводят к неожиданным связям и смешанному потомству, но в конечном итоге стремление все ранжировать и вешать ярлыки неизменно возвращает нас к базовым настройкам. Поэтому спрятаться так сложно. Я, светлокожий мужчина европеоидной расы — по крайней мере, на вид, — не стану скрываться там, где буду бросаться в глаза.

Дальнобойщик. Вот прекрасная маскировка. Колесишь себе на фуре по Среднему Западу США, по канадским, аргентинским или бразильским равнинам, ведешь автопоезд с прицепами по пустыням Австралии… Прячешься в постоянном

движении, почти не контактируя с людьми. Еще вариант — стать матросом или коком на контейнеровозе, что бороздит морские просторы с небольшим экипажем на борту, ежедневно курсируя между огромными, автоматизированными, почти безлюдными терминалами вдали от городских центров. Разве отыщешь человека, чья жизнь настолько далека от оседлой?

Тем не менее я здесь. Выбор сделан; иного у меня теперь нет. Нужно смириться. Я заранее наметил маршрут, придумал способ, нашел средства и людей, которые помогли мне стать невидимым и безвестным. Прикинул, как поступят мои преследователи и как их перехитрить, и, наконец, когда план был продуман до мелочей, — воплотил его в жизнь.

И вот я здесь, лежу и размышляю.

Транзитор

Другие рассказывали, что с ними это случается в один миг, в промежуток между ударами сердца или даже во время самого удара. Всегда есть внешний признак: легкая дрожь или озноб, ощутимая судорога, порой — встряска, словно от электрического разряда. Как поведал один мой знакомый, сперва ему кажется, что краем глаза он видит нечто неожиданное или опасное, затем

резко поворачивает голову и чувствует болезненный укол в шее, как будто по ней пробегает ток. В моем случае все происходит чуточку несуразнее: я чихаю.

Вот и сейчас чихнул.

Могу только догадываться, как долго я просидел на веранде того маленького кафе в третьем округе Парижа, дожидаясь, когда подействует препарат, и погрузившись в сон наяву — необходимый этап перед тем, как отправиться в желаемое место. Несколько секунд? Пять минут? Надеюсь, я оплатил счет. Вообще-то это не моя забота — я не он, да и он все равно никуда не денется, — однако я беспокоюсь.

Придвинувшись к столику, я внимательно его рассматриваю. На небольшом пластмассовом подносе — чек и горка монет. Сдача. Франки, сантимы. Не евро. Что ж, пока все в порядке.

Я чувствую острое желание передвинуть предметы на столике. Сахарница должна стоять строго по центру, а чашка из-под эспрессо — на линии между сахарницей и мной, ровно посередине. Лоток со сдачей справа от сахарницы я не трогаю: он прекрасно уравновешивает подставку со специями слева. Только сейчас, составляя из предметов эту приятную композицию,

я обращаю внимание, что запястье и тыльная сторона ладони, торчащие из рукава моего пиджака, — темно-коричневые. А еще подмечаю, что соорудил на столике некое подобие креста. Я озираюсь по сторонам, разглядывая модели машин и трамваев, одежду пешеходов. Как я и думал, я в иудейско-исламской реальности — надеюсь, в той, что нужно. Я мигом перестраиваю предметы на столе в символ, который там, откуда я прибыл, назвали бы «пацификом». С облегчением вздохнув, откидываюсь на спинку стула. Вряд ли меня примут за христианского террориста, но осторожность не повредит.

А вдруг я все-таки похож на террориста? Я роюсь в нагрудной сумке — подобно большинству людей вокруг, одет я в шальвар-камиз [3] без единого кармана — и достаю предмет, который еще несколько секунд/минут назад был моим айподом. Теперь это портсигар из нержавеющей стали. Притворяясь, будто раздумываю, не закурить ли сигаретку, я изучаю свое отражение в полированной крышке.

Вновь облегчение: на христианского террориста я не похож. Выгляжу так, как обычно выгляжу

---

[3] Примечания: 3

Шальвар-камиз — традиционный костюм родом из Южной Азии. Состоит из брюк (шальваров, или шаровар) и длинной рубахи.

с таким цветом кожи, а по большому счету — всегда, независимо от расы и типажа. Иными словами, благовидно и неприметно. Не урод, но и не красавец, что вполне приемлемо. Я смотрюсь заурядно. Заурядность мне только в плюс: она дарует безопасность, растворяет в толпе. Идеальная маскировка.

Так, надо свериться с часами. Нельзя об этом забывать. Я сверяюсь. Все в порядке.

Я не закуриваю. Не хочется. Очевидно, я не перенес эту привычку в новое воплощение. Я возвращаю портсигар в перекинутую через плечо сумку, заодно убедившись, что в отдельном, застегнутом на молнию внутреннем кармашке лежит коробочка-таблетница из золоченой бронзы. И вновь прилив радости! (Коробочка перемещается всегда, но каждый раз я беспокоюсь. Чего уж там, я постоянно на нервах. Во всяком случае, мне так кажется.)

Судя по удостоверению личности, меня зовут Аймен К'эндс. Что ж, имя вполне подходящее. Аймен — хай, мэн! Привет, рад познакомиться.

Теперь проверим языки. Французский, арабский, английский, хинди, португальский и латынь. По верхам — немецкий и современный монгольский. А вот китайского не знаю вовсе.

Необычно.

Я опять откидываюсь на стуле, а ноги в объемистых шароварах располагаю ровно напротив перекрестья ножек, поддерживающих стол. Несмотря на равнодушие к сигаретам, я замечаю у себя — не в первый раз, между прочим, — признаки слабого обсессивно-компульсивного расстройства, которое, пожалуй, раздражает и отвлекает ничуть не меньше тяги к курению, пусть и не столь губительно для здоровья (впрочем, какое мне дело до чьего-то там здоровья?).

Надеюсь, степень ОКР у меня легкая. Хотя с чего я это взял? Возможно, отнюдь не легкая. (Ладони кажутся липкими, как будто их следует помыть.) Вероятно, у меня тяжелое ОКР. (В этом кафе еще многое можно почистить, передвинуть, выровнять.) Есть о чем беспокоиться. Похоже, я в принципе человек беспокойный. И это еще один повод для беспокойства.

Ну ладно, не целый же день тут сидеть! Я здесь не просто так: меня вызвали. И не кто-нибудь, а Сама. Головокружение, сопровождавшее транзицию, прошло; причин медлить нет. Нужно встать и идти, что я и делаю.

Эдриан

Обычно я всем говорю, что вырос на улицах

Ист-Энда [4]. Помогал отцу торговать угрями. А мать работала в баре официанткой. Но все это враки, чушь собачья. Я просто говорю то, чего от меня ждут. Жизнь научила, знаете ли: людям нравятся байки. Говори то, что от тебя хотят услышать, — и добьешься многого. Конечно, нужно знать меру и разбираться в окружающих, однако… ну вы поняли.

Ясное дело: увидеть, чего от тебя ждут, и потом это озвучить может любой кретин. Вся смекалка, весь бонус — в том, чтобы угадать, что людям нужно, еще до того, как они сами поймут. Это реально ценится, а значит, окупается. Такая вот сфера услуг. А говорок у меня, между прочим, выходит шикарный. Крайне убедительный. Вы бы только слышали! Я про ист-эндский говорок, если что. И россказни про уличную торговлю. Я охрененно кошу под «своего в доску», так и знайте. Едем дальше.

По правде говоря, я вырос на севере. В одном из угрюмых городков, где всё в саже, да и вообще мрак полный. Какой именно городок — не важно. Думаю, вы согласитесь, что все они под одну

---

[4] Примечания: 4

Ист-Энд — район в восточной части Лондона, исторически считающийся местом обитания иммигрантов и низшего класса. В этом смысле часто противопоставляется более фешенебельному Вест-Энду.

гребенку, так что какая разница, назову я вам его или нет? Слишком многого хотите! Делайте, как я: включайте фантазию.

В общем, мой отец был шахтером, прежде чем они стали исчезающим видом — спасибо Святой Маргарет (ну и, может быть, королю Артуру [5]; зависит от ваших взглядов). Мама работала в парикмахерской.

Я всерьез считаю Тэтчер святой, хотя в родном городишке называть ее так я бы поостерегся (еще один повод пореже туда ездить). Блин, ну кто в здравом уме захочет всю жизнь горбатиться под землей? Да никто! Старушка Тэтч всем сделала громадное одолжение. Даешь памятник Тэтчер на месте каждой шахты!

Ладно, проехали. Даже когда я был мелким, та история уже быльем поросла. Но только для меня. Другие трещали об этом постоянно, как будто всё случилось вчера.

Мы занимали половину двухквартирного дома, так что рядом, как вы догадываетесь, жила

---

[5] Примечания: 5

Имеется в виду Артур Скаргилл — британский профсоюзный активист. Был президентом Национального союза шахтеров, в том числе и во время масштабных забастовок 1984–1985 гг., которые переросли в конфронтацию с консервативным правительством Маргарет Тэтчер. В итоге правительство одержало верх, многие шахты были закрыты, а тысячи шахтеров — уволены.

другая семья. Правда, нам не дозволялось даже заикаться о ее существовании, ведь сосед — в прошлом один из ближайших отцовских приятелей — вступил в Демократический союз британских горняков (или как-то так) и был штрейкбрехером, что, по мнению моего старика, хуже убийства и растления малолетних. Лишь однажды отец чуть меня не ударил — когда застукал за разговором с соседскими близнецами.

В общем, не хотел я всю жизнь там торчать. Едва окончив школу, я рванул по автостраде в поисках большого и разгульного города: чем больше и разгульнее, тем лучше. Где-то на месяц задержался в Манчестере. Было любопытно, но я не остался и двинул южнее. По трассе M6 — прямиком в Лондон. Столичный шик, все дела. Только Лондон мне и подходил. Во всяком случае, по эту сторону Атлантики. Думаю, и Нью-Йорк сгодился бы, хотя благодаря таким ребятам, как я, Лондон стал куда круче Нью-Йорка.

Нет, я вроде как понимаю людей, которые выросли в большом городе и отказываются его покидать. Но зачем прозябать в деревне? Можно оставаться на месте из-за теплых чувств — потому что приятели рядом и так далее, — но только если ваш город по-настоящему крут и жизнь в

нем бурлит. Иначе, согласитесь, как-то по-лузерски. Сидя дома, вместо того чтобы отправиться куда-нибудь, где ярко, интересно и куча возможностей, вы отдаете своему городку больше, чем получаете взамен. Чистый убыток, смекаете? Нет, если вам нравится «вносить ценный вклад в местное сообщество» или вроде того, — валяйте, хренов флаг вам в руки. Только не надо отрицать, что вас используют. Многие заливают про любовь к родине и преданность корням, но это же бред, ей-богу! Еще один способ заставить людей делать то, что им невыгодно. Преданность — для лохов.

Короче, перебрался я в солнечный Лондон. Именно солнечный — по сравнению с Манчестером и моим родным городком. В первый же день я купил себе темные очки. Да-да, купил, на кровно заработанные. Короче, в Лондоне было тепло и как-то по-курортному, что ли. Плюс полно девчонок и возможностей.

Я снял квартиру с приятелем из родного города, устроился барменом в Сохо, нашел себе подружку или даже двух. Я потихоньку обзаводился связями и учился быть полезным для определенных людей, которые ценят, когда у тебя хорошо подвешен язык, да и вообще все схвачено.

Как говорится, хочешь жить — умей вертеться.

И выкручиваться тоже. А еще лучше — когда выкручиваться тебе помогают другие.

Позже я начал подгонять денежным мешкам мешочки иного толка. В Сохо полно артистичных натур, а люди творческие не прочь припудрить носик — если понимаете, о чем я. Креативщикам без этого никак. Во всяком случае, в те годы. В число креативщиков я в первую очередь включаю финансовых гениев со всеми их ультранавороченными Стратегиями и Проектами. У них есть средства, чтобы подсесть по-крупному.

Так что в каком-то смысле я пробивался наверх. Ну и вроде как двигался вперед. Вперед — это на восток, куда стекаются бабки. В восточные кварталы Сохо, а еще точнее — в Сити и Кэнари-Уорф, где гнездится много птах высокого полета. Как говорится, «следуй за деньгами» [6]. Вот я и последовал.

У меня с самого начала был план, как компенсировать отсутствие так называемого «высшего образования» и громкой фамилии (избежав при этом безвременного появления цифр после этой

---

[6] Примечания: 6

Цитата из кинофильма «Вся президентская рать» (1976), основанного на документальной книге журналистов Боба Вудворда и Карла Бернстейна, которые в 1973 г. проводили журналистское расследование Уотергейтского скандала.

самой фамилии). Что обычно делают люди, занюхнув дорожку-другую? Правильно, начинают трепаться. Трещат без умолку. Самые напыщенные хвастаются, а такими были почти все, кому я толкал дурь.

Если постоянно напрягаешь мозг, делаешь деньги, просчитываешь риски, вкладываешь средства и так далее — ни о чем другом говорить не будешь, согласны? Еще бы! Этих парней распирает от тестостерона и собственной гениальности, так что, ясное дело, они болтают о своих планах, успешных сделках, заработанных деньгах, будущих аферах и прочих нюансах профессии.

А значит, человек, оказавшийся рядом, когда у них развязался язык (особенно тот, в ком они не видят ровню или конкурента и поэтому считают вполне безобидным; свой парень и к тому же безотказный поставщик их любимых расслабляющих веществ), может услышать много любопытного, смекаете? И если он еще притворится чуть более тупым и недалеким, чем по факту, а сам тем временем будет все подмечать и мотать на ус, то узнает много важного. Причем не просто важного, а прибыльного — при условии, конечно, что имеет подход к нужным

людям и в нужное время подсовывает им нужные сведения.

Если вкратце — я просто был полезным. Говорю же, что работаю в сфере услуг. А когда уже знаешь несколько секретов, удивительным образом получаешь доступ и к другим. Люди охотно продают чужие тайны, не понимая, что при этом подставляют и себя, особенно если считают тебя союзником, недооценивают или все сразу. Потихоньку я оказался в положении, когда уже мог попросить небольшую услугу в обмен на услугу. Как выразились бы мои новые друзья, я применял финансовый рычаг, чтобы добыть полезный опыт, рекомендации, своего рода протекцию и некий рабочий капитал.

Еще какое-то время спустя я перешел из дилеров в трейдеры. Променял порошок на акции, а тому, что вдыхают из свернутой банкноты, предпочел банкноты как таковые. Чертовски мудрое решение, скажу я вам.

Нет, не подумайте. Наркотики — прекрасный бизнес, кто ж спорит. Прибыльный как в трудные времена, так и в безоблачные. Не зря же люди спускают столько бабок на дурь, не боясь даже тюрьмы?

Тем не менее, если пораскинуть мозгами, ди-

лерство — работенка довольно отстойная. Все время осторожничаешь; часть прибыли уходит на то, чтобы умасливать ребят в форме. Доход, конечно, все равно огромный, но из-за этого бизнес притягивает крупных, опасных игроков. А если ты мертвый — на кой черт тебе деньги?

Раз уж ввязался в это дело — успей выйти, пока еще целы яйца и не перерезано горло, и двигай дальше своей дорогой. Так сделает любой, у кого есть хоть капля мозгов. Используй это как трамплин и займись чем-то столь же прибыльным, но менее опасным. Так делают умные люди. Так поступил и я.

Поразительно, как многого можно достичь, если найти свое место и стать полезным для других.

Мадам д'Ортолан

Мадам д'Ортолан сидела в оранжерее сама не своя. Ее обвинили в расизме! Да еще и человек, которого она не смогла сию же секунду наказать за дерзость. Подумать только — расистка! Здесь, у себя в особняке, она не так уж редко принимала темнокожих и евреев, хотя, само собой, внимательно следила, куда они садятся и к чему прикасаются, чтобы впоследствии всё было тщательно вымыто и продезинфицировано. Бе-

реженого бог бережет.

Но, разумеется, никакого расизма. Напротив, разве не она — в надлежащем кругу (сиречь строго ограниченном и крайне неболтливом) — рассказывала о своих так называемых «темных утехах» с участием чернокожих? Лучшим образчиком таких забав для нее был анальный секс с каким-нибудь неистовым нубийцем. Про себя она называла это «спуститься на Севр-Бабилон» — самую глубокую, мрачную и самую волнующе опасную из известных ей станций метро.

Расистка!.. Вы посмотрите, какая наглость!

Разговор прошел примерно так:

– *Oui?* [7]

— Теодора! Я рада, что удалось поймать тебя дома.

— Ах, это ты, миссис М.! Надеюсь, тебя мы тоже когда-нибудь поймаем.

Миссис Малверхилл предпочла сразу перейти на английский — верный знак, что разговор деловой, а не просто болтовня. Уже довольно давно они не созванивались ради светской беседы.

— Могу я полюбопытствовать, где ты?

— Разумеется, можешь, — любезно произнесла

---

[7] Примечания: 7
Да? *(фр.)*

миссис Малверхилл, — однако не жди содержательного ответа.

Мадам д'Ортолан почувствовала себя уязвленной.

— Хватило бы простого «нет».

— Да, но я предпочитаю выражаться точнее. Как поживаешь?

— Прекрасно, если тебя это действительно волнует. А ты?

— Терпимо. И меня это правда по-своему волнует. Позволь рассказать, зачем тебе звоню.

— Хорошо. Сколько лет, сколько зим… Интересно, что случилось.

— Ходят слухи, будто ты планируешь раскол Совета.

— Это выше моих скромных сил, дорогая. Хотя, боюсь, раскол уже произошел.

— Если это так…

— Уж поверь.

— Если так, то во многом по твоей вине.

— Как я уже сказала, ты мне льстишь и сильно переоцениваешь мои возможности.

— Люди говорят другое.

— Члены Совета? И кто же?

Миссис Малверхилл промолчала. Во время паузы мадам д'Ортолан, которая вынесла домашний

телефон в оранжерею — благо длина провода позволяла, — принялась накручивать шнур на средний палец.

Наконец из трубки послышался вздох.

— Какова же твоя позиция по этому вопросу?

— Позиция? — невинно переспросила мадам д'Ортолан.

— Что ты намерена делать? — голос миссис Малверхилл посуровел.

— Полагаю, проблема требует решения.

Повисла тишина, а затем:

— Надеюсь, что-то еще можно изменить? Не стоит рубить сплеча.

— Ты правда так считаешь?

— Да.

— Тогда очень жаль, что нам не посчастливилось узнать твое мнение раньше — до того, как решение было принято.

— Теодора, — жестко сказала миссис Малверхилл, — не притворяйся, будто хоть раз прислушивалась к моим словам.

— Зачем же ты тогда звонишь, дорогая? Полагаю, ты на это отважилась лишь из надежды изменить принятое нами решение? Разве я не права?

Последовала пауза чуть короче, а затем:

— Я намеревалась воззвать к твоему прагматизму.

— А почему не к морали? Благонравию? Честности?

Миссис Малверхилл сухо рассмеялась.

— Может, хватит юлить, Теодора? Давай выложим карты на стол.

— Карты? Ах да! Мне нравится считать себя пиковой дамой.

— Еще бы. Судя по слухам, черная масть тебе по вкусу.

— А ты что за карта, как думаешь? Джокер?

— Мне все равно.

— Как насчет… двойки треф?

— Довольно ерничать, Теодора. Я прошу тебя пересмотреть решение.

— Ладно, пусть будет тройка.

Воцарилась тишина, которую мадам д'Ортолан охарактеризовала бы как «напряженную».

— Я совершенно серьезна, Теодора. — Такое впечатление, будто миссис Малверхилл процедила эту фразу сквозь стиснутые зубы.

— Говорят, борьба с невзгодами закаляет характер.

— Теодора! — Миссис Малверхилл повысила голос, однако сразу взяла себя в руки: — Теодора.

Прошу тебя, не делай этого.

— Не делать чего?

— Не воплощай свой беспощадный раскольнический план, каким бы он ни был. Ты совершишь ошибку.

— Ради всего святого! — Мадам д'Ортолан начала терять терпение; она подалась вперед в плетеном кресле, отбросив телефонный шнур в сторону. — *Alors* [8], дорогая моя, бесценная! Какая тебе разница, что будет с людьми, от которых ты и так уже отвернулась? С которыми борешься, выступая против Совета? Сдались они тебе? Кучка льстивых зубоскалов-полукровок да черная лесбиянка! — Тут ее осенило, и она расплылась в улыбке. — Разве что она тебя ублажает, наша сумеречная подружка, столь неприметная во тьме… С такой ночь проведешь — и не заметишь, да? Пока не улыбнется, конечно. Теперь все понятно про твои тайные вкусы… Ну что, я права?

Еще одна выразительная пауза, и вдруг:

— Ах ты старая расистка!

И сразу бросила трубку! Взяла и отключилась! Наглая дамочка, ничего не скажешь!

Мадам д'Ортолан сомневалась, что вышла из

---

[8] Примечания: 8
Ну ладно *(фр.)*.

схватки победительницей. Почти всю беседу она чувствовала себя на коне, пока эта Малверхилл не бросила трубку. Такое не скоро забудешь. Вот змея! Еще и расисткой обозвала!.. Мадам д'Ортолан уже не в первый раз задумалась, что́ в этом отношении скрывала сама миссис Малверхилл, которая постоянно носила вуаль. Да, смахивало на дешевую театральщину, но, возможно, леди не хотела, чтобы случайный невыгодный ракурс заставил кого-нибудь усомниться в чистоте ее расы — ее человечности, если на то пошло. Все может быть…

Нет, ну как она посмела назвать ее расисткой? Намеренно, с желанием оскорбить! А что еще хуже — «старой»!

Сегодня мадам д'Ортолан предстояло встретиться с одиозным и, похоже, неубиваемым индивидом по фамилии О, или как там его сейчас звали. (Хорошо хотя бы, что встреча назначена выездная, и ей не придется терпеть его присутствие дома; этот О был ужасным неряхой.) Весьма своевременный шаг, раз уж до Малверхилл доползли слухи. Мадам д'Ортолан ухмыльнулась. «Раскол» Совета? Интересно, это большее или меньшее, что ей удалось выведать?

— Я тебе покажу раскол! — прошипела Мадам,

ни к кому конкретно не обращаясь.

Она прогнала с коленей белого кота по кличке Месье Пампельмус и, привстав, разгладила кремовую юбку. Мадам д'Ортолан отдавала предпочтение той или иной кошке в зависимости от того, во что была одета. Облачись она в темно-серое или черное, места на хозяйских коленях удостоилась бы мадам Френой. А может, и нет. Недавно у кошки, которой стукнуло восемь лет, стали появляться белые шерстинки, на черной шкурке смотревшиеся особенно вопиюще. В зависимости от поведения, в ближайшие две недели мадам Френой грозили либо регулярные визиты в «Кошачий дом», где ей выдернут или перекрасят все белые волоски, либо усыпление.

Мадам д'Ортолан нравилось считать себя элегантной женщиной средних лет, хотя стороннего наблюдателя это натолкнуло бы на мысль, что прожить она собирается эдак до ста двадцати. Конечно, для таких, как она, подобные ожидания вполне оправданны, хотя истинное положение дел намного сложнее.

Мадам д'Ортолан воспользовалась интеркомом.

— Мистер Клейст, можно вас?

Через минуту или около того он явился соб-

ственной персоной: бледный, чуть сгорбленный джентльмен довольно неприглядного вида, несмотря на неплохо подогнанный, пусть и без изысков, серый костюм-тройку. На первый взгляд Клейст казался ровесником своей госпожи, однако тот же сторонний наблюдатель, желая прикинуть возраст леди и посмотрев на мужчину еще раз, сделал бы вывод, что помощник как минимум лет на десять ее моложе, просто выглядит потрепанно.

— Мадам. — Мистер Клейст приблизился, часто моргая в пронизанной солнцем оранжерее.

— Миссис Малверхилл, — сразу перешла она к делу, — скоро начнет узнавать о моих планах еще раньше, чем я сама!

Мистер Клейст вздохнул.

— Мы продолжаем ее разыскивать, мэм. Как и ее осведомителей.

— Не сомневаюсь. В любом случае, нам пора действовать.

Мадам д'Ортолан взглянула на помощника, который старался хотя бы немного приоткрыть слезящиеся от яркого света глаза. Сумрак ему роднее, подумала она.

— Сегодня я увижусь с мистером О, — предупредила мадам д'Ортолан. — В последний раз. Таково

мое решение. Поэтому нам нужно загрузить его работой под завязку. Понимаете, к чему я веду?

— Конечно, мэм.

— Как только он сойдет с дистанции, мы, разумеется, устроим, чтобы его дело продолжили другие.

— Я доработаю распоряжения.

— У вас десять минут, потом мне надо выезжать.

— Все будет готово, мэм.

— Спасибо, мистер Клейст, — улыбнулась она. — Можете идти.

Когда помощник удалился, мадам д'Ортолан еще какое-то время сидела на месте, глядя в пространство и безотчетно постукивая длинными розовыми ногтями друг о дружку. Внезапно Месье Пампельмус снова вспрыгнул ей на колени. Шикнув на кота, она сбросила его на пол.

Мадам д'Ортолан велела подавать машину, привела себя в порядок в будуаре на первом этаже, затем забрала у расторопного мистера Клейста инструкции для одиозного мистера О и вышла в вестибюль, где позволила одному из лакеев-египтян — второму по красоте — накинуть ей на плечи жакет. После чего села в автомобиль и сказала Кристофу ехать в кафе «Атлантик».

Машина вильнула по усыпанной гравием дорожке, дугой огибавшей величественный особняк, и умчалась в направлении бульвара Осман, а черные кованые ворота тихо закрылись позади.

2

Пациент 8262

Удивительно, сколько всего можно заметить, даже лежа с закрытыми глазами. К примеру, я знаю, какое сейчас время года, ясно или пасмурно, какие дежурят медсестры и санитары, кто из других пациентов заходил ко мне в палату, какой сегодня день недели, а еще — умер ли кто-нибудь из больных.

Это отнюдь не сложно, ничего сверхъестественного. Достаточно держать ухо востро и оттачивать восприятие ежедневной рутины. Цепкая память тоже помогает, как и разумная доля фантазии. Воображение необходимо не ради пустых домыслов — они только вредят, — а дабы находить правдоподобные объяснения тому, что подмечают органы чувств, и выстраивать гипотезы, проливающие свет на события.

Порой я лежу с закрытыми глазами дни напролет. Я притворяюсь спящим — и действительно сплю дольше, чем обычно, — заодно позволяя прочим чувствам, помимо зрения, дорисовывать окружающую картинку. Я слышу, как шумит

ветер и барабанит в стекло дождь, как щебечут птицы; по малейшему сквозняку и отчетливости звуков со двора понимаю, что окно открыто, даже если пропустил скрип, с которым оно распахивалось. Я улавливаю ароматы, долетающие снаружи, а по ветерку сразу определяю, лето сейчас или необычно теплая интерлюдия посреди весны или осени. У каждой медсестры и каждого врача, которые ко мне заходят, свой характерный запах пота или парфюма, поэтому я знаю, кто находится в палате, даже не слыша голосов, хотя и голоса, конечно, различаю.

Время от времени ко мне забредают другие пациенты, которых я распознаю по больничному душку. Я недостаточно плотно с ними общаюсь, чтобы изучить каждого и составить надежный реестр, но некоторые все-таки выделяются среди прочих особенным запахом или поведением: от одного мужчины всегда разит одеколоном, одна пожилая леди благоухает фиалками, а другая постоянно гладит меня по голове. (Когда происходит подобное, я подглядываю сквозь неплотно прикрытые веки.) Один низенький сухопарый человечек, почти не замолкая, насвистывает, а другой, более упитанный мужчина, всякий раз отрешенно барабанит пальцами по металличе-

скому изножью моей койки.

Ритмы больничного дня, недели, месяца или года, довольно очевидные независимо от возможности смотреть, ночью никуда не деваются, хоть и становятся в разы тише. Днем нам регулярно приносят еду и лекарства (тележек с лекарствами здесь две — у одной скрипит колесико), врачи совершают обходы согласно расписанию, а уборщики соблюдают абсолютно предсказуемый график дежурств, затрагивающий все временные шкалы, — от ежедневного вытирания пыли до весенней генеральной уборки раз в год.

В общем, даже лежа на месте и намеренно отказавшись от самого информативного из чувств, я практически ничего не упускаю.

Нет, не подумайте — зрение у меня отличное. Я просто забавляюсь, пережидая добровольное изгнание. Убиваю время, прежде чем вернуться в строй.

И уж поверьте, я обязательно вернусь.

Транзитор

Однажды я наблюдал, как она проводит ладонью над зажженной свечой, поглаживая желтое пламя: веер пальцев порхал в жарком воздухе, раскаленная сердцевина трепетала, но плоть оставалась нетронутой. Огонек отклонялся то

влево, то вправо, подрагивал, выпуская к сумрачному потолку колечки сажистого дыма, а она продолжала медленно водить рукой над эфемерной слезинкой пламени.

— И все-таки для меня разум — это прежде всего концентрация, — произнесла она. — Представь себе увеличительное стекло, которое фокусирует лучи света в одной точке, пока не загорается огонь — пламя разума. Самосознание рождается путем сгущения реальности. — Она подняла на меня взгляд. — Понимаешь?

Я кивнул, хотя сомневался, что понял. Наркотики все еще действовали, и я отдавал себе отчет, что любая околесица, произнесенная в таких обстоятельствах, может показаться на редкость глубокомысленной. Я знал это и в то же время чувствовал: сейчас всё иначе.

— Нет разума в отрыве от контекста, — продолжила она, глядя на свою руку, проходящую над пламенем туда и обратно. — Как увеличительное стекло отбрасывает тень на область рядом с объектом фокусировки — расплачивается за концентрацию на чем-то конкретном, — так и мы забираем смысл из окружающего мира, чтобы сосредоточить его в нас самих, нашем разуме.

Однажды летом, еще подростком, я пешком

отправился с друзьями в город. Деньги на автобус мы приберегли, чтобы добавить к карманным и потратить на игровые автоматы, бургеры и сладости. На окраине нам попалась тихая улочка с небольшими двориками перед каждым домом. Мы подошли к одному из участков, почти полностью вымощенному плиткой, с парочкой чахлых растений в разномастных горшках. Хозяин — толстый седовласый мужчина — храпел на шезлонге.

Мы с друзьями остановились поглядеть, изнывая от жары. Двое ребят стянули с себя футболки и теперь сверкали голым торсом, как и спящий дедок. У него на груди курчавились седые волосы. Кто-то шепнул, что старик напоминает выбросившегося на берег кита. Дворик был крошечным; чтобы уместить шезлонг, хозяину пришлось развернуть его по диагонали. Дедок лежал так близко, что мы улавливали запах кокосового масла на его коже, почти могли прикоснуться.

Мы стояли и глазели, как он спит, и тут кто-то сказал: «Вот бы сейчас водяной пистолет!»

Солнце обжигало нам спины. Я был самым высоким, и тень от моей головы падала на ступни старика. Я вспомнил, что ношу в кармане лупу. С ее помощью я частенько прожигал дырочки в

листьях на образцовой клумбе моей мачехи.

— Глядите! — прошептал я, доставая лупу.

Я развернул ее так, чтобы солнечные лучи сфокусировались на груди у старика, затем слегка подвинул, и пятнышко света, пробежав по зарослям блестящих седых волосков, остановилось на сморщенном соске. Кто-то из ребят прыснул. Меня тоже разобрал хохот, отчего кругляшок света дрогнул, но я продолжал держать лупу, пока дедок не дернулся. По-моему, я даже увидел струйку дыма. Затем бедолага вскрикнул, распахнул глаза и рывком сел, изумленно схватившись за грудь. Мои приятели уже бежали прочь, захлебываясь смехом. Я припустил за ними. Вдогонку неслись проклятия старика. Еще несколько недель мы обходили ту улочку стороной.

Ей я про этот случай не рассказывал. Ни тогда, ни когда-либо еще.

— Полагаю… — пробормотал я, — мы сами даруем… или даже излучаем смысл. Наделяем сутью окружающие вещи. Включаем их в контекст. Конечно, они существуют и без нас…

— Уверен? — промурлыкала она.

— …но мы даем им названия, видим закономерности и процессы, которые их объединяют. Вписываем их в среду. Мы делаем вещи реальнее,

когда понимаем, что они выражают и значат.

— Гм-м… — Она чуть заметно пожала плечами, не отрывая взгляда от своей ладони, скользящей над пламенем. — Может, и так. — Похоже, она постепенно теряла интерес к разговору. — Но всему нужен некий толчок, катализатор. Всегда.

Медленно склонив голову набок, она так увлеченно засмотрелась на свои пальцы, что я осмелился ею полюбоваться.

Она сидела напротив, замотанная в мятую белую простыню. Ее волосы — водопад рыжевато-каштановых кудрей — деликатным нимбом обрамляли лицо с заостренным подбородком и ниспадали на плечи, приоткрывая стройную шею. В ее карих глазах, издали почти черных, плясали отблески пламени, словно иллюстрируя ее идею о природе разума. Взгляд будто остекленел. В зрачках то отражался крохотный сполох, то пропадал, скрытый пальцами. Она неспешно, едва ли не томно, моргнула.

Мне вспомнилось, что наше зрение не статично; мы можем пристально что-то рассмотреть лишь потому, что наши глаза ежесекундно совершают множество крошечных безотчетных движений. Если привести глаза в полную, абсолютную неподвижность, предмет в поле зрения

исчезнет.

— Я люблю вас, — услышал я собственный шепот.

— Что?!

Она вскинула взгляд. Ее пальцы застыли над пламенем.

— Ай! — вскрикнув, она отдернула руку.

Мадам д'Ортолан

В огромном, звенящем от эха главном зале кафе «Атлантик», где потолок теряется за пеленой застоялого дыма, колышимого исполинскими вентиляторами, рок-группа «Джупла» играет перед довольно равнодушной публикой, толпящейся между столиков, богато накрытых для всех, кто не прочь выпить, закусить и поиграть в азартные игры. Два круглых витражных окна, расположенные высоко во фронтонах, и шарообразные желтые лампы размером с батисферу [9] едва разгоняют мрак над кутерьмой внизу, где по проходам снуют потные человечки-сэндвичи с рекламными щитами.

Певица — миловидная евразиечка — выступает в вибрато-чокере. Малых барабанов на сцене

---

[9] Примечания: 9

Батисфера — глубоководный обитаемый аппарат в форме сферы, опускаемый на тросе под воду. Сооружен в 1928–1929 гг. американским инженером Отисом Бартоном для натуралиста Уильяма Биба.

сразу два: один установлен как обычно, а другой подвешен прямо над ним, примерно на расстоянии полуметра. Когда заходит мадам д'Ортолан — шофер Кристоф по мере сил расчищает перед ней дорогу, — певица, стоящая на небольших подмостках у одной из длинных стен, берет особенно высокую, протяжную ноту, после чего нажимает на кнопку пульта у себя в кармане, переводя чокер в высокоскоростной режим. Батарейки запускают крошечный моторчик, соединенный с неуравновешенными грузиками внутри устройства, отчего чокер вибрирует на шее девушки в области голосовых связок, и она издает что-то вроде дробного завывания, которого без технических уловок не добиться. Палочки ударника бешено мелькают между верхним и нижним барабанами, создавая безумный перкуссионный аккомпанемент.

— Присаживайтесь, мадам, — говорит Кристоф, быстро протирая тряпкой стул в полукруглой нише практически напротив сцены.

Он заранее забронировал этот небольшой уютный столик, сделав звонок из машины. И хотя предыдущие гости еще спорят с администрацией, официанты в белых пиджаках уже уносят их недопитые коктейли.

Мадам д'Ортолан скептически изучает сиденье, затем со вздохом на него опускается, расправив на коленях юбку, и с чопорным лицом ждет, пока Кристоф придвинет стул ближе к столику.

Какой-то мужчина — вероятно, мистер О — протискивается к ним сквозь толпу. Одет он как деревенщина, да и цвет кожи у него под стать — ни рыба ни мясо. Мадам д'Ортолан не в восторге от такого типажа. Покосившись на громилу Кристофа, мужчина подходит к столику, улыбается, нервно потирая руки, и отвешивает замысловатый поклон.

— Мадам.

— Да?

— Аймен К'эндс к вашим услугам.

— Садитесь, — указывает она.

Услышанное имя в голове не задерживается. Для Мадам он всегда будет мистером О.

У алькова слышится ругань: прежние гости возмущаются, что их выпивку унесли. Официант набрасывает на столик белоснежную скатерть, разглаживает ее и поворачивается к мадам д'Ортолан, чтобы принять заказ. Скользкий тип меж тем садится. Кристоф, с хмурым видом стоящий позади, то подозрительно поглядывает на пришедшего, то — не менее подозрительно — на

бранящихся посетителей, которых, похоже, вот-вот выгонят из ресторана. К администраторам на подмогу спешат двое вышибал, по виду еще внушительнее Кристофа.

Аймен К'эндс даже сидя пытается изобразить поклон.

— Для меня огромное удовольствие встретиться с вами сно…

— Ваши любезности мне ни к чему, — обрывает его мадам д'Ортолан, — и ответных не ждите.

Этого типа — вспоминает она, разглядывая улыбчивое, блестящее от пота и досадно незнакомое лицо цвета кофе, — не мешает держать в узде. Она на мгновение оборачивается к Кристофу и указывает взглядом на свое плечо; шофер помогает ей снять кремовый жакет и бережно вешает его на спинку стула. При этом мадам д'Ортолан подмечает, что пальцы Кристофа касались ее кожи через шелковую блузку чуть дольше, чем необходимо, а еще он тайком вдохнул аромат ее волос. Это в рамках дозволенного, но отвлекает.

— Воды без газа, — говорит она официанту. — Бутылку откроете при мне. И никакого льда.

— Двойной эспрессо. — Аймен К'эндс теребит ворот рубахи. — А еще воды. Льда положите побольше. — Теперь он постукивает пальцами по

столешнице.

В Париже сейчас жарко, а в кафе «Атлантик» еще жарче. Лениво крутящиеся потолочные вентиляторы здесь скорее для антуража. Потные человечки с рекламными щитами на шее — одни рекламируют блюда дня, другие предлагают услуги букмекеров, юристов, ростовщиков, залоговых компаний и борделей, третьи освещают последние новости и результаты матчей — допущены сюда в основном для того, чтобы, курсируя взад-вперед, создавать прохладный ветерок. На удивление, они неплохо справляются.

Аймен К'эндс ужом вертится на стуле, постоянно озираясь. Его ладони мнут одна другую. Похоже, он в принципе не может усидеть спокойно; при взгляде на него жара становится еще невыносимее.

— Веер! — бросает мадам д'Ортолан через плечо.

Кристоф со щелчком раскрывает большой веер из черного кружева и начинает аккуратно обмахивать ей лицо.

Аймен К'эндс, сверкая глазами, подается вперед:

— Мадам, позвольте мне сказать…

— Не позволю. — Мадам д'Ортолан оглядывает-

ся по сторонам с неприязненной гримасой. — Давайте без лишней болтовни.

Ее слова, похоже, задевают К'эндса. Глядя на свои руки, он произносит:

— Я вам настолько неприятен, мадам?

Как будто этот человечишка вообще достоин ее оценки!

— Что за вздор! — отмахивается она и, окинув беглым взглядом задымленный, похожий на пещеру зал, добавляет: — Я просто не горю желанием тут задерживаться. Помимо всего прочего, такие толпы привлекают террористов.

— Христианских? — с немного озадаченным видом К'эндс тоже вертит головой.

— Каких же еще, идиот!

— А ведь это религия любви к ближнему. — Он сокрушенно цокает языком. — Как печально.

На миг у мадам д'Ортолан закрадывается подозрение, что над ней потешаются. Кто знает, насколько подробно эти залетные *passerines* [10] помнят свои прошлые встречи с людьми, вещами или событиями? Неужели он над ней подтрунивает? Мадам д'Ортолан отметает эту мысль.

---

[10] Примечания: 10

Слово *passerine* в переводе с французского означает маленькую птичку и служит французским аналогом слова «транзитор» (от *фр. passer — «переходить», «переправляться»).*

— Религия фанатиков, — сварливо поправляет она. — Религия, которая любит мучеников; религия, основанная на доктрине первородного греха и позволяющая стирать в порошок детей, потому что даже они — грешники. Тьфу! — Она кривится и делает вид, что сплевывает. — Да эта религия просто создана для терроризма!

На противно лоснящемся лице К'эндса возникает некое подобие улыбки, и мадам д'Ортолан чувствует, как у нее на лбу выступают капельки пота. Она наклоняется над столиком и уже тише произносит:

— Вы что, еще не полностью тут? Не внедрились как следует? Здесь любой дурак об этом знает! А вы — нет?

— Я знаю лишь то, что знаю, мэм, — тихо отвечает он, явно стараясь напустить туману.

Одна из его ног ритмично подергивается вверх-вниз, словно вторя барабанщику «Джуплы». До чего же невыносимый субъект!

— Тогда знайте, что у меня больше нет ни малейшего желания здесь торчать, — говорит ему мадам д'Ортолан, а затем громко и раздраженно кашляет Кристофу, который, похоже, засмотрелся на субтильную евразийку, выводящую трели на сцене.

Шофер возвращается с небес на землю и после многозначительного кивка госпожи запускает свободную руку в карман серого пиджака. Оттуда он достает нечто похожее на футляр для сигары и протягивает К'эндсу.

Тот с печальным видом убирает предмет в нагрудную сумку.

— Кстати, — добавляет он, — у меня почти закончился…

— Там внутри запас еще на дюжину перемещений, — перебивает его мадам д'Ортолан. — Мы же не тупицы. Считать умеем.

К'эндс передергивает плечами.

— Простите, что доставил вам такие сильные неудобства. — В его голосе звучит обида.

Он встает, проводит пальцами по жестким темным волосам и устремляет взгляд в зал. Мимо, громыхая рекламным щитом, проносится человек-сэндвич, отчего шальвар-камиз К'эндса раздувается, как парус.

— Пойду перехвачу официанта с моим кофе…

— Сядьте! — рявкает мадам д'Ортолан.

К'эндс оборачивается.

— Вы же сами сказали…

— Сидеть!

Он повинуется с еще более уязвленным видом.

— Касательно этого дела у меня для вас особые указания. Не упомянутые в инструкции.

К'эндс, разумеется, удивлен. Поразительно, насколько быстро и явно его внутренний настрой отражается на лице! Мадам д'Ортолан находит это мерзким. А если он такой со всеми, то еще и непрофессиональным. Неужели он окончательно съехал с катушек? Досадно, если долгая кампания по выведению его из строя увенчалась успехом именно сейчас, когда он нужен ей в здравом уме!

— Как это — не упомянутые? — хлопает глазами К'эндс.

Мадам д'Ортолан не удивилась бы, появись над его головой облачко со знаком вопроса, как в комиксах.

— Да вот так, — говорит она. — Некоторые имена и задачи в переданных вам инструкциях могут вас удивить. Тем не менее эти указания были тщательно согласованы на высшем уровне, причем одобрили их не один-двое, а сразу несколько благонадежных лиц, так что будьте уверены: ошибки здесь нет. Что касается заключительного пункта инструкции, которого вам рекомендуют придерживаться в каждом из случаев, — не обращайте на него внимания. Упомянутых субъектов

не нужно подвергать принудительной транзиции. Все до единого должны быть устранены. Иными словами, убиты. Незамедлительно. Вам понятно?

Брови К'эндса взлетают вверх.

— Вы просите меня нарушить письменный приказ?

— Всего один пункт. Сущая мелочь.

— Мелочь?! — В глазах у него ужас — хотя, возможно, его больше напугал выбор слова, чем предельная жестокость плана действий.

— На бумаге, — терпеливо объясняет мадам д'Ортолан, — вам предписано найти упомянутых лиц, подобраться к ним, а затем изолировать. Я лишь вношу устную поправку: сделайте все вышеперечисленное, только не похищайте их, а убейте.

— Значит, это приказ?

— Да.

— Но…

— Письменные распоряжения поступают из моего кабинета, а затем согласовываются, — ледяным тоном продолжает мадам д'Ортолан. — Моя устная поправка также была должным образом рассмотрена и одобрена. И она вышла позже письменных указаний. Что в этой цепочке собы-

тий вам непонятно?

В наступившей тишине звенит обида. Официант приносит напитки. Как только он уходит, К'эндс говорит:

— Полагаю, устные уточнения будут подтверждены документально, и уже тогда…

— Конечно нет! Не будьте глупцом! Есть причины, почему мы все устраиваем именно так. — Мадам д'Ортолан наклоняется ближе и кивком приглашает собеседника тоже придвинуться. — Разве вы не видите, — продолжает она чуть мягче и понизив голос, — что Совету, да и «Надзору» в целом угрожает опасность? Задание должно быть выполнено. Необходимо принять меры. Они могут показаться суровыми, но и угроза крайне велика.

К'эндс по-прежнему медлит.

Мадам д'Ортолан выпрямляется на стуле.

— Просто выполните указания, К'эндс. Все до единого.

Кристоф откупоривает бутылку, чистым носовым платком протирает стакан и наливает туда воду. Мадам д'Ортолан делает маленький глоток. Судя по виду, К'эндс страшно недоволен, но это не мешает ему чуть ли не залпом, в два захода, выпить эспрессо. У мадам д'Ортолан возникает

непрошеная мысль, что и в постели он теперь такой же дерганый и торопливый. Хотя когда-то, конечно, был весьма искусен. Она отгоняет воспоминание о том, что лучше бы забыть, и кивает в сторону зала.

— Вот теперь можете идти.

К'эндс вскакивает, поспешно кланяется и делает шаг к выходу.

— Минуточку! — останавливает его мадам д'Ортолан.

Он со вздохом оборачивается.

— Да?

— Напомните, как там вас зовут?

— Аймен К'эндс, мэм.

— Что ж, К'эндс, надеюсь, вы все поняли?

Его челюсть ходит ходуном, словно он едва владеет собой.

— Разумеется, — цедит он сквозь зубы.

Мадам д'Ортолан награждает его ледяной улыбкой.

— Как вы, наверное, догадываетесь, К'эндс, вам поручили дело чрезвычайной важности. Можно сказать, первостепенной. В случае успеха вас ждет щедрая награда, но и плата за неудачу будет…

— Ей-богу, мадам! — громко прерывает ее

К’эндс, в чьем голосе звучит не только раздражение, но и намерение задеть. — Без вас разберусь!

Он разворачивается и, подергивая головой, исчезает в толпе.

Мадам д’Ортолан возмущена до глубины души.

Философ

Мой отец был зверем, мать — ангелом. Отец — здоровенный, сильный детина — любил, как говорится, распускать руки. В школе его однажды оставили на второй год, после чего он стал самым крупным мальчишкой в классе. Настолько крупным, что временами запугивал учителей. В конце концов его вышвырнули за драку с другим учеником. Отец утверждал, будто старшеклассник, которого он избил, издевался над младшими. Лишь двадцать лет спустя, уже после смерти отца, мы узнали, что на самом деле он сломал челюсть однокласснице.

Он с детства мечтал работать в полиции, но так и не смог сдать вступительные экзамены. Устроился охранником в тюрьму, пока и оттуда не вышибли за неоправданную жестокость. Ничему жизнь не учила, согласны?

Мать воспитывалась в строгой религиозной семье. Ее родители состояли в небольшой секте под названием «Первая церковь Народа, избранного

Господом нашим Христом-искупителем». Я както пошутил, что у этой общины слов в названии больше, чем прихожан. Тогда мать в первый и единственный раз меня ударила.

Она гордилась тем, что не спала с моим отцом до свадьбы. Они поженились в ее восемнадцатый день рождения. Думаю, она просто мечтала отделаться от родителей со всеми их запретами и правилами. А правил в их доме было хоть отбавляй. Перед тем как жениться, отцу пришлось пообещать местному проповеднику и старейшинам общины, что все его дети будут воспитываться в лоне Церкви, хотя он, похоже, усмотрел в этом удобный повод пренебрегать отцовскими обязанностями. Пока я рос, он уделял мне минимум внимания. Обычно он читал газету, беззвучно шевеля губами, или слушал музыку в наушниках, громко и невпопад подпевая. А если мне удавалось его отвлечь, отец, нахмурившись, опускал газету и отправлял меня к матери или же просто буравил взглядом, не выключая плеер, и указывал пальцем сначала на меня, затем на дверь. Он любил кантри и мелодии из вестернов — чем заунывнее, тем лучше.

Отец никогда не скрывал, что сам неверующий, хотя в сильном подпитии мог обронить: «Там,

наверху, наверняка кто-то есть». Он повторял это довольно часто.

Должно быть, маме он показался особенным. Возможно, как я уже упомянул, свою роль сыграло и желание избавиться от дурацких запретов и предписаний, с которыми она мирилась в родительском доме. Увы, как мы оба с ней выяснили, отец тоже был не прочь покомандовать.

Чаще всего о новом правиле меня оповещал шлепок по уху, а когда я совсем уж отбивался от рук, отец снимал ремень, швырял меня к себе на колени и хлестал. В общем, мама попала из огня да в полымя, а я — сразу в полымя.

Мама души во мне не чаяла. Она отдавала единственному сыну всю любовь, которая предназначалась мужу, но отскакивала от него, словно мячик. Не подумайте, будто из-за нее я стал геем. Нет. Я вполне обычный. Просто получил однобокое воспитание в странной семье, где один родитель меня боготворил, считая паймальчиком, а другой обращался со мной, как с питомцем, которого жена принесла в дом без разрешения. Если б я хорошенько поразмыслил, то пришел бы к выводу, что семья у меня самая обыкновенная. Однако я об этом не думал и никогда не спрашивал у других детей, какая

обстановка дома у них. Я вообще довольно редко общался с одноклассниками. Ровесники казались мне слишком шумными и разбитными, а они меня, должно быть, считали тихоней. Или букой. Меня задирали и подкалывали из-за христианской веры.

Многие, наверное, назвали бы мое детство трудным, хотя мне оно таким не виделось — ни тогда, ни даже теперь. Во всяком случае, не так однозначно. Обычные превратности судьбы. Я усердно учился, а после уроков и по выходным подолгу бывал на природе. Домашние задания всегда выполнял идеально. Я много времени проводил в библиотеках — школьной и в соседнем городке, — причем не только за чтением. Когда ездил в автобусе, глядел в одну точку.

Втроем мы еще худо-бедно уживались, а потом родилась моя сестра. Конечно, она ни в чем не виновата, хотя тогда признать это было сложно. Я не знал, кого еще винить. Разумеется, сестра ничего плохого не сделала, пусть и послужила причиной.

Мы жили за городом неподалеку от тюрьмы, по соседству с коллегами отца. Все детство до меня доносились родительские ссоры: стены в доме были тонкие. Впрочем, маму я не слышал, только

отца. Она всегда говорила очень тихо, почти шептала, а он либо орал, либо громко ее отчитывал. Сомневаюсь, что он вообще умел общаться спокойно. Со стороны казалось, будто отец спорит сам с собой или с кем-то воображаемым. Обычно я прятал голову под подушку, а если не помогало — затыкал уши пальцами и мычал, чтобы заглушить все прочие звуки.

Однажды я, должно быть, бубнил слишком громко, потому что в комнате зажглась лампа, и, открыв глаза, я увидел над собой хмурого, в одних трусах, отца. Он грозно спросил, какого черта я так расшумелся, а я, щурясь от яркого света, заплакал. Я не сомневался: сейчас мне прилетит, однако отец что-то неразборчиво проворчал и, хлопнув дверью, вышел. Свет мне пришлось выключать самому.

Я и прежде слышал вещи, о которых предпочел бы не знать — про секс и тому подобное, — однако тем вечером мама вернулась из больницы, где около недели назад родила мою сестру. Важное, на мой взгляд, обстоятельство. Первые роды у мамы прошли с трудом, и вообще-то ей не следовало заводить еще детей. Тем не менее она вновь забеременела, и случилось как случилось. Отец предпочел бы избавиться от того, что затем пре-

вратилось в мою сестру, однако мать отказалась по соображениям веры и пошла до конца. Она пережила неприятную операцию, ей наложили много швов там, внизу.

Думаю, в тот вечер отец был пьян, и пьян очень сильно — впрочем, как всегда. Даже пытаясь мычать себе под нос, я знал, о чем они говорят — о сексе. Несмотря на то что мама едва выписалась из роддома. А так как в силу возраста я уже начал интересоваться взрослыми отношениями, какая-то часть меня захотела послушать.

И я услышал, как мать умоляет отца заняться с ней оральным или даже анальным сексом вместо обычного, ведь у нее швы и до сих пор все болит. Раньше отец сам упрашивал ее о чем-то подобном, но, судя по долетавшим до меня обрывкам ссор, она не соглашалась. Тем не менее той ночью он не принял ее подачку, особенно после месяцев воздержания.

В общем, не буду ходить вокруг да около: он взял ее силой, а мне пришлось слушать стоны, а затем — крики. Очень громкие, хотя я каким-то образом понимал, что она сдерживается изо всех сил. Я засунул пальцы в уши так глубоко, что испугался повредить барабанные перепонки, и замычал что есть мочи, однако криков не заглушил.

Вы даже не представляете, как долго это длилось. Может, на отца так повлияло опьянение, а может, ее вопли. Наконец, крики стихли, сменившись всхлипами, а вскоре раздался храп.

Конечно, я рисовал себе, как врываюсь к ним в спальню, стаскиваю отца с матери, колочу его и так далее, однако мне едва исполнилось одиннадцать, и сложением я пошел в хрупкую мать, а не в грозного отца. Я ничего не мог поделать.

Звуки взбудоражили и мою сестренку. Она плакала, как обычно плачут младенцы, — возможно, уже долго, просто я не замечал из-за криков матери и своего мычания. Я услышал, как мама поднялась с кровати и подошла к колыбельке, чтобы успокоить дочку, хотя ее собственный голос дрожал от слез. Отец оглушительно храпел, мама всхлипывала и причитала, а сестренка надрывно ревела. Только тогда наши соседи застучали в стену. Их приглушенная брань походила на вялый, далекий репортаж о случившемся.

Мне не стыдно признаться, что почти всю оставшуюся ночь я проплакал, хотя в итоге все-таки уснул и наутро пошел в школу. Удивительно, как многое человек может пережить и принять. Практически все.

Думаю, именно той ночью я решил, что никогда

не женюсь и не заведу детей.

3

Пациент 8262

Есть в моем образе жизни некая строгость, чистота. Элементарность. В определенном смысле, со мной почти ничего не происходит: лежу на койке, уставившись в одну точку или за окно, моргаю, сглатываю слюну, переворачиваюсь на другой бок, иногда встаю — например, если утром меняют постельное белье. Всякий раз, когда я с отвисшей челюстью наблюдаю за медперсоналом и уборщиками, они пытаются завязать со мной разговор. В ответ я старательно выдавливаю улыбку. К счастью, мы говорим на разных языках. Я понимаю бóльшую часть слов — достаточно, чтобы в целом представить, как медики оценивают состояние моего здоровья и какими лекарствами намерены меня пичкать, — однако понимание это дается мне с трудом, а сам я на их языке ничего вразумительного вообще не скажу.

Время от времени я киваю, посмеиваюсь или произвожу звук, отчасти похожий на кашель, а отчасти — на мычание, которое порой издают глухие; еще нередко хмурю брови, словно гадая, о

чем мне говорят, или досадуя оттого, что остаюсь непонятым.

Периодически приходят доктора, чтобы меня проверить. Вначале и врачей, и тестов было много. Теперь меньше. Мне дают книги с фотографиями и рисунками предметов обихода или с большими, во всю страницу, буквами. Одна женщина-врач принесла мне ящик с детскими деревянными кубиками, на которых тоже красовались буквы. Я с улыбкой начал их ворошить, составлять красивые узоры и возводить башенки, чтобы со стороны выглядело так, будто я не понимаю букв, однако стараюсь сделать все возможное, лишь бы мной остались довольны. Врач — молодая симпатичная женщина с короткой темной стрижкой и большими карими глазами — то и дело постукивала по зубам кончиком карандаша. В отличие от иных коллег, она обращалась со мной терпеливо, без грубостей. Она мне очень нравилась, и я бы охотно приложил усилия, чтобы ее порадовать. Но не мог — и следовательно, ничего не делал.

Я лишь захлопал в ладоши, растопырив пальцы, как малыш, отчего сбил башенки из кубиков, которые до этого выстроил. Женщина печально улыбнулась, постучала по зубам карандашом и

напоследок сделала несколько пометок в блокноте. Я с облегчением выдохнул, так как боялся, что перегнул с ребячеством.

В уборную мне дозволено ходить одному, хотя порой я притворяюсь, что засыпаю там. Когда персонал начинает стучать в дверь, выкрикивая мое имя, — выхожу с виноватым видом и бессвязно что-то лопочу.

Меня здесь называют «Кел». Кажется, это прозвище то ли по какой-то причуде, то ли в шутку придумал один врач, но в начале года он уволился, в моих записях отсылок к имени «Кел» нет, а больше никто ничего не помнит.

Мыться мне самому не разрешают. Впрочем, не так-то уж плохо, когда тебя моют: если подавить чувство стыда, то процесс очень даже расслабляет, напоминая, в некотором смысле, о роскошной жизни. Утром в банный день я обязательно мастурбирую в туалете, чтобы потом не оконфузиться перед медсестрами или санитарами.

Одна из медсестер — крупная и добродушная, с нарисованными бровями, другая — миниатюрная крашеная блондинка, довольно симпатичная. Есть еще два санитара, или работника по уходу за больными: бородатый мужчина с длинными, забранными в конский хвост волосами и щуплая

на вид, но поразительно сильная дама, которая выглядит старше меня. Если бы кто-то из них (не буду скрывать — речь о хорошенькой блондинке) вдруг проявил хотя бы малейший признак сексуального интереса, я бы, наверное, пересмотрел свою привычку превентивного самоудовлетворения. Впрочем, пока вероятность такого развития событий мала, и во время мытья все четверо демонстрируют лишь деловую отстраненность.

В дальнем конце коридора есть комната отдыха, где другие пациенты смотрят телевизор. Я туда наведываюсь редко, а когда прихожу — делаю вид, будто не понимаю смысла передач. Остальные в большинстве своем сидят с разинутыми ртами, и я им подражаю.

Кто-нибудь из больных то и дело пытается завязать со мной беседу. Я в ответ моргаю, улыбаюсь и бессвязно мычу, после чего собеседник обычно уходит. Только огромный лысый толстяк в оспинах меня не чурается. Когда мы смотрим телевизор, он садится рядом и бубнит мне что-то низким, усыпляющим голосом — возможно, рассказывает о неблагодарной и надменной родне и своих любовных похождениях в молодости, излагает диковатые сюжеты из местного фольклора или хвастается изобретением вечного двигателя.

Как вариант, признается мне в безудержной страсти и в красках расписывает, что сделал бы со мной наедине. А может, признается не в любви, а в ненависти — и, опять же, в красках расписывает, что сделал бы со мной наедине. Я не разбираю почти ни слова; думаю, он говорит на том же отчасти понятном мне языке, что и доктора с медсестрами, просто на другом диалекте.

В любом случае, я редко удостаиваю вниманием комнату отдыха и остальных пациентов. Лежу или сижу в своей палате и размышляю обо всем, что сделал и собираюсь сделать, как только непосредственная угроза исчезнет и я смогу без опаски вернуться в строй. Иногда улыбаюсь или даже фыркаю от смеха, думая, как все эти несчастные безумцы будут прозябать здесь, пока не умрут, тогда как я побываю еще во множестве миров, живой и полный эмоций — трюкач, готовый на любую авантюру, которая придет в голову. Если бы кто им рассказал — и пациентам, и персоналу, — только представьте, как бы они изумились!

Эдриан

Верите — нет, но я всегда обожал кокаин. Не только потому, что он сделал меня богатым и помог выбраться со дна. Я обожал им закиды-

ваться.

Кокс — настоящий бриллиант среди наркотиков. Мне нравилось в нем все, нравилось, насколько он гармоничен. Во-первых, чистота. Вы только посмотрите на этот чудесный белоснежный порошок! Иногда чуть желтоватый, но такого оттенка, какого бывают ярко освещенные солнцем облака, изначально белые. Даже шутки про схожесть со стиральным порошком — и те вполне уместны. Кокс как будто вычищает черепушку изнутри, согласны? И способ приема тоже соответствует всему остальному. В ход идут чистые, острые, конкретные предметы вроде бритвенных лезвий, зеркал и туго скрученных банкнот. Предпочтительно новых, а номинал — на ваше усмотрение. Обожаю запах свежих купюр, с присыпкой или без.

А еще снежок заряжает тебя энергией, это что-то вроде цели и средства в одном пакетике. Все вдруг становится возможным. Ты можешь обсудить любую проблему и придумать решение, переубедить любого противника, увидеть четкий, разумный способ, как любые трудности обратить себе на пользу. Кокс — это наркотик действия, побуждающий наркотик.

Там, откуда я родом, в основном сидели на га-

шише, герыче или спидах — в общем, на коксе для бедных. Появлялись и любители экстази.

Спиды — это как ламинат вместо дерева или искусственный мех вместо натурального, ну, или как дрочево вместо реального секса. Покатит, если на правильный кайф денег нет.

Экстази неплох, но эффект не мгновенный. Нужна подготовка. Не такая, конечно, как перед приемом старой доброй кислоты — люди, по возрасту годившиеся мне в отцы, рассказывали о трипах по восемнадцать часов кряду, а то и дольше, которые выворачивали весь мир наизнанку, и не всегда в хорошем смысле. Перед стартом эти ребята все тщательно продумывали: куда пойти во время прихода и даже с кем. По сути, нанимали помощников. Вроде как сиделок. Кто бы мог подумать, что хиппи бывают такими ответственными!

По сравнению с этой пожирающей время дичью экстази легче. Как, скажем, шорле [11] вместо виски с содовой. Но опять же, многое надо продумать заранее, да и вся эта тема скорее про дискачи и совместные тусовки с такими же психонавтами. Отлично, если хочешь поймать долгий, застыв-

[11] Примечания: 11

Шорле — смесь из вина или сока с минеральной водой. Чаще всего используется белое вино.

ший во времени миг коллективной эйфории, но это как поучаствовать в обряде, ритуале. Как там в песне — «Вот моя церковь»? [12] Ну, или что-то вроде того. Не наркотик, а богослужение. Слишком массовая и панибратская вещь, на мой вкус.

Гашиш по эффекту чем-то похож. Правда, я никогда не понимал, при чем здесь долбаные ассасины [13]. Впрочем, все, что касается престарелых хиппи, возлежащих в клубах дыма и несущих всякую пургу, — за пределами моего понимания. Эта коричневая смола, от которой слипается не только папиросная бумага, но и мозг, заставляет кашлять и плеваться, а еще может довести до состояния, когда тебя посещает «блестящая» идея выпить застоялую воду из бонга, чтобы уж точно выйти за рамки привычного восприятия. В общем, хрень несусветная. Знаю, это был великий наркотик шестидесятых, когда каждый хотел нагнуть систему, участвуя в групповухах и рисуя цветочки у себя на заднице, но все это слишком

---

[12] Примечания: 12

Строчка из песни 1998 г. God Is a DJ («Бог — это диджей») британской электронной группы Faithless. При этом название группы переводится как «Неверующий».

[13] Примечания: 13

Распространено мнение, что слово «ассасин» происходит от арабского *ashāshīn* — «люди, употребляющие гашиш», однако есть и другие версии.

уж туманно, расплывчато и довольно бесцельно, согласны?

Вот героин — это настоящий хардкор, мое уважение. Большинству он диктует четкий жизненный уклад и открывает источник чистейшего наслаждения, откуда берут начало все остальные наркотики, включая легальные вроде алкоголя. Ты словно видишь нечто настолько первозданное, что ничего лучше, кажется, уже не найти.

Увы, героин — эгоистичный наркотик. Он тебя порабощает, берет под контроль, вся твоя жизнь сводится к поиску новой дозы. Ты выпадаешь из реальности: настоящим становится мир, где есть герыч, а мир, в котором ты когда-то жил и продолжают жить остальные — жалкие идиоты, — мир, в котором, что бесит больше всего, находятся деньги, — этот мир становится игрой. Серым, мрачным местом, куда нужно возвращаться чаще, чем хотелось бы, чтобы совершать автоматические действия, которые позволят снова окунуться в крышесносящий, радужный мир героина. Полная вовлеченность — вот что такое героин, даже сам способ его приема смертельно опасен. Это как завербоваться в армию.

Плюс к тому суета с нагреванием болотной жижи в допотопного вида ложках, поиском вены,

затягиванием жгутов зубами; да еще необходимость пускать себе кровь, когда колешься… Бардак полный. И на фига оно надо? Разве это чистота, как в случае с кокаином? Совсем наоборот. А еще нужно держать при себе ведро, ведь сразу, как только вштырит, ты начинаешь блевать! Возможно, я отстал от моды, но разве наркота не должна радовать? А здесь какое, на фиг, веселье?

Как я уже говорил, мое уважение тем, кто добровольно подвергает себя такой деградации ради погружения в теплые воды блаженства, но вашу ж мать, разве этот наркотик делает жизнь лучше? Нет, он вытряхивает вас из одной жизни и целиком окунает в другую, где все до чертиков прекрасно, но без дозы туда не попасть. Представьте себе ныряльщика в стародавнем водолазном костюме: на медном шлеме — иллюминатор с решеткой, наружу тянется воздушный шланг… Героин — это и есть шланг. Героин — это воздух. Полная зависимость.

Нет уж, спасибо, я предпочту кокаин. Только не крэк. Нет, потому что к нему мгновенно привыкаешь, а это геморрой. Крэк переоценен, и точка. К тому же его курят, а значит, опять вся эта возня на ровном месте. Есть в нем что-то грязное, вот что скажу. Крэк — это кокс для торчков.

Настоящий, правильный кокс работает чисто, быстро и четко. Это разумный наркотик: ты принимаешь ровно столько, сколько нужно, именно тогда, когда хочешь, и действует он безотказно. Ясен хрен, этот наркотик выбирают все властелины мира, финансовые воротилы, капиталисты высшего эшелона. Шутка ли — веселье с мгновенной доставкой! По дорожке в оба дула — и ты уже хренов гений, великий и непобедимый. То, что доктор прописал, когда жонглируешь астрономическими суммами денег и рискуешь чужими вложениями. Разумеется, есть и минусы, хотя многих потеря аппетита только обрадует. Разве в наше время кто-то хочет быть жирным? Так что тут скорее не минус, а бонус. А вот заложенный нос, паранойя, риск лишиться носовой перегородки и, как утверждают, угроза сердечного приступа — это уже не шутки. Впрочем, не разбив яиц, омлет не приготовишь.

Забавно, что сам я нюхаю порошок крайне редко, хотя любил его и люблю, и к тому же имею доступ к чистейшему товару по самой выгодной цене. Конечно, порой я себя балую, спасибо нужным связям. Просто не лезу на рожон. И не увлекаюсь, понимаете? Вроде как сохраняю равновесие, соблюдаю баланс. И к спиртному

отношусь так же. Я мог бы упиваться винтажным шампанским и раритетным коньяком хоть каждый день, но это не что иное, как потворство внутренней обезьяне. А я — за разумный подход.

То же самое с девушками. Женщин я люблю, но не хочу полностью зависеть от одной, понимаете? Найти половинку, завести детей, свить гнездышко и так далее — знаю, многих это устраивает; возможно, поэтому Земля и вертится, как говаривал мой старик, но даже если не брать в расчет, что планету вертит гравитация, — допустим, речь о продолжении рода, — так эта лавочка и без меня неплохо работает, благо большинство живет по старинке. Большинство, но не все. Да и не нужно, чтобы все. Большинства вполне достаточно.

Помните песню «Любовь — это наркотик»? [14] Точнее не скажешь, ага? Еще одно искушение, еще один способ потерять себя. Романтическая фигня, которая делает тебя уязвимым, вот и все. Кладет твою голову на плаху.

Нет, не подумайте, я не тупой — знаю, что это случается с каждым и, возможно, когда-нибудь случится со мной. Тогда я тоже начну разводить

---

[14] Примечания: 14

Love Is the Drug — песня 1975 г. британской рок-группы Roxy Music.

сопли, мол, «вот оно», «она — та самая», «на этот раз все иначе»… В таком случае, надеюсь, я хотя бы не стану гребаной подстилкой, уж простите за выражение. Ну, вы поняли. Даже сильнейшие оступаются. Все мы уязвимы, но из уважения к себе лучше держаться как можно дольше. Согласны?

Транзитор

Тэмуджин О, мистер Маркуанд Ис, сеньор Маркан Диз, доктор Маркуанд Эмесир, месье Маркан Демесир, Марк Кейвен, Аймен К'эндс… Как меня только не называли. Я носил множество имен, и все они, несмотря на сильные различия, в какой-то мере тяготели к определенной комбинации звуков, ограниченному набору фонем. Каждый раз, когда я перемещаюсь, мое имя меняется, причем непредсказуемым образом. Я никогда не знаю, кем становлюсь, пока не проверю.

Я опускаю в свой эспрессо крошечную белую таблетку, немного пододвигаю подставку с приправами, затем в два глотка выпиваю кофе и в ожидании откидываюсь на спинку стула. (Другая часть моего разума вовсе не ждет, она яростно концентрируется, выискивая малейший намек на цель среди бескрайнего множества вероятностей, подобно молнии, которая, ветвясь,

прокладывает путь сквозь облака.)

Я сижу на веранде очередного кафе, на этот раз в Четвертом округе, гляжу на рукав Сены и остров Сен-Луи, постепенно погружаясь в транс, который перенесет меня аккурат в нужное место и человека. Заодно появляется время для раздумий. Можно все взвесить и сделать выводы.

Встреча с мадам д'Ортолан прошла из рук вон плохо. Моя собеседница косо сидела на стуле, скатерть лежала не по центру — один свободный край был вдвое длиннее другого. Компенсировать это безобразие я мог только подергиванием ноги, что, если честно, ни капли не помогало. К тому же Мадам держала меня за идиота! Напыщенная дрянь!

Я понимаю, что бубню себе под нос: «Плайт, Йесусдоттир, Кряйк, Хайцлофт-Байдекерн, Обликк, Малверхилл», дабы хорошенько запомнить этот перечень. Официант, забирающий с соседнего столика сдачу, с подозрением на меня косится.

— Плайт, Йесусдоттир, Кряйк, Хайцлофт-Байдекерн, Обликк, Малверхилл, — с улыбкой глядя на него, бормочу я.

Теоретически я нарушаю меры безопасности. Ну и что? Все равно в этом мире мои слова ничего не значат. Те, кто знаком лишь с этой реально-

стью — да и в принципе, с любым из миров по отдельности, — услышат просто бессмысленный набор звуков.

В моей нагрудной сумке лежит маленький алюминиевый тубус. Среди прочего в нем находится одноразовый механический считыватель — металлическое устройство, похожее на две крошечные измерительные рулетки, соединенные лентой, на которую надето что-то вроде нашлепки со стеклянным окошком. На одной из катушек — выдвижная рукоятка. Выдвинув ее и отпустив, вы заводите механизм, который начинает перематывать бумажную ленту сквозь стеклянное окошко с одной бобины на другую. Главное — смотреть очень внимательно. Вы можете прочитать с десяток букв зараз, прежде чем лента с ними намотается на вторую катушку, где особым образом обработанная бумага, вступая в контакт с воздухом, рассыпается в пыль, навсегда уничтожая напечатанное. Едва механизм запущен, ленту уже не остановить, так что важно не отвлекаться. Если проморгаете часть сообщения — дело плохо. Придется просить, чтобы инструкцию вам выдали заново, а это ничего хорошего не сулит.

Я изучил свою инструкцию в туалете. Лампа

светила тускло, так что я включил фонарик. Если прибавить к прочитанному крайне нетипичные устные поправки, боссам понадобилось несколько, как у нас принято называть, «устранений». Хотя несколько — это еще мягко сказано. Довольно много. И все поручили мне. Любопытно…

Чихнув, я вновь открываю глаза. Теперь я франтоватый джентльмен в сюртуке, шляпе и серых перчатках. В руке — трость. Цвет кожи стал немного темнее. Проверка языков выявляет, что знание китайского вернулось, а на фарси я говорю почти так же бегло, как на французском и английском. На четвертом месте — немецкий, а затем — поверхностные знания еще как минимум двадцати языков. Этот мир, похоже, сильно разобщен.

Париж опять изменился. Остров Сен-Луи теперь надвое разделен каналом, по улице на цокающих, трясущих гривами лошадях гарцуют импозантно одетые гусары, которым вежливо аплодируют немногочисленные зеваки. Плывут клубы пара. Я задираю голову, надеясь полюбоваться дирижаблями. Они всегда мне нравились, однако здесь ни одного не видно.

Я жду, пока всадники проедут, а затем останавливаю элегантный паровой кеб и прошу шофера

отвезти меня на вокзал Ватерлоо, откуда ходит скоростной поезд до Англии.

— Плайт, Йесусдоттир, Кряйк, Хайцлофт-Байдекерн, Обликк, Малверхилл, — снова бормочу я и подмигиваю недоумевающему таксисту.

В пассажирском отсеке имеется зеркало. Я разглядываю свое отражение. Одет я с иголочки, подстрижен волосок к волоску, небольшая козлиная бородка филигранно подбрита, однако в остальном моя внешность, как обычно, ничем не примечательна.

Номер такси — 9034. Если сложить цифры, получится шестнадцать, единица с шестеркой в сумме дают семь, а это — любой дурак знает — счастливейшее из чисел. Я поправляю манжеты рубашки, торчащие из рукавов пиджака: полоски белой ткани должны быть одинаковой длины.

С глубоким вздохом устраиваюсь на бархатном сиденье со стеганой обивкой, стараясь угнездиться ровно по центру. Похоже, обсессивно-компульсивное расстройство никуда не делось.

Клуб «Перинеум» находится на Вермин-стрит, неподалеку от Пикадилли. Я приезжаю под вечер, когда лорд Хармайл пьет чай.

— Мистер Демесир, — произносит он, брезгливо оглядывая мою визитку, как будто она

заразная. — Какой сюрприз. Не хотите ли присоединиться?

— Спасибо, не откажусь.

Лорд Хармайл — тощий, костлявый мужчина с длинными белыми волосами и будто бы выцветшими чертами лица. Губы у него тонкие, бледно-сиреневые; маленькие глазки вечно слезятся. Он выглядит лет на девяносто, а то и древнее, хотя на самом деле ему едва за пятьдесят. Две группы медиков, изучающих эту аномалию, видят причину либо в наследственной патологии, либо в излишне экстравагантных пристрастиях.

Хармайл буравит меня взглядом с дальнего конца стола. В «Перинеуме» настолько же тихо, чопорно и пустынно, насколько было шумно, живо и людно в кафе «Атлантик». Пахнет кожей и трубочным табаком.

— Так, значит, вы от мадам д'Ортолан? — вопрошает почтенный лорд.

Возле нашего столика материализуется лакей и наливает почти бесцветный чай в полупрозрачную фарфоровую чашку. Я с трудом подавляю желание развернуть ее так, чтобы ручка указывала прямо на меня.

— Мадам шлет вам поклон, — говорю я, хотя ничего подобного от нее не слышал.

Лорд Хармайл втягивает и без того впалые щеки и морщится так, будто его чай сдобрен мышьяком.

— И как эта… леди… поживает?

— Прекрасно.

— Гм-м… — Пальцы лорда Хармайла, словно когти ископаемого хищника, зависают над чем-то вроде огуречных сэндвичей без корки. — А вы… Вас просили мне что-то передать?

Когтистая лапа меняет курс и останавливает свой выбор на печенье. На одной тарелке лежат семь анемичного вида бутербродов, на другой — одиннадцать печений. Оба числа простые. В сумме дают восемнадцать. Такое число уже простым не назовешь. А сумма его цифр — девять — так вообще не число, а пустышка. Воистину, вся эта математика и развлекает, и печалит одновременно.

— Да.

Я вынимаю бронзовую коробочку и вытряхиваю себе в чай крошечную таблетку. Затем помешиваю ложечкой и подношу чашку к губам. Лорд Хармайл и бровью не ведет.

— Чашку полагается поднимать вместе с блюдцем, — брезгливо роняет он, когда я делаю глоток.

— Действительно? Прошу прощения. — Я опускаю чашку и снова подношу ее к губам уже вместе с блюдцем.

Вкус у чая невнятный, словно все его ароматные составляющие притаились, боясь проявить себя.

— Итак? — сердито спрашивает Хармайл.

— Итак? — повторяю я в ответ, изображая вежливую озадаченность.

— Что вас просили передать мне, сэр?

Никогда не перестану искренне восторгаться людьми, которые вкладывают в слово «сэр» — на первый взгляд почтительное — такую долю неприкрытого презрения, какую позволил себе только что лорд Хармайл.

— Ах да. — Я возвращаю блюдце с чашкой на стол. — Должно быть, вы испытываете некоторое беспокойство в связи с последними… изменениями в Центральном совете. Не волнуйтесь. Ситуация находится под нашим неусыпным… — я улыбаюсь, — надзором.

С лица Хармайла, и без того бледного, сбегает последняя краска. Довольно впечатляюще, учитывая, что он наверняка притворяется. Лорд ерзает в кресле, глядит по сторонам. Затем дрожащей рукой опускает чашку с блюдцем.

— О чем вы, ради всего святого?

— Сэр, перво-наперво, не тревожьтесь. Я приехал, чтобы вас защитить, а не напугать.

— Правда? — недоверчиво щурится почтенный лорд.

— Не сомневайтесь. Помимо прочего, я давно занимаю должность в Охранном отделе.

(Вообще-то так и есть.)

— Не слышал о таком.

— Никто о нас и не знает, кроме тех, кто нуждается в наших услугах. — Я вновь расплываюсь в улыбке. — Как бы то ни было, наш отдел существует. А вам, вероятно, и правда угрожает опасность. Поэтому я здесь.

Хармайл выглядит взволнованным. Даже растерянным.

— Я всегда понимал, что леди из Парижа непоколебимо предана действующему режиму, — изрекает он, чем слегка меня удивляет. — Однако мне казалось, будто она в значительной мере этот режим и представляет, причем на самом высоком уровне.

— Правда? — приподнимаю брови я.

Тут следует пояснить: выражаясь языком политиков Центрального совета, лорд Х. — перекати-поле. Являясь сторонником мадам д'Ортолан, он

по ее же просьбе должен изображать, что отдаляется от ее клики и выступает против. Завоевав доверие других несогласных, он вывел бы их на чистую воду. Мадам д'Ортолан надеялась обзавестись шпионом в стане врага. Увы, лорд Х. явно не оправдывал возложенных на него надежд, поэтому и начал опасаться, что застрял на шаткой лестнице и рискует упасть вне зависимости от того, куда шагнет.

— Да, — подтверждает лорд Хармайл, все еще подозрительно оглядывая тихое помещение с высокими потолками и деревянными панелями на стенах. — Поэтому я думал, что если леди прознает о моих сомнениях касательно нынешней… стратегии… то из моей благоволительницы превратится в заклятого врага.

Я поднимаю руки в успокаивающем жесте. (На краткий миг мой мозг сумасбродно расценивает это движение как взмах одной руки сразу в двух реальностях. Чтобы развеять морок, я вынужден прибегнуть к чему-то вроде внутреннего встряхивания головой. Мой разум сейчас находится как минимум в двух разных местах, что даже с моим редким даром и после множества тренировок требует немалой концентрации.)

— Леди незлопамятна, — слышу я собственный

голос. — К тому же ее позиция совсем не такова, как вы, должно быть, предположили.

В глазах лорда Хармайла загорается любопытство. Возможно, он размышляет, насколько хорош мой английский и нет ли в моих словах подвоха.

С рассеянным видом шарю по карманам. (Я и правда рассеян по мирам, но держусь.)

— У вас не найдется носового платка? Такое чувство, что вот-вот чихну.

Хармайл хмурит брови. На миг он переводит глаза на свой нагрудный кармашек, откуда выглядывает белый треугольник платка.

— Сейчас попрошу. — Он поворачивается, чтобы окликнуть официанта.

Этого достаточно. Я встаю с места, стремглав бросаюсь к лорду, и пока он снова оборачивается ко мне — в глазах у него первые промельки страха, — успеваю полоснуть его по горлу от уха до уха стилетом, который прятал в правом рукаве. (Симпатичная вещица из Венеции — должно быть, из муранского стекла, куплена на Банд-стрит минут десять назад.)

Алебастровая наружность почтенного лорда вводила в заблуждение: на самом деле, крови в нем достаточно. Для верности я вонзаю ему

стилет под грудину.

На всякий случай оговорюсь: я не солгал. Я действительно состою в Охранном отделе (хотя, по всей видимости, только что отправил себя в отставку), однако вышеозначенный отдел занимается безопасностью «Надзора» в целом, а не конкретных личностей. Это существенный нюанс. Впрочем, возможно, не в данном случае.

Я осторожно отступаю от лорда Хармайла, который с отчаянной и до странного комичной тщетностью пытается остановить кровь, бьющую фонтанчиками сразу из нескольких артерий. Когда он с хрипом выплевывает последние булькающие вздохи — или слова? — через разорванную трахею (он даже не заметил торчащий из груди тонкий нож-карандаш, хотя, возможно, тут дело в приоритетах), — я чихаю, внезапно и оглушительно.

Как будто у меня аллергия на кровь — что было бы некстати при моей-то профессии.

4

Пациент 8262

Утром ко мне на подоконник прилетела маленькая птичка. Сперва я ее услышал, затем открыл глаза и увидел.

Сегодня ясный, погожий денек, обычный для поздней весны; в воздухе пахнет свежей листвой и отшумевшим ночью дождем. Птичка, если мерить от клюва до хвоста, была меньше моей ладони. Оперение — коричневое в крапинку, клювик желтый, лапки черные, на крыльях — белые перышки. Пичуга поглядела в мою сторону, потом прыжком развернулась, приготовилась упорхнуть, но передумала. Она наклоняла и поворачивала крошечную головку, рассматривая меня блестящим черным глазом.

Кто-то прошаркал по коридору мимо открытой двери в мою палату и спугнул птичку. Вначале она нырнула вниз, пропав из поля зрения, после чего возникла опять. Несколько секунд она поднималась, энергично работая крылышками, — и вдруг крепко прижала их к телу. Напоминая крошечную пернатую пулю или падающий снаряд,

она ринулась к земле, а вскоре опять раскинула крылья и усердно ими затрепетала, заново набирая высоту. Я потерял пичугу из виду, когда она растворилась в ярко-зеленом мареве листвы.

Мы существуем в бесконечности бесконечностей, и каждая мимолетная мысль или неосознанное действие влияют на наши жизни, прокладывая изменчивое русло сквозь мириады вероятностей бытия. Лежа в палате, я вспоминаю о действиях и решениях, из-за которых попал сюда, воссоздаю последовательность мыслей и событий, оканчивающуюся — в данный момент — на том, что де́ла важнее и конструктивнее, чем размышлять обо всей этой цепочке случайностей, у меня нет. Столько времени на раздумья я еще не тратил никогда. Больничная койка, палата, обстановка в клинике весьма этому способствуют. Здешние декорации внушают спокойствие, создают впечатление чего-то незыблемого и надежно обслуживаемого, без видимых признаков упадка, энтропии. Я чувствую не угасание, а свободу мысли.

В Детройте я играл в пинбол, в Иокогаме — в

пачинко [15], в Ташкенте — в багатель [16]. Все три игры завораживали меня непредсказуемостью, которую порождала четко выстроенная, филигранная система, когда блестящие стальные шарики, отскакивая в разных направлениях, в конце концов неизменно поддавались силе гравитации.

Аналогия с человеческой жизнью тут, пожалуй, даже слишком очевидна. Игра в общих чертах показывает нам, что такое судьба и как мы ей следуем. Аналогия, конечно, приблизительная, ведь наша среда обитания гораздо сложнее, нежели булавки, бамперы и стенки, от которых со стуком отскакивают шарики. Наша жизнь больше походит на перемещение броуновских частиц в дымовой камере, к тому же мы хотя бы номинально обладаем свободой воли, — однако в качестве упрощенной модели игра в пинбол вполне го-

---

[15] Примечания: 15

Пачинко, или патинко, — популярный в Японии игровой автомат, нечто среднее между денежным игровым автоматом и вертикальным пинболом.

[16] Примечания: 16

Багатель (от *фр. bagateille* — «безделушка») — зародившаяся при дворе Людовика XIV игра, от которой произошел современный пинбол. Изначально это была усложненная версия бильярда с воткнутыми в стол булавками. После удара шар отскакивал от булавок и попадал в лузы. Существует несколько вариантов багатели, отличающиеся размером игрового поля, количеством шаров и особенностями правил игры. Иногда вместо булавок используются деревянные колышки.

дится. Так мы можем составить представление о вещах, которые слишком грандиозны, чтобы понять их в первозданном виде.

Когда-то я много путешествовал, выполняя поручения организации, именуемой «Надзор». Это было моим призванием. Тем, к чему я стремился, к чему меня готовили другие люди и судьба. Я странствовал по многим мирам, катался на гребне переменчивого, бесконечно ветвящегося бытия, скользил сквозь спектры стабильного/нестабильного, замкнутого/открытого, банального/экстравагантного, дружелюбного/жестокого и так далее; познал все градации шкал, которые мы выработали, чтобы оценивать и систематизировать миры или группы миров. (Мир, где я сейчас нахожусь, — стабильный, замкнутый, банальный, дружелюбный. Ваш мир такой же, только ближе к жестокому концу спектра. Причем изрядно. К несчастью, у вас была всего одна митохондриальная Ева [17], и покладистым нравом она, похоже, не отличалась. Может, вулканы так на нее повлияли или что-то еще.)

---

[17] Примечания: 17

Митохондриальная Ева — женщина, от которой все современное человечество унаследовало митохондриальную ДНК. Жила на территории Африки около 200 000 лет назад. Эта женщина стала единственной в своем поколении, чьи потомки по женской линии дожили до наших дней.

Конечно, здесь я никому об этом рассказать не могу, хотя, признáюсь, подумывал. Если не на родном языке, то на английском или французском, которые хорошо изучил и активно использовал во время службы. С большой вероятностью никто бы не понял ни слова, но все равно это было бы опрометчиво. Я стараюсь не расслабляться, даже в мелочах. До сих пор я боялся и подумать о прошлой жизни, хотя теперь полагаю, что мною двигали предрассудки.

Рано или поздно воспоминания меня настигнут.

Надеюсь, та птичка вернется.

Эдриан

Полагаю, мистер Нойс в каком-то смысле заменил мне отца. Честный малый, чего тут добавишь? Как говорится, «старые деньги» — на тот момент я еще не обзавелся такими знакомствами в Сити. Да и в принципе, честных людей встречал нечасто.

Я продавал его сыну Барни столько снега, что засыпало бы весь город, хотя мистер Н. вряд ли был в курсе. Нет, понимал, конечно, что парень у него знатный нюхач, ну, или догадывался — умный же дядька, мозги на месте, — просто едва ли Барни рассказывал, кто именно подгоняет ему

львиную долю наркоты.

Когда я решил заняться чем-то более респектабельным, то чуть ли не первым делом предложил Барни в качестве ответной услуги свести меня с отцом. Барни крупно мне задолжал, и вместо того, чтобы потребовать деньги, я напросился к ним на загородный уик-энд в кругу семьи. Я думал, Барни отметет эту затею, а он, наоборот, за нее ухватился: «Конечно-конечно! К нам куча народу приедет на выходные. Ты тоже подгребай. Почему бы и нет?» Я даже испугался, не продешевил ли, но решил плыть по течению.

Мы с Барни хлестали «Боллингер» в недавно открытом шампань-баре в Лаймхаусе: вокруг блестящий хром и состаренная кожа, мы оба нервные и болтливые, после того как закинулись коксом. Все время барабаним пальцами по столу, неистово киваем и прочая лабуда. Я принял куда меньше, чем он, но для меня обычное дело — подражать тем, кто рядом, пусть даже по факту я совсем в другой кондиции. Однажды меня назначили трезвым водителем, и я всю ночь не пил ничего крепче минералки с газом — и никакой наркоты! — а в итоге ребята отобрали у меня ключи от машины, потому что я путался в словах, нервно хихикал и лыбился.

То же и с порошком. Я принимаю немного, чисто за компанию, пока друзья закидываются по самое не могу, а в итоге становлюсь таким же дерганым и взбудораженным, как они.

Фишка в том, что я быстро прихожу в норму, понимаете? Стоит кому-то заподозрить, будто я тайком подливаю водку себе в «Перье», как я мгновенно трезвею, и мои спутники охотно доверяют мне машину. Но минусы тут тоже есть, ведь меня принимают за актеришку, который издевается над другими, притворяясь пьяным. Людей такое бесит. Особенно бухих, конечно. Пару раз доходило до стычек. Вообще-то у меня и в мыслях не было кого-то задеть. Я вел так себя ненамеренно. Это просто случалось, и все. В общем, я научился приглушать эффект, как будто я пьян/под веществами, однако избавиться от него совсем не мог.

— Что за люди приедут? — полюбопытствовал я.

— Понятия не имею.

Барни улыбнулся девицам, сидевшим за соседним столиком.

По части женщин он явно давал мне фору. Еще бы, куда брюнету среднего роста вроде меня против высоченного блондина? Он ходил в качалку,

однако его лицо казалось пухловатым, как бы намекая, что без ежедневных тренировок он быстро поплывет. Ну, или без кокса. Я же слыл подтянутым.

— Просто люди, — хмуро зыркнул он на меня, не переставая при этом улыбаться. — Люди как люди, понятно?

— Да уж, бро, — усмехнулся я, — такого подробного ответа я давно не слышал. Понятнее некуда! — С ним я изображал парня с улиц, поэтому и сказал «бро».

— Я правда не знаю, кто именно, — отмахнулся он.

— Бомжи? Короли? — Меня бесило, что мы топчемся на месте.

— Да твою ж мать, — проворчал Барни. — Откуда мне знать, что за люди! Обычные. Такие, как я или ты. Ну, может, не как ты, но люди! — раздраженно закончил он, покосившись на дверь в мужской туалет.

С последней закидки не прошло и пятнадцати минут, а ему уже добавку подавай!

— Люди, значит, — хмыкнул я.

— Люди.

Похлопав по карману, где лежал пакетик с дурью, он выразительно мне кивнул.

Барни всегда плоховато ладил с конкретикой. Эта черта помимо прочих делала его неважным трейдером. Ну и чрезмерная тяга к коксу тоже.

— Ты про ближайшие выходные? — уточнил я.

— Да.

— Уверен, что для меня найдется местечко?

— Конечно! — фыркнул он. — Будет тебе целая сраная комната!

Комнат оказалось много, потому что приехал я в хренов особняк — Спетли-холл в Саффолке, рядом с городком Бери-Сент-Эдмундс. На въезде в такие поместья обязательно видишь красивые, хотя и заброшенные ворота с башенкой, словно из какой-нибудь сказки, а дальше поневоле задумываешься, нет ли тут вселенского подвоха, ведь парки с беседками и луга со стадами оленей все тянутся и тянутся, а никакого жилья на горизонте нет.

Затем вдали показывается облепленная статуями и урнами каменная громада с вытянутыми, богато украшенными окнами, напоминающая мини-копию Букингемского дворца, и ты понимаешь, что вот, наконец-то, и дом. На крыльце, однако, ни дворецкого, ни лакея. Паркуйся как хочешь, ага.

Хотя с сумками мне все же помогли, когда я

дотащился по лестнице до парадных дверей. Слуга даже извинился за то, что не встретил меня раньше, — разводил по комнатам других гостей.

Вообще-то эти владения принадлежали миссис Нойс. Она была из какого-то там рода с двойной фамилией, настоящей Леди с большой буквы «Л», и, выйдя замуж за мистера Н., унаследовала семейное поместье.

В те выходные в Спетли-холл съехались по меньшей мере двадцать гостей. Сомневаюсь, что хоть раз застал их всех в одном месте. Миссис Н. — милая седовласая дамочка, совсем ненапыщенная и по-настоящему элегантная — пыталась созвать нас на завтрак и ужин, но одной паре надо было вечером в Лондон, еще кто-то простудился, а чьи-то дети рано ложились спать, ну и тому подобная фигня, поэтому кворум у нас не собрался ни разу.

Кстати, вопрос про королей, который я задал Барни, оказался в каком-то смысле пророческим: в Спетли-холл приехал один из дальних родичей монаршей семьи и его родовитая подруга.

Свою тогдашнюю главную пассию — танцовщицу по имени Лисанна — я с собой не взял. Она, конечно, была красоткой: ноги от ушей, роскошные длинные волосы — натуральный

блонд! — однако ее ливерпульский говорок царапал, как нож по стеклу. Да и отвлекала бы она меня, чего уж там.

К тому же Лисанна относилась к тем девушкам, которым плохо удается скрывать, что они не прочь найти себе партию получше. В сравнении с ее бывшим — тоже дилером, но на пару ступеней ниже, — я однозначно выигрывал, однако заблуждением, будто никого круче ей не сыскать, не страдал. В месте вроде Спетли-холла, полном воротил и богатеев, Лисанна легко поддалась бы соблазну, несмотря на все заверения, что она моя навеки. Попала бы в неловкую ситуацию, а то и выставила себя дурой. Заодно и меня бы опозорила, и все бы закончилось плачевно.

Еще хуже, конечно, если бы она добилась своего: захомутала бы какого-нибудь богатенького фраера, а я бы остался один, как лох. Тоже так себе перспективка, ага?

За разговором на эту тему я и сошелся с мистером Нойсом. В субботу поздно вечером мы с ним вдвоем играли в английский бильярд — это вроде снукера для богатеев. Все прочие отправились спать, я же был вполне себе бодрячком, хотя никаких веществ не употреблял.

— Ты правда так спокойно к этому относишься,

Эдриан? — спросил мистер Нойс, натирая кончик кия зеленым мелом.

Затем он сдул лишнее и улыбнулся. Мистер Н. был крупным, представительным мужчиной, довольно подвижным, несмотря на комплекцию. Соломенного цвета волосы — с проседью; брови — черные и кустистые. Он носил массивные очки, которые тогда еще не вышли из моды. Прибавьте сигару — и получится вылитый Граучо Маркс [18].

Строгие пиджаки мы повесили на спинки стульев. Когда он ослабил бабочку на шее, я расстегнул свою, мысленно сделав пометку купить настоящую, как у него. Париться с тем, чтобы завязывать ее перед ужином, я бы, конечно, не стал, но мог бы принести ее с собой в кармане, а надеть ту, что с застежкой. А под конец вечера заменил бы поддельную бабочку развязанной настоящей — пусть себе болтается. Смотрелось бы куда элегантнее. Как и его жена, отец Барни в официальной одежде, в которой большинству из нас было бы до ужаса неловко, выглядел абсо-

[18] Примечания: 18

Джулиус Генри «Граучо» Маркс (1890–1977) — американский актер и комик. С четырьмя братьями участвовал в комик-труппе «Братья Маркс». Сценический образ Граучо включал густые черные брови и усы, а также очки и сигару.

лютно естественно.

В тот уик-энд я убедился, насколько богатеи любят наряжаться. Хотя при этом соблюдают строгие нормы. У них есть специальные костюмы для утренних и вечерних выходов, для ужина, верховой езды и охоты (разные комплекты для разных видов охоты, не говоря уже о рыбалке), для круизов на яхте, просто загородных прогулок, кратких визитов в соседний городок и, конечно, для выездов в Лондон. У них даже повседневная одежда становится Повседневной Одеждой, а не просто удобными вещами, в которых мотаешься туда-сюда.

— Вы об отношениях, мистер Нойс?

— Пожалуйста, зови меня Эдвардом. Да, об отношениях. — Его низкий голос звучал мягко, но не слащаво, а солидно. — Твои взгляды крайне далеки от романтики, не находишь?

Ухмыльнувшись, я ударил кием по белому шару, заставив его со стуком отскочить от бортика. Я без труда понял правила английского бильярда, хотя он по-прежнему казался мне довольно бестолковым.

— Вы разве не согласны, что все в этом мире продается и покупается, Эдвард?

— Ну… Есть и такое мнение, да.

— Не думал, что вы станете возражать — при вашей-то работе, — удивился я.

Мистер Н. был старшим партнером в одной из самых известных брокерских компаний Сити и, как поговаривали, ворочал миллионами.

— Для меня деньги — это всего лишь деньги. — Он ударил по шару и на миг застыл, любуясь результатом. — Странно было бы думать иначе. Да и довольно затратно, полагаю.

— Но ведь жизнь устроена как рынок, разве нет? — возразил я. — Сами смотрите: люди рассказывают себе сказочки про настоящую любовь и иже с ней, а когда доходит до дела, каждый довольно ясно видит собственную ценность на брачном рынке. Ну, или любовном — называйте как хотите. Понимаете, о чем я? Страшным людям хватает ума не подкатывать к красивым — сразу понятно, что получат от ворот поворот. Красивые люди тоже видят свое место в иерархии. Это как в турнире по сквошу [19]. — Я широко улыб-

[19] Примечания: 19

Сквош — английская спортивная игра с ракетками и мячом в закрытом помещении, вроде тенниса, но без сетки. Игроки стоят на одной стороне корта и отбивают мяч от стенок. Турниры устроены по «пирамидальному» принципу: участники распределяются по ступеням пирамиды, и цель каждого — попасть на самый верх, для чего нужно победить того, кто находится выше тебя. Проигравший не выбывает, а опускается на ступень ниже, из-за чего такие турниры могут продолжаться бесконечно.

нулся. — Каждый знает свое место. Вы можете бросить вызов тому, кто вас немного опережает, или принять вызов от того, кто немного отстает. А если прыгнете выше головы — опозоритесь. Как-то так.

— По сквошу, говоришь? — повторил мистер Н., после чего со вздохом ударил по шару.

— Дело в том, — продолжил я, — что люди начинают с той социальной ступени, где родились, а затем могут подняться выше за счет внешности. Ну, или за счет наглости, уверенности в себе. Или за счет таланта. Так происходит с футболистами. С известными актерами. С рок-звездами. С диджеями и прочими знаменитостями. Так им достаются деньги и слава. Загвоздка в том, что красота не вечна, да? Особенно у женщин. Красота может открыть все двери, если умело ее применять. Девушка вроде моей Лисанны прекрасно знает, что красива. Знает, как использовать свою внешность, и вовсю использует. Да и флаг ей в руки. Она думает, что добьется лучшего, чем я. Чем я в данный момент. Поэтому ухватит любую возможность продвинуться, улучшить свое положение. Что ж, все честно. Хотя, конечно, есть и риски. Это чем-то напоминает скалолазание. Таким, как она, важно хорошенько проверить следующий

уступ, прежде чем убрать ногу с предыдущего.

— Скорее, уж похоже на лотерею.

Я усмехнулся, хотя не понял, шутит он или нет.

— Разве я вправе винить Лисанну? — добавил я. — Ведь если я найду девушку симпатичнее или такую же красивую, но чуть умнее и более утонченную — то, скорее всего, отправлю Лисанну в отставку. — Я развел руками и одарил мистера Н. фирменной «свойской» улыбочкой. — Все по-честному.

— Для тебя, полагаю, шаг на ступеньку выше означает больше денег? — уточнил мистер Н.

— Разумеется, Эдвард. Деньги правят миром, разве нет? Жизнь — это игра, и побеждает тот, кто умирает, забрав больше всего призов. Не знаю, кто это сказал, но очень в точку, согласитесь?

— И все же… — протянул мистер Н., — советую быть осторожнее. Одно из самых мудрых изречений, которые я слышал за всю жизнь, звучало так: если тебя заботят только деньги, то лишь деньги будут заботиться о тебе. — Он перевел взгляд на бильярдный стол. — Суть, полагаю, в том, что если не думать о других, то, когда ты станешь старым и немощным, рядом останутся только наемные сиделки да аферисты, охочие до чужих денег.

— Дожить бы до старости, а там видно будет, — хохотнул я.

Мистер Н. подошел к столику с напитками и отхлебнул немного виски.

— Надеюсь, вы оба понимаете, на что подписались. — Он склонил голову набок. — Она это точно понимает? Ты с ней говорил?

— Это вроде как… само собой разумеется, — пожал плечами я.

— Неужели? — усомнился мистер Н.

Я кивнул:

— Всем и так все ясно.

— А как же любовь? Найдется ли для нее место в столь меркантильной системе ценностей?

— Ах, любовь! — мечтательно воскликнул я. — Она приходит, и все. Плюет на правила. Это другой уровень. Как босс в игре. В общем, никто не застрахован.

Мистер Н. с усмешкой ударил кием по шару.

— Если уж начистоту, — продолжил я, — при всем моем к вам уважении, Эдвард, вы можете позволить себе такие взгляды, потому что вы, как бы это сказать… уже всего добились. Понимаете, о чем я? — Лицом я показал, что не хочу его задеть и вовсе не завидую — просто делюсь соображениями. — У вас чудесная жена, семья, важная работа,

загородный дом, квартира в Лондоне, лыжи в Клостерсе [20], яхта в Средиземном море… все, что пожелаете! Вы благосклонно взираете на остальных с Олимпа, разве нет? А я… еще карабкаюсь где-то у подножия. Увязая ногами в камнях.

Он рассмеялся.

— Почти все мы здесь барахтаемся, — продолжил я. — Просто не все это признают. Главное — видеть, как обстоят дела в реальности. Стремиться за тем, кто впереди. Вот и все.

— И как твои успехи, Эдриан?

— Спасибо, неплохо.

Я занес кий. Опять бестолковое мельтешение и клацанье.

— Прекрасно. Рад за тебя. Барни очень хорошо о тебе отзывается. Напомни, чем ты занимаешься?

— Веб-дизайном. У меня своя студия.

Чистейшая правда, разве что на сто процентов выдуманная.

— Что ж, надеюсь, у тебя все получится. Только учти: успех, даже самый громкий, от всех проблем не избавит. — Он оценивающе оглядел стол.

— Это понятно. Каждый несет свой крест.

Мистер Н. нанес удар кием и медленно рас-

---

[20] Примечания: 20

Клостерс — горнолыжный курорт в Швейцарии.

прямился.

— Что скажешь о Барни? — поинтересовался он, неподвижно наблюдая, как шары со стуком мечутся по сукну, затем сосредоточенно натер кий мелом.

«Ага», — подумал я и решил не отвечать сразу, а ударил по шару и только затем проговорил:

— Он отличный парень. С ним весело. Вот только… — Я изобразил легкое огорчение, а встретив взгляд Эдварда, вздохнул: — Друзей он выбирает довольно сомнительных. Я не о присутствующих, конечно, — с усмешкой добавил я.

Мистер Н. не улыбнулся.

— Меня беспокоит, не слишком ли Барни расслабился. — Он вновь наклонился над столом. — Я разговаривал с его коллегами из «Бэрнс-Фэплиш»…

Брокерская контора, где работал Барни. Мистер Н. решил, что не стоит устраивать сына в собственную фирму сразу после выпуска — не так поймут. Барни сам мне рассказывал, что ему потребовалось немало дополнительных занятий, чтобы после Итона поступить в Оксфорд, и то он едва наскреб на 2,2. Что бы это ни значило. Я думал, что это калибр какой-нибудь пневматической винтовки.

— Они слегка озабочены, — продолжил мистер Н., — что Барни приносит им меньше прибыли, чем хотелось бы. С этим нужно что-то делать. Времена изменились. Когда-то любой дурак мог стать брокером, и многие становились. Теперь простого желания мало. — Он улыбнулся одними губами; глаза остались серьезными. — А ведь на кону — репутация семьи.

— В молодости мы все немного шальные, разве нет? — заметил я.

Эдварда, похоже, мои слова не успокоили.

— Придет время, и он себя покажет, — сказал я со знающим видом.

Подобная чушь звучала от меня довольно убедительно, поскольку я был немного старше Барни.

— Послушайте, мистер Нойс, Эдвард… — Положив кий на стол, я скрестил руки на груди. — От парня всегда ждут большего, если он — сын успешного отца. Согласны? Он на вас равняется, точно вам говорю. А вы, ну… Вас не так-то просто превзойти. Наверняка это тяжко — жить в вашей тени. Может, с вершины Олимпа и не видно — но так оно и есть.

Мистер Н. улыбнулся. По-моему, немного печально.

— Пожалуй, соглашусь, что Барни нужны друзья понадежнее, — произнес он, нацелив кий. — Я, наверное, прозвучу как эдакий викторианский отец-патриарх, но немного муштры моему сыну не помешало бы.

— Думаю, вы правы, Эдвард. Мне кажется, Барни чересчур добродушный.

— Добродушный?

— Ему слишком легко все досталось, вот он и считает мир более приятным местом, чем на самом деле. Ждет, что все будут такими же довольными и беззаботными, как он. — Я склонился над столом. — Так думать опасно.

— Быть может, ты преподашь ему несколько жизненных уроков?.. Ого, неплохой удар!

— Спасибо! Да, я мог бы, пожалуй, — кивнул я. — Вообще-то, я уже пытался, но теперь займусь этим плотнее. Если вы не против. Не уверен, что он меня послушает, но попытка — не пытка.

— Буду очень благодарен, — сказал мистер Н.

— Сочту за честь, Эдвард.

— Гм-м… — задумчиво протянул он, — в следующем месяце мы едем в Шотландию на охоту. Барни с Дулсимой обещают побыть там первую неделю, хотя, боюсь, он снова в последний момент откажется. Думаю, он считает нас занудами.

А ты, Эдриан, умеешь стрелять?

(Отлично! Я уговорю Барни поехать, пообещав ему целую неделю отменного кайфа, а сам еще ближе сойдусь с мистером Н.!)

— Никогда не пробовал, Эдвард.

— Обязательно попробуй. Может, составишь нам компанию?

Мадам д'Ортолан

Мистер Клейст решил, что, учитывая обстоятельства, леди приняла известия, на удивление, спокойно. Ведь он сделал то, о чем и помыслить не смел за те несколько лет, что на нее работал, — побеспокоил ее, когда она была за туалетом. Пригласив его в будуар, леди продолжила наносить макияж. Он встал позади, глядя на нее в зеркало туалетного столика.

Перед встречей с помощником мадам д'Ортолан накинула пеньюар, однако мистер Клейст обнаружил, что стоит ему опустить глаза — и его взгляд упирается в весьма откровенное декольте. Он отступил на полшага назад, чтобы избавить обоих от конфуза. Между ними никогда не было отношений подобного толка. Тем не менее, когда из-под табурета, на котором сидела хозяйка, выгнулся кот по кличке Месье Пампельмус, в его взгляде мистеру Клейсту почудилось осуждение.

Мадам д'Ортолан вздохнула.

— Ну, что там с Хармайлом?

— Боюсь, он…

— Мертв?

— Вне всякого сомнения, мадам.

— Похоже, наш паровозик совсем сошел с рельсов.

— Я бы сказал, мадам, поехал по другому пути в абсолютно неверном направлении, да еще и набирая скорость.

Мадам д'Ортолан смерила мистера Клейста испепеляющим взором, от которого поежилась бы львиная доля мужчин. Мистер Клейст, однако, был не из робких.

— Надеюсь, мы его не упустили?

— Только что получил отчет. Двое из пяти заявляют, что им удалось — образно выражаясь — запрыгнуть в последний вагон. В любом случае, его следующую транзицию отследить будет гораздо легче.

— Доставьте его сюда, — велела она. — Живым, но не обязательно невредимым.

Мистер Клейст понимающе кивнул.

— А также пройдитесь по намеченным целям. По всем без исключения. Немедленно, — добавила она, когда он снова кивнул, и взяла расческу.

— Будет сделано, мадам.

Уходя, мистер Клейст попытался как бы ненароком задеть Месье Пампельмуса ногой. Кот играючи увернулся и с некоторой долей самодовольства мяукнул.

Транзитор

Чихаю, высмаркиваюсь, гляжу по сторонам. Это другая версия здания, где располагался клуб «Перинеум», в котором прямо сейчас, надо думать, лежит на полу, суча ногами, лорд Хармайл и с бульканьем в горле встречает кровавую смерть.

В моей нынешней реальности в доме на Вермин-стрит находится парфюмерный магазин. Обитых темным деревом стен почти не видно за узорчатыми ковриками и световыми панелями; в мягких, кремовых лучах поблескивают стеклянные полки с каплевидными флаконами. В воздухе витают чарующие женские ароматы, поэтому никто даже на йоту не удивлен, что я чихнул. Весьма обеспеченную клиентуру в основном составляют дамы. Одну-двух сопровождают кавалеры. Есть еще несколько мужчин без пары, помимо меня.

К своему удивлению, я разглядываю именно мужчин. Продавцы-консультанты в этом магазине по большей части очень привлекательные

молодые люди. Один особенно приметный экземпляр — высокий и смуглый — улыбается, глядя на меня. Я улыбаюсь в ответ, чувствуя, как по телу пробегает легкая дрожь.

Что ж, ясно. Не скажу, чтобы мне нравилось быть геем, но, по крайней мере, я не начал пересчитывать щели в паркете. Похоже, ОКР я оставил позади — во всяком случае, пока. Из языков я теперь владею английским, испанским, португальским, французским, немецким и кантонским диалектом китайского, плюс еще парочкой по верхам.

Подхожу к зеркалу в полный рост и бегло окидываю взглядом свой внешний вид. Одет я почти так же, как при встрече с лордом Хармайлом (интересно, можно ли уже назвать его «покойным»?). Длинные темные волосы накручены по здешней моде, и эта прическа, не побоюсь отметить, мне чертовски идет. Неудивительно, что молодой продавец наградил меня улыбкой.

Я проверяю, нет ли на пальцах крови. Было бы странно, если б она обнаружилась, и все-таки лучше убедиться.

Ни пятнышка. У меня очень бледные руки с прекрасным маникюром, на каждой красуется по два кольца из серебра или белого золота.

Так, с внешним видом разобрались, и ладно. Грустно улыбаюсь на прощанье красавчику-продавцу и шагаю к двери, попутно проверяя, на месте ли бумажник, документы и бронзовая таблетница. Согласно моему британскому паспорту меня зовут Маркуанд Ис. Тут все в порядке. Бумажник набит крупными белыми банкнотами и несколькими ценными на вид кусками пластика со встроенными серебристыми чипами.

Вперед, на улицу. И снова нет дирижаблей! *Dommage*! [21]

Впрочем, над относительно низкими зданиями неспешно проплывает огромный самолет, держа курс на запад. Взмахом трости я подзываю кеб — рычащий горбатый драндулет (похоже, электрический) — и прошу женщину-шофера отвезти меня в аэропорт.

— В какой именно? — В зеркале видно, как она хмурится.

Ого, да тут у нас Большой Лондон, *Londres grande*! Прелестно.

— А куда сядет вон тот самолет? — указываю я тростью.

Женщина, прищурившись, высовывает голову

---

[21] Примечания: 21
Какая жалость! *(фр.)*

в водительское окно.

— Видать, в ‘Итроу.

— Значит, мне туда.

— «Туда» стоит денег.

— Не сомневаюсь. Едем же, ну!

Мы отъезжаем.

— Плайт, Йесусдоттир, Кряйк, Хайцлофт-Байдекерн, Обликк, Малверхилл, — бормочу я.

Похоже, это стало чем-то вроде мантры. Женщина-водитель косится на меня в зеркало.

— Плайт, Йесусдоттир, Кряйк, Хайцлофт-Байдекерн, Обликк, Малверхилл, — повторяю с ухмылкой.

— Ой, да ну вас.

Я устраиваюсь поудобнее и гляжу в окно на довольно тихое дорожное движение и весьма кричащую архитектуру. С тех пор, как я переместился — точнее, с тех пор, как убил лорда Хармайла, — мое сердце билось учащенно. Теперь же пульс потихоньку замедляется, что дает мне возможность спокойно поразмышлять.

Конечно, я задумываюсь о беднягах, которые расхлебывают последствия моих действий, особенно таких драматичных и неприглядных, как убийство. Интересно, каково им приходится? Считается, что они не подозревают о случившем-

ся, пока я их не покидаю, хотя не факт, что на деле все именно так. Разве они могут не знать о том, что́ я заставляю их делать? Разве они не остаются со мной, когда я захватываю их тела, не наблюдают — испуганные и обозленные, — как я выполняю очередной приказ?

Или они правда ничего не понимают, а когда дело сделано, внезапно приходят в себя возле умирающего человека, с окровавленными руками и в окружении изумленных свидетелей? Как вообще можно выпутаться из такой ситуации? В ужасе отпрянуть? Воскликнуть: «Это не я!»? Вряд ли поможет. Беднягам лучше всего удариться в бега. А может, даже упасть замертво в тот миг, когда я их покидаю.

Я спрашивал о том, как это происходит, однако «Надзор» — в силу специфики организация весьма консервативная — ревностно оберегает свои тайны. Поэтому даже исследователи, техники и эксперты, чья работа — знать о подобных вещах, не спешат делиться информацией.

Есть люди, которые, несомненно, могут ответить на все мои вопросы и множество других. Мадам д’О., миссис М., доктор Плайт, профессор Лочелле, да и прочие члены Центрального совета. Не удивлюсь, если существует целый отдел

в нашей конторе… хм-м… почему-то сейчас мне не хочется называть ее «Надзором». Я нахожусь в одном из миров, где ее называют *l'Expédience* [22].

Что-то я отвлекся. Не удивлюсь, если целая группа специалистов изучает, что происходит, когда кто-то вроде меня захватывает контроль над человеком, уже существовавшим в другой реальности, однако боссы *l'Expédience* не включили меня в список тех, кому открыты результаты исследования.

А знать бы хотелось. Я проводил собственные небольшие эксперименты — копался в захваченных чувствах и воспоминаниях, пытаясь нащупать след личности, которую заменяю. Увы, до сих пор такой опосредованный самоанализ лишь убеждал меня, что подобные изыскания глупо было и затевать.

И так понятно, что я перенимаю отдельные черты характера у человека, чью личность замещаю. Отсюда, должно быть, и ОКР, и сексуальные предпочтения, и пристрастие, скажем, к чаю, кофе, шоколаду, молоку со специями, крепкому алкоголю, пресной или острой пище, чернослив…

Недавно я поймал себя на мысли, что многие

---

[22] Примечания: 22

«Избавление» (от *фр.* *expédier* — «отправлять», «сбывать с рук», «избавляться от чего-либо»).

годы наблюдаю за реальностью глазами обычного человека, будь то врач-терапевт, хирург, ландшафтный дизайнер, математик, инженер-конструктор, животновод, судебный юрист, страховой агент, владелец отеля или психиатр. Я уже привык постоянно менять профессии. Однажды я побывал проектировщиком канализационных систем и серийным убийцей по совместительству. (Знаю, что вы на это скажете, поэтому прошу вас быть снисходительнее и считать меня скорее ликвидатором. Согласен даже на наемного киллера, если так вам проще будет понять, что мною руководит сознательный выбор, а не дикие потребности психопата. Впрочем, соглашусь: мои жертвы вряд ли сочли бы этот нюанс существенным.) В тот раз я всеми силами подавлял желание душить проституток, дабы выполнить миссию, которая заключалась в том, чтобы выследить и похитить (ха! Видите? Даже не убить!) определенного человека.

В то же время, я ни разу не побывал женщиной — немного подозрительное и досадное упущение. Очевидно, некие границы все же существуют.

Любопытно, используются ли тела, которые я посещаю, повторно? Я еще никогда не вселялся в одно и то же тело дважды — впрочем, я вообще

редко возвращался в одну и ту же реальность.

До моего вторжения эти люди ведут полноценную жизнь. У них есть прошлое, карьеры, многочисленные связи — как личные, так и деловые. Все как у всех. Меня не раз приветствовали «мои» жены и девушки, «мои» дети и «мои» лучшие друзья, ни на секунду не смущаясь и ничем не намекая, что я веду себя странно или сам на себя не похож. Оказываясь в новом теле, я будто бы сразу понимаю, как держаться, и вживаюсь в чужую шкуру естественнее самого талантливого актера. А покопавшись в своей/чужой памяти, не нахожу там ни намека на прежние контакты с «Надзором» — или как его называют в конкретной реальности — и никакой подготовки к моему внедрению.

Я достаю из кармана пиджака маленькую бронзовую коробочку. Внимательно ее оглядываю. Думаю, в следующий раз я приму одну из лежащих внутри таблеток на высоте в десять километров над Атлантическим океаном, или над Альпами, или глядя в иллюминатор на Сахару. А может, подожду, пока самолет приземлится.

В любом случае, истинный принцип действия этих белых таблеточек — настолько маленьких, что три или четыре таких запросто уместятся на

ногте мизинца, — мне неизвестен. Кто их производит и где? Кто их изобрел, впервые испробовал, протестировал?

Я вдавливаю кнопку на коробочке, и мне в ладонь выпадает самая обычная таблетка сахарозаменителя, какую человек, соблюдающий диету, добавил бы себе в чай или кофе (а после этого, как частенько бывает, уплел бы за обе щеки булочку с кремом). Эта таблетка почти такая же, как другие, особые — только без крошечного синего пятнышка по центру, едва заметного невооруженным глазом. Я приоткрываю коробочку и возвращаю подсластитель на место.

Сама таблетница изготовлена с отменным мастерством. Если использовать ее привычным образом, она исправно выдает вам подсластитель, пока он не заканчивается; лишь по-особому взяв ее и надавив в нужном месте, вы получаете доступ к скрытому отделению, где таится настоящее сокровище. В этом случае из коробочки выпадает крохотная таблетка, позволяющая вам транзитировать — переноситься в другую личность и реальность.

Вопросы, сплошные вопросы… Я знаю, что должен думать: однажды я поднимусь до уровня мадам д'Ортолан и ей подобных и тогда получу

ответы. Если разберусь со всеми, кто упомянут в выданном мне списке, — весьма вероятно, пойду на повышение. Это я тоже должен держать в уме. Правда, такая плотная череда устранений потребует полной отдачи, а вот успех отнюдь не гарантирован.

Так или иначе, к несчастью для мадам д'Ортолан, у меня нет ни малейшего желания убивать людей из списка. Напротив, я сделаю все возможное, чтобы их спасти (в определенном смысле начало положено). И действовать я буду не по приказу, а диаметрально противоположным образом.

Я уже встал на этот путь, ведь лорд Хармайл в списке не числился.

5

Пациент 8262

Не профессия, а песня! У меня и у тех, кто меня ищет. Мы с ними, в общем-то, коллеги. Хотя в прежние времена, если честно, мне не было равных. Мои устранения, особенно в мирах, расположенных на самом ярком конце спектра, отличались безумным изяществом, продуманной, но безудержной поэзией.

К примеру, пламенная кончина арбитражера по имени Йерж Аусхаузер. А может, вам больше по душе мозговыносящий уход мистера Макса Фитчинга, фронтмена «Ган Паппи» — первой по-настоящему всемирной рок-группы, известной в таком количестве реальностей, что собьешься со счета? Или болезненная и, боюсь, затянувшаяся агония Мэрита Шауна — мотокаскадера, политика и бизнесмена?

Для Йержа на его ранчо в Неваде я приготовил особое джакузи, заменив воздух, подающийся в форсунки ванны, водородом. На баллонах с газом, которые я загодя спрятал под деревянным настилом, имелись радиоуправляемые клапаны. Я

наблюдал за местом действия с другого конца мира с помощью цифровой камеры, закрепленной на подзорной трубе, компьютера на солнечных батареях и зашифрованного спутникового канала. Приборы я замаскировал в зарослях шалфея на склоне холма в миле от ранчо.

Датчик движения сообщил о включении гидромассажной ванны, когда я спал в гостиничном номере в Сьерра-Леоне. Сонно моргая, я заглянул в смартфон и увидел, как к джакузи, размахивая волосатыми ручищами, подходит Йерж Аусхаузер, в кои-то веки один. Я вскочил с кровати, вывел из спящего режима ноутбук, чтобы видеть все четче, и подождал, пока Йерж погрузится во вспененную воду.

На его лице — свирепая гримаса. Очередная дорогостоящая ночка за игорным столом? Обычно в такие дни он приводил с собой девчонку-другую, но этим утром, возможно, утомился. В прохладном воздухе видимость была прекрасная — не мешали теплые восходящие потоки. На моих глазах Йерж сунул в рот темный, удлиненный предмет, затем поднес к его кончику другой, поменьше. Сверкнул огонек. Толстые пальцы Йержа

сжали «Гранд корону» [23]. Выставив кадык, он откинул голову на подушечку, закрепленную у края ванны, и выдохнул первую порцию дыма в ясно-голубое небо Невады.

Я набрал код доступа к клапану, открывающему приток газа из баллонов с водородом. Через секунду за полпланеты от меня вода в джакузи неистово забурлила. Повалил пар, как при кипении, окутав пеленой сначала Йержа, а затем все вокруг. А уже через миг на том же месте вспыхнул изжелта-белый огненный шар, поглотивший и ванну, и деревянный настил. Даже в ярком утреннем свете полыхнуло знатно.

Удивительное дело: несколько мгновений спустя, когда столб ревущего огня взвился в небо — совсем как шлейф ракетных газов, только обращенный кверху, — из пекла, шатаясь, вывалился Йерж с объятыми пламенем волосами и почерневшей кожей, которая лоскутами свисала с тела. Он скатился с каких-то ступенек и затих, уже без сигары, но в некотором смысле продолжая дымить как паровоз.

Пока настил не загорелся полностью — к тому

[23] Примечания: 23

«Гранд корона» — общее название сигар определенного формата. Это сигары той же длины, что и самый популярный формат «корона» (140–152 мм), однако содержат больше табачных листьев и потому толще.

времени выбежавшие из дома работники Йержа оттащили босса в безопасное место, — дыма было мало: при сгорании кислорода и водорода получается лишь вода. Так что почти все изначальное облако дыма, которое прохладный утренний ветерок уже понемногу рассеивал, унося к серебрившимся вдалеке сьеррам [24], произвел самолично Йерж.

Ему диагностировали ожог девяноста пяти процентов поверхности тела и необратимые повреждения легких. На удивление, врачи еще без малого неделю поддерживали в нем жизнь.

Макс Фитчинг был божеством среди смертных — с ангельским голосом и повадками сатира. Я убил его в Джакарте, когда он сидел в оттюнингованном полугусеничном автомобиле без крыши, ожидая тур-менеджера, который пошел за наркотой. (Макс так толком и не научился скрывать свою внешность и путешествовать инкогнито.) Я использовал лазерную установку, созданную в Израиле, чтобы сбивать иранские ракеты, когда те еще летят над Сирией, а лучше — над Ираком.

---

[24] Примечания: 24

Сьерра (от *исп. sierra* — «горная цепь», букв. «пила») — составная часть названий горных хребтов в Испании и странах бывшей испанской колонизации; в данном случае имеется в виду горный хребет Сьерра-Невада.

Выстрел произвел из фуры, припаркованной в квартале от машины Макса. Даже на минимальной мощности установка была слишком разрушительной для подобной задачи, и вместо того, чтобы проделать в Максовом лице — по-щегольски бледном, прикрытом темными очками и занавешенном дредами, — аккуратную дырочку, она разнесла его голову на куски. Окна первых трех этажей в ближайших домах разлетелись вдребезги.

Да, это убийство изящным не назовешь. Скорее наоборот. Однако красота заключалась в другом: выстрел не представлял собой обычный импульс; я филигранно настроил его частотную модуляцию, чтобы сигнал передал цифровую информацию с mp3-записи, сжатой до микросекунды. Так что Макса, по сути, погубила mp3-копия песни «Проснул и заснулся» — первого хита «Ган Паппи», который прогремел на весь мир и сделал певца по-настоящему знаменитым.

Мэрит Шаун был политиком-популистом вроде Перона [25], и надежные люди предупредили меня, что, если оставить все как есть, он погубит Южную и Центральную Америку, а затем и весь

---

[25] Примечания: 25

Хуан Доминго Перон — военный и государственный деятель, президент Аргентины с 1946 по 1955 и с 1973 по 1974 гг.

мир. (Как будто меня это волновало! Мое дело — выполнить задачу. О моральной стороне пусть беспокоятся те, кто отдает приказы.)

В прошлом Шаун прославился как самый известный в Бразилии и за ее пределами мотоциклист-каскадер. Он пережил много аварий, но это лишь приводило публику в восторг и щекотало ей нервы. Все четыре его конечности были пронизаны и укреплены большими объемами хирургической стали, хотя и без этого от количества металлических имплантов в его теле детекторы в аэропорту начинали бить тревогу, еще когда Шаун, прихрамывая, выходил на парковку.

Для него я приготовил индукционную печь. Он медленно поджарился изнутри, слушая гудение магнитов вокруг и собственные крики.

…У вас какие-то вопросы? За что, за что и еще раз за что? Я знал причины, только если о них сообщали, и даже когда сообщали — мне было все равно. (Удивительно, что я запомнил информацию, приведенную ниже.)

Итак. Йерж основал бы политическую партию, намереваясь очистить США от неарийцев, что привело бы к хаосу и бойне апокалиптических масштабов. Макс вложил бы все свои сотни миллионов в экстремистское движение «зеленых»,

участники которого применили бы довольно радикальный подход к гармонизации объема ресурсов планеты с размерами ее населения — потратили бы свалившееся на них богатство на создание и распространение вируса, гибельного для девяноста процентов человечества. А Мэрит использовал бы свою огромную телекоммуникационную сеть, чтобы… не помню… отправить порнографию на Андромеду? Да без разницы!

Как я уже сказал, меня это особо не заботило. К тому моменту я давно перестал задаваться вопросом, почему совершаю столь вопиющие деяния. Меня волновали лишь мастерство и красота исполнения.

Красота экзекуции.

Философ

Крики. Несмолкающие крики. Из-за них я не сплю по ночам, из-за них вскакиваю с кровати, не досмотрев приятные или кошмарные сны.

Моя работа удовольствия мне не приносит. Я ее не стыжусь, но не сказал бы, что горжусь собой. Работа нужная, и кто-то должен ее выполнять. А удовольствия она не приносит, потому что я хорош в своем деле. Я видел, как работают те, кто наслаждается процессом, — высоких результатов они не показывают. Слишком увлекаются, пота-

кают своим низменным инстинктам, отклоняясь от поставленной задачи, которая состоит в том, чтобы достичь нужного итога и вовремя понять, что он достигнут. Чрезмерное рвение заставляет их терпеть неудачу.

Я пытаю людей. Я профессиональный мучитель. Однако я не выхожу за рамки приказа и сам хочу, чтобы те, кого я допрашиваю, быстрее сознались или выдали нужную информацию, дабы избавить себя от мук, а меня — от неприятной работы, ведь, как я уже говорил, я не испытываю от нее ни малейшего удовольствия. Тем не менее я выполняю все, что требуется, и, если нужно, всегда готов трудиться сверхурочно и брать дополнительные смены. В общем, проявляю ответственность и в некотором смысле сострадание, ведь если за дело возьмусь я, то, по крайней мере, ущерба будет минимум. Некоторые из моих коллег, о ком я уже упоминал — те, что наслаждаются процессом, — спешат сразу причинить как можно больше боли и увечий. От такого толку мало.

Кто похитрее — притворяются, что вовсе не психопаты, и лишь изредка дают себе волю, в остальное время выполняя работу монотонно и эффективно. Эти — самые опасные.

В качестве методов я предпочитаю электричество, многократное придушивание и, как ни трудно вам будет поверить, обычный разговор. Электричество — по сути, самый грубый способ. Мы используем переменные резисторы и разнообразные провода зажигания для машин и газонокосилок. Иногда добавляем немного воды и контактного геля. Зажим, с помощью которого провод крепится к телу, и без тока причиняет неслабую боль. В качестве точек крепления отлично подходят уши, пальцы рук и ног. И гениталии, разумеется. Некоторые мои коллеги предпочитают один провод подвести к языку или носу, а другой засунуть в задний проход, но последующий бардак мне претит.

Многократное придушивание, о котором я обмолвился выше, работает так: сперва субъекту заклеивают широким скотчем рот; затем кусочком поменьше залепляют ноздри и убирают его, только когда жертва теряет сознание. Этот метод применяют к мелким сошкам и тем, кого нужно передать в другой отдел или в другую службу безопасности, а некоторых и отпустить, без видимых повреждений.

Метод разговора подразумевает рассказ субъекту о том, что с ним случится, если он не окажет

содействие. Лучше всего вести беседу в темной комнате, говорить тихо и строго по делу, стоя позади стула, к которому человек привязан. Для начала я описываю, что будет при любом раскладе, даже если субъект расколется, так как есть определенный минимум, некая стандартная порция боли, которая ждет любого, кого нам передали. Это ради поддержания репутации — чтобы наводить ужас на всех, кто о нас услышит. Страх пыток — весьма действенный стимул соблюдать закон и порядок. Не внушая этот страх, мы нарушили бы служебный долг.

Затем я рассказываю субъекту, как могу на него воздействовать: о напряжении тока, симптомах асфиксии и прочем. Я достаточно подробно знаком с физиологией и нередко вворачиваю медицинские термины.

На следующем этапе я описываю методы, которыми пользуются мои коллеги. Упоминаю человека с кодовым именем Доктор Цитрус. Весь его инструментарий состоит из листа бумаги формата А4 и свежего лимона. Бумагой он наносит на обнаженное тело субъекта множество — несколько десятков — мелких порезов, на которые затем капает лимонным соком. Или посыпает их солью. Как и многократное придушивание,

большинству людей такой метод не кажется столь уж кошмарным, однако, по статистике, это чуть ли не самая эффективная техника в нашем арсенале. Конечно, одним листом бумаги мой коллега не обходится, ведь край любого листа в конце концов размягчается от пота и небольшого количества крови. У Доктора Цитруса всегда под рукой целая пачка.

Некоторые мои коллеги предпочитают проверенные временем способы пыток: тиски для пальцев, клещи, плоскогубцы, молотки, определенные кислоты и, разумеется, огонь — открытое пламя или просто нагревание; в ход идут газовые горелки, паяльники и паяльные лампы, горячий пар и кипяток. Порой, когда другие способы не сработали, мы прибегаем к экстремальным мерам. После этого субъект навсегда остается изувеченным, да и процент выживаемости, даже если информация получена, не очень высок.

Еще один наш парень любит использовать коктейльные палочки из дерева — втыкает их в мягкие ткани тела. Он тоже беседует с субъектом, воздействуя на него психологически. Садится напротив и перочинным ножом делает на палочках крошечные засечки, призванные усилить боль, когда орудие будут втыкать и вынимать — если

вытащат вообще. Больше часа он сидит перед огромной грудой палочек, стругая их перочинным ножиком и размышляя вслух, куда именно их воткнет. У него тоже кое-какая медицинская подготовка за плечами, поэтому он делится с субъектом своей теорией, что его техника в каком-то смысле противоположна акупунктуре, когда иглы вводятся максимально безболезненно с целью облегчить самочувствие пациента.

Такая подготовительная беседа уже сама по себе может заставить субъекта сотрудничать, хотя, как я упоминал, мы в любом случае причиняем некий минимум боли — убеждаемся, что полное содействие точно достигнуто, а также подтверждаем серьезную репутацию нашего учреждения.

Мой собственный метод ведения беседы я во многих отношениях считаю лучшим. Мне нравится его лаконичность. Особенно хорошо этот способ действует на интеллектуалов и творческих личностей, потому что воображение у них весьма богатое и, как следствие, выполняет часть работы за меня. Некоторые из этих людей даже сами в курсе этого феномена, хотя подобное осознание вовсе не лишает методику эффективности.

Женщин я допрашивать не люблю. Довольно очевидная тому причина — крики. Они напоминают мне о ночи-которую-невозможно-забыть, когда отец изнасиловал мать, стоило ей вернуться из роддома. Тем не менее я предпочитаю думать, что дело заключается в старых добрых манерах. Джентльмен никогда не подвергнет даму чему-то неприятному. Впрочем, меня это не останавливает; кто-то ведь должен пытать и женщин, а я добросовестный профессионал, однако сам процесс мне нравится еще меньше, чем работа с субъектами мужского пола, и мне не стыдно признаться, что некоторых женщин я умоляю — в буквальном смысле этого слова — пойти на сотрудничество как можно быстрее. А также я ничуть не стыжусь того факта, что при особенно напряженной работе с женщинами у меня на глаза наворачиваются слезы.

Заклеенный скотчем рот, независимо от других методов, хорошо приглушает крики, превращая их в носовые стоны, которые, к моему облегчению, звучат в разы тише.

А вот дети для меня — табу. Кое-кто из коллег охотно готов пытать ребенка, чтобы развязать язык родителям, однако, на мой взгляд, этот подход неприемлем с моральной точки зрения

и ненадежен в принципе. Дети не должны страдать из-за убеждений или глупости своих отцов и матерей. Ведь методы, которые мы применяем к субъектам, по сути, служат наказанием за подрывную деятельность, предательство и нарушение закона, и поэтому должны применяться к виновным, а не к их родным и близким. Рано или поздно раскалываются все. Все без исключения. А использовать ребенка, чтобы этот процесс ускорить, — грязно, примитивно и попросту непрофессионально.

В основном из-за этих душевных метаний — а еще потому, что я считаю интересным и поучительным дискутировать с коллегами вроде упомянутых ранее, — в отделе мне дали кодовое имя Философ.

Транзитор

Я живу в швейцарии. Да, именно так, со строчной буквы.

Конкретно моя швейцария даже не зовется Швейцарией, однако это типичное, узнаваемое место со своим характером и предназначением, которое с легкостью считывают все Посвященные. Те, кто имеет представление о реалиях реальностей. Быть Посвященным — значит осознавать, что мы живем не в одном-единственном

мире — неизменном и линейном, — а среди огромного многообразия миров, число которых со временем стремительно растет. А еще важнее — понимать, что между этими разноликими, ветвящимися и плодящимися реальностями можно путешествовать.

Старый коттедж, где я живу, стоит на поросшем соснами склоне с видом на маленький, но с претензией курортный городок Флесс. К западу от него волнами изгибаются покрытые зеленью холмы. К востоку, за моим домом, склон, обрастая скалистыми выступами, взмывает вверх и завершается зубчатым горным хребтом, таким высоким, что снег на его вершинах не тает круглый год.

Флесс очень компактен: вы окинете его целиком одним беглым взглядом с моей веранды. Тем не менее он может похвастаться оперным театром, казино, вокзалом с крупным железнодорожным узлом, россыпью очаровательных и причудливых магазинчиков, а также парой высококлассных отелей. Свободное от путешествий время — когда не работаю на мадам д'Ортолан или другого члена *l'Expédience*, — я провожу здесь: в дождливую погоду читаю книги из своей библиотеки, в ясные дни гуляю по холмам, а

вечерами наведываюсь в отели и казино.

Когда я нахожусь, так сказать, в отъезде, перемещаясь между другими мирами и телами, моя здешняя жизнь не прерывается; одна из моих версий остается тут, продолжая обитать в моем теле, моем доме и выполняя все действия, сопряженные с существованием, хотя, по общему мнению, в остаточном обличье я веду себя до ужаса скучно. Если верить домработнице и еще нескольким людям, видевшим меня в этом состоянии, я никогда не покидаю дом, много сплю, кое-что ем, но сам не готовлю, одеваюсь кое-как и не проявляю ни малейшего интереса к музыке или беседам. Временами я беру с полки книгу, правда, в итоге часами пялюсь на одну и ту же страницу, то ли бесконечно ее перечитывая, то ли не читая вовсе. Художественные альбомы, картины и иллюстрации, похоже, занимают меня не больше всего остального — то есть весьма мало, как и телевизионные передачи, за исключением самых мельтешащих. Мои реплики становятся односложными. Довольнее всего я выгляжу, когда просто сижу на крытой веранде или смотрю в окно.

Со стороны кажется, будто я под воздействием наркотиков или успокоительного, а может,

перенес инсульт или даже лоботомию. Замечу, впрочем, что встречал энное количество вполне нормальных людей, в основном студентов, ведущих еще более затворнический образ жизни.

Как бы то ни было, жаловаться мне не на что. Находясь вне себя, я не попадаю в неприятности (в смысле, не попадаю здесь), а мой скромный аппетит не позволяет мне растолстеть. Немыслимо, чтобы за собственной спиной я пошел на прогулку в горы и упал со скалы или в пух и прах проигрался в казино, или завел безрассудную интрижку.

Так или иначе, остальное время я всецело нахожусь здесь и, не распыляя внимание, веду полноценную жизнь в этом мире, этой реальности — на Земле, которую местные считают уникальной и называют Кальбефракией. Мое имя в этой реальности, для меня исходной, ключевой, ничуть не похоже на те, что я получаю во время транзиций. Здесь меня зовут Тэмуджин О. У этого имени восточноазиатские корни. На Земле, откуда я родом, Монгольская империя повлияла на другие страны, особенно европейские, гораздо ощутимее, чем в мире, где вы читаете мои строки.

Я живу благонравной, даже тихой жизнью,

идеально подходящей человеку, постоянно скачущему между мирами, к тому же частенько — с прискорбной целью убивать других. Впрочем, занимаюсь я не только убийствами. Порой мне случается выступать ангелом-хранителем, доброй феей или же благородным разбойником — щедро одаривать бедняг, от которых отвернулась удача, предлагать им работу или подсказывать, у кого попросить помощи. Иногда я совершаю нечто крайне банальное — к примеру, ставлю кому-нибудь подножку, угощаю выпивкой.

Однажды я упал человеку под ноги, имитируя припадок. Это был один из немногих случаев, давших мне некоторое представление о том, чем я занимаюсь на самом деле. Молодой врач, спешивший на встречу, но задержавшийся, чтобы мне помочь, из-за этого не успел зайти в здание, которое внезапно рухнуло, исчезнув в облаке пыли, извести и щепок. Лежа в сточной канаве и глядя на происходящее, я притворился, что мне уже лучше, поблагодарил врача и попросил его поскорее помочь несчастным, которые пострадали из-за обрушения.

— Нет, это вам спасибо, — пробормотал он с абсолютно серым — и не только от пыли — лицом. — Похоже, ваш припадок спас мне жизнь.

Он растворился в прибывающей толпе, а я все сидел, рискуя попасть под ноги зевакам и тем, кто бросился на помощь раненым.

Понятия не имею, что́ именно молодой врач должен был сделать, совершить в будущем. Надеюсь, нечто хорошее.

Порой я знакомлю людей друг с другом, порой оставляю для них какую-то книгу или брошюру. Временами я просто с ними разговариваю — подбадриваю или обсуждаю конкретную идею. Такие поручения мне только в радость, хотя надолго в памяти не задерживаются. Уж точно не из-за них я просыпаюсь в холодном поту. Доброта, как правило, довольно невзрачна. Людей будоражит хаос.

Мои коллеги и руководители в основном предпочитают жить в крупных городах. Там большинство из нас ощущает себя как дома, там проще всего совершить транзицию из одной реальности в другую. Не хочу притворяться, будто понимаю теорию или механику — бесплотную, но все же механику, — лежащие в основе моих непостижимых путешествий, но кое-что об этих материях я все-таки знаю: частично услышал от других, а частично понял сам, на практике. Так, например, я догадался, почему должен был

упасть в обморок перед тем молодым врачом.

Похоже, прыжки из одной реальности в другую или в черт-знает-какую требуют хорошего ощущения местности и какого-никакого уровня социальной интеграции. Поэтому большие города — это, несомненно, наилучший выбор.

Воздушные суда тоже подходят, хотя тут нужна сноровка. Полагаю, все дело в концентрации людей.

Потягивая джин-тоник, гляжу на проплывающие внизу облака. Тут и там виднеются вершины самых высоких гор в норвежском береговом хребте — словно зазубренные кубики льда плавают в молоке. Я лечу кратчайшим, по дуге большого круга [26] маршрутом из Лондона в Токио в огромном комфортабельном самолете, плывущем высоко над облаками по темному, густо-синему небу.

Я могу переместиться прямо здесь, в самолете. Только не знаю, получится ли. Это непросто — многие тратили препарат впустую в попыт-

---

[26] Примечания: 26

Большой круг — круг, получаемый при сечении земного шара плоскостью, проходящей через его центр. Отрезки больших кругов часто используются при составлении маршрутов для воздушных судов. На плоской карте эти маршруты выглядят кривыми, дугообразными, однако на самом деле они короче маршрутов, которые соответствуют прямым отрезкам между теми же конечными точками.

ках транзитировать из малолюдных мест или особенно из движущейся отправной точки. По-видимому, если успешное перемещение невозможно, ничего не происходит вовсе. Человек остается там же, где и был. Поговаривают, однако, будто люди, пытавшиеся провернуть подобный трюк, все-таки попадали в другую реальность, но уже без транспортного средства, на котором передвигались в реальности исходной. Тот, кто стартовал с океанского лайнера, оказывался в открытом море и, плюхнувшись в воду, тонул или становился добычей акул, а тот, кто пробовал транзитировать с самолета вроде этого, материализовывался в двенадцати километрах над землей, где нечем дышать, температура — минус пятьдесят с лишним, и долгое падение впереди. Со мной ничего такого не происходило: я успешно перемещался с воздушного судна или, в случае провала, оставался, где и был.

Я достаю из нагрудного кармана маленькую бронзовую коробочку, кладу на откидной столик, верчу туда-сюда. Сплыть или не сплыть? Покинув самолет сейчас, я замету следы надежнее, чем на земле. В то же время, вдруг я потрачу таблетку зря? Или на собственном горьком опыте выясню, что слухи правдивы, и замерзший и задыхаю-

щийся буду долго падать в море или на сушу? Кроме того, вероятна ситуация, подтвержденная документально, когда человек оказывается в самолете, который движется совсем не туда, куда летел в исходном мире.

Обычно в мирах, более-менее относящихся к одной группе, континенты и основные географические объекты вроде горных цепей, рек и крупных городов — а значит, и воздушные маршруты между последними — расположены более или менее сходно. Поэтому, покинув один самолет, вы оказываетесь в его копии, следующей аналогичным рейсом. Но не всегда.

Судя по всему, существует предельно допустимый сдвиг во времени и пространстве, который мы совершаем в такой ситуации: пара километров вниз-вверх, несколько десятков — вбок, плюс-минус несколько часов — словно некий аспект нашей воли или воображения перемещает нас в точку, лучше всего соответствующую искомой. Однако порой эту призрачную силу заносит или она решает, что и так сойдет, хотя на самом деле нет.

Однажды я транзитировал над Альпами во время рейса из Дублина в Неаполь, а очутился на борту самолета Мадрид — Киев! Развернул-

ся почти на девяносто градусов! Я потратил полтора дня на дополнительные перелеты и пропустил важную встречу. До сих пор ума не приложу, отчего так вышло. Когда я рассказал об этом маленьком приключении сотруднику Бюро транзиции — главного органа нашей конторы, где, по крайней мере в теории, наблюдают за действиями таких, как я или мадам д'Ортолан, — вышеозначенный бюрократ в очках без оправы только моргнул, буркнул «любопытно!» и поспешно что-то записал. Все!

Препарат, позволяющий нам перемещаться, называется «септус». Одни принимают его в жидком виде из крошечных флаконч иков, напоминающих медицинские ампулы, другие свое лекарство для путешествий вдыхают или вводят под кожу. А кто-то выбирает анальные или вагинальные свечи. Поговаривают, что мадам д'Ортолан предпочитает последний вариант.

Я легонько стучу пальцем по одному из углов бронзовой коробочки, поворачиваю ее на четверть оборота, опять стучу, затем повторяю все снова.

Большинство из нас принимает септус в виде таблеток — так наименее хлопотно. Почти все остальные способы кажутся мне банальной по-

казухой.

Внизу поблескивает кусочек моря. По серой, покрытой рябью поверхности, оставляя за собой перистый белый след, медленно скользит на север корабль — совсем крошечный из-за разделяющих нас километров. Представляю, как пассажир корабля глядит наверх и видит самолет — ярко-белую точку, выводящую собственную подпись в синеве.

Возможно, те, кто, по слухам, сгинул, на самом деле перенеслись на другие версии Земли, где так и не распалась Пангея, обезьяна не эволюционировала в человека, а господствующей цивилизацией стали мыслящие выдры или пчелиные семьи с коллективным разумом? Кто знает?

Перемещаясь, мы попадаем в место, которое представили, а если мы растеряны, сбиты с толку? Вдруг кто-то случайно вообразит нечто настолько непохожее на привычный мир и на желаемую точку назначения, что окажется в ловушке, не сможет представить себе путь обратно? Мне сложно понять, каково это. Таких, как я, вероятно, выручает сильная тоска по дому. Кто знает…

Я неоднократно расспрашивал теоретиков, техников и руководящих чиновников Бюро тран-

зиции о том, как все работает, но толкового ответа пока не получил. Мне ничего не объясняют, потому что незачем. Тем не менее я хочу знать. К примеру, когда меня отправили в Савойю спасти молодого врача от смерти в рухнувшем здании — разве это не говорит о своего рода предвидении? Нет ли у нас — я имею в виду, у «Надзора» — некой способности заглядывать в будущее? Или сопоставлять похожие, только немного разведенные по времени миры: наблюдать за опережающей реальностью, чтобы повлиять на события в той, что идет следом? Суть одна и та же.

Конечно, здание могло рухнуть случайно, в результате стечения обстоятельств. Однако я в это не верю. Такие совпадения — большая редкость.

Кстати, о случайностях. Одна из наших с миссис Малверхилл встреч, впервые за долгое время, произошла не где-нибудь, а в казино. Правда, понял я это не сразу.

Повторюсь, лучше всего для перемещений подходят крупные города; в нашей многомерной реальности это такие же транспортные узлы, как и в любом отдельно взятом мире. Главное представительство *l'Expédience* в мире, куда и в пределах которого я перемещаюсь чаще всего — отчасти по воле случая, а отчасти, возможно,

из-за врожденной склонности, — находится в городе, который в зависимости от обстоятельств носит имя Византий, Константинополь, Константиние или Стамбул. Расположенный на двух континентах, объединяющий восток и запад и пробуждающий прошлое во всем его многообразном наследии, он полностью созвучен нашим интересам и способностям. Подобных мест на этой мета-Земле я почти не встречал. Древний и современный, смешавший в одном котле народы, религии, события и убеждения, неуязвимый и вместе с тем покрытый трещинами раздоров, город этот воплощает традиции и риск, разобщенность и сплоченность одновременно. Другой наш офис находится в Иерусалиме.

Был и третий, в Берлине, но, как ни странно, после падения Стены и объединения Германии (одного из громких мета событий, которое с тем или иным отставанием прокатилось по всем связанным реальностям, будто запущенная извне цепочка воспроизведений) этот город утратил свою привлекательность. В общем, берлинское представительство закрыли. Отчасти жаль: мне нравился старый Берлин, разделенный барьером. В дни былого величия он представлял собой обширное, просторное место с озерами и про-

тяженными участками леса по обе стороны от стены, правда, и там и там смутно веяло безнадегой и тюрьмой.

Видели когда-нибудь, как жонглер крутит тарелку на шесте? Так вот, мы ищем вихляющие из стороны в сторону тарелки — места, где чувствуешь, что события вот-вот пойдут в том или ином направлении, где еще один оборот, вливание энергии могут вернуть системе устойчивость, а малейшая небрежность или легкий толчок — привести к катастрофе. Впрочем, из краха мы тоже извлекаем любопытные уроки. Иной раз, чтобы узнать о вещи все, нужно ее разбить.

В ходе обучения на должность транзитора (так официально называется наша профессия — согласен, довольно нескладно; я бы предпочел неформальное «путешественник», «транзиционист» или на худой конец «транзитёр») наступает момент, когда кандидат осознает, что открыл в себе или обрел дополнительное чувство. Это своеобразная способность увидеть историю места, разглядеть взаимосвязи, понять, как долго здесь проживают люди. Мы считываем все многообразие событий, привязанных к конкретному участку природы или скоплению домов и улиц. Мы улавливаем то, что называется «амбр».

Отчасти эта способность связана с чутьем на древнюю кровь. Места, уходящие корнями в глубокую старину, хранящие память о делах не то что столетней — тысячелетней давности, — обычно пропитаны кровью. Битвы и массовые расправы оставляют за собой особый шлейф, который держится веками. Острее всего я ощущаю его в римском Колизее.

Впрочем, амбр — это в основном наслоение опыта множества отживших поколений. Конечно, они не только жили, но и умирали, однако, поскольку в среднем люди живут десятки лет, а умирают лишь единожды, именно жизнь оказывает наибольшее воздействие на аромат, ощущение места.

Разумеется, у обеих Америк совершенно иной амбр, нежели у Европы и Азии. Менее затхлый или менее богатый — зависит от ваших убеждений.

Я слышал, что Новая Зеландия и Патагония кажутся до одури свежими по сравнению почти со всем остальным миром.

Лично мне по душе амбр Венеции. Нет, не запах — во всяком случае, не летом. Именно амбр.

Мне нравится приезжать в Венецию поездом,

из Местре [27]. Покинув вагон на вокзале Санта-Лючия, я иногда отключаю на время чувства и память и внушаю себе, будто приехал на обычную крупную железнодорожную станцию, каких в Италии множество. Пройдя между поездами-исполинами, миновав бруталистские интерьеры бездушно-меркантильной громады вокзала, ожидаю увидеть то же, что и всегда: оживленную улицу, суетливую вереницу легковушек, грузовиков и автобусов, в лучшем случае — пешеходную пьяццу [28] и рядок такси.

А вместо этого за лестничным пролетом и спинами людей — Гранд-канал! Искрится светло-зеленая, подернутая рябью вода; вапоретто [29]; катера, водные такси и рабочие лодки оставляют за собой пенные следы; блики света играют на волнах, пляшут на фасадах церквей и палаццо; шпили, купола и раструбы дымовых труб ввинчиваются в кобальтовую синь. Или в молочно-белые

---

[27] Примечания: 27

Местре — бывший город, через который исторически осуществлялась связь островов Венецианской лагуны с материковой частью области Венето. Современный Местре — один из самых населенных районов города Венеция.

[28] Примечания: 28

Пьяцца (*ит. piazza — «площадь»*) — площадь в итальянских городах.

[29] Примечания: 29

Вапоретто — речной трамвай, основной вид общественного транспорта в островной части Венеции.

облака, которые, отражаясь в безмятежных водах, придают им пастельную окраску. Или в темную вуаль грозовой тучи, зависшей над каналом, гладким и покорным под натиском ливня.

Впервые я посетил Венецию во время февральского карнавала. Город встретил меня дымкой, туманом и тишиной. А еще — прохладой, которая стелилась у воды, словно обещание. Меня тогда звали Марк Кейвен. Я знал китайский, английский, хинди, испанский, арабский, русский и французский. Берлинская стена уже канула в прошлое, хотя по большей части еще стояла.

Это был ваш мир.

Чуть дальше вдоль Гранд-канала, на его западном берегу, стоит монументальное палаццо почти кубической формы. Его стены льдисто-белые, а ставни на многочисленных окнах — матово-черные. В этом строгом симметричном здании — Палаццо Кирецциа — когда-то жил левантийский принц, затем — кардинал римско-католической церкви, а еще полтора века там находился небезызвестный бордель.

Тогда (как, впрочем, и теперь) здание принадлежало профессору Лочелле, который знал о существовании «Надзора» и поддерживал наше дело. Тогда он охотно спонсировал нас и делился

связями, получая от нас столь же много взамен. Позже он весьма преуспел, став членом Центрального совета, однако двадцать лет назад, тем зябким февральским утром, его чаяния еще не сбылись.

Меня пригласили в город — и заодно на карнавал — в благодарность за мою работу, которая последнее время отнимала много сил, даже изматывала. Больше никто из транзиторов не приехал, хотя я встретил целую свору надзоровских чинуш. Все до единого были со мною подчеркнуто вежливы. Несмотря на изрядное количество крови, замаравшее мои руки уже тогда, я еще не свыкся с тем, что люди, знающие о моей специальности, смущаются меня или даже боятся.

Профессор Лочелле — мужчина невысокий, если не сказать тщедушный — всегда держался с таким достоинством, что о росте никто не вспоминал. Люди вроде него обычно кажутся выше, когда вокруг мало народу. Очутившись с ним тет-а-тет, вы поклялись бы, что профессор одного с вами роста; в небольшой компании он как будто съеживался, а в толпе — полностью исчезал. В то время он уже начал лысеть, теряя тонкие каштановые волосы, словно налипшие

на скалу водоросли, которые уносит отлив. У Лочелле были выступающие вперед зубы, превосходный крючковатый нос и глаза морозной синевы. Его смешливая жена — статная блондинка из Калабрии с широким, добродушным лицом — значительно над ним возвышалась. Это она — Гиацинта — обучила меня танцам, которые требовалось исполнять на балах. К счастью, учусь я быстро, да и двигаюсь неплохо.

Во дворце имелся банкетный зал, где в рамках карнавала проводили бал-маскарад, один из крупнейших в том году. Бал состоялся на следующий день после моего приезда. Само собой, меня заворожили как великолепные маски и костюмы, так и пышный декор помещения — симфония старинного лакированного дерева, гладкого мрамора и зеркал в вычурных позолоченных рамах. Мягко лучились свечи, привнося в воздух дымный, ладанный аромат. Он смешивался с запахом всевозможных духов, сигарет и сигар. Мужчины вышагивали, будто павлины; женщины в ослепительных платьях кружились и сверкали. Небольшой оркестр в старинных одеяниях наполнял пространство музыкой. Сверху на происходящее взирали три исполинские люстры из красного стекла — своими закручен-

ными абстрактными очертаниями они походили на блестящие всплески крови, застывшие при вращении в невидимой воронке, а теперь низведенные до обычных безделиц с ненужными, погасшими лампочками, отражающими огни свечей.

Восхищенный, с бокалом токайского в руке, я вышел на маленькую террасу, окруженную балюстрадой из белых мраморных столбиков в форме капель. Небольшая группа гостей молча наблюдала, как в пятнах света от редко проплывающих лодок и зданий на другом берегу канала падает снег. Хаотично кружась, снежинки возникали из тьмы у нас над головами, словно рожденные огнями палаццо, и тихо исчезали в нефтяной черноте мягко колышущихся вод.

На следующее утро я спозаранку вышел в холодную, обступающую со всех сторон белизну и прогулялся нехоженым маршрутом по району Дорсодуро. Облачка моих выдохов уплывали в темные узкие пространства впереди. Я бродил по древним, сокровенным камням, дышал студеным, отдающим солью воздухом и вбирал в себя амбр этой реальности. Он, конечно, состоял из тех же компонентов, что и амбры всех других миров, однако главенствующие ноты говорили о

жестокости, по-своему притягательной, и вопиющей продажности — безмерно сладкий аромат упадка и разврата. Здесь, в непрерывно тонущем городе, с пленительно-свирепым духом, что просачивался мне в мозг, будто морской туман — в комнату, эти жестокость и продажность казались отжившими, но притаившимися, подобно поставленной на паузу записи.

Снег еще несколько дней пролежал под безбрежными, как море, небесами, добавляя пейзажу строгости, вытягивая цвет из воды, зданий и проплывавших облаков, погружая этот город вздорных красок, город Каналетто [30], в чарующий монохром.

На заключительный бал, который проходил в роскошном зале Дворца дожей, существовавшем уже пять сотен лет, съехались две тысячи магнатов, предпринимателей, послов, руководителей и сановников. Воздушное течение, зародившееся в Африке, надвинулось на итальянский каблук и Адриатику, вызвав таяние снега и туман, а потом замедлилось, столкнувшись с ветрами северных

[30] Примечания: 30

Каналетто (Джованни Антонио Каналь) (1697–1768) — итальянский живописец, график и гравер. Наиболее известные его произведения посвящены Венеции и выполнены в жанре ведуты — детально прорисованного городского пейзажа.

гор. В результате город почти полностью утонул в дымке, закутавшись в покрывала и плащи из капель.

В тот день я и повстречал свою Леди-в-маске.

Я нарядился средневековым православным священником, маску надел зеркальную. Немного потанцевав, я подсел за столик к Лочелле, где поучаствовал в нескольких слегка натянутых беседах с другими гостями и самим профессором, который проявлял такой сильный интерес к подробностям моей работы, что честные ответы не довели бы до добра нас обоих. Мне приглянулась одна из приглашенных — красивая высокая брюнетка, состоявшая в дальнем родстве с Лочелле и никак не связанная с «Надзором». Ее гибкое тело весьма зазывно смотрелось в наряде эпохи Возрождения. Увы, ее вниманием надолго завладел щеголеватый кавалер, и я отложил свои надежды на потом.

Решив немного отдохнуть от угощений, спиртного, танцев и разговоров, я отправился исследовать дворец. Одни комнаты я осмотрел, в другие меня не пустили, и, наконец, я вернулся в огромный Зал Большого совета, где цветастым вихрем кружились танцующие. Мое внимание привлек фриз с портретами дожей: одного то ли закраси-

ли, то ли прикрыли черной тканью. Традиция, связанная с венецианскими маскарадами? Или с этим конкретным балом?

— Его звали Марино Фальеро, — произнес незнакомый женский голос по-английски, с легким акцентом.

Обернувшись, я увидел даму в костюме пиратского капитана. Почти моего роста — благодаря сапогам на высоких каблуках. Камзол она по-гусарски накинула на одно плечо. Остальные детали наряда казались разношерстными, подобранными на скорую руку: мешковатые бриджи с латунными пуговицами, вычурная, в рюшах, блуза, жилет с полураспущенной шнуровкой, больше похожий на корсет, трехцветный кушак, а на бледной тонкой шее — бусы, всевозможные цепочки и что-то вроде медной пластины-полумесяца. На ее черной бархатной маске, будто морось, спиралями расположились жемчужинки. Сочные губы весело улыбались. Из-под синей, лихо заломленной шляпы, увенчанной пучком аляповатых перьев, выбивались черные локоны.

— Любопытно. Расскажете поподробнее? — попросил я, глядя на темную прореху в череде портретов.

— Он пробыл дожем около года в середине

четырнадцатого века, — сообщила незнакомка; ее голос звучал молодо, уверенно, мелодично. — Его обрекли на вечный позор, заменив портрет черным свитком. Фальеро пытался совершить переворот, чтобы свергнуть республику и провозгласить себя принцем.

— Он ведь и так был правителем, — удивился я.

Пиратка пожала плечами.

— Принцы и короли обладали большей властью. Дожей ведь выбирали. Пожизненно, но с уймой ограничений. Им не позволялось вскрывать официальную почту. Сперва письма читал цензор. Дожам также запрещалось беседовать с иностранными дипломатами без свидетелей. Какое-то влияние у дожей имелось, однако во многом они походили на марионеток.

Девушка взмахнула рукой. Блеснули серебром кольца, надетые поверх черной кожаной перчатки. Ее сабля — или пустые ножны? — качнулась у бедра.

— Я думал, портрет спрятали только на время бала.

Она помотала головой.

— Нет, навсегда. Фальеро был приговорен к

Damnatio Memoriae [31]. Разумеется, ему еще и голову отрубили, а тело изувечили.

— Разумеется, — мрачно повторил я.

— Республика всерьез принимала такие угрозы в свой адрес, — уже холоднее пояснила пиратка.

Интересно, она из местных?

Улыбнувшись, я изобразил легкий поклон.

— Похоже, вы прекрасно разбираетесь в предмете, мэм.

— Едва ли. Просто интересуюсь.

— Спасибо вам за то, что и меня просветили.

— Не за что.

— Не хотите ли потанцевать? — кивнул я в сторону людской кутерьмы.

Она приподняла подбородок, словно оценивая мой внешний вид, а затем немного старательнее, чем я, отвесила поклон.

— Почему бы и нет?

И мы закружились в танце. Она двигалась с кошачьим изяществом. Я же нещадно вспотел под маской и тяжелыми одеждами, осознав,

---

[31] Примечания: 31

Damnatio Memoriae (*лат.* «проклятие памяти») — особое посмертное наказание, применявшееся в Древнем Риме, а затем и в других странах к государственным преступникам — узурпаторам власти, участникам заговоров, запятнавшим себя императорам. Любые свидетельства о существовании преступника — статуи, надгробные надписи, упоминания в законах и летописях — подлежали уничтожению, чтобы стереть память об умершем.

насколько мудрым решением было проводить подобные балы зимой.

Мы разговаривали под музыку; танец задавал ритм беседы.

— Могу я полюбопытствовать, как вас зовут?

— Можете. — Ничего не прибавив, она улыбнулась краешком губ.

— Прекрасно. И как же вас зовут?

Она качнула головой.

— Спрашивать имя на маскараде не очень-то тактично.

— Почему?

— Разве вы не чувствуете, как духи покойных дожей взирают на нас сверху, призывая к молчанию?

Я пожал плечами.

— Боюсь, что нет. Меня, во всяком случае, они не донимают.

Похоже, эти слова позабавили мою спутницу. Ее мягкие губы разомкнулись в улыбке, а затем произнесли:

– *Alora* [32]…

На миг я подумал, что она все-таки представилась, но, конечно, это было всего лишь ита-

---

[32] Примечания: 32

Что ж… *(ит.)*

льянское слово, по смыслу схожее с французским *alors*. Ее акцент я распознать не смог.

— Возможно, к именам мы вернемся позже, — продолжила незнакомка, кружась вместе со мной. — А на любой другой вопрос я охотно вам отвечу.

— Тогда спрашивайте первая. Дамы — вперед.

— Хорошо. Чем вы занимаетесь по жизни, сэр?

— Путешествую. А вы?

— Я тоже.

— В самом деле? И далеко вам доводилось бывать?

— Весьма. А вам?

— Дальше, наверное, некуда, — признался я.

— Вы путешествуете с какой-то целью?

— Да. Целей у меня много. А что насчет вас?

— У меня одна-единственная цель.

— Какая же?

— Угадайте.

— Разве тут угадаешь?

— Попробуйте.

— Дайте подумать… Вы путешествуете для удовольствия?

— Нет, — усмехнулась она. — Это так примитивно.

— Искать удовольствий — примитивно?

— Да, крайне.

— У меня есть знакомые, которые с вами не согласятся.

— У меня тоже, — сказала она. — Могу я узнать, что вас так позабавило?

— Ваш тон. Похоже, вы этих знакомых презираете?

— Они так примитивны, — фыркнула девушка. — И это еще раз доказывает мою правоту, согласитесь.

— Ну, что-то определенно доказывает.

— Опять эта ухмылка.

— Увы, вам видно только мой рот.

— Полагаете, это все, что достойно моего внимания?

— Нет, надеюсь.

Она склонила голову набок и строго спросила:

— Вы со мной флиртуете, сэр?

— Во всяком случае, пытаюсь, — усмехнулся я. — Получается?

Она задумчиво поглядела в ответ и медленно повела головой справа налево, словно кивнув в горизонтальной плоскости.

— Пока еще рано судить.

Позже — музыка эхом звучала на лестницах, в залах и коридорах — мы задержались возле огром-

ной, во всю стену, карты мира. Она показалась мне довольно точной, а значит, сравнительно новой, хотя в силу обстоятельств эксперт из меня тот еще. Мы со спутницей подошли ближе, стараясь отдышаться после танцев. Мы оставались в масках, и я по-прежнему не знал ее имени.

— Вы все тут находите верным и современным, сэр? — поинтересовалась она, пока я разглядывал континенты и города.

— Боюсь, здесь я тоже некомпетентен, — признался я. — География не мой конек.

— Но ведь что-то вас в этой карте не устраивает? — продолжила она, слегка понизив голос. — Быть может, ее ограниченность?

— Ограниченность? — переспросил я.

— Здесь один-единственный мир, — спокойно пояснила девушка.

Я изумленно уставился на нее, а она вновь сделала вид, что интересуется картой. Вернув самообладание, я рассмеялся и махнул рукой:

— И правда. Где же остальные планеты, звезды?

Она не шелохнулась, по-прежнему изучая моря и страны.

Какое-то время я переводил взгляд с карты на свою спутницу и обратно. Отдельные гости, пары

и компании проходили мимо, болтая и смеясь. Когда молчание затянулось, я прикоснулся к ее руке, однако девушка отстранилась.

— Идемте со мной? — внезапно предложила она.

— Куда?

— Почему обязательно куда-то? Мы не можем просто прогуляться?

— Полагаю, как только мы остановимся, то куда-нибудь попадем.

Она смерила меня взглядом.

— А говорили, что география не ваш конек.

Мы забрали свои плащи из гардероба. Снаружи, на пьяцетте, а затем и на пьяцце, моросил дождь, затуманивая свет ламп, что рядами располагались на стенах дворца, чередуясь с темными провалами окон.

Вереницей узких извилистых улочек, по горбатым мостикам над мрачно застывшими каналами незнакомка повела меня на север, и мы быстро оставили позади россыпь людей в окрестностях Сан-Марко. Наши шаги эхом звенели среди нависающих зданий, наши тени — гротескные из-за раздутых на ветру плащей — танцевали рядом с нами, точно призрачные партнеры: бежали то впереди, то позади, то сбоку, порой сгущаясь в

темные пятна у нас под ногами.

Моя провожатая нашла крошечный бар в тускло освещенном переулке, таком тесном, что мы пробирались по нему гуськом. В баре было темно и почти пусто, не считая двух рабочих, сидевших у дальней стены с кружками пива и окинувших нас неодобрительными взглядами, а также миниатюрной блондинки-барменши в джинсах и мешковатом джемпере. Моя спутница заказала спритц и бутылку воды без газа. Я тоже выбрал спритц.

Блондинка, захватив блокнот и ручку, удалилась в подсобку. Мы остались с напитками у стойки.

— Вуаля! — Я снял маску и с выжидающей улыбкой поглядел на пиратку.

Она свою маску не сняла. Только шляпу, высвободив длинные черные кудри. Но встряхивать ими — кокетливо или нет — не стала.

Рабочий, сидевший к нам лицом, поднял взгляд и кивнул товарищу. Тот обернулся. Оба какое-то время смотрели на мою спутницу. Запрокинув голову, она одним махом осушила полбутылки воды, затем вытерла пальцами губы и, снова превратившись в леди, аккуратно отпила из бокала с коктейлем.

Тусклая лампа, освещавшая шеренги бутылок, все же позволила мне получше разглядеть глаза в миндалевидных прорезях черной маски. Радужка мерцала, намекая на светлый оттенок — бледно-голубой, зеленый или ореховый.

— Не пора ли друг другу представиться?

Девушка помотала головой.

— А я все же рискну. Нравится вам это или нет, — заявил я.

Она приложила мне палец к губам, очень мягко и нежно. Палец был теплым и пах тяжелым, маслянистым парфюмом. Я даже не заметил, когда она сняла перчатку. Едва прижав палец, она его убрала. Я мог бы его поцеловать — так же легонько, — но не успел.

Моя спутница улыбнулась:

— Вам знакомо слово «эскапада»?

Немного подумав, я вздохнул:

— Боюсь, что нет.

— Оно означает дерзкую авантюру.

— Правда?

— Да. Вы ведь не против дерзкой авантюры, сэр?

Наклонившись ближе, я заговорщически повел глазами:

— Вы намекаете, что втянули меня в нечто

подобное?

— Пока нет, — прошептала она. — Во всяком случае, не в такую, к каким вы привыкли. Да и куда мне? Вы же сейчас не на службе, я права?

— В каком смысле? — растерялся я.

— Не путешествуете?

— А-а. В этом смысле, пожалуй, да.

Один из рабочих подошел к стойке и встал позади моей спутницы, постукивая по дереву костяшками пальцев. Блондинка вернулась. Моя пиратка начала было что-то говорить, но осеклась и покосилась на рабочего, который только что заказал два пива. Его рот еще не успел закрыться.

Рабочий и барменша уставились друг на друга, и тут она вздрогнула, а он дернулся. Миг — и они изменились. Их лица и тела казались прежними, но это была лишь видимость. Их позы, манера держаться, язык тела — все сразу переменилось так сильно, что я с трудом поверил своим глазам. Как будто все до единой мышцы их тел перегруппировались, прихватив с собой кости и органы.

Я все еще пытался понять, что происходит, а моя пиратка уже отступила назад, как раз в тот миг, когда блондинка достала из-под стойки какой-то предмет, а рабочий сделал яростный вы-

пад ногой. Моя спутница отклонилась, избежав его удара, который пришелся бы мне в бедро, не отпрыгни я в сторону.

Пиратка со свистом выхватила блеснувшую на свету саблю и бросилась в атаку. Рабочий еще по инерции поворачивался вокруг своей оси, когда лезвие вспороло ему горло, оросив алыми брызгами барную стойку, куда в конце концов впечатался его ботинок. Мужчина начал подносить правую руку к шее, но тут девушка в маске сделала ему подсечку. Хватаясь за горло, он повалился на пол.

Барменша замахнулась битой, но малость опоздала. Тонкая сабля полоснула ее наискось, по руке и обеим грудям, мешковатый джемпер разошелся мокрыми лоскутами. С исказившимся от боли лицом блондинка врезалась спиной в стеллаж, отчего бутылки посыпались вниз. Тем временем моя пиратка двинула увесистым каблуком в пах рабочему, распластавшемуся на полу. Тот сжался в клубок, но моя спутница не удостоила его взглядом. Зато покосилась на второго работягу, который все это время просидел с открытым ртом. Затем она заглянула за стойку, где, тоже съежившись, лежала барменша. Кровь хлестала из ее рассеченной до кости руки; бутылки и ста-

каны все еще грохались с полок.

Я отступил подальше от этого побоища, поближе к двери. Моя пиратка снова бросила взгляд на уцелевшего рабочего, который, судя по виду, раздумывал, стоит вставать из-за стола или нет. В итоге решил не вставать. Девушка спрятала саблю в ножны и протянула мне руку.

— Сэр, нам пора уходить.

Я взял ее под локоть, и мы двинулись к выходу.

Внезапно у меня возникло чувство, смутно похожее на головокружение, в котором любой транзитор мгновенно распознал бы прокрут — перенос сознания в мир, незначительно отличающийся от исходного. С виду ничего не изменилось, амбр остался прежним, однако рядом теперь ощущалось нечто новое — маленькое, но плотное, весомое и существенное.

Во время учебных тренировок я очень плохо распознавал прокруты, впрочем, навык этот нарабатывается с опытом. Я еще ни разу не ощущал прокрут так явственно, как в том баре. Чутье подсказало, что перемена, какой бы она ни была, произошла у нас за спиной. Волоски у меня на загривке встали дыбом. Моя маленькая пиратка замерла и вздрогнула, как будто ощутила то же са-

мое. Разворачиваясь, она потянулась за саблей.

В тот же миг грянул выстрел, не оставив после себя ни единого звука, кроме звона в ушах. Мне даже показалось, что хлопок опередил вспышку со стороны столика, за которым сидел второй рабочий. Моя спутница дернулась, врезавшись мне в грудь. Я подхватил ее слабеющее тело, пытаясь нащупать рукоять ее сабли и не спуская глаз со стрелявшего мужчины. Рабочий, который до этого не покидал своего места, теперь держался иначе. Сжимая небольшой, самый обычный на вид пистолет, он встал со стула, после чего выставил свободную ладонь вперед и замотал головой.

— Стаями охотятся… — пробормотала девушка, умиравшая у меня на руках. — Ублюдки…

Я заглянул в ее глаза. Она повисла на мне мертвым грузом, до сабли я так и не дотянулся, а рабочий уже приближался к нам. Слабея с каждой секундой, девушка потянулась к лицу, и на мгновение я подумал, что сейчас она снимет маску. Похоже, все ее оставшиеся силы ушли в это движение и попытку приподнять голову. Тут я заметил, как она приставляет к подбородку нечто вроде крошечного пистолета.

— В другой раз, Тэм, — прошептала она.

Второй рабочий подошел уже почти вплотную

к нам.

— Не на… — только и успел сказать я.

Что-то щелкнуло, пшикнуло, и секунду спустя она безвольно повисла у меня на руках.

— Черт! — рявкнул работяга, пинком выбив у нее из пальцев маленькое устройство.

Я схватил мужчину за ботинок и дернул так, что он хлопнулся на пол, наделав еще больше шуму, чем товарищ. Тело пиратки я толкнул на него, одновременно выхватывая ее саблю. Одной ногой я наступил на ее окровавленную спину, тем самым прижав мужчину к полу, а острием сабли ткнул в запястье руки, в которой он еще сжимал пистолет.

— Кейвен! — прохрипел мой соперник. — Вы — Марк Кейвен! Мы с вами заодно! Мы тоже из «Надзора»!

Барменша что-то промычала — видимо, в подтверждение. Другой мужчина лишь застонал, корчась на полу.

— Мы из «Надзора»! — повторил рабочий с пистолетом. — *L'Expédience*! Нас сюда прислали!

Я задумчиво взглянул на мою бездыханную пиратку — или незнакомку, в чье тело она вселялась.

Наверное, из-за нахлынувших воспоминаний я

особым образом нажимаю на бронзовую коробочку. В ладонь выпадает крошечная белая таблетка. Я запиваю ее остатками джин-тоника и сразу заказываю второй, чтобы проверить, быстро ли его принесут и успею ли я сделать хотя бы глоток.

Я гляжу в иллюминатор, ища новые проблески в темнеющей пелене; солнце садится, горизонт полыхает красным и оранжевым, а облачная завеса выглядит сплошной. Я постепенно погружаюсь в транс перемещения, теряю связь с этим миром. Когда стюард приносит джин-тоник, я понимаю, что вот-вот чихну.

— Апчхи!

Открываю глаза. Моя первая мысль — я сижу на месте А4: это формат бумаги, класс британских паровозов середины XX века, а еще это клетка, куда в самом начале партии можно передвинуть одну из белых ладейных пешек — ту, что ближе к ферзю, — хотя так она перекроет ферзю диагональ, и он не сможет оказать давления на центр…

Давление. Вот именно, давление. Что-то сдавливает меня с боков, отчего-то тесно ногам.

В салоне самолета стало гораздо темнее. Похоже, сейчас ночь: либо снаружи черным-черно, либо иллюминаторы закрыты пластиковыми

шторками. Просторные ряды первого класса исчезли; теперь я сижу в самой гуще людей, которые в большинстве своем спят, немного откинув назад спинки кресел. Плачет ребенок. Двигатели гудят громче, чем прежде, а места для ног теперь гораздо меньше — колени упираются в спинку кресла впереди.

Предчувствуя недоброе, гляжу по сторонам. Слева и справа обосновались двое загорелых громил, — каждый на полголовы меня выше и гораздо шире в плечах. Мужчины подстрижены под бокс и одеты в черные пиджаки поверх белых рубашек. Тот, что справа, одной рукой сжимает оба моих запястья, которые к тому же в наручниках.

– *Gesundheit* [33], мистер Диз, — говорит второй. — Куда бы вы там ни собирались — добро пожаловать!

Не успеваю я опомниться, как он вытаскивает у меня из кармана бронзовую таблетницу.

— Что вы себе… — захлебываюсь от негодования я.

— Мы это позаимствуем, — невозмутимо говорит верзила, убирая коробочку в карман

---

[33] Примечания: 33
Будьте здоровы *(нем.)*.

рубашки.

Другой по-прежнему держит мои запястья. Я пытаюсь сбросить его руки, хотя и помню про наручники. Без толку. Я далеко не слабак, но сейчас чувствую себя ребенком, которого схватил взрослый.

— Кто вы, черт возьми, та… — только и успеваю сказать я, когда карикатурно большой кулак врезается мне в лицо.

6

Пациент 8262

Перед началом — ничто.

Затем начало: в один бесконечный миг рождается поток вселенных; гремит взрыв — отец и мать всех взрывов и полная им противоположность, ведь он ничего не уничтожает — точнее, уничтожает лишь Ничто, — зато создает, воплощает в жизнь первое подобие порядка и хаоса, саму идею времени, все и сразу. Это занимает целую вечность и вместе с тем — ни единой секунды.

После начала — все остальное.

Расширение за пределы возможного; взрыв, который не ослабевает, не замедляется и не расходует энергию, а, напротив, бесконечно распространяется, становясь мощнее, сложнее, масштабнее.

Нас учили рисовать это в своем воображении.

— Закройте глаза, — говорили нам, и мы подчинялись.

И вот я лежу, смежив веки и слушая больничную музыку: бряцанье уток, кашель пациента

в дальней палате, дребезжащее кудахтанье радиоприемника в сестринской, разносимое эхом по коридору, — и вспоминаю давно минувший день.

Я, как и все в аудитории, зажмурился и теперь внимал, представлял, пытался понять и увидеть.

С достаточно большого расстояния зрелище напоминает сферу, планету с бурлящей, изменчивой и расширяющейся поверхностью или огромную растущую звезду. Наше сознание, в силу своей ограниченности, рисует нечто шарообразное, в таком количестве измерений, сколько мы можем — или убеждаем себя, что можем, — представить.

Вот настоящая Вселенная, вселенная вселенных, основа всего сущего, вне которой ничего нет. Разумеется, она необъятна: вообразить ее себе, как описано выше, можно, только выйдя за ее пределы, глядя как бы снаружи, хотя никакого «снаружи» не существует. Вы можете счесть это своего рода победой, выходом за рамки, однако мне приходит на ум фраза «хвататься за соломинку».

Некоторые вещи настолько масштабны, что перестают иметь значение. Я привел яркий тому пример. Если хотите познать эту вечно растущую

необъятность, внимательно присмотритесь к ее поверхности.

— Глаза не открывайте. Включите воображение, — говорила нам преподавательница.

Мы сидели в лекционном зале Экспедиционного факультета Университета практических навыков, что в городе Асферж, Кальбефракия. Наставница велела нам закрыть глаза и сосредоточиться, дабы облегчить процесс визуализации. Послышались смешки, визг и шиканье, поскольку студенты, которые не приняли задание всерьез, воспользовались случаем, чтобы пощекотать, ткнуть в бок или ущипнуть соседей, зажмуривших глаза.

Преподавательница театрально вздохнула.

— Приношу извинения за небольшую заминку: придется подождать, пока последние из присутствующих выйдут из младшего школьного возраста. — Затем ее голос изменился, стал более деловым: — Продолжайте представлять себе эту совершенную сферу. А теперь вообразите, что приблизились к ней. Всмотритесь в ее поверхность: сложную, рельефную, складчатую, покрытую трещинами и постоянно растущими выростами вроде деревьев и кустов, всю в усиках и ворсинках.

— Мэм, — хохотнул какой-то парень, заранее довольный своей шуткой, — похоже, я вижу чье-то волосатое яйцо!

— Еще одно слово, Мерик, и увидите перед собой штрафное эссе. Тишина! — Снова громко вздохнув, она продолжила: — Приглядитесь внимательнее. Еще внимательнее. — Ее голос звучал весело и в то же время серьезно. — Те из вас, у кого воображение богаче, чем у насекомых, могут провести аналогию с фракталами. Это поможет. А теперь, когда все, надеюсь, в максимальных подробностях представили огромное волосатое яйцо мистера Мерика, — она подождала, пока стихнут смешки, — продолжайте в том же духе. Приглядывайтесь, все время увеличивая масштаб. При ближайшем рассмотрении вы обнаружите, что у самого тонкого волоска, самого микроскопического усика тоже есть поверхность, покрытая выступами и впадинами, древовидными выростами, ворсинками и так далее, практически идентичная тому рельефу, который вы наблюдали прежде. Вот они, ваши фракталы во плоти. Чем ближе вы подходите, чем внимательнее приглядываетесь и чем сильнее повышаете детализацию, тем больше таких повторений замечаете. Меняется лишь масштаб.

— Мне сложно это представить, мэм, — пожаловалась одна из девушек.

— Ничего страшного. По крайней мере, вы пробуете, а значит, не сдаетесь. Продолжайте, и у вас получится. И постарайтесь держать в уме, что все происходит не в трех и даже не в четырех, а в огромном множестве измерений.

— А сколько их всего, мэм? — спросил какой-то юноша.

— Много.

— А поточнее, мэм?

— Много. В данный момент такого ответа достаточно. — Она замолчала, даже как будто замялась. — Знаете, почему настолько мудрые, интеллигентные и сведущие люди, как я, тратят время на таких желторотых невежд, как вы, вместо того, чтобы с комфортом почитать книгу у камина или по-светски обсудить с профессорами новейшие идеи или факультетские сплетни? Вот вам одна из причин: несмотря на многие, многие примеры обратного, существует мизерный шанс, что самый умный из вас когда-нибудь ответит на вопросы, над которыми тщетно ломало голову как мое поколение — вопреки упомянутым мудрости, интеллигентности и прочая, и прочая, — так и те, кто жил прежде. К примеру:

почему уникальна Кальбефракия и чем уникальна личность транзитора? Где инопланетяне? Откуда изначально взялся септус и в чем принцип его действия?

— Ух-х! — пронеслось по аудитории.

— Так что зарубите себе на носу, — сухо добавила наставница, — здесь вас учат не запоминать всякую ерунду, вас учат…

— Думать! — закончил хор голосов.

— Рада, что вы уяснили, — судя по тону, она улыбнулась, а затем продолжила чуть громче: — Те, кто умен по-настоящему, со временем научатся представлять, как эта сложная поверхность не только увеличивается в масштабе, раскрываясь по мере вашего приближения, но и сама движется вам навстречу, разрастаясь по направлению к смотрящему.

— А я с самого начала так и представлял, мэм.

— А я представляю, как проверяю ваше эссе о фрактальной теории, Мерик, и нахожу уйму ошибок. Чем пристальнее смотрю — тем больше нахожу.

— Но мэм…

— Что — «мэм»? Полторы тысячи слов, не меньше. Завтра с утра мне на стол. Что нужно сказать, Мерик?

— Спасибо, миссис Малверхилл.
— То-то же.

Эдриан

В Шотландии мокро и уныло. И нет, вы меня не переубедите. Даже горы похожи скорее на большие курганы, чем на настоящие горы, вроде Скалистых или Альп. Вам скажут, что в этом есть своя суровая романтика, вот только я ее не заметил. Даже если пейзаж красивый, повсюду вьются тучи ублюдской мошкары, так что все равно торчишь дома. К тому же здесь полно шотландцев. Шах и мат!

В Глен-Фаркуарт, или как там называлась эта долина, я вытерпел неделю. Именно вытерпел. Мне совсем не понравилось. Даже охота оказалась фигней. Я думал — сам не знаю почему, — что мы постреляем из винтовок в лосей, оленей или хотя бы в быков-хайлендов [34], а на деле палили из ружей по птичкам! Ага, из ружей! Как в чертовом фильме Гая Ричи [35], прикиньте? Да, красивых, со всякой там гравировкой — семейные реликвии

[34] Примечания: 34

Хайленд — шотландская порода коров с длинными рогами и длинной волнистой шерстью.

[35] Примечания: 35

Имеется в виду фильм Гая Ричи «Карты, деньги, два ствола», в котором фигурируют два старинных коллекционных ружья.

и бла-бла-бла, — но всего-навсего ружей! Пушки, из которых сложно прицелиться. К тому же стреляли мы по птицам! Снова, и снова, и снова. По долбаным фазанам! Сомневаюсь, что на всей планете есть птицы тупее. По сравнению с ними и свиная задница — профессор!

Мы ехали по шоссе А9 и вдруг заметили фазана, замершего в траве по нашу сторону дороги. Нас разделяла сотня-другая метров. По встречке тянулась вереница машин, и когда первая поравнялась с фазаном, он внезапно рванул через дорогу, будто мечтая попасть под колеса. Мы не сомневались, что тупую курицу собьют. Но нет, она чудом уцелела. Возможно, водитель притормозил, хотя остановиться, когда следом столько других авто, не мог.

В общем, разминувшись с машиной на какой-нибудь миллиметр, фазан пересек шоссе. Замер на обочине, где его чуть не снесло порывом ветра. А затем, как только первый автомобиль умчался, чокнутая птица передумала и побежала обратно! Третья или четвертая машина врезалась прямо в фазана, и он сгинул в облаке перьев. Никто, конечно, и бровью не повел. Надеюсь, вы поняли масштаб идиотизма?

Этих птиц разводят только для того, чтобы

подстрелить. Тоже дерьмовая затея, хотя, может, и с оленями так поступают, не знаю. Вряд ли, конечно: олени не настолько тупые, как фазаны.

Я привез с собой много кокса, хотя вообще-то уговаривал Барни соскочить. Мне хотелось втереться в доверие к Нойсу-старшему, а быть дилером его сына — так себе задел на будущее. Барни не был говнюком, просто умом не блистал, понимаете? Рано или поздно он начал бы шантажировать меня этой фигней. Пригрозил бы рассказать отцу, например. Зачем оно мне надо? Я кое-что задумал, и мистер Нойс был частью моих планов. В отличие от Барни.

Мы славно выпивали. Под руководством мистера Н. я научился различать отдельные сорта виски, правильно разбавленные. Выходит, что-то хорошее из этой поездки я все-таки вынес. А еще мы вкусно ели. К счастью, не одну фазанятину.

Дом смахивал на бутафорский замок — так, видимо, викторианцы представляли себе типичную шотландскую архитектуру. Только с нормальным водопроводом и отоплением. За это им, конечно, спасибо.

Моя девушка Лисанна опять осталась дома. Эти места ее бы взбесили. Беспросветный дождь и никаких магазинов. Дулсима, подружка Бар-

ни, тоже терпеть не могла Шотландию, но все равно приехала. Тогда я предположил, что он посматривает на сторону и Дулсима пытается его удержать, но, как позже выяснилось, ее в нем привлекал неиссякаемый запас наркотиков, за которые ей не надо платить.

Чокнутая девка даже пыталась подкатить ко мне на заднем сиденье «Лендровера», когда мы возвращались с охоты! Представляете? Погладила мой прибор прямо через брюки для гольфа, или как их там, и шепотом спросила, не против ли я, если ночью, когда Барни вырубится, она придет ко мне в комнату в одних охотничьих сапогах.

Нет, Дулсима, конечно, роскошная, я не раз о ней фантазировал, и моему члену идея определенно понравилась — тогда, ближе к концу недели, он чересчур тесно сблизился с моей рукой. Но блин… Скользкая дорожка. Слишком опасно. К чему усложнять себе жизнь? В общем, я сказал ей, что за весь год никого не хотел трахнуть так сильно, как ее, и если бы не моя дружба с Барни… Она восприняла это довольно спокойно. Еще пару раз ее заверил, что она — ходячий секс и все путем. Некоторым девушкам важно такое слышать.

Непростая неделька, но оно того стоило. Мы с

мистером Н. прекрасно поладили. Я упомянул, что подумываю о стоящей, серьезной профессии, как у него. Ничего конкретного, просто намек. Наконец все закончилось, и мы пустились в долгий обратный путь к цивилизации.

В следующий раз на встречу с Нойсами я привез Лисанну. Мы поехали в фамильный особняк мистера Н. в Линкольншире. Это местечко недалеко от Элфорда звалось Нестоу, но хозяева называли его «Неустоу», потому что дом стоял у самой кромки моря на чем-то вроде песчаного утеса, прямо над пляжем, о который бились волны. В поместье установили уже третью по счету садовую изгородь — первые две штормами смыло в Северное море, — да и сам сад, если верить мистеру Нойсу, за последние сорок лет уменьшился на две трети.

На этот раз Барни и Дулсима не приехали, сославшись на дела. В общем, все выглядело так, будто я перестал быть другом сына и перешел в разряд друзей семьи. *En route to protégé* [36], простите за мой французский. Если удача не отвернется, конечно.

К моему облегчению, мистер Н. счел Лисанну

---

[36] Примечания: 36
Без пяти минут протеже *(фр.).*

пустышкой. Я заметил, с каким интересом она посмотрела на него при знакомстве, а за первым ужином четко уловил момент, когда она перевела взгляд с мистера на миссис Н. и, видимо, поняла, что ловить тут нечего. И это тоже было облегчением. Ясен пень, их интрижка не продлилась бы дольше одной ночи — кто он, а кто она? — но проблем мне это прибавило бы. За кофе миссис Н. многозначительно со мной переглянулась, отчего я решил, что наши мысли насчет Лисанны сходятся.

Этот особняк эдвардианских [37] времен был построен позже Спетли-холла. Беленый кирпич и крашеное дерево вместо замшелого камня и полированных панелей. Огромные, в соляных разводах, хорошо продуваемые окна вместо крошечных, освинцованных. Очень светлые комнаты, особенно по утрам, когда море сверкает на солнце.

Поужинав, мы отправились в сад и теперь стояли у новой изгороди, глядя, как внизу плещутся волны, чуть блестя в вечерних сумерках. Лисанна

---

[37] Примечания: 37

Эдвардианская эпоха — период в британской истории начала XX века, в который включают годы правления Эдуарда VII (1901–1910), а иногда и несколько лет после его смерти, до начала Первой мировой войны. В архитектуре того времени господствовал неоклассицизм.

и миссис Н. ушли дальше по дорожке. Я услышал, как в ответ на реплику миссис Н. Лисанна взвизгнула от смеха.

— Главное — уверенность, — сказал мне мистер Н.

Язык у него уже слегка заплетался, поэтому сперва мне послышалось «умеренность», однако речь шла об уверенности.

— Типа покерфейс? — спросил я.

— Что-то вроде, — усмехнулся Эдвард. — Я бы выразился тоньше, но можно сказать и так. Уверенность держит твой корабль на плаву. Уверенность — или даже убежденность — нужна для того, чтобы двигаться вперед, ничего не боясь. Ведь если остановишься — твоя посудина может развалиться. — Он искоса взглянул на меня. — Ценность тоже имеет колоссальное значение, но тут есть одна загвоздка. Что мы понимаем под ценностью? Ценным становится то, что ценят люди. Вещь стоит столько, сколько за нее готовы заплатить. А теперь допустим, что кто-то отваливает за вещь сумму, которую остальные считают чрезмерной, до нелепого завышенной, а затем находится человек, готовый потратить на эту вещь еще больше, — тогда первая цена уже кажется вполне адекватной, а вещь — стоящей, да?

Прибыль — вот доказательство ценности. Хотя, конечно, если ушлого продавца раскусят, если выяснится, что вещь не стоит и выеденного яйца, тогда продавец останется в дураках, а все, кто изначально ему не доверял, докажут свою правоту. — Мистер Н. отпил немного виски. — Сложнее всего — точно определить, кто прав, а кто нет, и купить акции прежде, чем они слишком вырастут в цене, или выйти из игры до того, как станет ясно, что акции не стоят уплаченных денег. Помнишь мультик, в котором зверек шагает со скалы, но не падает, потому что еще не замечает под собой пропасть? «Том и Джерри», кажется?

Я, скорее, подумал про «Дорожного бегуна» [38], но суть понял. Мы оба немного понаблюдали за волнами.

— Это все невидимая рука? [39] — предположил я. — Она держит нас над пропастью?

---

[38] Примечания: 38

«*Хитрый койот и Дорожный бегун*» — американский короткометражный мультсериал. В каждой серии койот пытается поймать Дорожного бегуна — калифорнийскую земляную кукушку, но ему это не удается.

[39] Примечания: 39

«*Невидимая рука*» — метафора, ставшая популярной после публикации работ Адама Смита. В данном случае имеется в виду концепция невидимой руки рынка, которая заключается в том, что рынок почти самостоятельно восстанавливает здоровое равновесие спроса и предложения благодаря эгоистичным действиям продавцов и покупателей. А государству достаточно не вмешиваться и позволять всем участникам рынка действовать в личных интересах.

— Невидимая рука? — хохотнул мистер Н. — Это всего лишь догмат веры. Очередной миф. Разве общество функционирует круглосуточно? Отнюдь. Рынок тоже. Вечером торги закрываются — не важно, в Нью-Йорке ты или в Сиднее. По выходным и праздникам биржи тоже не работают. И слава богу, иначе я бы вообще не отдыхал… Кстати, что скажешь про виски?

— Даже не знаю. — Я нахмурил лоб. — Вкус сладковатый, торфянистый. Я сперва подумал, что это «Айлей», но теперь сомневаюсь. Возможно, «Талискер» — из тех, что я еще не пробовал. Пока не уверен. — Я пожал плечами и виновато взглянул на мистера Н. — Я еще подумаю, ладно?

Он с ухмылкой кивнул. Мне даже показалось, что он мной гордится. Впрочем, мои сомнения были притворными. Мы пили «Хайленд Парк» с Оркнейских островов. Я не видел, как мистер Н. разливал виски, зато когда он протягивал мне бокал, краем глаза приметил в буфете бутылку со стекающими по горлышку каплями. А спектакль разыграл для пущего эффекта, смекаете?

— Вся эта афера под названием «рынок» держится на уверенности, — продолжил Эдвард, глядя на море. — Технически все банки погрязли в долгах, а публичные компании с ограниченной

ответственностью — это беспроигрышная лотерея. Если, конечно, верно с ними обращаться. Пока они работают — прибыль твоя, а когда перестают — ты их закрываешь, и деньги, которые они должны другим компаниям и людям, просто подвисают в воздухе. Если все правильно устроить, сам ты банкротом никогда не станешь. Ведь ты всего лишь держатель акций, генеральный директор, управляющий директор — кто угодно, только не владелец бизнеса. В этом и суть ограниченной ответственности. Это тебе не партнерство и не синдикаты Ллойда [40]. — Он взмахнул рукой, пролив немного виски.

Перед этим мы выпили несколько джин-тоников и пару бутылок вина.

— Так правда можно? — спросил я.

Наверное, прозвучало не очень. Как будто я сомневаюсь в его словах.

— Вот видишь! — воскликнул Эдвард. — Наивный обыватель думает, что если группа людей начинает бизнес, занимает много денег, арендует офисы, заказывает оборудование и сырье,

---

[40] Примечания: 40

Синдикат Ллойда — группа членов страховой корпорации Ллойд, объединившихся для предоставления страховок. Если синдикат несет убытки, то они распределяются пропорционально доле каждого участника в капитале при условии неограниченной ответственности по отношению к размерам убытков.

при этом ни за что не платя, а в конечном счете прогорает, то остается должна всю сумму. А на самом деле нет. Когда учреждается публичная компания с ограниченной ответственностью, она становится чем-то вроде отдельного человека, понимаешь? Это компания должна деньги, не учредители. Если она разоряется, то переходит под внешнее управление, ее активы распродаются, и если это не покрывает долги — увы и ах. Деньги просто исчезают, и все. А директорам и акционерам достаточно не нарушать закон — и их никто не тронет. Разумеется, если дело выгорит, все они получат выгоду. Понимаешь? Беспроигрышная лотерея.

— Боже, Эдвард! Вы рассуждаете, как завзятый коммунист!

— Марксист правого толка, — сухо поправил мистер Н. — К слову, по молодости я увлекался социализмом.

— В университете?

— Да, в университете. А затем увидел, насколько комфортнее живется эксплуататорам по сравнению с теми, кого эксплуатируют. Что ж, подумал я: если пролетарии настолько тупы, что позволяют себя эксплуатировать, зачем вмешиваться? — Он улыбнулся; его редкие рыжеватые

волосы трепал ветер. — Так я и перешел на Темную сторону. Твое здоровье! — Он глотнул из бокала.

— Значит, Барни — Люк Скайуокер? — рассмеялся я.

— Боюсь, я недостаточно хорошо разбираюсь в «Звездном пути», — покачал головой мистер Н. — Но на доктора Спока он точно не тянет.

Сначала я решил его не поправлять, но ошибка была настолько вопиющей, что в будущем на нее мог указать кто-то другой, и тогда мистер Н. счел бы меня кем-то вроде… подхалима, что ли. Поэтому я сказал:

— Вы немного запутались в звездах, — и объяснил, что к чему.

— Ах вот как, — обронил он. — А ты, Эдриан, на какой стороне — Светлой или Темной?

— На своей, мистер Нойс. Был, есть и буду.

Он задержал на мне пристальный взгляд:

— Это лучшая из сторон, — и, подмигнув, осушил свой бокал.

(Остальные)

Все началось с Шеола Плайта. В Асферже, в кампусе Университета практических навыков. Достопочтенный доктор спал в комнате отдыха, смежной с его кабинетом в здании Экспедици-

онного факультета. Его постоянная любовница, все еще лежавшая сверху в посткоитальном оцепенении, едва заметно дернулась, словно тоже проваливаясь в сон. Затем крепче прижалась к доктору, обхватив его руками, и не успел он по-настоящему проснуться, как оба сгинули.

Когда пришли за мисс Пам Йесусдоттир, она гуляла по Гималайским холмам. В этом медленно плетущемся мире индийский субконтинент только начал свое неспешное столкновение с Азией. Самая выдающаяся вершина местных Гималаев поросла деревьями и даже на полторы тысячи метров не возвышалась над уровнем моря. Мисс Йесусдоттир в одиночку шла по недавно проторенной тропе. Прошел дождь, с высоких платанов капало, и под ногами бежал ручеек, поэтому женщина шагала по траве, то и дело перепрыгивая через поток и недоумевая, почему те, кто прокладывал дорогу в столь дождливых краях, не предусмотрели сточных канав.

Внезапно она заметила впереди девочку, которая сидела на земле, съежившись и обняв колени.

На вид девочке было лет тринадцать-четырнадцать. Явно из местных, одета скромно, в длинный черный балахон, волосы туго заплетены, на

пальцах блестят кольца. Она даже не взглянула на женщину, идущую навстречу. Просто сидела, уставившись куда-то вдаль, за пределы тропы. Подойдя поближе, Йесусдоттир увидела, что девочка дрожит, а щеки у нее блестят от слез.

— Привет, — сказала Пам по-английски.

Девочка всхлипнула. Мисс Йесусдоттир перешла на хинди. Тут девочка переменилась в лице, улыбнулась и вдруг встала, выросла, как распустившийся цветок, отчего женщина ощутила запоздалый укол страха.

— Добрый день, мисс Йесусдоттир. У меня для вас плохие новости.

Брэшли Кряйк исчез с собственной яхты во время круиза по Восточному Средиземноморью возле города Хандак [41], что на острове Гирит [42].

Граф Хайцлофт-Байдекерн услышал, как кто-то заходит в его ложу и встает за спинкой кресла. Он предположил, что вернулся один из его сыновей:

---

[41] Примечания: 41

Хандак — одно из прежних названий греческого города Ираклион на острове Крит. Это название дали поселению арабы, захватившие его в 824 г. и превратившие в укрепленный форт.

[42] Примечания: 42

Гирит — турецкое название острова Крит. Вероятно, намек на то, что в данном мире остров принадлежит туркам или другим мусульманским народам.

они чуть раньше вышли в коридор, чтобы удовлетворить свою страсть к сигарам и пофлиртовать с молодыми леди, если оные повстречаются. Кем бы ни был вошедший, он появился в тот момент, когда одна из оперных див — колоратурное сопрано — завела финальное, пробирающее до костей соло. Если бы не это обстоятельство, граф успел бы обернуться.

Команданте Одиль Обликк — Гроза Востока, как однажды назвал ее восхищенный противник, — танцевала со своей новой любовницей, адмиралом штурмовой экадрильи экранопланов, в залитых лунным светом развалинах Нью-Кесона. Оркестранты с завязанными глазами наяривали изо всех сил, пытаясь заглушить вопли, раздающиеся среди камней и искореженных каркасов недавно уничтоженных зданий. С противоположной стороны площади, расчищенной пленными из числа поверженных роялистов, к женщинам направился официант с шампанским и кокаином.

При виде вразвалку шагающего старого толстого евнуха партнерши прервали танец и усмехнулись.

— Команданте, — просипел тот. — Адмирал.

— Благодарю, — проронила Обликк.

Длинными темными пальцами она взяла с подноса серебряную трубочку. На ее ногтях, шутки ради, красовался зеленый камуфляжный узор.

— Ты первая, — она протянула соломинку адмиралу.

— Бессонная будет ночка. — Вздохнув, та слегка наклонилась к подносу, на котором белели в лунном свете дорожки порошка.

Затем она вернула трубочку команданте, уже успевшей глотнуть шампанского. Внезапно лицо адмирала исказилось. Она схватила Обликк за руку и прошептала:

— Что-то не так…

Команданте замерла; ее пальцы, выронив серебряную трубочку, потянулись к кобуре с пистолетом.

В наушнике заскрежетали помехи.

— Команданте! — раздался испуганный голос адъютанта.

Евнух-официант что-то прошипел и скользнул рукой под поднос. Тот вместе с бокалами и остатками кокаина накренился, выставляя на всеобщее обозрение пистолет, нацеленный прямо в команданте. Обликк начала пригибаться, падать на руки адмиралу, словно теряя сознание, но это привело лишь к тому, что пуля вошла ей

не в грудь, а в голову. На глазах у ошеломленной спутницы за первым выстрелом последовали еще два, и только тогда ближайшие охранники, выйдя из ступора, открыли ответный огонь.

Ликвидационные отряды, отправленные за миссис Малверхилл, вернулись ни с чем.

Транзитор

Очнувшись, первым делом понимаю, что привязан к стулу. И чувствую боль. Не самый радужный поворот событий.

На тренировках меня учили выпутываться из подобных ситуаций, так что я знаю, как постепенно прийти в себя, не подавая внешних признаков пробуждения. Но это в теории. Сомневаюсь, что подобное возможно на практике. Если вы без сознания, то вы без сознания — то есть свое тело никоим образом не контролируете. К тому же, возможно, вы отрубились не просто так, а, например, потому, что какая-то горилла в пиджаке сильно врезала вам по лицу. Да так, что ваш нос теперь сломан, вы не можете нормально дышать, кровь залила вам грудь, два передних зуба шатаются, да и вообще добрая половина лица, по ощущениям, распухла и заплыла.

Я сижу на стуле, обмякнув, насколько позволяют путы, — подбородок почти касается груди,

взгляд упирается в колени. Одежды на мне нет. На забрызганные кровью бедра падает яркий свет. Я потихоньку прихожу в чувство, всплывая к пониманию, как упавший в воду кусок дерева поднимается к поверхности холодной неторопливой реки. Как только первичная оценка ситуации проведена, я начинаю осторожно — не подавая внешних признаков движения — напрягать конкретные группы мышц, дабы точно определить, крепко ли привязан к стулу. И вдруг слышу мужской голос:

— Не утруждайтесь, Тэмуджин. Мы знаем, что вы очнулись. Не тратьте время попусту, проверяя на прочность веревки и стул. Вам отсюда не сбежать. Мы догадываемся, что вы задумали, ведь мы вас этому и научили.

Я быстро обдумываю эти слова. Похоже, мои похитители в курсе, как именно меня натаскивали действовать в таких случаях. Более того, выдают себя за моих коллег или, по крайней мере, преподавателей. Хотя не помню, чтобы профессора обращались ко мне по имени.

Я поднимаю голову и вглядываюсь в темноту между двумя лучами света, направленными на меня с расстояния в пару метров, и как можно спокойнее поправляю:

— Скорее уж мы научили вас.

Я ожидаю услышать «что?» или «да ну?», однако мой собеседник, помолчав, произносит:

— Без разницы. Суть в том, что мы разгадаем ваши намерения на любом этапе. Так что бросайте эти фокусы — сэкономите нам время, а себя избавите от боли.

На любом этапе. Жутковатые слова. «На любом этапе чего?» — мелькает в голове.

Перед глазами только слепящие лучи. Кроме двух прямо по курсу, еще два светят сбоку, а судя по теням под стулом, есть еще два сзади. Я как на ладони. Человека, который ко мне обращается, я не знаю. Возможно, это один из широкоплечих громил, летевших со мной в самолете, а может, и нет. Думаю, обладатель голоса находится у меня за спиной. Судя по эху, мы в большом помещении. Запахов я не ощущаю, за исключением острого металлического запаха собственной крови. Амбр этого места — информация от дополнительного органа чувств, которым обладают люди вроде меня, — указывает на мир, где я прежде не бывал. Мир довольно сумбурный, полный конфликтов на почве исторических и культурных ценностей.

Проверяю языки. Английский. И все. Неслыханно! Нет даже языка моей родины, моей базовой

реальности, где на лесистом склоне с видом на маленький городок стоит коттедж, по которому, пялясь в пространство и выдавая простейшие реплики, бродит мое исходное «я».

Вот теперь мне становится страшно.

— На любом этапе допроса, — говорит незнакомец словно в ответ на мою неозвученную мысль.

— Допроса? — переспрашиваю я.

Даже сам слышу, что голос у меня, как у сильно простуженного. Пытаюсь втянуть в себя кровь, забившую нос, но добиваюсь лишь ощущения, будто кто-то вогнал мне в лицо железный штырь.

— Да-да, допроса, — подтверждает дознаватель. — Мы выясним, что вы знаете. Или думаете, что знаете. Поймем, кому вы подчиняетесь, — или думаете, что подчиняетесь. Узнаем, что вы делаете…

— Или думаю, что делаю.

Молчание.

— Просто увидел закономерность, — пожимаю плечами я.

— Да-да, — устало вздыхает мой собеседник, — умничайте, дерзите, спорьте с тем, кто вас допрашивает. Если угодно, ставьте под сомнение его интеллект. В таком случае, когда дело дойдет

до пыток, ваша участь будет еще унизительнее, и мы вытащим все сведения, которые нас интересуют. Я же говорил, Тэмуджин, это мы вас тренировали, так что прекрасно знаем, как вы себя поведете.

Я свешиваю голову вниз, гляжу на свои запятнанные кровью бедра и бормочу:

— И почему все палачи так трусливы?

— Что-что?

Видимо, не расслышал.

Я вновь вскидываю голову. Стараюсь, чтобы голос мой звучал устало и пресыщенно:

— Легко излучать уверенность и заявлять, что все схвачено, когда собеседник связан, беспомощен и полностью в вашей власти. И правда, к чему противнику эта дурацкая свобода действий? Ведь он, чего доброго, даст сдачи или уйдет! Или выскажется напрямик, а не станет в отчаянии и страхе лопотать то, что от него хотят услышать. Вам это нравится, да? Здесь вы ощущаете власть, которой — вот досада! — лишены в реальной жизни? Получаете то, чего вам не хватало в детстве?.. Над вами издевались другие ребята? А может, унижал отец? Слишком сурово приучал к горшку? Мне правда интересно, в чем причина. Из-за какой детской травмы мозги настолько

съезжают набекрень, что эта гнусная работенка кажется карьерой мечты?

Признаться, я даже не надеялся договорить до конца. Я думал, он выскочит из тени и от души мне врежет. То, что этого не случилось, — или очень хороший знак, или очень плохой. Пока неясно. Я ожидал другого.

— Браво, Тэмуджин! Неужели вы сами придумали этот пассаж? — с насмешкой произносит дознаватель.

Ну вот.

— Так сильно хотите быть избитым? — Он фыркает. — Какая детская травма превратила вас в мазохиста?

Похоже, пора сменить тактику. Вздохнув, я киваю:

— Что ж… Я вас понял. Больше никаких импровизаций.

— Кстати, об этом мы тоже хотели бы вас расспросить.

— Об импровизациях?

— Да.

— Валяйте.

Пожалуй, я не был с вами полностью откровенен. Способ выбраться из моего положения существует. О нем, по идее, не догадываются ни

похитители, ни мой безликий, невидимый дознаватель. Правда, есть вероятность, что это средство у меня отняли. До сих пор я не осмеливался проверить, к тому же задача не так-то проста, когда тебе расквасили лицо. Я снова свешиваю голову на грудь и провожу языком по зубам. Прощупываю.

На месте одного из зубов, снизу слева — дыра. Зияющая, свежая. Прощай, надежда на спасительный побег…

— Да-да, — говорит мужчина; похоже, заметил, как я двигаю челюстью. — Это мы тоже изъяли. Вы думали, мы не знаем?

— А вы знали?

— Возможно, — произнес он. — А может, просто обнаружили.

В этом зубе была выдолблена полость, скрытая под миниатюрной откидной коронкой из керамики. Внутри я хранил экстренную дозу септуса на случай, если собьюсь со счета и таблетки закончатся, или кто-то украдет бронзовую коробочку, или она не переместится вместе со мной. Или произойдет форс-мажор вроде этого.

Что ж, увы.

— Ладно. — Я поднимаю голову. — Что вы хотите узнать?

В похожей ситуации я уже бывал. Меня не свя-

зывали, и свет не слепил глаза, однако я тоже сидел на стуле, отвечая на вопросы. Перед этим что-то случилось, что-то пошло не так, и как минимум один человек погиб.

— Вы ничего не заподозрили?

— В смысле, что она из наших?

— Да.

— Мысль промелькнула. Я думал…

— Промелькнула в какой момент?

— Когда мы стояли у карты мира во Дворце дожей. Она упомянула «один-единственный мир». Мол, это ограничивает.

— И что же вы подумали?

— Решил, что она одна из приглашенных. Сотрудница «Надзора», с которой мне еще не довелось познакомиться. Возможно, приехала позже остальных.

Мы снова были в Палаццо Кирецциа — черно-белом дворце на берегу Гранд-канала.

— Вы не думали спросить у нее напрямую?

— Я ведь мог ошибаться. Чего-то не расслышать, неправильно понять. А интересоваться в лоб, Посвященная она или нет, — неоправданный риск, не находите?

— Разве вы не были заинтригованы?

— Еще как! Маскарад, загадочная женщина,

улочки Венеции… Сложно представить себе более интригующий вечер.

— Почему вы покинули бал вместе с ней?

— Решил, что она хочет потрахаться, — усмехнулся я.

— Не нужно похабностей, мистер… Кейвен.

— Вашу ж мать… — Я откинулся на спинку стула и устало прикрыл глаза.

Я беседовал с мужчиной, который застрелил мою пираточку. Его звали Ингрес, и он, похоже, еще не простил мне то, что я одолел его в баре около часа назад. На правом запястье, которое я проколол пиратской саблей, красовалась аккуратная повязка. Рабочую робу он сменил на строгий черный костюм и серую водолазку. Да и держался теперь по-другому: выглядел как человек, который не выполняет приказы, а отдает. К тому же он явно был опытным транзитором — настоящим мастером, раз уж сумел пронести между мирами столь существенный предмет, как оружие; такое удавалось лишь немногим. В том числе и мне, но с большим трудом. Именно из-за его маневра я ощутил прокрут за пару секунд до того, как он застрелил девушку. На широком, загорелом, открытом лице залегли морщинки, которые обычно говорят о привычке улыбаться.

Ингрес, однако, выглядел одержимым, чем-то терзаемым и ничуть не веселым.

Когда я убрал саблю и помог ему подняться на ноги, никаких объяснений не последовало: в бар вломились два амбала из свиты профессора Лочелле, каждый демонстративно запустил руку под пиджак. Судя по лицам, они рвались в драку и огорчились, что опоздали. Им оставалось только помочь двум раненым коллегам. Ингрес поручил одному из верзил отвести нас к ближайшему каналу, где дожидался, работая на холостом ходу, катер. Звук его мотора гулким эхом отдавался в проулках между темными зданиями. Фары не светили; на голове водителя красовалось нечто вроде бинокля на ремне. Он отвез нас с Ингресом обратно в Палаццо Кирецциа, а затем, включив освещение, уплыл по Гранд-каналу.

Меня попросили подождать в спальне на втором этаже. Окно защищала крепкая черная решетка, дверь заперли. Телефона не было. Когда меня привели в эту комнату, служившую профессору Лочелле кабинетом, на мне по-прежнему красовался костюм священника.

Прокашлявшись, Ингрес спросил:

— Были другие моменты, наводившие на подозрение, что ваша спутница — одна из По-

священных?

— Да, прямо перед вашим появлением. Она что-то сказала про мой отпуск. Мол, я сейчас «не путешествую».

— А еще?

— Больше ничего. Хотя нет. Упомянула слово «эскапада». Сказала, что оно значит «дерзкая авантюра». Вам это о чем-нибудь говорит?

— Слово я знаю, — малость поколебавшись, ответил Ингрес. — А что оно значит для вас?

— Впервые услышал. Не понимаю, к чему она его приплела. Это важно?

— Сложно сказать. А она не пыталась вас завербовать?

— Куда? — удивился я.

— Она ничего вам не предлагала?

— Ничего. Даже того, на что я надеялся, мистер Ингрес. — Я изобразил многозначительную ухмылку, но, видимо, зря старался.

— На что же вы надеялись?

Я вздохнул.

— На то, что мы с ней займемся сексом, — сказал я тихо, будто растолковывая прописную истину идиоту, и на всякий случай добавил: — Прелюбодейством.

Ингрес и бровью не повел.

— Как вы обо всем узнали? — спросил я. — Кто она такая? Что она задумала? Зачем связалась со мной? Почему вы пытались остановить ее, поймать или… что вы хотели с ней сделать?

Он поглядел на меня чуть дольше и, не скрывая довольного тона, парировал:

— В данный момент я не могу ответить на ваши вопросы.

Позже мы с мадам д'Ортолан прогуливались среди надгробий и кипарисов на обнесенном стеной кладбищенском острове Сан-Микеле, что в Венецианской лагуне. Ярко-голубое небо, усеянное клочьями облаков, на юго-западе уже розовело в преддверии заката.

— Ее зовут миссис Малверхилл, — поведала мадам д'Ортолан.

Я почувствовал, как она повернула ко мне голову, но продолжил идти, не отрывая взгляда от дорожки между рядами мраморных надгробий и темных металлических оград.

— Когда-то она меня обучала, — обронил я как бы невзначай.

Про себя же я изумился: так это была она! Внутри словно зазвучала музыка.

— Ну-ну. — Мадам д'Ортолан остановилась и вытащила лилию из небольшой вазы, закреплен-

ной на стене какого-то склепа.

Она протянула цветок мне. Я открыл было рот, чтобы сказать «спасибо», однако она перебила:

— Вы не могли бы убрать щетинки?

Я ответил озадаченным взглядом.

— Тычинки. — Она указала в середину цветка. — Вот эти штучки с оранжевой пыльцой. Можете их выдернуть? Пожалуйста. Я бы сама, но у этого тела слишком пухлые пальцы.

Мадам д'Ортолан обитала в теле высокой мощной женщины средних лет с ярко-рыжими волосами. Одета она была в белую шелковую блузку и розовый с сиреневым кантом костюм. Пальцы и правда выглядели толстоватыми. Я запустил руку в чашу цветка, стараясь не задеть подушечки с пыльцой. Мадам д'Ортолан наклонилась, внимательно наблюдая.

— Осторожнее, — почти прошептала она.

Когда я выдернул все тычинки, два моих пальца порыжели. Я вручил лилию мадам д'Ортолан. Длинными ногтями она отсекла стебель, а цветок вставила в петлицу пиджака.

— Миссис Малверхилл многое делала для «Надзора», — продолжила она. — Посвящала Непосвященных, следила за порядком и логистикой, перемещалась между мирами, читала

лекции… Как вы упомянули, преподавала теорию транзиции на Экспедиционном факультете. А теперь, ни с того ни с сего, предала нас.

Нет, подумал я. Предателем она была всегда.

— Как думаешь, кто мы такие, Тэмуджин? — тихо спросила она, мягкими пальцами поглаживая меня по животу.

— Боже… — выдохнул я. — Это что, дополнительный экзамен, профессор?

Она потянула за один из каштановых волосков, которые дорожкой росли у меня ниже пупка. Я порывисто вздохнул и накрыл ее руку своей.

— Почему бы и нет, — она приподняла одну темную бровь. — А теперь отвечай на вопрос.

— Что ж, ладно… — Я погладил руку, что гладила меня. — Мы — те, кто исправляет, чинит.

Я говорил очень тихо. Комната утопала в тенях, освещенная тлеющими в камине угольками да единственной догорающей свечой. Слышны были лишь наши голоса да легкий стук дождя по мансардному окну.

— Мы чиним то, что сломано, — продолжил я, постаравшись не повторять ее слово в слово — перефразировать то, что она поведала мне, поведала нам, своим студентам. — Или не позволяем сломаться тому, что вот-вот сломалось бы.

— И зачем мы это делаем? — Она попыталась пригладить волоски у меня на животе.

— Просто так. Почему бы и нет?

— И все-таки? — она лизнула ладонь и снова провела рукой по дорожке волос.

— Мы чувствуем, что так нужно, и действуем, руководствуясь этим чувством.

— А почему мы упорствуем? Ведь нас немного, а миров — бесконечное множество. — Она потеребила мой живот, словно играя со щенком, затем легонько шлепнула.

— Потому что есть вероятность, что существует бессчетное множество людей вроде нас, бессчетное множество «Надзоров» — просто мы еще не пересеклись.

— Хотя чем дальше мы распространяемся, не встретив никого похожего на нас, тем меньше шансов, что это когда-либо случится.

— Таков смысл бесконечности, — подытожил я.

— Неплохо, — бросила она, обводя пальцем мой пупок. — Но кое-что ты упустил. Следовало упомянуть, что лучше совершить нечто хорошее, чем выбрать бездействие, даже если дело кажется незначимым.

— Ведь мы сами решаем, что значимо, а что

— нет.

— Надо же. Ты все-таки не спал на моих лекциях.

Она накрыла ладонью мои яйца и начала очень бережно их массировать, перекатывать одним мягким, непрерывным движением.

— Вы всегда безраздельно владели моим вниманием, мэм.

Здесь, в ее загородном доме, мы провели несколько приятных, пусть и слегка изматывающих часов. Я думал, что на сегодня мы закончили, но она, похоже, считала иначе; под ее пальцами я вновь ощутил импульс желания.

— Полотно пространства-времени состоит из волокон, — произнесла она. — Таких мельчайших, что дальнейшей структуры уже не различить. Это отдельные, не поддающиеся упрощению кванты, внутри которых сама реальность кипит и клокочет микроскопическими всплесками творения и разрушения. Полагаю, из подобных простейших частиц состоит и мораль. Из мельчайших крупинок, делить которые дальше бессмысленно. Бесконечность простирается лишь в одном направлении — вовне, охватывая все больше обитаемых миров, параллельных реальностей. А двигаясь обратно — в сторону

уменьшения, — мы рано или поздно упираемся в индивидуальное сознание, отдельную личность, после чего резона вглядываться глубже уже нет. Смысл заключен на этом уровне. Даже если наши действия приносят пользу всего одному человеку — это абсолютная выгода, и ее сравнительная незначительность при более широком рассмотрении никакой роли не играет. Если же принести пользу — не причиняя при этом вреда — двум людям, деревне, племени, городу, нации, обществу или цивилизации, — выгода пропорционально умножится, возрастет. Так что бездействие нельзя оправдать ничем, кроме как пассивным фатализмом и банальной ленью.

— Вы совершенно правы. Позвольте… — Моя рука скользнула по ее золотистой спине ниже, между ног.

Она придвинулась ближе по смятой простыне, чтобы мне не пришлось далеко тянуться. Слегка раздвинула ноги. Большим пальцем я легонько надавил на крошечный сухой бутон ее ануса, а остальными начал поглаживать ее промежность, погружаясь во влажное тепло.

— Вот, пожалуйста, — весело прошептала она. — Похоже, я уже получаю некоторую выгоду.

Она ненадолго замолкла, ритмично двигаясь вверх-вниз, навстречу моим изучающим пальцам. Смахнув со лба темный локон, она приподнялась, притянула меня к себе и крепко, сочно поцеловала, после чего вновь откинулась на кровать так, что волосы разметало по лицу. Затем обхватила рукой мой член и начала поглаживать головку большим пальцем.

— Вопрос в том, — продолжила она хрипловато, — кто именно определяет, как и с кем поступить, в чьих интересах, а главное — зачем? С какой целью?

— Вероятно, — предположил я, — решаем мы все. Продвигаемся к некой высшей цели… кульминации.

Ее тело содрогнулось — от беззвучного смеха? Кто знает.

— Может, и мы… — У нее перехватило дыхание. — Да, вот так… продолжай.

— Я и не думал останавливаться.

— А кто в таком случае получает выгоду? — прошептала она.

— Возможно, сразу многие. Те, кто больше всего нуждается, и те, кто приносит им пользу. Почему бы выгоде не быть обоюдной?

— Это с одной точки зрения.

Она поднесла руку, которой меня гладила, к моему рту, сложила ладонь чашечкой и из-за темной занавеси волос шепнула:

— Плюнь.

Набрав побольше слюны, я приподнял голову и выполнил просьбу. Затем моя спутница поднесла руку к своим губам и сделала то же самое, после чего растерла блестящую жидкость между пальцами — от этого зрелища мой член стал еще тверже, хотя казалось, уже некуда. Снова обхватив его, уже плотнее, она интенсивнее, чем прежде, задвигала рукой. Я тоже ускорился, все быстрее погружая в нее пальцы и глядя, как колышутся сладкие изгибы ее тела.

— Есть и другая точка зрения?

— Возможно. — Каждый ее вдох теперь звучал хрипло; я изумлялся, как она вообще может сосредоточиться на беседе. — Но тут нужно больше знаний, более тщательное погружение в предмет.

— Мы всегда должны… — я прокашлялся, — постигать предмет как можно глубже. Вы меня этому научили.

— Верно.

Из-за свисавших ей на лицо волос я не сразу заметил, что ее глаза закрыты.

— Мы совершаем добро, — ее голос стал грубым, слова вылетали резко, отрывисто, — но делаем ли мы все, что в наших силах? Возможно, добро… это всего лишь побочная выгода… а преследуем мы — неосознанно, как в нашем с тобой случае… или намеренно, если речь о людях… более сведущих и влиятельных… какие-то другие, более… масштабные цели?

— Например?

— Не знаю, — выдохнула она. — Суть в том, что пока нам, возможно, не понять подобных тонкостей… Мы всецело доверяем нашему отделу прогнозов… А те, кому поручают работу в поле… грязную работу… слепо подчиняются приказам, даже не задумываясь… хотя порой не видят никакой мгновенной или даже среднесрочной выгоды… Ведь они привыкли верить, что добро раскрывается во всей полноте лишь со временем… Так было всегда, к этому их приучили, вот они и мирятся с происходящим, принимают на веру. В итоге они делают меньше, чем думают, однако больше, чем знают… Если я права, это потрясающий трюк: вызвать чуть ли не фанатизм у тех, кто считает, что мыслит прагматично, даже утилитарно…

Когда я впервые увидел ее, она сидела на ка-

менном парапете, вытянув одну стройную ногу вперед, а другую поджав под себя. Склонив голову набок, изящно изогнув тело, она беседовала с одним из мужчин, которые буквально ее обступили. Держа в правой руке бокал, левой она со смехом хлопнула по груди высокого собеседника, тоже хохотавшего. Худая, миниатюрная, она балансировала на самом краю балкона, но даже в столь шатком положении вела себя уверенно и непринужденно, словно главенствуя над остальными.

Дело происходило неподалеку от центра Асфержа, в главном корпусе Экспедиционного факультета. Оттуда открывался вид на террасы живописной долины, лесистые холмы Большого парка и окраины города, смутно различимые в предзакатном свете. Еще дальше возвышались туманные предгорья и ярко белела снежными шапками Цепь. Позже выяснилось, что в горах у миссис Малверхилл есть загородный домик, откуда в ясную погоду можно увидеть Туманный купол университета. Правда, придется залезть на крышу, чтобы не мешали деревья.

В день нашего знакомства я, конечно, этого не знал. Разгорался закат, и в его шелковистом сиянии позолоченный Купол сверкал, будто двойник заходящего солнца, а белокаменное здание — как

и разнообразные оттенки кожи преподавателей, студентов и без пяти минут выпускников — отливали красноватым.

Она была в брюках и длинном жакете, накинутом поверх топа с глубоким вырезом. Жатая ткань туго обтягивала ей грудь.

— …подобно бессчетным электронным оболочкам, — говорила она одному из окружавших ее ученых. — Их количество бесконечно, но не забывайте и про пустые пространства между ними, которым тоже нет числа.

Когда я подошел, нас друг другу представили.

— Мистер… О? — Она приподняла бровь.

На голове у нее красовалась маленькая шляпка-таблетка с вуалью, смотревшейся нелепо и театрально, пусть даже белый, сетчатый, как тюль, материал ничуть не скрывал лица. Оно отличалось своеобразной красотой: острый подбородок, большие, с тяжелыми веками глаза, римский нос с широкими, словно раздувшимися, ноздрями и маленькие пухлые губки. Взгляд выражал то ли пленительную в своей непринужденности беспощадность, то ли равнодушие с ноткой шутливого интереса. На вид она была раза в полтора старше меня.

— Да, — кивнул я. — Тэмуджин О.

Я почувствовал, что краснею.

Нет, я давно уже привык к тому, что моя монгольская фамилия вызывает усмешки у носителей английского. Их хлебом не корми — дай поставить в неловкое положение всякого, чье имя не так банально или коряво, как у них. Тем не менее что-то в интонациях миссис М. мгновенно вогнало меня в краску. Надеюсь, закат помог это скрыть.

Я не был желторотым юнцом; в свои сравнительно молодые годы я уже познал много женщин и не смущался тех, кто выше по должности. И все равно растерялся. В ее присутствии я почувствовал себя таким неопытным, что меня разобрала досада.

Она крепко пожала — или сжала? — мне руку со словами:

— Должно быть, многие коллеги вам завидуют.

— Ну… возможно, — пробормотал я, толком не понимая, что она имела в виду.

Я сразу ее захотел. Еще бы. Весь следующий год я неистово о ней фантазировал, что, уверен, пагубно отразилось на моих экзаменационных отметках, ведь на множестве лекций я слушал ее краем уха, представляя себе все, что охотно сделал бы с ней прямо там, на кафедре, у доски

или на парте. Вместе с тем я изо всех сил старался впечатлить ее безупречно составленными и прекрасно аргументированными эссе. Возможно, одно компенсировало другое.

— Похоже, вы много об этом думали, — сказал ей я; ее ладонь, скользившая по моему члену вверх-вниз, становилась слишком сухой и горячей, доставляя мне уже чуть меньше удовольствия. — Пришли к каким-то выводам?

Она подняла голову, сдула волосы с лица и, тяжело дыша, проговорила:

— Да. Думаю, ты должен в меня войти. Прямо сейчас.

Позже мы переместились за стол. Она завернулась в простыню, я накинул рубашку. Мы разделили скромный ужин, запивая его водой и вином.

— Давно хотел спросить. Мистер Малверхилл… он существует?

Она пожала плечами:

— Где-нибудь такой непременно есть, — и отломила кусок хлеба от буханки.

— Давайте перефразирую. Вы замужем?

— Нет. — Она взглянула на меня. — А ты женат?

— Нет. Выходит, вы в разводе?

— Отнюдь. — Улыбнувшись, она откинулась на спинку стула и с наслаждением потянулась. — Мне просто нравится, как звучит «миссис Малверхилл».

Я подлил ей вина.

Она провела ладонью — растопырив пальцы — над пламенем свечи.

Мадам д'Ортолан поправила лилию на обтянутой розовым пиджаком груди и, довольная результатом, двинулась дальше. Мы шли по выщербленным каменным дорожкам среди белеющих в тумане могильных плит и бледно сияющих мавзолеев. Иссохшие, увядшие цветы, заботливо оставленные в вазах у некоторых усыпальниц, контрастировали с буйной, здоровой зеленью, пробивающейся меж камней.

— Миссис Малверхилл предала наши идеалы, — продолжала мадам д'Ортолан. — Она совсем спятила и теперь продвигает идеи, способные нас скомпрометировать. Все наслышаны о ее богатом воображении. Ее новая теория настолько безумна, что мы даже понять ее толком не можем. Так или иначе, она возомнила, будто мы сбились с курса — ну, или какую-то подобную ересь, — и решила нам помешать. Мало того, что ее выходки всех раздражают, так мы еще и тратим на борьбу

с ней ресурсы, которые могли бы пригодиться для других, более полезных дел. Впрочем, пока она нам почти не навредила. Однако все может измениться к худшему. Неудачи ее только распаляют, и если она переманит кого-нибудь на свою сторону…

— Полагаете, она пыталась меня завербовать?

— Не исключено. — Мадам д'Ортолан остановилась, и мы оказались лицом к лицу. — Как думаете, почему миссис Малверхилл заинтересовалась вами? — спросила она с улыбкой, которая под определенным углом могла сойти за искреннюю.

— Не знаю. Разве я такой один?

Мадам молча приподняла брови.

— Она уже пробовала переманить других? — осведомился я. — Других транзиторов?

Заложив руки за спину, мадам д'Ортолан взглянула на небо. Я представил, как неуклюже сплелись ее пухлые пальцы.

— Не уверена, что ответы на эти вопросы вам не повредят, — ровным голосом проговорила она. — Мы просто хотим выяснить, есть ли какая-то особая причина, по которой она выбрала именно вас.

— Возможно, я в ее вкусе. — Моя улыбка вышла

более искренней, чем у мадам д'Ортолан.

Мадам придвинулась ближе. Легкое дуновение донесло до меня шлейф ее духов — приторный, цветочный.

— Вы имеете в виду в сексуальном плане? — уточнила она.

— Ну да. Или ее привлек мой веселый нрав.

— А может, мысль, что вас проще других переманить на свою сторону? — уже без улыбки предположила мадам д'Ортолан.

Склонив голову набок, она оценивающе на меня посмотрела. Пусть не сурово, зато пронзительно.

— Не представляю, с чего бы она так подумала, — возразил я, поневоле вытягиваясь в струнку: на каблуках мадам д'Ортолан была одного со мной роста. — Я не ожидал, что окажусь под подозрением только потому, что эта леди выбрала меня.

— Так вы не знаете, почему она это сделала?

— Нет. Насколько помню, в университете она вызывала студентов по алфавиту.

Судя по лицу, мадам д'Ортолан собиралась что-то сказать, однако передумала и, фыркнув, отвернулась. Мы двинулись дальше. Какое-то время молчали. Самолет, вспахивая небо, чертил

двойную белую полосу.

— Вы один из первых, — произнесла мадам д'Ортолан, когда мы подошли к пристани, где нас дожидался катер. — Мы полагаем, что ее интересуют исключительно транзиторы. У нас есть люди и технологии, способные предсказать ее передвижения, и благодаря предпринятым нами мерам ощутимого вреда она пока не нанесла. Нам нужно полное содействие всего «Надзора», чтобы не нарушить приятную тенденцию. И вы, уверена, это прекрасно понимаете.

— Разумеется. — Выдержав паузу, я добавил: — Если цели леди непонятны, а угроза от нее исходит минимальная, зачем тратить столько усилий?

Мадам д'Ортолан резко остановилась. Конечно, сверкать наши глаза на самом деле не могут, ведь мы не причудливые светящиеся обитатели морских глубин. (Во всяком случае, я. За мадам д'Ортолан не ручаюсь.) Тем не менее эволюция научила нас подмечать, когда чьи-нибудь глаза вдруг расширяются от страха, злости или удивления, яснее демонстрируя белки. Так вот, глаза у мадам д'Ортолан сверкнули.

— Мистер О, — процедила она, — эта женщина объявила нас врагами. Значит, и мы должны от-

ветить тем же. Мы не можем оставить подобный демарш безнаказанным. Иначе покажем свою слабость.

— А если не обращать внимания? — предложил я. — Так мы проявим уверенность. Даже силу.

На ее лице промелькнула гримаса — вероятно, гневная, — которая, впрочем, быстро сменилась улыбкой. Мы двинулись дальше, и мадам д'Ортолан похлопала меня по плечу:

— Ах, если бы я могла подробнее поведать вам о губительных теориях этой леди… Тогда, рискну предположить, вы отнеслись бы к нашей позиции с бóльшим пониманием, — сказала она с напускной игривостью. — Однако сейчас нет нужды объяснять, насколько ее взгляды пагубны и вредоносны. Отмечу лишь то, что они ставят под сомнение цели «Надзора» и заданный нами курс. Во всем, что мы делаем, она воображает себе грандиозный скрытый мотив, с которым в корне не согласна. Такое помешательство требует лечения. Мы не можем закрыть на это глаза. Ее выпады в наш адрес нужно отразить, а доводы — разбить. — На ее лице что-то снова сверкнуло; на этот раз зубы. — Вы должны доверять нам как начальству. Мы больше знаем и видим ситуацию во всей полноте, а потому можем избрать надле-

жащие меры.

Мы продолжили идти; мадам д'Ортолан не сводила с меня пристального взгляда. Я весело сказал:

— Где бы мы были, если бы не доверяли начальству?

Ее глаза на мгновение сузились. Изобразив ответную улыбку, она отвернулась.

— Что ж, прекрасно, — произнесла она тоном человека, который только что принял важное решение. — Возможно, вас еще раз допросят. — (Так и не допросили.) — И вероятно, за вами будут наблюдать. Недолго и в пределах разумного, конечно. — (Следили за мной долго — как минимум пару лет, и временами это выходило за грани разумного). — Рада отметить, что в работе вы уже добились определенных успехов. Некоторые мои консервативно настроенные коллеги считают вас выскочкой, однако, надеюсь, они ошибаются. Хочется верить, что данный инцидент не повредит вашей репутации, ведь вы еще в начале пути. Прискорбно, если ваша карьера пострадает. (Она пострадала. Я сам виноват. Что не помешало мне стать лучшим и наиболее востребованным среди коллег.)

Выплыв из тени, под окружавшей остров сте-

ной показалась пристань. Услужливый водитель катера подал руку мадам д'Ортолан. Мы уселись в открытом отсеке на корме.

— Надеюсь, наше к вам доверие обоснованно и взаимно, — с улыбкой подытожила мадам д'Ортолан.

— Вне всяких сомнений, мэм.

(Я солгал.)

Когда катер устремился прочь от острова мертвых, мадам д'Ортолан вынула цветок из петлицы.

— Говорят, за пределами кладбища они приносят несчастье, — с этими словами она уронила лилию в бурные воды лагуны.

7

Пациент 8262

Мы меняем мир. Надеемся, что к лучшему. Какой смысл менять что-либо к худшему?

Мы делаем то, что в наших силах. Не жалея себя. Приносим пользу, как можем. Не представляю, как это можно отрицать. Тем не менее встречаются несогласные. С нами спорят. Кое-кто считает наши взгляды и принципы неубедительными, неоправданными, ошибочными.

Конечно, оппоненты имеют право на свое мнение, однако порой от них веет снисходительностью, даже надменностью.

И подобные суждения приходится принимать в расчет. Но это не значит, что мы обязаны им потакать.

Мы работаем во благо множества миров. И никак иначе.

Такова официальная позиция.

Говорят, город Асферж был бы великим даже без Университета практических навыков, однако то же самое можно сказать и об университете в отрыве от Асфержа. Мне, выходцу из глубинки,

город виделся тесным нагромождением нескольких десятков соборов: сплошные шпили, купола, стрельчатые окна, аркбутаны и, разумеется, огромный центральный купол, покрытый такой вызывающей позолотой, что даже в пасмурную погоду от него исходило какое-то нездешнее, не свойственное ни одному из миров сияние. Купол этот венчал застывший хаос из камня, кирпича, бетона и плакированной стали, будто запоздалая, но крайне блистательная идея.

Здесь мы обучались ремеслу. Хотя вначале нам пришлось изучить самих себя, отыскать источник нашего дара. Разработанный в Бюро транзиции метод уже много веков выявлял потенциальных кандидатов на обучение, и одним из самых ценных талантов считалась способность быстро и надежно определять людей с любым дарованием, которое могло бы пригодиться «Надзору». Наблюдатели, как их обычно называли, путешествовали по множеству миров в поисках тех, кого можно приобщить к нашему делу. Подходили лишь немногие; подавляющее большинство не годилось.

Самым распространенным даром — во всяком случае, самым простым для обнаружения — была способность транзитировать, то есть переме-

щаться между мирами. Перемещаться осознанно и желательно с высокой точностью. Впрочем, еще никто не демонстрировал этот навык сразу. Специально подготовленные люди подмечали не сам факт перемещения, а признаки того, что человек в состоянии освоить транзицию. Насколько известно, талант у кандидата проявляется лишь после обучения технике, в частности — после инструктажа по приему септуса.

Помимо этого незаурядного, но в определенном смысле базового навыка, особо ценится дополнительная способность перемещать другого человека вместе с собой. Таких транзиторов называют «тандемщиками». Благодаря им люди, чьи услуги могут пригодиться в других мирах, необязательно должны уметь транзитировать сами.

По слухам, эта способность обнаружилась из-за удачного стечения обстоятельств, если не сказать случайно: один опытный транзитор начал стандартный процесс перемещения во время полового акта, после чего оба партнера очутились в телах другой совокупляющейся пары в совершенно ином мире. Конечно, они испытали шок, однако, по рассказам, не такой уж и большой, поскольку успешно вернулись в родную реаль-

ность и завершили начатое. Этот первопроходец, нимало не смущаясь, провел дальнейшие опыты, выяснив, что необычное явление вызвано его личными навыками, а не связью с конкретным человеком.

Поговаривают, что о своем открытии наш предприимчивый виртуоз оповестил Бюро транзиции далеко не сразу. Начальство, естественно, пожелало убедиться, правда ли это новый дар, а не странная единичная случайность. Исследования показали, что процесс можно повторять, а талант — контролировать и, вероятно, преподавать другим. То есть это скорее развиваемый навык, нежели диковинная аномалия.

Предположительно, все тот же транзитор нашел способ успешно и полноценно завершить половой акт в одном мире, а затем пережить то же самое в другом (с тем же партнером или разными).

Большинство слухов сходятся на том, что данную способность обнаружила мадам д'Ортолан, причем лет двести назад, после чего воспользовалась властью и влиянием, которыми наделило ее громкое открытие, дабы наконец-то попасть в Центральный совет Бюро транзиции. Как одной из самых именитых и заслуженных деятельниц

Совета, ей даровали особую привилегию — периодически скидывать лет двадцать-сорок, когда ее исходное или текущее тело становилось слишком дряхлым. Иными словами, теперь она могла бесконечно переходить из одного молодого тела в другое, а значит, никогда по-настоящему не стареть. Смерть — во всяком случае, естественная — ей не грозила.

Есть, по слухам, извращенные личности, которых перспектива путешествий между мирами оставляет равнодушными, а обучение они проходят ради куда более приземленной возможности перемещаться во время секса, пусть даже Бюро эту практику не одобряет и ограничивает, обладая монополией на использование септуса. Есть и те, кто достиг всякого мыслимого влияния во многих реальностях и пресытился путешествиями, — для них главным стимулом становится место в Центральном совете и сопутствующее ему бессмертие.

Последующие эксперименты доказали, что для опытного тандемщика половой акт с проникновением необязателен; достаточно обнять партнера покрепче, причем контакт обнаженных участков тела — желательно в области головы или шеи — может сводиться к минимуму. Наиболее ода-

ренные перемещают человека, обхватив оба его запястья или даже одно, а совсем уж немногим довольно держать партнера за руку.

Также существуют провидцы — люди, которые во время перемещений могут заглядывать в будущее, правда недалеко, да и картинка предстает довольно туманная. Этот редчайший дар наименее изученный из тех, что нам известны, и наименее предсказуемый из тех, что представляют интерес. Ценится он выше прочих, в основном из-за своей уникальности.

Следопыты — особый подвид провидцев, хотя, возможно, и нет (провидцы с этим согласны, а сами следопыты отрицают). Они умеют отслеживать людей, а изредка также определенные события или тенденции — на просторах множества миров. По сути, это шпионы, секретная полиция, посредством которой Бюро держит своих транзиторов под неким подобием контроля.

Острая необходимость в таком контроле обусловлена характером большинства транзиторов. Практически все, кто способен перемещаться между мирами, — эгоистичные, самовлюбленные индивиды. Вернее сказать, индивидуалисты. Они мнят о себе чрезвычайно много, относятся к обычному люду с некоторой долей презрения

и к тому же полагают, что правила и запреты, действующие в обществе, на них не распространяются. Иными словами, эти люди заведомо убеждены, будто живут в каком-то своем мире, отдельном от окружающих. Как однажды выразился один специалист с кафедры прикладной психологии Университета практических навыков, на шкале «самоотверженность — эгоизм» подобные личности располагаются близко к правому краю, что означает наивысшую степень солипсизма.

Разумеется, без должного надзора эти махровые эгоисты, весьма вероятно, начнут злоупотреблять своими навыками и положением ради собственной выгоды, власти и славы. Такие люди нуждаются в контроле, а значит, в пристальном наблюдении. Этим следопыты и занимаются: присматривают за транзиторами и помогают держать их в узде. Как следствие, транзиторов и следопытов не подпускают друг к другу близко, дабы предотвратить сделки и сговоры, выгодные для обеих сторон, но не для *l'Expédience*.

В результате климат, царящий в Бюро транзиции, в Университете практических навыков, на Экспедиционнном факультете и в «Надзоре» в целом — их коллективный амбр, если угод-

но, — пропитан нервозностью, недоверием и неприкрытой паранойей — на вид необоснованной, однако вполне оправданной. И хотя страдают в основном сотрудники низшего звена, целый отдел — Отдел общих идеалов — занят смягчением этого досадного и деструктивного эффекта, а также ищет способы, как избежать его в дальнейшем.

Впрочем, об успехах Отдела справедливо — как это ни прискорбно — говорит то, что подавляющее большинство людей, которым он призван помогать, однозначно считает Отдел очередным винтиком в общей системе жесткого контроля, чье дурное влияние он, казалось бы, должен смягчать.

Существуют и другие категории специалистов, чье назначение, по сути, мешать другим: блокаторы одним прикосновением — или просто своим присутствием — не дают транзитору перемещаться; экзорцисты изгоняют транзитора из намеченного разума; замедлители препятствуют работе следопытов. Дальновидцы, не транзитируя, способны видеть — пусть и нечетко — другие реальности. И наконец, рандомайзеры: их умения слишком непредсказуемы для четкой категоризации, но зачастую сводятся к подавлению

чужих способностей. Действия и перемещения последней группы строго регламентированы; по слухам, многих рандомайзеров всю жизнь держат в заточении, а некоторых даже убивают.

Транзиторы, тандемщики, следопыты, провидцы, блокаторы, экзорцисты и прочие, по сути, являются авангардом «Надзора» (полноценный военный отряд тоже есть — Экспедиционная гвардия; ее редко созывают и, хвала небесам, за тысячу лет в ход еще не пускали). Этих специалистов раз в десять меньше, чем вспомогательного персонала, который занимается для них логистикой и разведкой, а также планирует, контролирует, записывает и анализирует их действия. К слову, в «Надзоре» бюрократов любят точно так же, как и везде.

Сейчас у *l'Expédience* есть собственная научная лаборатория, изучающая природу транзиции, хотя сомневаюсь, что она сравнима с Экспедиционным факультетом, профессора которого стремятся вернуть себе монополию на исследование данных материй. Члены Центрального совета возмущены столь расточительным дублированием усилий, однако решения проблемы не предлагают. Возможно, они видят толк в конкуренции (весьма похоже на правду, но под-

тверждений нет) или считают, что избыточность идет на пользу безопасности (вот только неясно, чьей именно). А может, дело в том, что изначально идея создать научный центр принадлежала мадам д'Ортолан, благодаря чему она и Центральный совет получили возможность вести исследования по своему усмотрению, не ища одобрения ни у чопорных, консервативных профессоров, ни у прочих ученых Экспедиционного факультета.

Эдриан

— Каббиш. Эдриан Каббиш, — с ухмылкой представился я. — Можешь звать меня Кабби.

— Потому что крышесносный?

Впечатляюще! Обычно мне приходилось объяснять соль шутки: кабби — кабриолет, машина без крыши и так далее. А мозги-то у цыпочки на месте!

— Да, детка, я такой.

— Охотно верю, — отозвалась она с сомнением, но по-прежнему улыбаясь.

В лице у этой высокой блондинки была какая-то неуловимая азиатчинка, отчего ее рост и блондинистость смотрелись странновато, а возраст угадывался с трудом. Я предположил, что мы ровесники, но утверждать наверняка не

рискнул бы. Одетая в черный костюм и розовую блузку, она держалась так, будто выглядит даже круче, чем реально есть. Понимаете, о чем я? Сама уверенность. Мне всегда такие нравились.

— А ты, значит, Конни?

— Конни Секворин. Приятно познакомиться.

Ее фамилия наводила на мысль о секвойях — высоченных деревьях из Калифорнии. Конни тоже была высокой. А может, секворин — это слезоточивый газ? Я решил не комментировать. С умными надо поосторожнее. Лучше лишний раз промолчать и остаться загадочным, чем натужно сострить и выставить себя идиотом. Думаю, вы в курсе.

— Рад познакомиться, Конни. Эд — мистер Нойс — передал, что ты хотела со мной поговорить.

— Правда? — Она слегка удивленно покосилась туда, где стоял Эдвард.

В тот день Эд праздновал новоселье: приобрел лофт в Лаймхаусе, с видом на реку. Дом на Линкольнширском побережье он продал, после того как очередной кусок сада ухнул в море. Несмотря на это, какой-то малознакомый араб отвалил за особняк кругленькую сумму, даже не съездив поглядеть, что берет. Возможно, хотел срочно вложить деньги или уклонялся от налогов. Хрен

его знает.

Лофт сиял чистотой: высокие потолки с черными балками, белые стены. Балконы как палуба у яхты: все обшито деревом, перила из троса. Недешевое местечко. Хотя район еще застраивали, уже чувствовалось, что сюда стекаются деньги.

Насколько помню, дело было в середине девяностых. Я работал в брокерской фирме Эда, тогда скорее частной акционерной компании, чем товариществе. В чем разница — лучше спросите у юристов.

Барни целый год жил на ферме в Уэльсе с какими-то хиппарями, а затем вдруг перебрался на Гоа, где с отцовской помощью приобрел бар. Не бог весть какой успех, но, по крайней мере, парень подзавязал с коксом. Я тоже был почти чист — только иногда, в особых случаях позволял себе дорожку-другую, а барыжить перестал совсем. Так оно разумнее.

Я выяснил, что реальная валюта, которая сопутствует превращению денег в еще бóльшие деньги, — это знания, информация. Чем больше бизнесменов ты узнаёшь и чем больше узнаёшь от них, тем опытнее становишься и точнее прикидываешь, когда покупать, а когда — продавать. В этом и есть вся фишка, хотя с тем же успехом

можно сказать, что суть математики — в цифрах. Везде свои сложности, конечно.

— Мистер Нойс отзывается о тебе весьма хорошо, — заметила Конни.

Что-то в ее манере говорить наводило на мысль, что она мне вовсе не ровесница, а намного старше. Я запутался.

— Правда? Очень мило с его стороны. — Я слегка подвинулся, словно пропуская кого-то, и таким образом вынудил Конни встать поближе к свету.

Гм-м, она по-прежнему выглядела довольно молоденькой.

— Кем ты работаешь, Конни?

— Я консультант по подбору персонала.

— Охотница за головами, значит? — Я с усмешкой оглянулся на мистера Н.

— Называй как хочешь. — Она тоже посмотрела на Эдварда. — И не волнуйся, я не буду переманивать тебя у мистера Нойса.

— Да? Какая жалость!

— Почему? — удивилась она. — Тебе что, не нравится у него?

Я все никак не мог понять, что у нее за акцент. Возможно, она из Центральной Европы, а какое-то время прожила в Штатах?

— Очень нравится, Конни. Хотя мы с мистером

Н., — я опять покосился в его сторону, — сходимся в одном: если мне предложат более выгодную должность, я буду дураком, если откажусь.

Я вновь посмотрел на Конни. Точнее, проделал фокус, когда бегло окидываешь взглядом женщину, не забывая, конечно, про грудь и талию. Больше, чем ты уже видел, так не рассмотришь — зато ясно дашь понять, что, как бы сказать… попал под ее чары, но при этом не пялишься, как озабоченный дебил.

— Карьерные предложения бывают весьма заманчивы. Да, Конни?

На всякий случай поясню: на тот момент мы с Лисанной уже разбежались. Эта психичка слишком уж часто скандалила и убегала, хлопнув дверью. Вот я однажды взял и сменил замок. Лисанна вернулась в родной Ливерпуль, открыла там солярий. А я, как говорится, ушел в свободное плавание. Теперь я мутил с несколькими девчонками сразу, причем на своих условиях. Море секса и никаких обязательств — просто рай на земле!

Конни улыбнулась.

— А если я предложу тебе встретиться с одним из моих клиентов? Что скажешь? — Она протянула мне визитку.

— Встретиться для чего?

— Мой клиент сам расскажет. — Она взглянула на часы. — А сейчас мне пора. Приятно было познакомиться, Эдриан. Буду ждать звонка.

Она прикоснулась к моей руке и была такова.

Я подошел за разъяснениями к мистеру Н.

— Это кое-кто из моих знакомых, Эдриан. — Он стоял под такой яркой лампой, что соломенные с проседью волосы светились, как нимб. — Однажды эти люди очень меня выручили. Я их консультирую и всегда готов помочь, если понадобится. Впрочем, обращаются они ко мне редко — совсем уж пустячные просьбы не в счет. Честно говоря, пока с их делами успешно справлялся мой секретарь, — с улыбкой закончил он.

— Что же это за люди, Эд? — нахмурился я.

— Люди, дружить с которыми весьма прибыльно и полезно.

— Итальянцы какие-нибудь? — предположил я. — Или американцы? Италоамериканцы?

Я сразу подумал о мафии, ЦРУ…

— Это вряд ли, — ответил он с легкой усмешкой.

— Вряд ли? Вы что, не знаете?

— Знаю, что они очень мне помогли, причем почти ничего не попросив взамен. Практически уверен, что они не преступники, не угрожают

нашей стране и так далее. Они пригласили тебя на встречу?

— Да, через Конни.

— Что ж, думаю, тебе стоит ей позвонить. — Эд обернулся: у двери началась какая-то суета. — Министр пришел! Он сегодня давал интервью Четвертому каналу. Прошу прощения, Эдриан.

Он отправился встречать министра.

Наверное, мне стоило еще подумать, однако я сразу же позвонил Конни на мобильный.

— Да?

— Конни, это Эдриан. Мы недавно разговаривали.

— Да-да, помню.

— В общем, я встречусь с твоим клиентом. Когда будет удобно?

— В субботу устроит?

— Да, давай.

— У тебя… весь день свободен? — немного замявшись, уточнила она.

— Могу освободить, если нужно.

— Пожалуй, нужно. И возьми с собой паспорт.

Я задумался. Вот засада! На вечер субботы я назначил свидание девушке из Челси, которая владела магазинчиком женского белья. Цыпочка из богатой семьи. Еще и магазинчик с бельем…

— Ладно, — сказал я, глядя, как Эдвард пожимает руку министру транспорта, — договорились.

— На связи.

Вот почему два дня спустя, дождливым субботним утром я очутился в холодном эссекском аэропорту неподалеку от Ретфорда, а затем на всамделишном бизнес-джете рванул через пролив куда-то на восток. В аэропорту меня встретила Конни, одетая как раньше, не считая сиреневой блузки. Куда полетим, не сказала. Она взяла с собой целую кипу газет и явно вознамерилась прочитать все до единой, даже иностранные, а разговаривать не хотела. Хорошенько рассмотрев шикарные прибамбасы в салоне, я заскучал и тоже уткнулся в газету, пока не вырубился.

Проснулся, только когда мы приземлялись. Самолет все медленнее катил по бугристой посадочной полосе, заросшей по краям бурьяном. Вокруг я увидел равнину с голыми деревьями, которые, похоже, рановато подготовились к зиме. Я проверил время. Летели четыре часа! Что это, блин, за дыра?

Место выглядело необитаемым. Впереди маячил бетонный, в потеках, терминал — явно заброшенная развалюха. Чуть дальше — два больших темных ангара, изъеденных ржавчиной. Тут

было чуть теплее, чем в промозглом Эссексе, пахло травой, листьями или чем-то похожим. Вокруг ни сотрудников досмотра, ни других служащих — только большой военного вида грузовик, который сразу начал заправлять самолет. А еще подъехал длинный черный седан. Обе машины выглядели восточноевропейскими, а два парня-заправщика говорили вроде как по-русски. Впрочем, услышать я успел немного, потому что нас сразу посадили в лимузин, который в облаке пыли сорвался с места, пересек взлетную полосу и помчался дальше — сквозь дыру в полуразрушенном ограждении.

— Так где же мы, Конни?

— Угадай, — буркнула она, даже не выглянув из-за газеты, которую захватила из самолета.

— Сдаюсь. Что за глухомань? — спросил я чуть резче.

— Переведи стрелки на два часа вперед, — посоветовала она, кивнув на мое запястье.

— Ты серьезно?

— Абсолютно. Ровно на два часа.

Я сердито покосился на нее, но она не отреагировала. Часы я не тронул, зато проверил мобильник. Сеть не ловила, даже экстренные номера. Охренительно!

От водителя нас отделяла перегородка. За рулем сидел старик. Поношенная форма, расстегнутая рубашка, фуражки нет.

Конни достала из-под сиденья что-то вроде допотопного мобильника — трубку с подставкой — и уставилась на его переднюю панель. Вернув прибор себе под ноги, она опять погрузилась в чтение.

Мы ехали по шоссе, местами поросшему травой. Других машин не было. С одной стороны показался маленький или среднего размера город. Мы свернули к нему и загромыхали по четырехполосной дороге, тоже пустынной. Блеклые панельные дома напоминали о пятидесятых и шестидесятых одновременно. Краем глаза я уловил что-то похожее на вертолет, низко зависший над горизонтом.

В машине было душновато. У окна я заметил большую хромированную кнопку, должно быть, опускавшую стекло. Нажал — не сработало.

— Погоди.

Конни щелкнула каким-то переключателем со своей стороны и обратилась к водителю через решетку. А я-то думал, что решетка для вентиляции.

Речь снова напомнила мне русскую. Голос во-

дителя что-то проскрежетал в ответ, а сам старик замахал на нас руками в зеркало заднего вида. От этого лимузин вильнул из стороны в сторону; хорошо хоть других машин на дороге не было.

Конни пожала плечами.

— Кондиционер не работает, — пояснила она, опять принимаясь за чтение. — А фильтры в порядке.

— Твое окно открывается?

— Нет, — буркнула она, не поднимая глаз.

Я подался вперед, чтобы рассмотреть люк в крыше.

— Бесполезно, — бросила Конни.

За окном тянулся безлюдный город, стройные ряды одинаковых, покинутых многоэтажек…

— Где мы, Конни?

Она зыркнула на меня из-за газеты и ничего не сказала.

— Это что, гребаный Чернобыль?!

— Припять, — поправила она и отвернулась.

Я протянул руку и дернул газету вниз. Конни гневно воззрилась на меня.

— Что еще за Хренипять?

— Припять. Город неподалеку от Чернобыля.

— И какого хера ты меня сюда притащила?!

Я всерьез разозлился. Теперь понятно, почему

окна не открывались! А хреновина вроде мобильника — видимо, счетчик Гейгера?..

— Мой клиент пожелал встретиться с тобой именно здесь.

— Почему?

— Уверена, на то есть веские причины, — спокойно ответила Конни.

— Он что, из этих сраных олигархов, или как их тут называют?

Конни помолчала, обдумывая ответ.

— Нет.

Мы подкатили к какой-то огромной сараюге, когда-то бывшей, видимо, магазином. Широкая металлическая дверь была наполовину поднята, и мы заехали прямо в здание.

На холодной, ярко освещенной площадке уже стояла парочка других авто, а также грузовик с большими колесами и **внушительным клиренсом.** Два лысых громилы, кивнув в знак приветствия, провели нас по какой-то лестнице, а затем — через пару дверных проемов с прозрачными пластиковыми шторками. В помещении между шторками зияли два больших зарешеченных отверстия круглой формы: одно в потолке, другое в полу. **Из верхней дыры в нижнюю с ревом шел поток воздуха.**

Потом мы двинулись по тихому коридору с мягким ковровым покрытием на полу и деревянными панелями на стенах. Остановились у двери, которая, чпокнув, открылась. Нас встретил роскошный светлый кабинет с рабочими столами, растениями в горшках и уютными кожаными диванами. Целую стену занимали фотообои с тропическим пляжем, пальмами, искристым песком, голубым небом и столь же голубым океаном.

Из-за пары мониторов нам улыбнулась очень хорошенькая, хотя, пожалуй, переборщившая с макияжем круглолицая девушка. Она что-то прощебетала на русском или похожем языке. Конни ей ответила, после чего мы с ней уселись друг напротив друга на два роскошных дивана. Между нами стоял стеклянный столик с кипой журналов, будто в дорогом отеле.

Не успел я заскучать, как на столе секретарши что-то прожужжало. Круглолицая девушка снова обратилась к Конни, и та кивком указала мне на стену с фотообоями. В стене обнаружилась скрытая дверь, которая теперь отъезжала в сторону.

— Миссис Малверхилл готова тебя принять, — объявила Конни.

(Остальные)

Мужчина врывается в помещение, уставленное

книжными шкафами. На кушетке раскинулся старик, верхом на нем сидит молодая женщина. Оба вероятно, пьяны. Мужчина, вломившийся в комнату, медлит, потому как старик, похожий на человека, которого ему поручили убить, кажется безучастным, словно пустая оболочка. К нему в кабинет только что вторгся незнакомец, застав хозяина голым и с любовницей, — а в глазах ни гнева, ни стыда, ни волнения! Недоуменно моргая, старик просто пялится на незваного гостя. Девушка завороженно, безо всякой тревоги, глядит на пистолет в руке вошедшего. Мужчина вспоминает, что нужно сделать, и стреляет обоим в голову. Дважды.

Женщину они нашли неподалеку от горной тропы. Тихонько напевая, она сидела под деревом и плела венок из цветов. Трое держали женщину, пока четвертый душил ее гарротой. Она совсем не сопротивлялась, отчего нападавшие поняли: что-то не так. Затем они обсудили, стоит ли во всем сознаваться людям, которые их наняли.

Труп, выброшенный на берег неподалеку от Хандака, без сомнения, улыбался, хотя представители морской фауны его уже изрядно обглодали. На песке, еще прохладном поутру, собралась

небольшая толпа. Увидев лицо утопленника, мужчина, стоявший позади, нахмурился. Он и так подозревал, что минувшей ночью на яхте все прошло слишком уж гладко. Его посетила мысль солгать начальству.

Женщина, загнавшая стамеску графу между двумя позвонками, честно доложила боссам, что объект перестал тихонько подпевать себе под нос за секунду или две до нападения, хотя она, без сомнения, соблюдала тишину и осмотрительность. Проникнув в ложу, она тщательно следила, куда упадет ее тень и не отразится ли где ненароком ее силуэт, так что почувствовать неладное граф, по идее, не мог.

Согласно показаниям свидетелей, прямо перед тем как адмирала застрелили, она довольно безучастно глядела в одну точку, несмотря на то что мгновением раньше жестоко убили ее любовницу. Под давлением ликвидаторы признались, что за долю секунды до гибели адмирала транзитировали. В ходе дальнейшего дознания они допустили такую возможность и относительно команданте.

На след миссис Малверхилл ликвидационные отряды так и не вышли.

Транзитор

Я водрузил горку фишек на зеленый квадрат, подумал немного и передвинул на синий. Затем расслабился, наблюдая, как делают ставки остальные игроки, а крупье выжидающе, нетерпеливо глядит по сторонам. Наконец он объявил: «Ставок больше нет!» — и запустил вертикальное колесо рулетки. Оно завертелось, замельтешило, напоминая, как ни банально, ярмарочное колесо обозрения.

Я взглянул поверх стрекочущих позолоченных перегородок. К столу подходила женщина. Со стуком и клацаньем шарик метался в размытых границах колеса — ни дать ни взять муха, попавшая в бутылку. Женщина — девушка? — непринужденно, почти танцуя, покачивала бедрами при ходьбе. Очень высокая и стройная, в струящемся сером платье и маленькой шляпке с серой вуалью. И хотя незнакомка была гораздо выше и двигалась иначе, я сразу подумал о миссис Малверхилл. Разумеется, вуаль ничего не значила. В то время такие шляпки еще не полностью вышли из моды, так что наряд у незнакомки странным не казался, хотя несколько человек все же проводили ее взглядом.

Здесь, в южном полушарии Кальбефракии,

стояла весна. С тех пор как моя венецианская пиратка пыталась со мной поговорить и из-за этого погибла, прошло лет пять. Меня периодически спрашивали — поначалу раз в полгода, затем раз в год, — не искала ли миссис Малверхилл новой встречи, чтобы раскрыть свои параноидальные замыслы или завербовать. Я честно отвечал, что нет. Ни она, ни кто-либо еще ко мне не обращался.

За эти годы я стал авторитетным агентом «Надзора» и львиную долю времени проводил в других мирах, выполняя различные поручения. Оригинальностью они не отличались: доставить посылку адресату, перенести человека (не сказать, чтобы мне это хорошо удавалось), провести беседу, передать брошюру или компьютерный файл — крошечные, в большинстве своем обыденные вмешательства в сотни разных жизней.

За последнее время я провел лишь одно драматичное спасение, как с тем доктором, когда обрушилось здание: меня направили на один из верхних этажей высотки на Манхэттене, чтобы задержать молодого человека и не дать ему спуститься на лифте. Он был ученым-физиком и жил в сильно запаздывающей реальности, поэтому мне не составило труда вовлечь его в разговор,

упомянув пару теорий, о которых ни он, ни кто-либо еще в его мире не слышал, и тем самым помешать ему зайти в лифт. Тот рухнул вниз и пролетел двадцать этажей; все, кто находился внутри, погибли.

Другие два случая потребовали от меня довольно жестоких действий: когда я дрался на мечах в Великой индонезийской реальности, по времени примерно сопоставимой с ранневикторианской эпохой (я вмешался, чтобы защитить знаменитого поэта, и поотрубал конечности двум напавшим на него мужчинам), и еще раз, когда я перенесся в разум весьма одаренного и красивого, но очень вздорного химика, нажившего себе влиятельных врагов в Объединенной Зимбабвийской Африке. Я стал им буквально на две секунды, чтобы прицелиться из дуэльного пистолета и вышибить мозги гораздо более опытному сопернику.

Мои кураторы были весьма впечатлены. Такое чувство, будто после заварушки в венецианском баре они записали меня в прирожденные убийцы. Я попросил, чтобы впредь кровожадных заданий мне давали поменьше, но втайне испытывал гордость за свои успехи. Несмотря на мои просьбы, меня продолжали отправлять на подобные миссии, и я их выполнял.

В то же время я не переставал учиться. Я многое выяснил об истории и устройстве «Надзора» и теперь изучал организацию так же, как она изучала другие миры.

Миссис Малверхилл, о чем я узнал скорее из сплетен, нежели из официальных источников, стала последней из крайне немногочисленной группы сотрудников «Надзора», которые свернули на скользкую дорожку, тронулись умом или сделались отщепенцами. Каким-то образом она провела наблюдателей, следопытов и провидцев, призванных устранять подобные угрозы, и, возможно, даже обзавелась собственным запасом септуса. Впрочем, маловероятно, чтобы она сама его изготовила, а не накопила какое-то количество, пока работала в штате.

Ее считали странной, замкнутой, почти мифической фигурой, однако — учитывая ее неприкаянность и отсутствие власти — скорее жалели, нежели порицали. Впрочем, всякому, кто имел контакт с человеком, похожим на сотрудника «Надзора», но действующим без ведома организации, надлежало немедленно доложить начальству. В любом случае, я все еще не знал наверняка, что моей пираточкой была именно она.

Женщина в сером подошла к столу во флесском

казино и начала наблюдать за игрой. Колесо вращалось все медленнее и наконец остановилось. Шарик замер в ячейке золотого цвета. Я успокоил себя тем, что мой изначальный порыв — выбрать зеленый квадрат — оказался ничуть не дальновиднее идеи поставить на синее.

Игра шла своим чередом. Освободилось место, однако незнакомка предпочла стоять. Как я ни пытался разглядеть ее лицо, серая вуаль отлично его скрывала. Минут через десять девушка повернулась и ушла, растворившись в толпе.

Вначале я стабильно проигрывал, затем умеренно выиграл, так что закончил вечер лишь в небольшом минусе.

Я вышел подышать свежим воздухом. На террасе у казино, в тени деревьев, располагался бар, откуда открывался вид на реку. На противоположном берегу, вибрируя от музыки и шума проезжающих машин, мерцал огнями центральный район городка.

Благодаря газовым обогревателям в баре было довольно тепло. Я увидел парочку приятелей и подсел к ним. Незнакомка в серой вуали стояла в двух столиках от нас, прислонившись к каменной стене и глядя на реку. В разгар беседы я отчетливо уловил направленный на меня взгляд. Затем де-

вушка медленно отвернулась. Я извинился перед собеседниками и подошел к ней.

— Прошу прощения… — начал я.

Она подняла вуаль. Приятное, непримечательное лицо.

— Да, сэр?

— Тэмуджин О, — представился я. — Рад с вами познакомиться.

Я протянул руку, и она пожала ее, обхватив ладонью в серой перчатке.

— А я рада познакомиться с вами.

Я немного помолчал, ожидая, что она назовет свое имя, а затем предложил:

— Не хотите ли присоединиться ко мне и моим друзьям?

Она окинула взглядом наш столик.

— Спасибо, не откажусь.

Беседа вышла долгой и оживленной. Девушка сказала, что ее зовут Джолл. Она была из гражданских, в «Надзоре» не числилась. Работала над архитектурным проектом для местных властей.

Вечер постепенно перетекал в ночь, народ расходился по домам.

В конце концов мы с Джолл остались вдвоем. Мы прекрасно поладили и распили бутылку вина. Я предложил зайти в мой коттедж на хол-

ме — полюбоваться видом, — и она с улыбкой согласилась.

Моя гостья вышла на террасу, окинула взглядом огни городка. Я приобнял ее за талию, провел рукой по гладкому серому атласу. Она обернулась, поставила бокал на перила и сняла шляпку вместе с вуалью.

Вскоре мы переместились в спальню; свет я по просьбе Джолл выключил. Мы занялись сексом. Я все еще был у нее внутри и в ее объятьях, когда она меня перенесла.

Внезапно я очутился в другом, незнакомом казино. Мы сидели на соседних стульях на углу стола, так что могли переговариваться. Игра шла полным ходом; колесо рулетки здесь вращалось горизонтально, утопленное в столешницу. В движение его приводило нечто вроде громадного золотого набалдашника. Ячейки были лишь двух цветов — красного и черного, сукно — зеленое.

— Однако… — пробормотал я.

Моя спутница выглядела гораздо эффектнее, хотя черты лица под броским макияжем остались прежними. Разве что скулы заострились. Теперь она была блондинкой, а не рыженькой, и сверкала множеством драгоценностей.

Я стал одутловатее, чем привык, зато черный

костюм сидел как влитой. Решив пригладить волосы, я обнаружил лысину. Возле моего бокала, полного кубиков льда, лежал блестящий металлический портсигар, рядом стояла пепельница. Это объясняло давящее чувство в груди, а также легкую, но назойливую тягу к табаку.

Я рассмотрел свое отражение в отполированной крышке портсигара. Не самый представительный мужчина. Языки — французский, арабский, английский, немецкий, хинди, португальский, латынь. Немного — греческий.

— Как это… гм-м… любопытно, — обратился я к своей спутнице.

— Я старалась, — шепнула она.

— А говорила, что гражданское лицо, — с легким укором напомнил я.

Она стрельнула в меня взглядом.

— Выходит, солгала.

Последний раз я участвовал в парной транзиции, которую сам не контролировал, еще во время обучения в университете, больше десяти лет назад. Моя спутница поступила как минимум невежливо, хотя я подозревал, что на приличия ей плевать.

— Мы с тобой уже встречались раньше?

Надо было делать ставки. Перед нами лежали

горки пластиковых фишек, причем у нее — выше, чем у меня. Мы выбрали два соседних номера.

— Да, здесь же, и не так давно, — тихо сказала она. — В этом мире или очень похожем. В Венеции. Пять лет назад. Мы тогда обсуждали ограничения, налагаемые на власть дожей, и наказание за попытку их обойти.

— Помню, да. Нелегкий у тебя выдался вечерок.

— В тебя уже попадала пуля, Тэм?

— Уже? — переспросил я.

— Боль похожа на волну, — призналась моя спутница. — Она разбегается по телу от точки попадания, словно круги по воде. Завораживающе. — Она на миг прищурилась, глядя, как вертится и сверкает колесо. — Но больно.

Я осмотрелся внимательнее. Аляповатое местечко: слишком яркий свет, дорогая, но безвкусная мебель, стройные и красивые женщины сопровождают толстых и уродливых мужчин. Амбр этой реальности говорил не столько о больших деньгах, сколько о высокой степени их концентрации в крайне малом количестве мест. Обычное дело. Должно быть, я здесь бывал.

— Ты помнишь, что сказала мне напоследок? — спросил я. — Тогда, в баре?

— Серьезно? — Она прелестно сдвинула бровки. — Решил проверить, правда ли это я?

— Кто именно — «я»?

— Я еще не говорила.

— Так скажи.

Она наклонилась ко мне, словно делясь чем-то сокровенным. Я ощутил резкий, мускусный аромат ее духов.

— Если не ошибаюсь, я сказала: «До встречи, Тэм» или «В другой раз, Тэм».

— Ты не уверена?

Она нахмурилась.

— Если ты не заметил, я была немного занята — умирала у тебя на руках! В любом случае, группа перехвата могла услышать эти слова. Что важнее, перед моей жестокой, но стремительной кончиной я упомянула термин «эскапада». Тогда меня слышал лишь ты.

Действительно. Хотя об этом моменте я сообщил ребятам из Отдела дознания, так что и это ничего не доказывало.

— Итак, тебя зовут…

— Миссис Малверхилл.

Она кивком указала на стол: крупье опять просил сделать ставки. Я и не заметил, как мы проиграли предыдущий кон.

— Рада увидеться вновь, — прибавила она. — Ты догадался, что это я?

— С первого взгляда.

— Правда? Как мило. — Она покосилась на часы с тонким блестящим ремешком на своем загорелом, медовом запястье. — Ладно, время поджимает. Тебе, должно быть, интересно, отчего я искала встречи?

— Неужели не ради секса?

— Нет. Хотя не спорю, нам с тобой было чудесно.

— Ну все, теперь у меня комплексы. Ладно, выкладывай, в чем дело.

— Если вкратце, мадам Теодора д'Ортолан угрожает не только доброму имени и репутации «Надзора». Она и ее сообщники в Центральном совете приведут нас к катастрофическим, гибельным последствиям. Из-за нее под угрозой само существование *l'Expédience*. А если нет — еще хуже. Как лицо организации, своими прежними деяниями и нынешними намерениями она доказывает, что «Надзор» — воплощение зла, с которым нужно бороться. Если получится — заменить, но лучше — упразднить и уничтожить, несмотря на последствия. А еще, вероятно, существует тайный план, известный только Цен-

тральному совету или отдельным его членам, который мы — по крайней мере, ты и твои коллеги, в число которых я больше не вхожу, — по незнанию помогаем осуществлять. Этот замысел держат в секрете, потому что в случае огласки люди сразу его отвергнут. Или поднимут бунт.

— И все? — помолчав, спросил я.

— Разве этого мало?

— Вообще-то это был сарказм.

— Я поняла, просто люблю твои занудные пояснения. Пора делать ставки.

Мы снова положили фишки.

— У тебя есть доказательства?

— Да, но они тебя не устроят. С эмпирической точки зрения.

— А что, в таком случае, убедило тебя, миссис М.? Еще недавно ты преподавала, была немного вздорной и эксцентричной, но все же признанной звездой университета. Тебе прочили великое будущее. И вдруг ты уже главная бунтарка в изгнании! Цель номер один. Все тебя, ищут, все хотят…

— Да, все меня хотят, — согласилась она, с намеком изогнув бровь. — И нигде мне не рады.

— Так что же произошло?

Она медлила, беспокойно скользя взглядом

по столу.

— Ты правда хочешь знать?

— Думаю, да. А в чем проблема? Я пожалею, что спросил?

Опять пауза; на нее не похоже. Наконец она вздохнула, метнула фишку на прежний квадратик и откинулась на стуле. Я разместил несколько фишек на другой стороне игрового поля.

Миссис Малверхилл заговорила — тихо, все еще глядя на стол. Чтобы ее услышать, я придвинулся ближе, перегнувшись через шар, служивший моему временному телу животом.

— В месте, которое зовется Эсмир, есть научная станция, — начала она. — Точных координат мира мне не называли; всякий раз меня переносил туда тандемщик с наивысшим уровнем допуска. Здание стоит на лесистом острове посреди огромного озера или внутреннего моря. В этой лаборатории, где бы она ни находилась, мадам д'Ортолан проверяла некоторые свои теории, проводя исследования на транзиторах. В частности, на тех, чей дар имел особые отклонения. И официальная точка зрения, и наиболее правдоподобные слухи сходятся на том, что изыскания на этом острове уже прекращены. Теперь единого центра нет — все, что осталось, рассре-

доточено по разным базам. Однако важнейшие эксперименты проводились именно в Эсмире. А возможно, проводятся по сей день. Когда-нибудь я туда вернусь и выясню.

— Ничего об этом не знаю.

— Мадам д'Ортолан была бы рада это услышать.

— Продолжай.

— Как ты сказал, меня считали перспективным кадром и полагали, что я многого добьюсь. Мадам д'Ортолан любит держать таких людей при себе или, по крайней мере, наблюдать за ними. Пока они думают, что сами занимаются научной работой, Теодора их оценивает. Меня она пригласила поучаствовать в программе, где, помимо прочего, исследовалась возможность транзитировать автономно. Мы проверяли, позволяют ли определенные изменения в мозге испытуемого перемещаться между мирами без септуса или, по крайней мере, при меньшей подготовительной дозе.

— Я думал, это невозможно.

— В какой-то мере да. Если ты когда-нибудь получишь нужный уровень допуска, то увидишь, что именно наше исследование доказало невозможность таких перемещений.

— И правда доказало?

— С оговорками. Вообще-то мы вели более углубленную и обширную работу. В целом программа была призвана установить, на что способны рандомайзеры, развеять мифы и предрассудки, связанные с их странными талантами, подвести под догадки научное основание. А транзиция без септуса… это как непокоренная вершина, достичь которой мы не чаяли, но и терять из виду не хотели.

— Какие методы вы применяли?

— Пытки. — Она задержала на мне взгляд. — Со временем дело дошло до пыток.

Миссис Малверхилл вновь отвлеклась на игру; крупье уже сгреб наши фишки в сторону. Она поместила еще одну на тот же квадрат. Я поставил на соседний.

— Одни рандомайзеры были умственно отсталыми, другие испытывали трудности в обучении и общении, но встречались и настоящие гении с нестабильной психикой. Поначалу все выглядело безвредно. Нам внушили, что мы помогаем убогим. Это было интригующе, увлекательно, почетно — провести отпуск, исследуя нечто на грани возможного. Докажи мы, что теория жизнеспособна, произошел бы настоящий прорыв,

эхо которого звучало бы во множестве миров еще долгие столетия. Это открытие навсегда вписало бы наши имена в историю. А даже если дар, который мы искали, оказался бы пустым домыслом, как считалось изначально, — мы все равно узнали бы много нового. Самое волнующее время в моей жизни!.. Когда настала осень и пришла пора вернуться к работе в университете, я добилась специальной командировки длиной в год, чтобы остаться на острове и продолжить изыскания. Мадам д'О. самолично уладила все сложности с руководством факультета. И тогда… для большинства я исчезла. — Миссис М. подняла на меня глаза. — Прости, что не попрощалась с тобой. Не попрощалась как следует. Я думала, мы увидимся в начале нового семестра, а вышло… мне очень жаль. — Она отвела взгляд.

Ясно. Я не стал признаваться, как сильно скучал по ней все эти годы, как думал тогда, что мое сердце разбито, как из-за нашего внезапного разрыва стал другим человеком, забросив исследования и перспективную карьеру в научных кругах ради обучения на транзитора, как сделался оперативным сотрудником, агентом, а в конце концов — наемным убийцей. Прозвучало бы слезливо, а толку-то?

— Полагаю, — продолжила миссис М., — Теодора спутала мою увлеченность теоретической стороной вопроса с подлинным рвением. Посчитала, что я разделяю ее страсть. — Улыбка, мелькнувшая на ее губах, тотчас исчезла.

Ее взгляд задержался на фишке, а когда ее убрали вслед за предыдущими, миссис М. поставила новую на прежний номер.

— В тот год, когда многие ученые, приезжавшие на остров во время летнего отпуска, вернулись к привычным делам, в нашей работе наметился сильный прогресс. На базе остался лишь основной костяк. С нами сотрудничали эксперты по септусу, отозванные со своих обычных рабочих мест. Они прекрасно разбирались в создании, использовании и побочных эффектах препарата. Это само по себе считалось привилегией: как правило, мы с этими людьми не контактируем. Ты знал, к примеру, что в септус добавляют микроэлементы, которые помогают отслеживать транзиторов? (При этих словах мои брови взмыли вверх.) — Не будь этих примесей, работа следопытов сильно усложнилась бы. Им пришлось бы действовать по наитию. А сейчас, когда в каждую стандартную дозу что-то подмешивают, после перемещения остается нечто вроде дымного об-

лака, и малейшие его остатки выдают следопыту новое воплощение транзитора.

— Ты серьезно? — изумился я.

— Абсолютно. — Миссис Малверхилл медленно кивнула, все еще не глядя на меня. — И мадам д'Ортолан была абсолютно серьезна в своих намерениях. Она проводила в лаборатории уйму времени: руководила исследованием, давала указания, порой даже исправляла излишне абстрактные, надуманные выводы. Несколько вечеров я только и делала, что обсуждала с ней теорию транзиции. Она довольно умна — для психопатки. Впрочем, тогда я не считала ее безумной. Разве что… слишком увлеченной. Стремясь к своей цели, она рисковала, юлила, изматывала себя. Впервые за много веков она позволила транзиторам, следопытам и фармацевтам работать вместе, в результате чего некоторые из нас узнали больше, чем следует.

— Например, о примесях в септусе.

— Например, о примесях, — кивнула миссис М. — Видимо, мадам д'Ортолан полагала, что мой живой интерес касался только изучаемой задачи — выяснить, какими способностями обладают рандомайзеры и возможно ли перемещаться без септуса. Не думаю, что она догадывалась о моем

главном стремлении узнать как можно больше обо всем и сразу, особенно о вещах, умышленно скрываемых.

Добрая половина наших фишек исчезла. Некоторые игроки ушли, их сменили другие. Миссис М. еще раз сделала ставку, не изменяя себе. Я положил фишку на соседний квадрат.

— Рандомайзеры доставляли много хлопот: это плохо адаптированные к социуму, крайне беспокойные люди с целым букетом проблем, зачастую неполноценные по здоровью. Порой они не могли совладать с кишечником или мочевым пузырем. Неудивительно, что многие из нас начинали их презирать, глядеть на них сверху вниз, забывая, что они тоже люди. Иногда казалось, они нарочно не выдают своих секретов, лишь бы нас позлить. К тому же ради объективности нам запрещали дружить с рандомайзерами и велели относиться к ним как к испытуемым. Мол, они сломленные, почти бесполезные люди, угрожающие как обществу, так и самим себе. А мы делаем им одолжение или даже оказываем честь, препарируя их нескладные, беспорядочные таланты. Мы даруем им предназначение, делая участниками исследования, от которого выиграют абсолютно все.

Мы начали подвергать их стрессу. Это оказалось довольно легко. Они вели себя как упрямые дети — взбалмошные, несговорчивые. Часто намеренно не слушались, иногда проявляли агрессию. Мы создавали для них стрессовые ситуации: строго ограничивали в еде и питье, лишали сна, задавали задачки, которые невозможно решить, при этом проигрывая до боли громкие звуки. Нам казалось, что мы всего лишь приучаем подопытных к дисциплине, слегка наказывая их между делом, им же на пользу. Мы считали, будто поступаем так ради науки, прогресса и общего блага, хотя методы нам вовсе не нравились. Мол, на деле мы страдаем не меньше испытуемых, потому что яснее понимаем, что происходит. Подопытные смотрелись дикарями по сравнению с нами — образованными, культурными, чуткими, абсолютно нормальными людьми. Как не раз повторяла мадам д'Ортолан, «только лучшим из нас можно поручить самое худшее».

Однажды у меня на глазах провели настоящий сеанс пыток: мужчину привязали к кровати, накачали психотропными препаратами и агрессивными химическими веществами. Когда я высказала Теодоре свои сомнения, она поведала мне о нависшей над нами опасности. Она

убеждает саму себя, что «Надзору» и всем мирам, куда мы имеем доступ, угрожает внешний враг — некая дьявольская сила, извечно атакующая наши границы, где бы они ни проходили. И что нам якобы пора переходить в наступление. Я пыталась выведать подробности, давила на нее, насколько позволяло мое положение, однако так и не выяснила, идет ли речь о некоем анти-«Надзоре» — теневой организации, тоже объединяющей множество миров, о пришельцах из космоса или о сверхъестественных созданиях из невиданных доселе измерений. Для Теодоры имеет значение лишь то, что этот враг угрожает самому существованию «Надзора». Поэтому любая наша жертва оправданна, любые методы — приемлемы. Наш непреложный долг, наш священный обет заключается в том, чтобы исследовать все, что поможет нам одержать победу в трудные времена, безо всякой оглядки на мелкие, неуместные уколы совести. Мы, мол, не вправе потакать своим слабостям. Нужно проявлять мужество.

Мы беседовали долго — час или около того. За это время я успокоилась, немного расслабилась и почувствовала, что моя тревога уходит. Она протянула мне платок, и я вытерла слезы,

затем несколько раз глубоко вздохнула, горячо поддержала все, о чем она говорила, и даже обняла ее, когда сочла это уместным. Я поблагодарила Теодору за то, что она меня выслушала, и приняла ее предложение на остаток дня взять отгул. Выйдя из лаборатории, я почувствовала облегчение: наконец мне стало ясно, что мадам д'Ортолан сошла с ума и весь этот кошмар — по крайней мере, мое в нем участие — нужно прекратить. Чтобы сохранить здравый рассудок и душевный покой, я должна была покинуть остров, хотя Теодора, думалось мне, скорее посадила бы меня под замок или убила, нежели отпустила, догадавшись о моих сомнениях. Впрочем, я все равно решила попробовать. В любом случае, все закончилось бы. Так или иначе. Я не подозревала, что она охотно превратила бы меня из испытателя в испытуемую. Если бы она меня поймала, я попала бы в палату с мягкими стенами или на койку с ремнями. Позже я узнала, что несколько несогласных закончили именно так.

Крупье убрал наши фишки. Моя спутница поставила новую на прежний квадрат, ее ладонь чуть не столкнулась с лопаткой крупье.

— Может, объединим усилия и поставим все, что есть? — немного подумав, предложила мис-

сис М.

— У тебя больше фишек, — заметил я. — Ты рискуешь сильнее.

— Ну и пусть.

— Что ж, ладно. — Я придвинул свою скромную горку фишек к ее большой.

Миссис М. сложила все, что у нас имелось, на квадрат, который упорно выбирала до этого.

— Теодора просчиталась, — продолжила она. — Я завела кое-какие связи. Подружилась с несколькими следопытами и фармацевтами — изготовителями септуса. Некоторые стали моими любовниками. Одни делились опасениями, другие искали собеседницу, третьи просто хотели секса. Покинув научную станцию, — внезапно и без предупреждения, несмотря на то что Теодора поручила стеречь меня целой команде наблюдателей и следопытов, вызванных на остров сразу после нашей беседы, — я не оставила ни следа, ни привычного облачка дыма. С собой я унесла пластиковый бочонок размером с мою голову, в который поместила запас неотслеживаемого септуса в форме таблеток. Мне его хватит до старости — если, конечно, Теодора не убьет меня раньше. Я могу даже делиться с другими. — Она лукаво взглянула на меня. — Эдакая разбойничья

королева со свитой. Точнее, с бандой отщепенцев. Присоединишься?

Я откинулся на спинку стула и, глубоко вздохнув, провел ладонью по лысой макушке.

— Что от меня требуется?

— Пока ничего конкретного. Просто помни мои слова. Держи ухо востро, все подмечай, а когда придется прыгать — прыгай в верном направлении.

— Всего-то? Могла бы прислать записку.

— Ты запомнишь эту ночь, Тэм, — сказала она с холодной улыбкой. — Я многим рискнула, чтобы вот так с тобой увидеться. Эта… эскапада доказывает, насколько серьезны мои намерения и ситуация в целом.

— И все-таки, почему я?

— Ты — золотой мальчик Теодоры, так ведь?

— Разве?

— Тебе уже приходилось ее трахать?

— Нет.

— Поразительно. Должно быть, ты и правда ей нравишься.

— Почему же ты решила, что я пойду против нее?

— Потому что она — злобная старая грымза, а ты, надеюсь, не такой.

— А если ты ошибаешься?

— Ты тоже злобный старый хрыч?

— Я имею в виду, насчет нее. Ну а вдруг и насчет меня?

— Тогда мы пропали. Потому что в ее отношении я точно права.

Кто-то похлопал меня по плечу.

— М-м? — обернувшись к игорному столу, я увидел, как в нашу сторону ползет, постукивая, внушительная гора фишек, словно пестрый пластиковый прибой.

— Так всегда и бывает, — шепнула миссис М. и вдруг уселась ко мне на колени, тесно прижавшись к моему животу и обвив меня руками и ногами. В разгар глубокого поцелуя мы переместились обратно в мою сумрачную спальню, где она соскользнула с меня, а я выскользнул из нее.

Миссис Малверхилл приложила палец к моим губам, а затем встала, оделась и ушла.

На прикроватной тумбочке она оставила две крошечные таблетки, очень похожие на обычный септус. Только по центру у них вместо синих точек виднелись едва различимые красные.

Философ

Я встретил Л. Ю. возле клиники. Ее инициалы — Л. Ю. — хорошо отражают то, кем она для ме-

ня стала. Мы учились в одной школе, она — на класс младше. Несколько раз я видел ее на улице, на автобусных остановках, в библиотеке. Высокая худая девчонка с густыми каштановыми волосами, она всегда ходила ссутулившись и опустив голову, будто стеснялась своего роста или пыталась что-то разглядеть под ногами. Она носила брекеты и очки в простенькой оправе, а одевалась в длинные темные платья и закрытые кофты, даже если на улице стояла жара. Частенько я замечал на ней что-то вроде бесформенной шапки, натянутой на самые уши. На ее узком лице выделялся длинный нос. Глаза казались довольно большими, пока она не снимала очки.

Той весной я окончил школу и теперь учился в профессиональном колледже. Даже тогда, уже порядком возмужав, я толком не знал, как понравиться девушке, так что проследил за Л. Ю. от клиники до дома, а на следующее утро встал пораньше, чтобы подкараулить ее у школьного автобуса. Когда она пришла на остановку, я сказал «привет» и на этом иссяк, отгородившись от нее газетой. Да, поначалу я собирался завязать беседу, однако в итоге решил действовать постепенно. Подошли еще две девушки в школьной форме, но с Л. Ю. не заговорили. Когда подкатил автобус,

все залезли внутрь. Кроме меня, разумеется, ведь автобус ехал в школу, а я там больше не учился.

Следом наступили выходные, и я обошел в городе все места, где когда-либо видел Л. Ю., вот только она не появилась. В начале новой учебной недели я опять пришел на ее остановку. На этот раз я с улыбкой поздоровался и попробовал вовлечь Л. Ю. в разговор. Она отвечала тихо и смущенно. А когда появились еще две девушки — совсем умолкла и отошла. Подружки странно на меня покосились. Я сел на первый же подошедший автобус, хотя он ехал не туда, куда мне нужно.

Не собираясь сдаваться, я вернулся на следующий день и вновь заговорил с Л. Ю. Несмотря на пасмурную погоду, она пришла в темных очках — чтобы я ее не узнал, подумалось мне, однако причина была в другом. Две подружки поглядывали на нее, хихикая и шушукаясь. Одна из них громко спросила, не врезалась ли Л. Ю. в дверной косяк. Та в слезах бросилась к дому. Школьный автобус уехал без нее.

Л. Ю. забыла на остановке рюкзак. Заглянув внутрь, я обнаружил учебники, ручки с карандашами, точилку, девчачий журнал и несколько мармеладок в обертках. Внутри точилки что-то

постукивало. К ней был приделан цилиндрический контейнер для стружки. Я открутил его и обнаружил четыре запасных лезвия, но крошечной отвертки для их замены не нашел. На двух лезвиях темнело что-то похожее на запекшуюся кровь. Я сунул одно из них в карман, а остальные вещи уложил обратно, за исключением вишневой мармеладки — ее я съел.

Я остался ждать свой автобус, и тут вернулась Л. Ю. Я снова поздоровался, протянул ей рюкзак и спросил, все ли хорошо. Она кивнула, что-то пробормотав. Мы зашли в один автобус, но села она поодаль.

Назавтра она опять была в солнечных очках. На остановке она глядела на меня, хотя мои вежливые попытки заговорить игнорировала. Когда пришли две другие девушки, а затем и третья, она и с ними не стала здороваться. И в школьный автобус не пошла. Водитель пожал плечами и укатил. Как только подъехал мой автобус, она поднялась вслед за мной и спросила, можно ли сесть рядом. Конечно, я ответил «да», радуясь такому нежданному повороту событий. Я занял место у окна, она — у прохода.

Едва автобус тронулся, она повернулась ко мне и прошипела:

— Где мое лезвие? Что ты с ним сделал? Куда его дел?

Мы сидели так близко, и свет падал под таким углом, что я разглядел за темными стеклами ее очков синяки вокруг глаз и на переносице.

Я собирался хорошенько изучить лезвие, которое взял из точилки, — быть может, даже с помощью старого микроскопа, лежавшего, насколько я знал, где-то в глубинах шкафа. Вот только времени так и не нашлось. В колледже выдался трудный денек. Я забыл про экзамен, что совсем на меня не похоже, к тому же ввязался в драку с однокурсником. Такое тоже случалось редко. По крайней мере, с тех пор, как мама от нас ушла, а я покинул ее дурацкую секту и обрел Истинную Веру. В общем, до утра мысли о крошечном лезвии напрочь вылетели у меня из головы. Я повертел его в руках по пути к остановке, но ничего интересного не обнаружил.

Сперва я сделал вид, будто не понимаю, о чем Л. Ю. толкует, однако она не сомневалась, что, когда она утром выходила из дома, лезвие было на месте, а я, мол, вытащил его, стоило ей оставить рюкзак без присмотра. Она обвинила меня и в краже вишневой мармеладки.

Помнится, я пришел в ужас от мысли, что она

разоблачила мой подлый поступок, но вдруг меня охватило странное спокойствие. Я придумал объяснение, которое ее убедит и в то же время не выставит меня виновным: заявил, что вспомнил, как две девчонки заглянули в рюкзак и принялись в нем копаться — одна из них, наверное, и забрала лезвие. Мол, потом они нашли на остановке дохлую мышь и сунули в ее рюкзак, а когда они умчались на школьном автобусе, я вытащил мышь, хотя мне неловко признаваться, что я копался в чужих вещах. Мармеладку, наверное, тоже съели девчонки; я, мол, с детства терпеть не могу конфеты с вишневым вкусом.

Л. Ю. нахмурилась, отчего на ее посиневшей переносице появились морщинки. Я, кажется, ее убедил, ощутив торжество и громадное облегчение. Больше всего я гордился легендой насчет мыши.

— Говоришь, это была одна из них? — в голосе Л. Ю. еще звучало сомнение.

Я кивнул.

— Которая?

Я сказал, что не знаю. Мол, сам процесс кражи я не видел, но больше к рюкзаку никто не подходил, поэтому это точно одна из девчонок. Похоже, мой ответ ее устроил.

Я представился. Она тоже назвала свои имя и фамилию — Л. Ю. Я отметил, что ее, наверное, все любят — с такими-то инициалами. Мои слова ее позабавили, хотя смех она сдержала. Улыбаясь, она всегда прикрывала рот ладонью, чтобы не показывать брекеты.

Лезвие от точилки я выбросил в сточную канаву возле колледжа.

Мы с Л. Ю. стали встречаться в кафе после учебы. Я рассказывал ей анекдоты и смешные истории про однокурсников. Она болтала о поп-группах и других знаменитостях, а иногда, воткнув в ухо по наушнику, мы слушали ее любимые песни.

Ни братьев, ни сестер у нее не было. Мать умерла, так что Л. Ю. жила с отцом. Я сказал, что ей повезло быть единственным ребенком: никто вокруг не бесит, но она, похоже, моих взглядов не разделяла. Об отце и домашней жизни она рассказывала неохотно.

Впервые мне удалось ее поцеловать на остановке, когда мы ждали автобус, чтобы вернуться домой. Оказалось, брекеты не так уж мешают, хотя ощущения все равно были необычные. Мы пошли на дискотеку в молодежный клуб и танцевали, крепко обнявшись, вплоть до закрытия. Скорее всего, она почувствовала сквозь одежду

мой стояк, но не отстранилась, как я боялся, а, напротив, теснее прижалась ко мне. Позже, когда мы взасос целовались у входа в магазин, она дала пощупать свою грудь под блузкой.

В один из выходных она пришла ко мне в гости. Мои родные навещали какого-то умирающего дядюшку. Я должен был поехать с ними, однако наплел, что у меня стажировка.

Л. Ю. принесла с собой четверть бутылки спиртного, так что мы немного напились. Еще она захватила любимую музыку, и мы потанцевали в родительской гостиной. Необычные ощущения. Когда мы плясали и целовались, она дала мне расстегнуть под блузкой лифчик и погладить ее между ног через ткань длинной юбки, не возражая, когда я сжимал ее ягодицы, разводил их в стороны и проникал пальцами так глубоко, насколько позволяла одежда. Ее ногти царапали мне спину через рубашку. Затем она притянула меня за шею и яростно впилась губами в мои губы.

— Хочешь меня трахнуть? — спросила она.

Прочитав в ее взгляде и голосе решимость, я дико занервничал. Сперва хотел сказать: «Ничто не доставит мне большего удовольствия» — эту фразу я подслушал в каком-то фильме, — а в итоге

сухо кивнул и просипел:

— Да, давай.

— Пойдем к тебе в комнату, — сказала она, взяв меня за руку. — Только не забудь задвинуть шторы.

На тот момент я уже целовался с несколькими девушками, а одна — теперь она училась в универе в другом городе — как-то раз подрочила мне, сунув руку в мои штаны, однако в главном я оставался девственником. Я надеялся все увидеть, хорошенько разглядеть женское тело в мягком солнечном свете или при полной луне, вот только Л. Ю. потребовала зашторить окна и запретила включать лампу.

Презервативы, которые я стащил из бывшей маминой тумбочки, не пригодились: Л. Ю. заверила, что нужды в них нет.

В первый раз я кончил очень быстро. Она захотела, чтобы я овладел ею сзади. Она держалась за изголовье моей узкой кровати, я стоял на коленях. Затем она ласкала меня ртом. Сначала я забеспокоился, что все вокруг запачкаю, но мои опасения вызвали у нее лишь смешок. Мой член снова затвердел, и я кожей ощутил ее брекеты. Почувствовав приближение оргазма, я дернулся назад и, тяжело дыша, попытался объяснить ей,

что хочу вытащить, однако она не разжала губ и позволила кончить себе в рот.

После этого мы еще раз занялись любовью, лицом к лицу, правда Л. Ю. все время пролежала, крепко зажмурившись. Она до крови расцарапала мне спину, хотя понял я это уже потом. В тот миг мне было не так уж больно; я даже подумал, что это занятно. Ее смешило, что, кончив, я первым делом хватаюсь за салфетки.

Полумрак, царивший в комнате, до полной темноты недотягивал, так что я сразу заметил на теле Л. Ю. множество шрамов и следов от ожогов. Даже если бы в комнате стояла кромешная тьма или будь я слеп, то все равно нащупал бы бугорки рубцов на ее руках, бедрах и животе. Я об этом догадывался и раньше. Один из двух моих приятелей — друзьями я их не назвал бы, просто зависали вместе — давно предполагал, что не случайно Л. Ю. всегда ходит в закрытой одежде и освобождена от физкультуры и плавания.

С тех пор мы занимались сексом при любой возможности. Чаще всего — в отцовском сарае, по ночам. Сарая не было видно из окон, и ключ я доставал без труда: отец хранил его возле задней двери дома.

Временами мы с Л. Ю. притворялись, будто

делаем друг другу больно, используя разные предметы: пилы, молотки или громадные тиски, закрепленные на верстаке. Одна знакомая пригласила нас к себе на вечеринку, и мы с Л. Ю., выстояв целую очередь из желающих, занялись сексом в специально отведенной для этих дел гостевой спальне.

Л. Ю. давно состояла в девчачьей организации «Юные лесничие», где успела получить звание младшего офицера. Однажды мне удалось затащить ее в постель в форменном костюме. Ощущения — словами не передать! Я представлял себе, что однажды она начнет служить в полиции и я смогу отыметь ее и в полицейской форме тоже.

Как-то раз мы около недели присматривали за домом пожилой дамы, у которой Л. Ю. подрабатывала уборщицей. Пока хозяйка лежала в больнице, мы трахались в ее доме до боли в мышцах. Вот только синяки у Л. Ю. на руках и бедрах оставлял не я.

— Разумеется, это отец, — подтвердила она однажды вечером, расположившись на полу.

В этом доме мы занимались сексом исключительно на полу: расстилали лоскутное одеяло, а поверх него — простыню. Трогать хозяйские кро-

вати Л. Ю. не хотела. Я спросил, не отец ли избил ее до синяков. Этот вопрос тревожил меня уже несколько месяцев, но я все не знал, как к нему подступиться. Честно говоря, я и тогда сомневался, верное ли выбрал время. Скорее всего, я рано или поздно понял бы, что нужный момент не наступит никогда. И все же мне хотелось знать, ведь наши с Л. Ю. отношения, уже довольно долгие и крепкие, давали мне право задавать подобные вопросы.

Я спросил, давно ли отец ее бьет.

— Сколько себя помню, — вздохнула она. — С тех пор, как мама ушла от нас.

А я-то думал, что ее мать умерла.

— Это он так говорит, — объяснила Л. Ю. — Не признается, куда она ушла или где погибла. Если, конечно, погибла.

Она перевернулась на живот. Я погладил ее ягодицы — круглые, упругие и, в отличие от многих других частей ее тела, не покрытые следами от порезов, которые она наносила себе сама. Меня тянуло узнать, издевался ли над ней отец и по-другому. В сексуальном плане. Я предполагал, что да, однако хотел убедиться. В то же время я боялся затруднений. Л. Ю. часто становилась беспокойной и напряженной; в ответ на скользкие темы

и неудобные вопросы она злилась, бросалась в слезы, а то и вовсе выбегала из комнаты.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — произнесла она.

Пока я ласково поглаживал ее пониже спины, она по очереди отодвигала кутикулу на каждом пальце, рассматривала открывшиеся бледные полумесяцы и грызла неровные кончики ногтей. Я медлил, гадая, правда ли она прочитала мои мысли, и с недобрым предчувствием заключил, что, вероятнее всего, да. Впрочем, я ничего не сказал и продолжил скользить ладонью по ее лоснящейся коже.

— Ты, наверное, размышляешь, что еще он мог со мной сделать, если дошел до такого? Да? — предположила Л. Ю.

Я по-прежнему молчал. Она никак не оставляла в покое свои ногти, терзая их и обкусывая, а ко мне так и не повернулась.

— Ладно. Тогда расскажи, о чем думаешь на самом деле, — попросила она.

По ее голосу я безошибочно понял, что мои подозрения верны, однако сделал вид, будто ни о чем не догадывался. Отчасти для того, чтобы удостовериться, а отчасти — чтобы выглядеть лучше в ее глазах.

— Да, он это делал, — призналась Л. Ю. — С тех пор, как мне стукнуло девять. — Последовала долгая пауза, во время которой она отвела от себя мою руку. — Он и теперь продолжает.

Она бросила на меня горький, злой взгляд из-за плеча. Затем повернулась на спину, подняла колени к груди и развела бедра в стороны, выставляя напоказ свою промежность, все еще влажную и блестящую после нашей любовной вспышки десятью минутами ранее.

— Ну что, не расхотел меня трахать? — спросила она с вызовом и в то же время обреченно.

Я посмотрел на разверстую передо мной рану, затем — в глаза Л. Ю.

— Будь тут, — сказал я, встал и отправился в кладовую.

Когда я вернулся с бельевой веревкой, Л. Ю. лежала в прежней позе. Я спросил, доверяет ли она мне. Немного подумав, она ответила «да». Тогда я попросил ее снова лечь на живот. Она послушалась. Я завел ей руки за спину и связал запястья. Слышно было, как она плачет, пусть и старается всхлипывать тише. Я притащил старинный тяжелый стул и привязал Л. Ю. за щиколотки к двум передним ножкам, после чего поставил еще один стул напротив, аккуратно приподнял ее за

плечи и уложил грудью на сиденье.

Я сказал, что, конечно, по-прежнему хочу ее трахать, и исполнил задуманное — но не жестко и яростно, а, наоборот, очень медленно и бережно. Кончив, я развязал ее, обнял и прошептал, что больше она не должна подпускать отца к себе. Впрочем, зря я это сказал: Л. Ю. впала в ярость, как уже бывало раньше. Она начала мутузить меня кулаками и кусать, крича, что не может ему помешать.

После этого мы время от времени друг друга связывали. Впрочем, мне не нравилось лежать без движения, так что мы прекратили.

Мне хотелось думать, что она дала отцу отпор, однако он продолжал это делать, и я безошибочно угадывал, когда именно, по синякам или заново вскрывшимся порезам на ее теле.

Чтобы быть с вами абсолютно честным, вынужден уточнить: на мой взгляд, в современном мире люди поднимают вокруг инцеста слишком много шума. Уверен, кровосмешение происходило всегда. Я возненавидел мистера Ю. — отца Л. Ю. — не столько за то, что он насиловал ее с девяти лет, забрал ее девственность, внушил ей недоверие к окружающим и видел в ней скорее секс-игрушку, чем личность и дочь, сколько за то, что он ее

избивал и был причиной того, что она наносила увечья себе. В моем представлении он совершил нечто в буквальном смысле непростительное, даже если сама Л. Ю. смогла бы его простить.

Ситуация с мистером Ю. немного вышла из-под контроля. Я перегнул палку. Потерял берега. Не то чтобы я позволил чужой истории стать личной: она и была для меня личной.

Я проник к ним в дом, когда Л. Ю. на неделю уехала в лагерь «Юных лесничих». Тайком выбравшись от своих, сел на велосипед и темными переулками доехал до места, где жила Л. Ю. Ключ, как я выяснил раньше, лежал под одним из цветочных горшков. Я еще не бывал у нее дома, но планировку в общих чертах представлял. Я знал, что этим вечером мистер Ю. придет с еженедельной попойки и сразу отправится на боковую.

В спальне еще горел свет. Мистер Ю., полураздетый, лежал на кровати лицом вниз. Высокий мужчина с лишним жирком в области груди и живота, он не был таким мускулистым, как мой старик. Я же с годами стал довольно сильным.

Я взял пару ненужных носков, засыпал в них монет из копилки — получилось нечто вроде оружия. Этой штукой я и саданул мистера Ю. по макушке, а затем еще раз, когда он, рыча, по-

пробовал подняться. С булькающим хрипом он рухнул обратно и задышал, прерывисто всхрапывая.

Я заклеил ему рот плотным скотчем, дважды обмотав концы вокруг головы, затем связал его и за ноги потащил вниз по лестнице — так, чтобы затылок ублюдка пересчитал все ступеньки. В подвале я привязал мистера Ю. к котлу центрального отопления.

Проверив надежность веревок и кляпа, я вновь пошел наверх и перевернул там все, чтобы создать видимость ограбления, которое вышло из-под контроля.

На мне были перчатки из магазина подержанных товаров и шерстяная балаклава, неотличимая от обычной шапки, если не натягивать ее на лицо. На ноги я напялил пару старых кроссовок, несколько месяцев назад найденных в лесу. Кто-то закинул их на дерево, связав за шнурки. Кроссовки были мне велики, поэтому внутрь я запихал по носку. В рюкзаке я принес еще одну пару обуви громадного размера — отцовские ботинки, которые тот думал, что выкинул. Переобувшись в ботинки, я немного побродил в них по дому: выдвигал ящики и вышвыривал оттуда вещи, закатывал ковры, вскрывал монтировкой паркет. С

комнатой, по всем признакам принадлежавшей Л. Ю., я поступил так же — просто не мог иначе. И странное дело: даже это мне понравилось.

Когда послышались сдавленные стоны, я вернулся в подвал к мистеру Ю.

Я бы охотно сотворил с ним что-нибудь вроде того, что он делал с дочерью, однако улик оставлять не хотелось, поэтому я ограничился кипящей водой, старой паяльной лампой и молотком. Прежде чем браться за молоток, я накрывал ступни или кисти рук мистера Ю. полотенцем, чтобы кровь не брызгала на меня, пусть ее и было немного. Думаю, больше всего вытекло в тот момент, когда я опробовал на его коленях терку для сыра. Несмотря на скотч, мистер Ю. орал так, что мне пришлось надеть ему на голову мешок, а сверху еще и пакет для мусора, лишь бы гад умолк.

Думаю, он задохнулся, потому что я завязал пакет слишком плотно.

Я вообще-то не собирался его убивать — во всяком случае, поначалу, пока не вошел во вкус, — однако чем дольше я его обрабатывал, тем сильнее он терял для меня человеческий облик, превращаясь скорее в объект, который специфически реагирует на конкретные стимулы;

механизм, производящий определенные звуки, сокращения мышц, вздутия и пятна на коже в зависимости от того, как я на него воздействую.

Еще я, наверное, начал опасаться, что нанес мистеру Ю. слишком много повреждений, и теперь правильнее будет его убить. Нет, мне вовсе не хотелось проявлять милосердие, избавляя его от мук, — как раз муки интересовали меня больше всего. На мой взгляд, он настолько запятнал себя как человеческая особь, что перестал в полной мере считаться человеком. Не знаю, как сформулировать яснее. Он, несомненно, выглядел как все люди, но в то же время был — или стал — ничтожнее, чем человек. И с очевидным выводом, что эта перемена — моих рук дело, я, пожалуй, не согласен. Меня никак не оставляло настырное, пусть и парадоксальное чувство, будто он сделал все сам и, несмотря на мой полный над ним контроль, каким-то образом сам отвечает за свои страдания.

До сих пор не могу понять почему, но я действительно так думал. Мистер Ю. вызывал у меня презрение, невзирая на то что я намеренно застал его врасплох, тем самым не оставив ему ни малейшей возможности сбежать или дать отпор, оглушил его во сне (пьяного, но это дела

не меняет). Разве были у него шансы спастись? Ни единого. Что ж, порой жизнь устроена именно так.

Как бы там ни было, убил его, разумеется, я. Отчасти потому, что в поисках еще каких-нибудь орудий отвлекся на старый автомобильный аккумулятор, лежавший в углу подвала. Думаю, когда я пытался добыть кислоту, мистер Ю. уже отбросил коньки от недостатка кислорода.

Сначала я решил, что он притворяется. Все его тело обмякло, пульс на запястьях и под нижней челюстью не прощупывался, однако убедиться не мешало. Я взял клещи и выдрал ему ноготь. Его пальцы, уже раздробленные молотком, безвольно болтались; никакой реакции не последовало. Так я заключил, что он и правда мертв. Я плотнее завязал пакет, ведь лишняя уверенность не повредит.

Знаете, мне казалось, что мое сердце уже никогда не застучит чаще, чем в те мгновения, когда я проникал в чужой дом. Не тут-то было! Когда я пытал мистера Ю., сердце в моей груди колотилось как бешеное, и хотя мои действия нельзя было назвать профессиональными, я ощущал такую силу, такую власть, словно наконец-то нашел свое истинное призвание.

Вот только допрашивать мистера Ю. я не стал. Не узнал, правда ли он насиловал дочь и что, предположительно, сотворил с женой. Я подумывал о беседе, но в конце концов испугался, что не совладаю с волнением или мистер Ю. докричится до соседей. Наверное, я мог устроить, чтобы он отвечал, кивая или мотая головой, но той ночью мне это на ум не пришло. Я просто хотел причинить ему как можно больше страданий за то, что он сделал с моей девушкой, а уже позже, по ходу событий — да, решил его убить, пусть даже он не видел моего лица, не слышал моего голоса и, скорее всего, никогда бы меня не узнал. Я счел, что поступаю правильно. Грамотно.

Я отпер входную дверь, а ключ вернул под кашпо, где он лежал прежде. Напоследок я подобрался из сада к окну гостевой комнаты и разбил стекло, чтобы в полиции подумали, будто в дом проникли таким образом. Часть ковра под окном я расчистил от осколков, иначе стало бы ясно, что внутри кто-то хозяйничал до, а не после вторжения. Никем не замеченный, я вернулся домой и залез в кровать, где всю оставшуюся ночь пролежал без сна.

На следующий день я отправился на прогулку. Отнес рюкзак с вещами, которые надевал ночью,

поглубже в лес и сжег. Выкопав яму около метра глубиной, зарыл в ней пепел.

Два дня спустя мистера Ю. нашел коллега — накануне возвращения Л. Ю. из лагеря. Родственники, приехавшие присмотреть за ней, увезли ее из города почти на месяц. Полицейские сочли произошедшее неудавшимся грабежом и объявили, что разыскивают одного или двух воров-домушников.

Жителей города еще несколько недель мучила бессонница. Я же дрых, как младенец. Чтобы не вызвать подозрений, я старался не приплясывать при ходьбе и убирал с губ ухмылочку. Я осознавал свой поступок и гордился им, чувствовал себя отважным и находчивым. Тот факт, что я довел дело до конца, радовал меня даже больше, чем безнаказанность.

Когда полиция объявила, что у всех мужчин в городе снимут отпечатки пальцев, я безропотно пошел в участок. Не в первых рядах, конечно, но и уклоняться не стал. Меня даже не допросили. В полиции заключили, что кровавое преступление совершил некий «гастролер» или группа приезжих. Жизнь постепенно вернулась на круги своя.

Впрочем, я повел себя неумело, нехладнокровно; я действовал как полицейский, тюремщик,

судья, присяжные и палач в одном лице. Мне это виделось не вполне справедливым. Да, я нашел дело, в котором оказался хорош и которое — надеюсь, в приличном, а не извращенном смысле — доставляло мне удовольствие. Однако чего-то не хватало. Каких-то рамок, рациональной системы правосудия, некоего, если хотите, контроля свыше, наделяющего мучителя законными полномочиями.

Хотя содеянное сошло мне с рук, я даже при большом желании не мог пуститься во все тяжкие. Я ни в коем случае не собирался убивать людей в подвалах, как серийный убийца среднего пошиба. Мистер Ю. заслужил свою кару, а я выступил вершителем правосудия, вот и все. К тому же я понял, что достиг цели и смог избежать наказания лишь благодаря хорошей подготовке, трезвому расчету и везению.

Вернувшись в город, Л. Ю. остановилась со своей тетей в отеле, где пробыла до самых похорон. Я передал ей записку, и мы, как раньше, встретились в кафе. По ее отрешенному, расслабленному поведению я догадался, что тут не обошлось без лекарств. Л. Ю. больше не носила брекеты. Призналась, что скучала по мне и перестала себя резать — во всяком случае, пока.

На похороны я не пошел, да она и не звала.

Л. Ю. поступила в тот же колледж, где учился я, сняла квартиру на пару с другой девушкой. Я поселился поблизости с двумя приятелями. Мы с Л. Ю. снова стали встречаться и вскоре возобновили интимные отношения. Игры со связыванием больше никто не предлагал.

Об отце Л. Ю. не заговорила ни разу. Впрочем, она и прежде редко его упоминала.

Однажды у нас обоих отменили занятия, и мы провели день у меня в спальне.

— Пробовал такие? — Она достала из рюкзака пакетик с вишневыми мармеладками. — Конфисковала их у одной мелкой «лесничихи».

Она сунула конфету мне в рот, затем еще одну — себе. Какое-то время мы, чавкая, жевали. Я попытался вспомнить, когда в последний раз ел мармеладки, и бросил:

— В детстве я их обожал!

Л. Ю. резко выпрямилась и перестала жевать. Ее взгляд заледенел. Правой рукой она провела по запястью и предплечью левой — там, где бугрились старые шрамы. Она встала с кровати, выплюнула в ладонь липкий комок, оставшийся от мармеладки, и запустила им в мусорную корзину.

Когда она бросилась одеваться, я спросил, в чем дело. Она не ответила, только мотнула головой. Увидев слезы, я вновь спросил, что стряслось, но она промолчала и вскоре ушла.

Больше Л. Ю. не подпускала меня близко и отказывалась нормально поговорить. Не игнорировала, но держалась со мной крайне холодно.

Еще пару лет назад, пребывая в неподдельном замешательстве, я бы заявил, что понятия не имею, отчего произошла ссора и почему Л. Ю. так внезапно меня бросила. Теперь, кажется, до меня дошло: всему виной предательская конфета, а точнее, мое предательство, которое из-за нее вскрылось. С тех пор мне многое довелось увидеть и сотворить, а потому примечательно, что именно эта заурядная мелочь, произошедшая много лет назад между мной и девушкой, отношения с которой едва начались, до сих пор вгоняет меня в краску и вызывает чувство стыда. Я наворотил дел, которых устыдился бы почти любой, да и наблюдал много постыдного, и все же одна-единственная мармеладка — вернее, не она, а отказ признаться в том, что это я ее съел и украл лезвие, — запятнала мою совесть тогда и не дает покоя по сей день.

В тот же год я записался в армию. Меня от-

правили служить за границу, и после долгого обучения я вступил в ряды военной полиции. Сложнее всего было пройти психологический тест. Людей, поступивших с себе подобным так, как поступил я, на службу не берут — во всяком случае, не брали тогда, — однако мне хватило ума догадаться, каких ответов от меня ждут, и сказать то, что от меня хотят услышать. Понимание этих процессов как бы изнутри — важный аспект моей профессии, так что даже в тот момент я учился и развивал нужные навыки.

8

Пациент 8262

Большинство миров — Закрытые, лишь немногие Открыты. Большинство людей — Непосвященные, Посвященных гораздо меньше. В Открытых мирах бóльшая часть обитателей — Посвященные, поэтому там нет нужды скрывать все, что касается транзиций, или перемещений между реальностями.

Реальность, в которой я сейчас лежу на больничной койке, — Закрытая. О множественности миров — не говоря уже о том, что миры эти связаны друг с другом и между ними возможны путешествия, — тут, скорее всего, знаю я один. Для меня всеобщее неведение к лучшему. Так я и задумывал, когда прибыл сюда. Это моя защита.

Открываю глаза и вижу, что на меня пялится лысый рябой толстяк — тот самый, у которого вошло в привычку садиться рядом со мной во время моих редких визитов в комнату с телевизором и бубнить без умолку на своем непонятном наречии.

За окном туман; начались холода, хотя у меня

под одеялом по-прежнему тепло. На лысом мужчине такая же бело-голубая пижама, как у нас всех, и застиранный голубой халат, знававший лучшие времена. Толстяк что-то мне говорит. Сейчас около десяти, и утренний стакан сока уже стоит на прикроватной тумбочке. Я и не заметил, как санитар его оставил.

Толстяк оживленно мне что-то втолковывает, словно убежден, что я его понимаю. По-моему, он нарочно говорит отчетливее, чем обычно, — старается ради меня. Да и кожа у него сегодня выглядит получше. Слова он произносит медленно, зато компенсирует это зычным голосом и более яркими интонациями. Он вовсю жестикулирует и раскачивается; из его рта вылетают капельки слюны, оседая на моем одеяле. Я беспокоюсь, как бы слюна не попала мне на лицо, особенно на губы. Не хватало еще что-нибудь подцепить.

Сдвинув брови, я сажусь на постели и подпираю правую руку левой, что позволяет мне поднести ладонь ко рту. Выглядит так, будто я с интересом слушаю — или, по крайней мере, пытаюсь. На самом же деле я заслоняю рот от шальных брызг.

Непрошеный гость никак не замолкает. Я хмурюсь сильнее, придаю лицу страдальческое

выражение и тяжко вздыхаю, всем своим видом показывая, что силюсь понять собеседника, но тщетно. Вот только он едва ли обращает на меня внимание, как пулемет строча словами, из которых я понимаю в лучшем случае процентов пять.

Сосредоточившись, я, наверное, разобрал бы больше, хотя даже обрывков фраз хватает, чтобы понять: толстяк жалуется на другого пациента, который его обокрал, оскорбил или занял его место в очереди, а может, все сразу, тогда как санитары то ли отказались помочь, то ли поддержали обидчика, а может, все сразу, — на что мне, если честно, плевать. Толстяк явно хочет излить душу хоть кому-нибудь — желательно тому, кто не замешан во всей этой никчемной возне и, как я подозреваю, не способному спорить, задавать резонные вопросы, да и вообще проявлять к проблеме хотя бы малейший интерес. Он просто разгружает свои мысли. А я, к сожалению, — идеальная жертва.

Странно, откуда в нас это желание выговориться, когда мы знаем или догадываемся, что собеседник нас не понимает, а даже если понимает — ничем не сможет помочь. Должно быть, кому-то просто приятен звук собственного го-

лоса, а кто-то жаждет выпустить пар, стравить давление, дать волю эмоциям. Временами нам необходимо облечь в слова удручающе смутные, но сильные чувства, дабы внести хотя бы какую-то ясность, ведь выражение этих чувств само по себе помогает понять, что именно нас гнетет.

Полагаю, толстяк и от собственного голоса балдеет, и облегчает душу. Он многозначительно мне кивает и вдруг замолкает, опустив руки на колени, — похоже, его речь подошла к некоему логическому концу. Он смотрит на меня, словно ждет ответа.

Я неопределенно качаю головой, изображая нечто между согласием и отрицанием, развожу руками.

Гость, видно, недоволен. Я чувствую: надо что-то сказать, но не хочу говорить на его родном языке, чтобы ненароком не раззадорить. Не стоит и выдавать знание наречий других миров: есть вероятность, пусть и ничтожная, что это нанесет ощутимый урон моей безопасности и поставит под угрозу мою анонимность.

В общем, я решаю наплести тарабарщины и выдаю нечто вроде этого:

— Бре трел гесем патра ноччо, лиск эшелдевон! — А затем киваю, словно подчеркивая свою

мысль.

Толстяк отшатывается, тараща глаза, после чего, кивнув в ответ, исторгает поток невразумительной чуши. Такое впечатление, что он меня понял! Но ведь это немыслимо.

— Блошвен брэггл сна корб лейсин тре эпелдевейн ашк, — говорю я, когда он замолкает, чтобы перевести дух. — Кивуд пэдэл крей тре напа страводайл эшестре чрум. — И, пожав плечами, для верности добавляю: — Крайвин.

Лысый так горячо кивает, что я боюсь, как бы он не ушиб подбородок о грудь. Хлопнув ладонями по коленям, он отвечает:

— Бла-бла-бла-бла-бла! — или похожим потоком непонятных звуков.

Еще немного — и я поверю, что он правда меня понимает. Не нравится мне все это…

В палате становится жарко. Я решаю ничего больше не говорить, однако мой собеседник выдает очередную тираду, причем сопровождает ее жестами и так неистово плюется, что не ответить просто невозможно. Во время моих реплик он хотя бы затыкается, и я не рискую попасть под фонтан.

— Летреп стимпит краж о эментеузис фла джан песертефаль крин тре халулавала!

Толстяк опять кивает, бормочет что-то невнятное, а затем поднимает руку, раскрыв ладонь в мою сторону, с кряхтением встает со стула и удаляется в коридор. Надеюсь, сегодня он больше меня не потревожит. Лучше бы вообще не возвращался, однако этот взмах ладонью наводит на опасение, что надолго он меня не оставит. Как только он уходит, я обдуваю лицо и несколько раз взмахиваю одеялом, чтобы охладиться.

Пару минут спустя лысый толстяк возвращается, втолкнув ко мне в палату другого пациента — тощего парня с отвисшей челюстью. Я его узнаю, хотя беседовать нам не доводилось. Если честно, мне казалось, что он вообще не разговаривает. Его изможденное костистое лицо выглядит куда старше тела. У него жидкие черные волосы, отсутствующий взгляд и клочковатая бороденка, которая, похоже, никогда не отрастает длиннее. Он ни намеком не дает понять, что узнал меня.

Толстяк толкает парня в спину, усаживая его на стул, где прежде сидел сам, после чего разражается потоком слов. По-моему, в его речи проскальзывает «говори» и «слушай», но он тараторит слишком быстро, так что утверждать не берусь. Молодой человек поднимает на меня взгляд и тихо произносит нечто неразборчивое.

Товарищ у него за спиной вопросительно вскидывает бровь. Я в ответ подношу ладони к ушам — мол, не расслышал. Толстяк закатывает глаза. Он нетерпеливо вращает одной рукой в воздухе, словно поторапливая меня, а другой хлопает парня по плечу.

— Скиб эртелис байан грем шетлентибаб, — обращаюсь я к молодому человеку. — Болзатен глил ак этерарта фисрилайн халп.

Мне становится еще жарче, и я боюсь, что покраснею. Над бровями собираются капельки пота. Это полный абсурд, но в глазах обоих мужчин читается интерес, и я понимаю, что проще продолжить беседу, даже такую нелепую, нежели молча ждать их реплик, сдерживая смех.

— Данатре скехеллис, ро влех граампт на зире; скот ре генебеллис ро бинитшайр, наско воросс амптфенир ан хар. — Больше я не могу выдавить ни звука; горло пересохло, да и запас бессмыслицы иссяк.

Молодой человек, прищурившись, кивает, как будто по-прежнему видит в чепухе смысл. Затем переводит взгляд на лысого и что-то ему шепчет. Тот кивает с выражением лица «видал, а?». Парень наклоняется ко мне и медленно проговаривает:

— Полди полдипол, пол пол, полдиполпол полди полди, — после чего с довольным видом откидывается на спинку стула.

Ну конечно! Они просто надо мной потешаются.

Натянуто улыбнувшись, я смотрю ему в глаза и отвечаю:

— Полди полди полоди плополпополпопилплуп.

Я жду, что парень снова усмехнется или даже захохочет, но нет. Отпрянув, как от удара, он меняется в лице и строит крайне оскорбленную мину. Какое-то время он сверлит меня взглядом, после чего вскакивает и раздраженно сбрасывает с плеча ладонь толстяка, который, похоже, пытается его успокоить. Толстяк начинает что-то лопотать примирительным тоном, однако парень крикливо его перебивает — видно, осыпает ругательствами. В этом потоке бреда я различаю единственное слово — «полди». Затем молодой человек разворачивается, плюет на пол и с гордо поднятой головой уходит.

Толстяк тащится за ним до двери, что-то удрученно бубнит вдогонку, а потом, глубоко вздохнув, глядит на меня с обиженным, разочарованным видом. Почесав лысину пухлыми

пальцами, он издает еще один горестный вздох и произносит нечто похожее на вопрос. Я больше не намерен говорить ни слова, поэтому мрачно на него гляжу.

Толстяк сильнее встряхивает головой и повторяет вопрос. Я буравлю его еще более суровым взглядом. Он вновь чешет репу и опускает глаза — не иначе как рассматривает плевок на полу. Вряд ли этот увалень достаточно воспитан, чтобы убрать за товарищем. Скорее всего, придется ждать санитара или уборщиков. Я и сам могу вытереть пол, однако этот грубый выпад так меня взбеленил, что я не намерен утруждаться из принципа.

Толстяк отводит взгляд и что-то бормочет, словно обращаясь к себе самому. В его голосе звучит тревога. Наконец он театрально вздыхает, еще раз дергает головой и удаляется в коридор, опустив плечи и не переставая бубнить.

На этот раз он не возвращается. Испытывая громадное облегчение, я беру с тумбочки хлипкий пластиковый стаканчик, и только отпив водянистого сока, замечаю, как трясутся руки.

Транзитор

— Это вы убили лорда Хармайла?

— Да.

— Почему?

— Приказали.

— Кто?

— Мадам д'Ортолан.

— Ложь. Лорд Хармайл в вашем списке не значился.

— Правда? Должно быть, я не разобрал.

— Попрошу вас не ерничать.

— Ну раз просите… Ладно.

— Итак, получали ли вы приказ…

— А вы видели список?

— Что?

— Вы сами-то видели этот список?

— Это к делу не относится. Получали ли вы приказ убить кого-либо еще?

— Да.

— Кого?

— Доктора Шеола Плайта, мисс Пам Йесусдоттир, мистера Брэшли Кряйка, графа Хайцлофта-Байдекерна, команданте Одиль Обликк и миссис Малверхилл.

Тишина. Такое впечатление, что мои слова не только записали на диктофон, но и занесли в протокол. Глаза по-прежнему слепил яркий свет, а дознаватель скрывался у меня за спиной.

— По нашим сведениям, вам приказали лишь

подвергнуть указанных людей принудительной транзиции. За исключением лорда Хармайла, которого, как мы знаем, в вашем списке не было.

— Мне поступило устное распоряжение от мадам д'Ортолан. Она велела не перенести, а убить людей из списка. Причем как можно быстрее.

— Устное распоряжение?

— Да.

— По поводу такой важной задачи?

— Да.

— С последующим письменным подтверждением?

— Нет. Я уточнял этот момент. Никаких подтверждений не планировалось.

— Я правильно понимаю, что случай беспрецендентный?

— Да.

— Ясно.

— Могу я кое-что спросить?

Снова пауза.

— Спрашивайте.

— Кто вы? — В здешней версии английского языка «вы» как вежливое обращение к одному человеку и «вы» в отношении нескольких собеседников обозначались по-разному; я выбрал множественное число.

— Сотрудники «Надзора», — произнес спокойный мужской голос. — Неужели не догадались?

— Перед кем вы отчитываетесь?

— Вы получили указания обычным способом? — вместо ответа спросил дознаватель.

— Да. Через одноразовый микросчитыватель.

— Вы пытались обсудить приказ?

— Да. Я уже говорил.

— Тем не менее вы согласились его выполнить? Полностью? Включая сомнительное устное указание убить несколько лиц, которых, согласно письменному приказу, следовало всего лишь переместить ради их собственной безопасности?

— Да.

— Вам прежде приказывали убить столько людей?

— Нет.

— Вы понимали, что обычно никому не поручают совершить так много… устранений?

— Да.

— И все же вы не оспорили приказ.

— Оспорил. И в итоге не стал его выполнять.

— Вы просто не успели, потому что мы вас схватили.

— Нет, я…

— Довольно. Ко всему прочему, вы взяли на себя

право убить как минимум еще одного человека помимо тех, кто значился в списке.

— Как я уже го…

— Тихо! Я правильно понимаю, что вы были в курсе, насколько важных персон вам поручили, как вы утверждаете, устранить? Вы знали, что все они, за исключением Малверхилл, состоят в Центральном совете Бюро транзиции? Отвечайте!

— Конечно.

(«Состоят», а не «состояли». Любопытно. Похоже, наш друг невзначай проговорился.)

— Тем не менее приказ не вызвал у вас вопросов?

— Мы уже выяснили, что вызвал! И я не стал его выполнять!

— Допустим. Хотите добавить что-нибудь еще?

— Я хочу знать, перед кем вы отчитываетесь. Кто у вас главный. И где я нахожусь.

Пауза.

— Предварительную часть расследования на этом, пожалуй, закончим.

Я уловил вопросительные нотки. Похоже, дознаватель обращался не ко мне, а к кому-то рядом. Другой мужчина — судя по голосу, моложе — вполголоса ответил. Мой дознаватель тихо возразил:

— Нет, я бы назвал этот уровень стресса нулевым.

Молодой человек опять вставил пару слов, и его собеседник, с расстановкой и назидательно, как учитель — ученику, сказал:

— И да, и нет. Абсолютный, исходя из возможностей конкретного человека, а люди бывают разные. Так что остановимся на нулевом. Пусть будет пространство для маневра.

Меня прошиб пот. Старший из мужчин прокашлялся.

— Ну что ж…

Позади скрипнул стул, и я почувствовал, как дознаватель подходит ко мне. Мое сердце, и без того стучавшее как бешеное, понеслось галопом. На бетонном полу заплясали тени. Я ощутил запах стоящего за спиной. Услышал резкий вспарывающий звук, с каким разматывают плотную клейкую ленту. Наклонившись, мужчина залепил мне глаза непрозрачным скотчем, для надежности скрепив концы у меня на затылке. Все погрузилось во тьму. Я дышал часто, прерывисто, сердце отчаянно колотилось.

Мужчина отодрал еще один кусок скотча и заклеил мне рот, вновь обмотав концы вокруг моей головы. Теперь я мог дышать только носом.

Я попробовал себя успокоить, делая медленные, глубокие вдохи.

Представь, что можешь транзитировать отсюда, подумал я. Представь, что силой мысли можешь отправить себя куда угодно.

А главное — представь, что не станешь очередным жалким, беспомощным беднягой, обреченным на мучения, подобно всем жалким, беспомощным беднягам, которых на протяжении сотен веков истязали в бесконечном множестве миров. Представь, что, в отличие от этих несчастных, у тебя есть выход, есть выбор, есть надежда.

Я снова услышал звук, с каким отматывают и отрывают клейкую ленту — на этот раз короткий, маленький кусочек.

Я ощутил, как дознаватель нагнулся надо мной; его одетый торс прижался к моей голой спине и вспотевшему затылку. Последнее, что я уловил, — запах антисептика от его ладони. Внезапно он схватил меня двумя пальцами за нос, наскоро промокнул мою кожу бумажной салфеткой и залепил мне ноздри скотчем, хорошенько прижав.

Больше я дышать не мог.

Голова. У него раскалывается голова.

Несколько секунд он не может сообразить, где верх, а где низ. Впрочем, поначалу он вообще не

понимает, что такое «верх» и «низ».

Тяжесть. В одной стороне тела есть, в другой — нет. Это кое о чем ему напоминает, и его охватывает страх.

Он лежит на левом боку. Голова на полу, руки висят плетьми, почти весь вес тела приходится на левый бок и левую ногу. Правая нога коленом упирается в левую, правая ступня — на полу рядом с левой.

Он решает, что пора подниматься. Поскорее вставать. Люди, которые его пытали и, возможно, продолжат начатое, могут быть здесь, могут вот-вот его схватить. Он не помнит, зачем им нужен.

Вдруг его настигает своего рода потрясение: он не знает, кто он такой!

Он — человек, личность, мужчина. Лежит на холодном — деревянном? — полу. Вокруг темно, темно под закрытыми веками. Он приказывает себе открыть глаза, и веки будто бы с неохотой повинуются.

По-прежнему темно.

Впрочем, что-то слабо брезжит. Бледно-серый свет вдалеке. Падает с одной стороны и наискось, полосами ложится на пол.

Еле-еле дует ветерок. Я ощущаю его кожей. Очевидно, я раздет.

Я поворачиваюсь, шевелю руками и ногами. Я это он. Он это я. Я — человек, который недавно очнулся, хотя по-прежнему не понимаю, кто мы с ним такие. Осознаю свое «я» и все равно растерян. Теперь я уверен, что я — это я, просто имени своего не знаю. То же самое могу сказать о своем прошлом, о воспоминаниях, однако сейчас это не суть важно.

Скоро они вернутся. Придут, когда сочтут необходимым, когда пробьет час.

Если сила тяжести придавливает к полу, значит, чтобы встать, нужно применить усилие вдвое больше.

Упираюсь локтем и приподнимаюсь. Дрожа и тяжело дыша. Вдохи быстрые, судорожные. Сердце колотится, накатывает чувство паники, пробивает озноб.

Затем ощущение проходит. Я заставляю себя дышать медленнее, глубже. Рука, на которую я опираюсь, все еще трясется. Пол на ощупь прохладный — вероятно, из дерева. С дальнего конца продолговатого зала льется сероватый свет.

Я двигаю головой влево-вправо, затем вверх-вниз. Встряхиваюсь. Больно, зато помогает. Вокруг ни одной зеркальной поверхности, так что отражения мне не увидеть. Языки — северно-

китайский, английский, хиндустани, испанский, арабский, русский и французский. Я знаю, что владею этими языками, хотя сейчас вряд ли смогу выдавить даже слово. У меня никогда еще не было такой тяжелой, сбивающей с толку транзиции, даже во время обучения.

Потихоньку светлеет. Серые полосы на полу серебрятся, затем становятся золотыми. Я кашляю. Снова боль.

Какое огромное помещение…

И тут я понимаю, что уже бывал здесь. Достаточно присмотреться, хотя и амбр этого места мне знаком. Я знаю этот зал, это пространство. Чувствую, что знал его с самого начала. Именно поэтому я здесь.

Чувствую, и все тут.

Бальный зал.

Дворец.

Внезапно меня захлестывают чувства, словно пустые трубы внутри моего тела наполняются пенистой влагой.

Я вижу дворец в Венеции — уникальном городе во множестве миров. Вспоминаю огромный бальный зал, географическую карту и продуманный флирт, затем — внезапную, мерзкую вспышку насилия, а после — стул, допрос и одну конкрет-

ную Мадам.

Я в Палаццо Кирецциа на берегу Гранд-канала! Это тот самый бальный зал, только тихий и пустынный в межсезонье (или заброшенный спустя многие годы, века, тысячелетия). Я прибыл сюда оттуда, где меня собирались подвергнуть пыткам.

Собирались ли? Я уверен?

Это последнее, что я помню. Я все еще чувствую запах антисептика…

Меня вновь пробивает дрожь. Я осматриваюсь. Огромный прямоугольный зал. С высокого потолка свисают три исполинских объекта, похожих на перевернутые капли и накрытых серой тканью, — закутанные призраки люстр. Виднеется кое-какая мебель, тоже в пыльных чехлах.

Теперь я ощущаю сквозняк всем телом. Ведь я не одет. Прикасаюсь к носу и губам, гляжу на голые запястья. Я свободен.

Языком я провожу там, где должна быть дыра в десне, и вдруг нащупываю неповрежденный зуб. Поддеваю ногтем откидную крышечку. Пусто.

Внутри ничего, но зуб-то на месте. Как будто его вообще не вырывали. Выходит, со мной перенеслось не только чувство собственного «я».

Что же произошло? Я вскидываю голову и мед-

ленно, со стоном поднимаюсь. Сперва встаю на четвереньки, а затем выпрямляюсь в полный рост, балансируя и пошатываясь.

Этого не может быть! Наверное, я по-прежнему сижу на том стуле и задыхаюсь. Это галлюцинация, иллюзия, самообман из-за нехватки кислорода, ведь рот и нос мне залепили скотчем. Это попросту нереально!

Я ковыляю к ближайшему высокому окну, где, провозившись какое-то время, понимаю, как открыть ставни. Я с силой их толкаю, почти выламываю, и выглядываю в щель.

Меня приветствует утренний Гранд-канал, серый и невозмутимый под летним небом. Вот плывет, рассекая волны, водное такси; в противоположном направлении движется рабочее судно, груженное пакетами с мусором, едва успевая разминуться с вапоретто, курсирующим между берегами; навигационные огни речного трамвайчика масляно сверкают в рассветном сумраке, виднеется пара-тройка сонных пассажиров.

Я кусаю себя за костяшки пальцев, пока не вскрикиваю от боли — однако не просыпаюсь. Баюкая укушенную руку, гляжу на город, где не должен находиться.

И все-таки нахожусь.

Эдриан

На дамочке была вуаль. Не мусульманская вроде бурки, а старомодная, из черного в крапинку тюля, пришпиленная к микроскопической шляпке. Шляпку эту как будто для галочки нахлобучили, лишь бы что-то придерживало вуаль. Кабинет, такой же просторный, как приемная, был обшит помпезного вида деревянными панелями с металлическими вставками, возможно, серебряными. Ничего подобного мне еще ни разу не встречалось. Дамочка сидела за большим столом. Когда я зашел, экран ее компьютера каким-то образом сложился и убрался в столешницу. Женщина встала, поздоровалась, но руку не протянула.

Она указала мне на кресло напротив себя. Ее странноватый костюм, похожий на обмотку из черных бинтов, выглядел, на удивление, стильно, особенно в комплекте с вуалью, хотя смотрелся бы логичнее где-нибудь на подиуме, а не здесь, на бывшем складе посреди одного из самых токсичных мест на планете. Я задумался, не защищает ли этот прикид от радиации. Вряд ли, но вдруг?

— Вас зовут Эдриан?

— Да. Эдриан Каббиш. Очень приятно.

— А я — миссис Малверхилл. Рада нашему зна-

комству, Эдриан.

Очередной необычный акцент. Я предположил, что она из местных — из Украины, России, Восточной Европы или вроде того. Хотя и Америка давала о себе знать. Мы оба сели в кресла.

Дамочка открыла было рот, но я ее опередил:

— Итак, миссис Малверхилл, я надеюсь, что вы объясните, зачем я вам понадобился. Пока все это смахивает на пустую трату времени, а свое время, признаюсь, я очень ценю. К тому же мне не по нутру, что меня притащили именно сюда. Как называют это место? Зона? О таком ведь нужно предупреждать, понимаете? Ну, то есть технически я тут, конечно, по доброй воле, никто меня в самолет не заталкивал. Но если б кто сказал мне, куда мы направляемся, я бы, может, не полетел. Так что с точки зрения закона вы ходите по тонкому льду. Сразу предупреждаю: если в ближайшие годы у меня проклюнется вторая голова, мои адвокаты вас найдут.

Миссис Малверхилл удивленно взглянула на меня, затем улыбнулась. Ее черты под вуалью казались восточными. Может, она из Китая? Хотя у китайцев лица шире и круглее. А у нее — ближе к треугольному. Да и глаза слишком круглые для китаянки. И скулы слишком высокие. Может, она

вовсе не азиатка? Вот если б света побольше и поглядеть на нее без вуали, я бы сказал наверняка.

— Вам ничто не угрожает, — заверила она. — В машине воздух тщательно фильтровался, а в этом здании атмосфера стерильнее, чем в операционной. Любая пыль, попавшая на вашу одежду и обувь, была уничтожена перед тем, как вы сюда зашли.

Я кивнул.

— Допустим, вы меня убедили. Давайте перейдем к тому, зачем я здесь.

— Возможно, мистер Нойс уже дал вам некое представление о том, что́ мы предлагаем и что нам может быть нужно?

— Он сказал, вы ему хорошо платили и многого не требовали. Подозрительно, конечно.

— Тем не менее против истины он не погрешил.

— Это радует. А поконкретнее?

— Давайте я обрисую вам главное, Эдриан…

— Разве вы не должны называть меня «мистер Каббиш», раз уж я говорю вам «миссис Малверхилл»? — перебил я. — Или, может, вы назовете свое имя?

Пока слишком уж многое шло по ее указке, поэтому мне захотелось выбить ее из колеи. Может,

даже взбесить. Насколько разумно так делать — другой вопрос, ведь если подумать, я попал в зону отчуждения у черта на рогах, где пожелал бы очутиться только безмозглый. Я пролетел на самолете тысячу, а то и две тысячи миль и для всех в Британии, кому есть до меня дело, считай что сгинул: не сообщил ни адреса, ни пункта назначения. Даже мобильник тут не ловит.

Плевать. Меня не на шутку разозлило, каким образом меня сюда притащили, пускай и в моих собственных интересах. Кем эти люди себя возомнили? Поэтому я и ляпнул про «мистера Каббиша» и попросил ее назвать имя.

— Нет, — ответила она, ничуть, похоже, не оскорбившись, — я не стану называть своего имени. Все зовут меня «миссис Малверхилл». Если вам некомфортно, когда к вам обращаются «Эдриан», с удовольствием перейду на «мистер Каббиш».

Я пожал плечами.

— Эдриан так Эдриан. На чем мы остановились?

— На том, что мы будем платить вам ежемесячное жалованье плюс дополнительную премию в конце года за вашу помощь в качестве консультанта и за другие услуги, которые могут нам

иногда требоваться. Вы сможете расторгнуть наше соглашение, когда пожелаете, не уведомляя нас заранее.

— Это я-то консультант?

— Почему нет?

— Консультант по каким вопросам?

— Общекультурным, экономическим и политическим.

— Серьезно? — хохотнул я.

— Абсолютно, — кивнула миссис Малверхилл.

Из-за вуали сложно было понять выражение ее лица.

— Миссис М., я трейдер. Торгую акциями. В этом я хорошо разбираюсь. Хотя, наверное, не так хорошо, как мистер Нойс. Еще я кое-что знаю про компьютерные игры. Ах да, и про сноуборд, хотя тут я не профи, а, что называется, любитель-энтузиаст. Понимаете, к чему я веду? Я не гожусь в консультанты по культурным и политическим вопросам.

— Что вы можете сказать о политических партиях родной страны?

— Тори в заднице. На следующих выборах наверняка победят лейбористы, и людям вроде меня, возможно, придется валить из страны. Уточню, что мистер Н. не считает их такими уж

засранцами — лейбористов, то есть. Он встречался с этим стариканом Блэром и утверждает, что они позволят нам и дальше спокойно делать деньги. Но я бы не был столь уверен.

— Прекрасно, — промурлыкала леди. — Вот вы и начали на нас работать.

— С этим вроде ясно. А о каких еще услугах речь?

— Встречи с конкретными людьми. Помощь, если она им понадобится.

— Какого рода?

— Вы поможете им встать на ноги. Привлечь средства, раздобыть документы, завести нужные знакомства и так далее.

Так вышло, что я правда мог с этим помочь благодаря контактам, которые завел и когда был дилером, и когда стал трейдером. Только я не знал, что об этом известно мистеру Н., а ведь именно он порекомендовал меня миссис М. и ее боссам, кем бы они ни были.

— Вы будете иметь дело с серьезными, одаренными людьми, Эдриан. Начинать они будут без всего, даже без имени, но, получив благодаря вам необходимый толчок, дальше справятся сами. Нужен лишь начальный импульс, понимаете?

— Вы что, занимаетесь мигрантами? — заподо-

зрил я. — Незаконно ввозите людей?

— Не совсем так. С точки зрения ваших законов эти люди не являются иностранцами. Сомневаюсь, чтобы они вообще привлекли внимание властей. Не исключено, что от вас потребуются лишь банковские гарантии, рекомендательные письма и так далее. Все расходы мы возместим, кредиты закроем в оперативном порядке.

— В оперативном порядке? — Я притворился, что впечатлен.

— В оперативном порядке. — Она притворилась, что ничего не заметила.

— Это и делает для вас мистер Нойс?

— Хороший вопрос. К счастью, мистер Нойс дал «добро», чтобы я ответила вам честно. Ответ — «да». — За черной вуалью сверкнула улыбка.

— Если ваши условия устроили его, то должны устроить и меня? На это расчет?

— Верно.

— А еще он, наверное, хочет через пару лет отойти от дел?

— Я тоже так полагаю. — Миссис М. склонила голову набок. — А главное — так полагает он.

— А какого размера оплата ждет меня за эти… гм-м… консультации и прочее?

— Такая же, как у мистера Нойса. В конце каж-

дого календарного месяца мы будем отправлять по восемь с половиной тысяч долларов США на банковский счет на Каймановых островах. Ежегодную премию в размере двух месячных окладов вы получите в начале декабря.

— И я в любой момент могу соскочить, никого не предупредив?

— Да.

— И безо всяких штрафов?

— Никаких санкций. Новых выплат не последует, вот и все.

— Давайте округлим до десяти тысяч, и я подумаю.

— Это больше, чем получает мистер Нойс.

— Ну, если вы ему не расскажете, то я уж тем более, — усмехнулся я.

Она задумалась.

— Таковы мои условия, миссис Малверхилл, — развел руками я.

— Хорошо. Первый платеж получите сразу. Реквизиты счета мы вышлем вам на электронную почту.

— Как я уже сказал, мне надо подумать.

Хотелось продолжить разговор. Слишком уж странно соглашаться вот так, практически ничего не зная.

— Конечно. Не стану вас торопить.

— И все? — вырвалось у меня.

Как-то легко она согласилась. Я заподозрил, что продешевил.

— Да, все.

Она осталась сидеть, где сидела. Не подошла пожать мне руку, не дала на подпись контракт или соглашение. Ничего.

— Условия договора будем пересматривать ежегодно, — добавил я.

— Как пожелаете.

— Хорошо.

Леди не сдвинулась с места.

— А теперь, миссис М… — Я подался чуть вперед.

— Да, Эдриан?

— Расскажите, что у вас за организация.

— «Надзор», — спокойно ответила она. — Можете называть нас «Надзором», Эдриан.

— Чем вы занимаетесь?

— Путешествуем.

— Кочуете, как цыгане? — спросил я с притворным смешком.

— Не думаю. Ну, может, немного.

— Вы русские?

— Нет.

— Как нет?

— Однозначно нет.

— Вы из ЦРУ?

— Нет.

— Из какой-то другой американской… конторы?

— Нет.

Пока я переводил дух, она вклинилась:

— Не тратьте зря время, Эдриан. Все равно не угадаете.

— Вы так считаете?

— Уверена. — Она опять улыбнулась из-за вуали. — Что ж, полагаю, нам стоит отметить то, что вы решили обдумать мое предложение. Как вам идея? Куда бы нам пойти?

— Сомневаюсь, что эта ваша Припять — тусовый город.

— Да, здесь довольно тихо, — согласилась она. — Может, махнем в Москву? Согласны? Самолет уже, наверное, заправили. Я хотела бы вам кое-что показать.

Похоже, мне предстояло перевести свой «Ролекс» еще на час вперед, хотя я и на два-то перевести забыл.

— Эдриан, — обратилась ко мне миссис М., как только мы устроились в мягких креслах само-

лета. — Нам с Конни нужно многое обсудить. Придумаете, как скоротать время?

— Конечно. Хотя… погодите.

— Что? — спросила Конни.

— Надолго мы летим? Ведь надо же еще и выспаться, — подмигнул я.

— Думаю, отель в Москве найдется. — Она смерила меня взглядом.

— Какое счастье, — сказал я.

Мои спутницы завели разговор на совершенно незнакомом мне языке. Отвернувшись, я уставился на проплывавший внизу пейзаж. Надеялся увидеть саму Чернобыльскую станцию — с безопасной высоты, разумеется, — но не вышло.

Хотя летели мы всего час, на момент посадки в Москве уже почти стемнело. На взлетной полосе пахло керосином и дул такой холодный ветер, что, казалось, вот-вот повалит снег. Нас ожидал большой черный «мерс». На этот раз шофер был в фуражке, галстуке и прочем. Мы подъехали к высоким воротам с колючей проволокой и караульной будкой рядом. Парень в форме бегло взглянул на наши паспорта, перебросился парой слов с Конни и махнул, мол, проезжайте. Мы встроились в автомобильный хаос на забитом четырехполосном шоссе.

Телефон очнулся, возобновив связь с цивилизацией. Я черканул пару СМС приятелям с туманной родины, сообщил им, где я, и тоже взбодрился.

Клуб «Новая правда» располагался в новостройке с видом на Красную реку — или как там называется самая большая река в Москве? Если честно, я понятия не имел, где мы. В некоем «Центральном административном округе», что бы это ни значило. Если б мы не проехали мимо Красной площади с большой диснеевской церковью и тому подобным, оставалось бы только поверить миссис М. на слово, что мы в Москве.

Клуб находился в черном кубическом здании. Фасад освещали ультрафиолетовые и темно-лиловые лампы. Воздух дрожал от приглушенной музыки. Служащий помог нам с парковкой. Мы подошли в начало очереди, где стояли два бугая-вышибалы с раздутыми бицепсами. Нас сразу пропустили внутрь. Мужик в очень понтовом костюме принял у миссис М. длинную шубу, чмокнул Конни в обе щеки, не прикасаясь губами, а мне коротко кивнул. Я был в той же одежде, в которой прилетел из Лондона: черные «конверсы», джинсы «Левайс», сиреневая рубашка от «Прада» и легкая куртка из черной кожи. Впервые за весь день я почувствовал, что одет

слишком скромно.

— Как дела, Климент? — поинтересовалась Конни у модного типа, который теперь вел нас по широкому коридору, увешанному зеркалами и чем-то вроде застекленных бронзовых лабиринтов с шариками ртути внутри.

— Жив-здоров, мадам, — ответил Климент с сильным русским акцентом. — Надеюсь, вы тоже.

— Конечно, — сказала Конни. — Знакомьтесь, это миссис Малверхилл, моя начальница.

— Большая честь, мадам.

— А это Эдриан. Из Лондона.

— Добро пожаловать, Эдриан. Обожаю Лондон!

— Круто, — сказал я.

— Климент — владелец клуба, — пояснила Конни.

Я огляделся. Мы попали в большое помещение, где музыка стала громче, а свет, наоборот, тусклее. На потолке медленно мигали огни. Откуда-то вынырнул метрдотель, отвесил поклон Клименту и отнес шубу миссис М., а также мои с Конни куртки в гардероб, где их приняли две невероятно красивые девушки с точеными скулами, длинными черными волосами и порочно-надменными взглядами. Впереди, за аркой в

обрамлении колонн, музыка гудела еще громче, а огни мерцали ярче.

— Шикарно! — улыбнулся я Клименту.

Он кивнул — думаю, ему польстило.

— Идемте, — сказал он. — Я провожу вас к столику.

Водка, шампанское, блины с икрой. Мы уселись за полукруглый столик напротив многоуровневого танцпола, и алкоголь полился рекой. Я потанцевал с Конни, затем с миссис Малверхилл, у которой была необычная, размашистая манера двигаться. В своих черных бинтах и вуали — да-да, вуаль она так и не сняла — миссис М. притягивала множество взглядов. В том числе восхищенных, и я понимал почему. Она извивалась так, будто в теле у нее вообще нет костей. Конни тоже отжигала. Обе то и дело отвергали шампанское, которое им отправляли с дальних столиков.

Когда мы открывали третью по счету бутылку «Салона» [43], Конни шепнула мне:

— Как насчет кокса? — и кивнула в сторону туалетов.

К тому времени я уже выпил достаточно, чтобы

---

[43] Примечания: 43

«Салон» («Salon») — шампанское премиум-класса. Производится во Франции с 1920 г. из винограда сорта «шардоне».

мысль показалась мне хорошей, причем даже нашел своего рода разумное, почти медицинское оправдание: если самую малость нюхнуть, это поможет немного протрезветь. Не говоря уже о том, что по ходу вечера они обе — Конни и миссис М. — казались мне все более горячими и убийственно манящими. А тут одна из них предлагает уединиться! Почему бы и нет? Я перевел взгляд с роскошной, сияющей блондинки Конни на загадочную миссис М. Усмехнувшись, Конни помотала головой.

Миссис Малверхилл, похоже, нас услышала. Или догадалась.

— Веселитесь. — Она махнула нам рукой, не отрывая глаз от пульсирующего танцпола.

Никто и бровью не повел, когда мы с Конни зашли в невероятно помпезный женский туалет и заперлись в кабинке. Там мы по очереди вдохнули по дорожке с удобно расположенной стеклянной полочки. Отличный продукт, почти без примеси.

Мы стояли, глядя друг на друга и улыбаясь до ушей.

— Давай еще потанцуем? — предложила она.

Опершись на стену, я медленно обвел ее взглядом.

— Мы куда-то спешим?

Она со смехом качнула головой:

— Только не здесь. Пойдем.

Я думал, Конни имела в виду «пойдем, найдем укромное местечко», однако она повела меня обратно через танцпол за столик, где ее начальница, на вид трезвая как стеклышко, опрокидывала в себя очередную стопку охлажденной водки.

— Потанцуем? — кивнула мне миссис М., вставая с места.

— Можно я передохну?

Она помотала головой и взяла меня за руку.

Танец вышел довольно чувственным. В такт медленному ритму она скользила вокруг меня, сгибаясь и разгибаясь, вздымаясь и опадая, словно заигрывая с моим личным пространством. Я вообще-то и сам неплохо двигаюсь, мне не раз об этом говорили. Однако миссис М. — совсем другой уровень. Возможно, всему виной выпивка и кокс, но мне действительно казалось, что меня удостоила чести королева танцпола.

Она извивалась все ближе, прижимаясь ко мне. Сквозь ее черный ленточный наряд и собственную одежду я ощущал тепло ее тела. Она была на полголовы меня ниже. Я нагнулся, и она приблизила губы к моему уху.

— Эдриан! — громко сказала миссис Малверхилл через вуаль, стараясь перекричать музыку. — Идемте со мной!

Я отпрянул, изобразив внезапное, но приятное удивление, а затем шепнул ей на ухо:

— Вы серьезно?

— Серьезно, — ответила она и зачем-то добавила: — В некотором роде. Следуйте за мной.

— С вами — хоть на край света, миссис М.! — воскликнул я, когда она протянула мне руку.

Она издала странный, лающий смешок. Я сжал ее ладонь, теплую и абсолютно сухую, и мы двинулись вперед, лавируя среди танцующих. Леди отпустила мою руку, только когда мы покинули зал и пришли — нет, не в туалет, а в какой-то охраняемый отсек, — и, кивнув парочке вышибал, спустились по широкой винтовой лестнице.

— Мне сказали, это место зовется Черной комнатой, — бросила миссис М., когда очередной широкоплечий парень, на этот раз в темных очках, открыл перед нами массивную дверь.

Логичное название: внутри было практически черным-черно. Судя по тому, что удалось разглядеть, мы очутились в свингер-клубе. Повсюду: на больших удобных креслах, на столах и в проходах — одни люди трахались, а другие за ними

наблюдали. Мне стало жарко.

Мы подошли к двери в дальнем конце зала. Еще вышибала, теперь женщина. Причем вдвое крупнее и мощнее меня. Она выдала миссис М. ключ и пропустила нас в темный коридор вроде гостиничного. Миссис М. провела меня в тускло освещенную спальню, после чего заперла дверь.

— Люди приходят сюда, чтобы заняться сексом, Эдриан, — нарушила тишину миссис Малверхилл.

— Да ладно? — съязвил я.

По ее тону я начал догадываться, что мы пришли не за этим. Я был немного разочарован и самую малость нервничал. Вообще-то, с первых дней, когда я стал барыжить, у меня появилась внутренняя система тревоги, которая всегда срабатывала, если дело начинало пахнуть жареным. Понимаете, о чем я? А тут звоночков еще не поступало.

— Истинная правда. Но мы с вами здесь с другой целью. Надеюсь, вы не расстроены?

— Растоптан, миссис М.

— Вы ведь не всерьез?

— Не совсем.

Откуда-то из складок своего странного одеяния она достала две крошечные таблетки. Слишком

мелкие для экстази, они походили на подсластитель или вроде того. Одну она сунула в рот, другую протянула мне.

— Проглотите, пожалуйста.

— Что это?

— В каком-то смысле — спасательный круг.

— Что-то новенькое, — пожав плечами, я положил таблетку на язык.

Миссис М. уставилась на мой кадык, чтобы видеть, как я глотаю. И снова — лишь небольшой укол тревоги. Затем леди наконец-то откинула вуаль. Света, конечно, было немного, но мне все же удалось разглядеть ее лицо. Очень красивое, волевое, с восточной и еще бог знает какой примесью. Глаза — большие, широко расставленные, а вместо зрачков — узкие щелочки, как у кошки. Ну и ну! Я слышал, что бывают такие линзы, а некоторые чудики даже ложатся под нож, чтобы добиться подобного эффекта.

Издалека доносилась музыка. Миссис Малверхилл заглянула мне в глаза и тихо сказала:

— Обычно все проходит гладко, Эдриан, но, если вдруг мы разделимся, вы должны мысленно перенестись назад, прямо сюда. — Она обвела рукой комнату. — Осмотритесь тут хорошенько.

Я дурашливо заозирался по сторонам.

— Осмотритесь как следует, Эдриан, — настояла миссис М. — Запомните детали, запахи, звуки этого места. Убедитесь, что сможете воссоздать его в памяти.

В комнате царил янтарный полумрак, как на закате. Кровать — двуспальная, очень широкая, с черным атласным бельем. Еще я запомнил черный диван, резной стул с красно-золотой обивкой, зеркало на потолке, встроенный в стену телевизор, а в углу — черный куб с синей неоновой надписью «МИНИ-БАР». Была и вторая дверь — должно быть, в ванную. По углам кровати торчали бесполезные столбики, к которым обычно приковывают людей меховыми наручниками.

— Готово, — сказал я.

Как понять — «разделимся»? Что она имела в виду? И хотя система тревоги пока молчала, я задумался, не нужна ли мне вторая сигнализация, чтобы сообщать, когда первая дает сбой.

Теперь миссис М. извлекла нечто похожее на миниатюрную зажигалку.

— Сначала я применю его к себе, затем — к вам. Все произойдет очень быстро. — Она поднесла устройство к своей шее, а вторую ладонь положила мне на затылок; ее пальцы распластались по моей потной шевелюре, как огромный паук. —

Когда придет ваша очередь, постарайтесь не дергаться. Затем я вас крепко обниму. Все ясно?

— Да.

Честно признаться, во рту у меня пересохло. Музыка резко стихла; вместо уханья басов остался только стук моего сердца.

— Тогда начнем.

Она шагнула ко мне вплотную, прижалась всем телом. Я почувствовал прикосновение ее маленьких твердых грудей и уловил запах, похожий на антисептик и мускусные духи одновременно. Она уперла зажигалку себе под подбородок. Раздался щелчок, и сразу — шипение. Ее рука с устройством скользнула к моей шее и надавила. Снова щелчок и шипение, а затем я ощутил, как шею и нижнюю челюсть охватывает холод, будто мне вкололи дозу заморозки. Миссис М. сомкнула руки у меня за спиной, прильнула ко мне бедрами и, привстав на цыпочки, прижалась щекой к моей щеке. Я тоже ее обнял. Мне понравилось. Я даже ощутил шевеление внизу. Интересно, она это чувствует? Если еще нет, то скоро почувствует. И тут, совершенно внезапно, мою голову будто вывернуло наизнанку.

Должно быть, я зажмурился, а когда вновь открыл глаза, меня качнуло из стороны в сторону.

Свет теперь был ярким, сероватым, воздух посвежел. Миссис М. уже разомкнула объятия, но продолжила сжимать мою руку, чтобы я не упал, и как заведенная повторяла:

— Все хорошо, Эдриан, все хорошо, все хорошо…

Но что же тут было хорошего, если исчезла не только полутемная, янтарная комната, но и само здание, в котором мы находились?

Клуб «Новая правда» испарился. Сероватый рассвет наступил на несколько часов раньше положенного, а мы стояли на небольшом холме, окруженном болотистыми лугами. Вдалеке петляла широкая река, уходя к горизонту, где за облаками поднималось солнце. Вот те на! Не только комната и клуб — вся чертова Москва куда-то сгинула!

Везде, насколько хватало глаз, виднелись руины.

Я чуть не отключился, и несколько секунд мы с миссис М. исполняли странный танец — она удерживала меня за руку, чтобы я не шлепнулся на задницу, а я шатался и выписывал вокруг нее кренделя, ловя ртом воздух и стараясь вернуть равновесие, в то время как мои подошвы скользили по травянистым кочкам. В конце концов я

расставил ноги достаточно широко и перестал балансировать. Миссис М. поддержала меня за плечи. Я согнулся, тяжело и часто дыша. Глядя на пустынные болота и руины, я не верил своим глазам.

— Я в норме. Все путем, — выдавил я и распрямился.

Миссис М. не отпускала мой локоть.

Я несколько раз глубоко вздохнул, стараясь подольше задерживать воздух в легких. Затем огляделся. Вокруг — ни души. На реке, прямо под светлым участком неба, где занимался рассвет, я увидел точку. Возможно, лодку. Повсюду виднелись остовы зданий. Даже у самого горизонта торчали темные зубья руин: башни, куски куполов, изъеденные угловатые коробки, которые когда-то могли быть многоэтажками.

В паре шагов от нас из высокой травы выглядывали гладкие валуны.

— Присядем. — Миссис М. подвела меня к одному из холодных камней.

— Где мы, черт подери? — спросил я, как только немного перевел дух.

— На другой Земле, в другой Москве.

Она села на соседний камень, развернувшись ко мне вполоборота. Вуаль опять закрывала ее

лицо — с тех самых пор, как мы сюда прибыли.

— Это из-за таблеток или… — Я поскреб ногтями шею.

— Из-за вот этого. — Она подняла устройство, похожее на зажигалку. — Таблетки мы приняли на всякий случай, если что-то пойдет не так. Вы ведь запомнили комнату, которую мы покинули?

Я кивнул.

— Это был ваш запасной путь домой. Теперь он, впрочем, не понадобится, мы сможем вернуться вместе. Первая транзиция всегда самая сложная. Выходит, мы с вами хорошо совместимы. — Она с улыбкой похлопала меня по руке.

— Черт! — Я встал, тряхнул головой и начал лихорадочно осматриваться.

Наконец я нашел камень размером с кулак и запустил им как можно дальше в сторону полосы света, где вставало солнце.

— Дайте мне минутку, окей? — обернулся я к миссис М.

— Я посижу здесь. — Она улыбнулась из-за вуали и села поудобнее, обхватив руками колено.

Я сбежал вниз по склону, местами скользя, а местами перепрыгивая через темно-бурые камни, которые грудами лежали в траве. Когда

холм перешел в болото, я зашлепал по мутной воде. Зачерпнув со дна серо-коричневой грязи, я хорошенько ее рассмотрел, затем перевел взгляд на блеклый пейзаж и ощутил, как грязь утекает сквозь пальцы. Где-то жалобно вскрикнула птица, издалека ей ответила другая.

Все вокруг выглядело, пахло и звучало до чертиков реально. Темная поверхность воды, в которую погрузились мои ступни (в черных слипонах; что стало с моими «конверсами»?) — успокоилась. Взглянув на свое отражение, я себя не узнал.

Джинсы стали грубее и вместо черных сделались темно-коричневыми. «Нокиа» исчезла — вообще пусто в карманах! На запястье не было «Ролекса».

Мои руки тоже изменились. Откуда-то возникли веснушки. Разве у меня они были? Я вдруг понял, что не помню. Блинский блин, я что, даже собственную руку признать не могу? Обернувшись, я увидел на холме маленькую темную фигурку — миссис Малверхилл сидела там, где я ее оставил. Я потащился наверх.

— Я тандемщица, — объяснила она, когда я сел на соседний камень; на востоке между двумя слоями облаков мелькнул желтовато-оранжевый кусочек солнца. — Могу переместить вместе с

собой другого человека. Большинство людей вообще не в состоянии транзитировать, а из остальных лишь единицы способны переносить из мира в мир что-либо, помимо самих себя.

— Транзитировать?

— Перемещаться из одного мира в другой.

— Ух ты! И для этого нужен наркотик?

— Необходимо вещество под названием «септус». Оно есть и в таблетках, которые мы приняли, и в виде спрея вот здесь. — Она помахала маленькой зажигалкой, а затем спрятала в складках черного одеяния.

Зажмурившись, я потер кулаками глаза. Когда взглянул снова, все осталось на месте. Серое небо, обширные блестящие болота, темные развалины вдалеке.

— Мы вроде как в другом измерении, да?

Черт, и почему я так плохо учился в школе? Ох, не надо было валять дурака на уроках физики…

Из-за общей и всецелой странности происходящего у меня по-прежнему кружилась голова — хотя, возможно, всему виной была проглоченная таблетка или вещество, которое мне впрыснули. Но ведь я не вырубался. Мы перенеслись сюда из «Новой правды» за считаные мгновения, и между «там» и «тут» я испытал лишь ощущение

мозгов наизнанку, да и то казалось мне частью пережитого, а не галлюцинацией. А вдруг все же прошло больше времени, меня по-настоящему накачали наркотой и отвезли в эти места, где бы они ни находились? Сомнительно, хотя такой сценарий выглядел все же вероятнее и логичнее, чем сказочка миссис М.

Пожав плечами, она произнесла:

— Это один из множества миров. Всего их не счесть. Люди вроде меня по ним путешествуют. Порой этим людям требуется помощь. Процесс транзиции — перемещения между мирами — еще не до конца отлажен. Мы хотели бы нанять вас, чтобы вы помогали сбившимся с курса путешественникам, которых занесло в ваш мир, да и остальным тоже, если им что-то у вас понадобится. По мелочи, конечно. Ничего обременительного. Вас устраивает?

— Чем конкретно вы занимаетесь? Зачем вам эти путешествия?

Миссис М. поцокала языком.

— Ничего плохого мы не делаем, но и ничего такого, о чем я могла бы вам рассказать. Даже если о нашей работе прознают ваши власти, что крайне маловероятно, они все равно не смогут вам ничего предъявить. Вы, должно быть, слы-

шали о принципе служебной необходимости?

— Да.

— Есть вещи, знать о которых вам ни к чему. А значит, пусть так и остается. — Она помолчала, глядя на промозглый пейзаж. — Хотя на всякий случай отмечу, что некоторые наши сотрудники, которые начинали как вы, впоследствии переходили к более активному участию в нашей работе и даже сами становились транзиторами. — Снова улыбка из-за черного тюля. — Да, такое случалось. Но не будем забегать вперед… Итак, что скажете насчет нашего предложения? Вы согласны?

— Вообще-то я хотел все хорошенько обдумать. — Я взглянул на нее. — Но теперь… То, что я увидел… Боюсь…

Мне показалось, что в глазах за вуалью мелькнула досада. Я вздохнул.

— Черт, и кого я пытаюсь обмануть? Конечно, я согласен! Еще как! Или я вконец сбрендил, или у вас и правда есть ключ ко Вселенной в виде таблеток! Ну, или в виде спрея.

— Если точнее — ключ к разным версиям Земли.

— А как же другие планеты?

— Этого пока нет, — ответила миссис М. — Как и настоящих путешествий во времени.

— А ненастоящие есть?

— Существует доказанный феномен под названием «задержка» — хотя, полагаю, с тем же успехом он может зваться «опережением», — когда практически идентичные миры различаются только тем, что один движется впереди или позади другого, причем разница во времени может быть любой, вплоть до нескольких миллионов лет. Впрочем, связь между такими мирами формальна, как между звездами в созвездии, и никакие события в одном не влияют напрямую на другие.

— Ох, зря я спросил… А инопланетян тоже нет?

— Мы все еще в поиске.

Я замялся.

— В вас, кстати, есть нечто инопланетное, миссис М. Только без обид, хорошо?

— Что тут обидного? — усмехнулась она. — Ну как, готовы вернуться домой?

— Пожалуй.

— Должно быть, вы немного растерянны.

— С чего бы?

— Еще долгие дни, недели и месяцы вы будете узнавать о себе нечто новое, Эдриан.

— То есть?

— Все, что я говорила о таблетке, которую вы

приняли, — правда, но у нее есть и другое назначение — дать вам повод отвергнуть случившееся, списать все на галлюцинации от наркотика.

Я скептически поглядел на нее.

— Сейчас вы понимаете, что все вокруг настоящее, — она взмахнула руками. — Знаете, что все произошло на самом деле. Однако стоит вам вернуться в собственное тело, в родной мир, страну и дом, к привычной работе — в общем, стоит вашей жизни вновь пойти по накатанной, — и вы начнете сомневаться в реальности случившегося. Вы можете заключить, что ничего не было, переубедить себя, защитить свою психику. Или, наоборот, — принять все как есть. В любом случае, вы узнаете себя с новой стороны.

— Жду с нетерпением, — усмехнулся я и, помолчав, добавил: — Главное, чтобы деньги были настоящими.

Миссис М. рассмеялась — теперь уже задорным, звонким смехом.

— На эту должность мы всегда подыскиваем прагматиков и эгоистов.

— Это я-то эгоист?

— Конечно. Вы и сами знаете. Это, конечно, не комплимент, но и не критика. Всего лишь констатация факта. Наши лучшие сотрудники донельзя

зациклены на себе. Это единственное, что не дает им спасовать перед хаосом. — Она улыбнулась. — В общем, я считаю, что вы отлично справитесь. А теперь пора возвращаться.

Мы поднялись. Легкий ветерок взъерошил мои волосы и черные ленты ее костюма. Я напоследок еще раз оглядел пейзаж с заболоченными руинами.

— А что тут все-таки произошло? — поинтересовался я.

— Не знаю, — призналась миссис Малверхилл. — Должно быть, нечто ужасное.

— Согласен.

Даже мне хватило знаний, чтобы подумать о Наполеоне, Гитлере и о том, к чему могла бы привести Третья мировая.

— Ах да! — заметила миссис М., щелкнув пальцами. — Должна вас предупредить…

— О чем?

— О наших «я», которые остались в «Новой правде».

— Мы все еще там? — вытаращился я.

— Конечно. В режиме ожидания, если можно так выразиться. Наш разум, наши истинные личности сейчас здесь, в этих телах, которые нам тут подвернулись. А оболочки остались там, где

мы их бросили.

Я взглянул на свою веснушчатую руку, затем на миссис М.

— Но вы-то не изменились!

Она улыбнулась за черной вуалью.

— Я просто в этом поднаторела. К тому же есть бессчетное множество миров, и среди них более чем хватает таких, где мы с вами прямо сейчас ведем эту же самую беседу. Подобные миры могут различаться лишь одной микроскопической деталью — к примеру, в каком-то из них атом урана глубоко под землей распадается микросекундой раньше, а в другом фотон во время проведения научного опыта проходит не через вторую щель, а через первую [44]. А есть, вероятно, миры, и вовсе не отличимые от этого, синхронные — миры, в которых расхождение пока не наступило. А может, таких нет. Отчасти это зависит от нашей точки зрения. — Наткнувшись на мой растерянный

---

[44] Примечания: 44

Имеется в виду так называемый двухщелевой эксперимент, впервые проведенный Томасом Юнгом в 1801 г. Опыт демонстрирует то, что свет проявляет свойства как волн, так и частиц. В классической версии опыта луч направляют на пластину с двумя параллельными щелями. Свет, проходящий через щели, наблюдают на экране позади пластины. Волновая природа света вызывает интерференцию, создавая яркие и темные полосы на экране. Версии опыта, включающие детекторы в щелях, показывают, что каждый обнаруженный фотон проходит только через одну щель (как классическая частица), а не через обе щели (как волна).

взгляд, она добавила: — Вопрос еще не изучен до конца. А теперь насчет наших других «я» — пустых оболочек с зачатками самосознания…

— Да?

— Вернувшись, мы можем обнаружить, что они занимаются сексом.

— Правда, что ли? — округлил я глаза.

— Когда оставляешь в столь тесной близости двух взрослых, здоровых людей предпочтительного для них пола, к тому же тупых, как пробка, — такое происходит сплошь и рядом.

— Как романтично.

— Впрочем, это дело случая. Вы думали о чем-нибудь подобном перед тем, как мы перенеслись сюда?

— О чем? О сексе с вами?

— Да.

— Ну, мысль промелькнула.

Миссис М. склонила голову набок.

— Вы, конечно, не мой типаж, однако я сочла вас довольно привлекательным — возможно, в силу алкогольного опьянения.

— Могли и увлечься, ага?

Она пожала плечами.

— Есть люди, которые могут перемещаться в паре только во время полового акта. Мне доста-

точно объятий. А некоторым моим коллегам требуется лишь взять партнера за руку. Что ж, увидим. Я просто хотела предупредить, что не стоит нервничать, если по возвращении мы будем заняты чем-то неожиданным.

— Окей, — сказал я, — постараюсь не пугаться.

Миссис М. шагнула ко мне.

— Теперь обнимемся, хорошо?

Мой мозг будто бы снова вывернуло наизнанку. Или ввернуло вовнутрь? Без разницы.

Мы прибыли обратно. К моему удивлению, я, скорчившись, лежал на полу под янтарным светом, а миссис М. сидела рядом, поджав под себя ноги, гладила меня по плечу и что-то пристыженно лопотала. Меня подташнивало, в глазах стояли слезы, а главное — я держался за промежность, которая болела так, будто кто-то засветил мне туда коленкой.

— Ох, — вздохнула миссис Малверхилл, — простите. Иногда случается и такое.

9

Пациент 8262

Бесконечности внутри бесконечностей внутри бесконечностей…

Столь огромные, всеобъемлющие явления способны ввести человеческий мозг в ступор. Мы думаем, что хотя бы отчасти их понимаем, будто оружием потрясая перед лицом непостижимого разными числами: натуральными, рациональными, комплексными, действительными, мнимыми, — однако правда в том, что в руках у нас скорее символы, нежели реальные инструменты. Лишь утешение, не более.

И все-таки однажды двери в этот бескрайний заповедник, где постоянно множатся миры, перед нами открылись, и нам понадобилось средство, чтобы, по крайней мере, попытаться изучить потаенную механику реальностей, освоить навигацию между ними.

Знакомство со множеством миров проходило, как водится, поэтапно. Первым делом мы изучали историю. Как минимум в трех аспектах.

Мы знали, что есть история, которую нам знать

разрешено, история, которую нам знать не дозволено, а также история, которой, предположительно, не было, но мы, изучавшие этот воистину непостижимый предмет, подозревали, что была, просто никогда не обсуждалась на нашем уровне, а возможно, и в кругу преподавателей.

Мы с самого начала догадывались, что в мудреной иерархии «Надзора» гораздо больше ступеней, чем кажется нам, представителям низшей страты, и поэтому трудно даже вообразить, как далеко простирается власть нашей конторы, учитывая необъяснимо сложную природу множества миров и намеренно окутанную тайной структуру организации.

Мы видели, что сотрудники *l'Expédience* делятся на кучу уровней и классов, а на условной вершине восседает Центральный совет, состоящий из людей, которые знают все о происхождении «Надзора», целях и методах его работы, составе и количестве сотрудников. Некоторые из нас придерживались мнения — неверного, на мой взгляд, — будто всю эту пирамиду знаний и власти возглавляет одна центральная фигура, некий автократ, которому подчиняются остальные. Однако все говорило о том, что этот верховный, единоличный, богоподобный Император реаль-

ностей — если он или она существует — всего лишь рядовая пешка в еще более грандиозном объединении «Надзоров» и над-«Надзоров», которое охватывает все новые буйно плодящиеся миры, коих миллионы, миллиарды, триллионы… Кто знает?

Для нас, рядовых исполнителей, а по сути — стажеров-новобранцев, центром множества миров служил Экспедиционный факультет Университета практических навыков в Асферже. На Земле, которая — редчайший случай! — называлась не Землей, а Кальбефракией.

Кальбефракия являла собой в высшей степени Открытый мир — полную противоположность бессчетным абсолютно Закрытым реальностям, чьи обитатели ни разу не слышали о множественности миров. В Кальбефракии же практически любой взрослый человек прекрасно понимал, что живет в одном мире из бесконечного сонмища, который к тому же служит отправной точкой для путешествий по всем мирам, насколько хватает воображения их представить, а также связующим звеном между ними.

А еще эта земная реальность была близка к уникальной. По логике вещей, существовали и другие Земли, похожие на известную нам Кальбе-

фракию, вот только мы, очевидно, не имели к ним доступа. Такое чувство, что Кальбефракия, будучи своего рода вратами в любую другую версию Земли, каким-то образом подавила все прочие вариации самой себя, которые в противном случае обязательно нашлись бы. По аналогии с тем, как истинное сознание транзитора могло находиться лишь в одной из реальностей, лишь один мир мог быть полностью Открытым, и этим миром, этой уникальной Землей, была Кальбефракия.

Здесь жили почти все транзиторы, когда не выполняли задания «Надзора» в других мирах; здесь же обосновалась и трудилась львиная доля специалистов по транзиции — философов, экспертов, ученых, экспериментаторов. На заводах и в лабораториях Кальбефракии производилось все многообразие средств и атрибутов, необходимых для транзиции, в том числе ценнейшее вещество под названием «септус» — препарат, благодаря которому перемещение между мирами в принципе возможно. Где и как именно изготавливают септус, а также что конкретно он собой представляет, никто, похоже, не знал. По степени секретности создание препарата превосходило даже самые конфиденциальные миссии Бюро транзиции. Естественно, таинственная

субстанция обросла слухами и легендами, число которых, мягко говоря, впечатляло.

Использование септуса строго регламентировалось не только в Кальбефракии, но и в любом другом мире. Препарат разрешали принимать исключительно для перемещения между реальностями, и никак иначе. Поговаривали, что если кто-то пытался исследовать вещество самостоятельно, даже в самой продвинутой лаборатории, образец попросту испарялся, а если и проходил проверку — химический анализ, масс-спектрометрию, изучение под микроскопами, настроенными на разные длины волн, — то оказывался всего-навсего илом или даже обычной водой.

Здесь, в университете, походившем своими пирамидами, зиккуратами, башенками и колоннадами на город внутри города, а также за его пределами — в зданиях, рассыпанных по всему Асфержу, который постоянно разрастался, подобно изучавшимся в нем мирам, — миллионы студентов, а среди них и я, на протяжении многих лет усваивали приемлемую для нас, по мнению вышестоящих, долю правды. Некоторые из нас жаждали одного: узнать размер этой доли и увидеть, что скрыто за ее пределами.

Транзитор

В Асферже раз в семь лет проводился Фестиваль смерти, и в тот год Центральный совет Бюро транзиции закатил особенно пышную вечеринку, чтобы сразу отпраздновать и официальную дату, и последнее пополнение Совета наряду с его реорганизацией.

По специально построенной узкоколейке, что опоясывала перекрытый центр города, колесил поезд, останавливаясь на многочисленных временных станциях и забирая гостей, которых встречали за ограждением и провожали к вагонам лакеи в костюмах упырей. Железную дорогу освещали громадные коптящие факелы и объятые пламенем подвесные клетки, закрепленные на столбах; сквозь дым проглядывали муляжи скелетов, напоминавшие о средневековых казнях.

Гости высаживались на станции «Последнее пристанище», с виду сооруженной из костей динозавров, откуда попадали в парк у главного корпуса Университета практических навыков.

На территории парка вырыли широкий ров. Проложенные по дну трубы подводили к поверхности болотный газ и горючие масла, которые вспыхивали или взрывались, соприкасаясь с плавучими островками из пылающих тряпок, а те, в

свою очередь, шевелились и дергались благодаря скрытым механизмам, отдаленно напоминая человеческие тела.

Гости пересекали этот огненно-мусорный хаос по подъемному мосту и, минуя недавно возведенный сумрачный тоннель из закопченных камней, попадали в главный корпус. Исполинские железные двери со скрипом открывались, приглашая в просторное круглое помещение с еще одним, почти закольцованным, рвом со зловонной жижей. По вогнутым стенам зала, похожим на стенки громадной чаши, струилась маслянистая жидкость. Впереди, за мостиком, громоздился заслон из похожего на сланец камня, по его щербатой вертикальной поверхности быстрыми шипящими толчками сбегала вода. Как ни странно, мост не вел к следующей двери, а упирался в эту стену-водопад.

Как только очередная группа человек из тридцати оказывалась в зале, громадные железные двери закрывались, а гости начинали растерянно озираться, чувствуя, что попали в ловушку. В двадцати метрах над полом — по краю исполинской чаши, где находились пленники, — вспыхивало пламя, а наружный мост, по которому гости попадали в здание, поднимался и с клацающим эхом

ударялся об изъеденные ржавчиной двери.

Масло, стекавшее по стенам зала-чаши, загоралось; постепенно занималась и поверхность воды во рве. Огонь медленно подбирался к центральному островку из сухого камня, на котором, сгрудившись, стояли напуганные гости, гадая, не сломался ли какой-нибудь из хитрых механизмов.

На протяжении долгих месяцев территория университета была частично закрыта для подготовки к празднику; повсюду судачили о перерасходе средств, технических проблемах, непредвиденных задержках и авралах. Впрочем, происходящее могло быть заранее продуманным чудовищным спектаклем с участием живых людей, которым предстояла мучительная кара за реальные или воображаемые прегрешения.

Наконец, когда становилось действительно жарко и гости начинали всерьез опасаться не только за свои костюмы, но и жизни, могучую стену из сланца прямо перед ними прорезала вертикальная щель, превращая преграду в пару огромных дверей, которые с тяжеловесным изяществом распахивались. По створкам по-прежнему струилась вода, а между ними медленно опускалась широкая, похожая на язык каменная

плита, создавая мост через огненное кольцо.

Лакеи в костюмах призраков и восставших мертвецов — некоторые с огнетушителями, просто на всякий случай, — направляли окрыленных, раззадоренных гостей в темную пасть очередного тоннеля, ведущего мимо до обидного заурядных гардеробов и уборных в большой бальный зал. Черный навес под потолком усеивали группы лампочек, напоминающие созвездия.

Короткий коридор с черепами, собранными в катакомбах по всему континенту, приводил в другой зал, немногим меньше предыдущего, где у круглых барных стоек с едой, выпивкой, наркотиками и куревом толпились люди, притягиваясь и отталкиваясь, словно магнитные частицы в рамках глобального взаимодействия. Еще дальше, стоило подняться по широкой, как трасса для слалома, лестнице, вдоль которой извилистыми рядами стояли погребальные урны, вы попадали в огромное круглое помещение прямо под Туманным куполом.

В этом зале, сделав его герметичным, инженеры создали миниатюрное искусственное море около метра глубиной и метров сто диаметром. На поверхности плавали благоухающие растения, тут и там из воды торчали островки с

яствами и журчащими винными фонтанчиками. Водную гладь рассекали лодки и плоты с гребцами в причудливых нарядах; высоко под куполом выступали воздушные гимнасты и канатоходцы, а вокруг рассыпались искрами рукотворные звезды, скользя вдоль тросов, протянутых над темным мерцающим озером. На центральном, самом крупном островке играл оркестр, в то время как диковинная флотилия безмятежно нарезала круги в свете фонариков.

Фарфоровое суденышко с нелепо разодетым карликом на веслах аккуратно уткнулось в бордюр из связок камыша, обрамлявший деревянную пристань у дверей в зал. Человечек вдохнул газа из трубки, торчавшей из рюшей его сверкающего жабо, и тонюсеньким гелиевым голоском пропищал:

— Мистер О?

— Добрый вечер, — поздоровался мужчина на пристани.

— Вас ожидает мадам д'Ортолан, сэр. Вот только обувь придется снять. — Карлик кивнул на его ноги. — Лодка, видите ли, хрупкая, сквайр.

Мистер О разулся. В тот вечер он оделся консервативно — в старую парадную форму Экспедиционного факультета, — не имея особого желания

ни танцевать на балу, ни, к своему же удивлению, рядиться в маскарадный костюм.

— Лучше оставить их у дежурного на причале, — возразил карлик, заметив, что мистер О собрался взять ботинки с собой. — На лодке они вам не понадобятся, сэр.

Мистер О протянул обувь лакею в мертвенно-бледном гриме, а затем осторожно ступил на устланное мехом дно до нелепого хрупкой посудины. Керамический корпус был настолько тонким, что сквозь неприкрытые борта виднелись набегавшие на лодку волны. Карлик вдохнул газа из другой трубки и несуразно пробасил:

— Отплываем, сэр. Пожалуйста, сидите спокойно и не касайтесь бортов.

Мистер О послушно сел, скрестив руки и ноги, и лодка под управлением карлика медленно понесла его по мягкой зыби озера к самому вычурному судну в зале. Сделанное изо льда, оно неспешно рассекало водоем в пелене вихрящегося тумана. Формой судно походило на старинную ладью. В центре высилась надстройка, покрытая сусальным золотом; на большой квадратный парус с проектора транслировали нашумевший эротический балет.

Чем ближе тонкостенная лодчонка подплыва-

ла к ладье, тем холоднее становилось. Карлик выставил весло, чтобы предотвратить столкновение своей хлипкой посудины с более массивной. Слуги в костюмах скелетов помогли мистеру О взойти на ладью, а карлик медленно повел свою лодку обратно.

Палуба большого судна была устлана теплым, похожим на кожу материалом темного цвета. Мадам д'Ортолан и несколько ее коллег из Центрального совета уютно возлежали в кают-компании корабля на блестящих кроваво-красных подушках. Вокруг свисали портьеры из пурпурной с золотом ткани, закрепленные на резных позолоченных шестах, а сверху был натянут воздушный полог из тысяч крошечных жемчужин, черных и белых, нанизанных на серебряную проволоку. С ладьи открывался вид на озеро, островки-самоцветы и флотилию лениво кружащих судов.

Мистер О узнал членов Совета и лично поприветствовал каждого: господина Рептона Бика, мадам Гамбару-Циллеон, лорда Хармайла, профессора Пришку Доттлмьен, инспектора Лапсалин-Хрегга, капитана Йолли Суйена и, разумеется, саму мадам д'Ортолан, которая, с учетом последних изменений в Совете, стала

если не официальным, то уж точно негласным его лидером.

Она была облачена в безумно сложное, под старину, одеяние, состоявшее из рюшей, воланов и складок тончайшей ткани, внешние слои которой по невесомости и прозрачности могли соперничать с воздухом. На кружевах ее многоярусной юбки, на пальцах, в ушах, на лбу и на спинке носа поблескивали драгоценные камни.

Недавно мадам д'Ортолан удостоилась права сменить свое прежнее, возрастное тело — уже второе с тех пор, как ее пригласили в Совет, — и стала фигуристой красоткой с белоснежной кожей, иссиня-черными волосами, льдистно-голубыми глазами и фантастическими, почти идеально круглыми грудями, которые в честь праздника предпочла обнажить во всем великолепии. Ее причудливый наряд окутывал ноги, прерывался в районе талии, а выше представлял собой маленькую кружевную накидку, прикрывавшую лишь плечи и руки, — развратную версию болеро. В ее пупке сверкал рубин, на грудях покоилась сеточка из крошечных бриллиантов. Длинную стройную шею охватывал алмазный чокер.

— Мистер О! — Мадам д'Ортолан похлопала по горке подушек рядом с собой. — Располагайтесь,

молодой человек.

Двое ее коллег из Совета, тоже разодетые в пух и прах, хотя далеко не так богато и откровенно, как она, подвинулись, освобождая немного места. Мистер О поцеловал протянутую руку.

— Простите, мадам, что не одет по случаю…

— Отнюдь, — промолвила она. — Не одета тут скорее я. А вы — напротив, упакованы сверх меры в эту вашу школьную форму… О, вижу, вы босиком! Это меняет дело.

Возник скелетообразный официант с подносом. Мадам д'Ортолан приглашающе взмахнула рукой, и мистер О взял сферический бокал с двойными стенками, между которыми плескалась вода и плавали крохотные рыбки, кружа вокруг внутренней чаши с напитком — теплым и очень пряным.

— Я сегодня наложница из какой-нибудь оперы, — сказала мадам д'Ортолан, любуясь своим костюмом. — Как вам?

— Весьма впечатляюще.

Она приподняла на ладонях усыпанные бриллиантами груди, словно взвешивая их.

— Этой частью костюма я довольна больше всего.

— Полагаю, все вокруг тоже, мадам.

Она раздраженно улыбнулась.

— Мистер О — Тэмуджин, если позволите, — вы говорите, как старый зануда! Вы бы себя слышали! Пейте, живо! — Она кивнула на бокал. — Вам это пойдет на пользу.

Он выпил.

Новое тело мадам д'Ортолан, вызывающе молодое и упругое, порядком его удивило. Считалось, что людям лучше всего подходит телосложение, в котором они выросли и к которому привыкли, а тому, кто отступает от своего стандарта слишком далеко — во время транзиции или, тем паче, смены тела, — приходится тяжко, а впоследствии — невыносимо.

Впрочем, сам мистер О, если не прилагал дополнительных усилий, чтобы этого избежать, обычно транзитировал в весьма заурядные, средних пропорций оболочки, тогда как его настоящее тело — вот это, обитавшее в Кальбефракии, — было выше ростом, удачнее сложено и в целом привлекательнее.

Разумеется, людям его профессии простая, неприметная наружность служила подспорьем, поскольку помогала легко внедряться в различные ситуации и миры, а также ускользать, не привлекая лишнего внимания, однако мистер

О всегда удивлялся, почему его оболочки для транзиции сплошь приземистые и невзрачные, хотя он специально их не подбирает. Возможно, в глубине души, неосознанно, он и сам тяготел к такой внешности.

Поговаривали, что транзиторы-трансгендеры считали перемещение в тело, отличное от собственного, настоящим подарком судьбы — решением проблем, практически панацеей.

Если верить слухам и фотоархивам «Надзора», мадам д'Ортолан всегда была элегантной, но довольно грузной дамой; это значило, что ради тела, которое она так блистательно демонстрировала на празднике, ей пришлось осознанно пожертвовать своим будущим комфортом. Несмотря на страдания предшественников, она не побоялась почувствовать себя неуютно в собственном теле — и все для того, чтобы выглядеть подобающим, по ее мнению, образом. Ее нацеленность и рвение, размышлял мистер О, не могли не восхищать — и в то же время указывали на беспощадность к себе, какой у абсолютно здоровых и уравновешенных личностей не бывает.

— Как вам праздник? — Она обвела рукой зал.

Мистер О демонстративно огляделся по сторонам.

— Никогда еще не видел ничего подобного! — честно признался он. — Боюсь представить, сколько денег и времени ушло на подготовку!

— Целое состояние! — широко улыбнулась мадам д'Ортолан. — И целая вечность!

Она взяла мундштук, соединенный шлангом с гигантским кальяном, что стоял в нескольких метрах от ложа. У кальяна хлопотал еще один слуга-скелет. Вдохнув немного дыма, мадам д'Ортолан передала мундштук мистеру О.

— Только прошу вас: осторожнее, — игриво сказала она, положив тяжелую от колец ладонь ему на колено. — Он ужасно крепкий!

Мистер О поднес к губам мундштук, который его собеседница оставила немного влажным. Затем вдохнул серовато-розового дыма, пахнущего смесью разных наркотиков, позволил ему лишь слегка коснуться легких и чинно выпустил наружу, не желая сильно затягиваться и терять над собой контроль.

У мистера О возникло впечатление, что мадам д'Ортолан уже порядком навеселе. Она продолжала пристально, с улыбкой, глядеть на него. Ее пальцы перебирали одну из бриллиантовых нитей на груди.

— Надеюсь, вы твердо намерены сегодня раз-

влечься, Тэм, — сказала она. — Иначе вы впустую потратите время и силы, что весьма меня опечалит.

— Такого я не допущу, мадам.

— Прошу, зовите меня Теодорой.

— Я польщен, Теодора. Не волнуйтесь, я собираюсь хорошо провести время. — Он поднял наполовину опустевший бокал, вернул мундштук своей спутнице и постарался улыбнуться как можно благодушнее. — Вообще-то, я уже начал.

Она похлопала его по колену.

— Итак, — ее тон на мгновение стал деловым, — расскажите, как с вами обращались в Отделе дознания после вашей беседы с миссис М.?

Мистер О сообщил «Надзору» о встрече с миссис Малверхилл во флесском казино и о последующей транзиции, а также передал кое-какие детали разговора.

— Весьма гуманно, Теодора.

Ему задали множество вопросов, а еще предприняли попытку — довольно смехотворную — подвергнуть его гипнозу. К тому же он не сомневался, что за допросом наблюдали люди, способные распознать малейшие признаки лжи или трюкачества. Впрочем, ему не угрожали, и он отвечал со всей откровенностью, какую считал

допустимой.

— А сама миссис М.? — проворковала мадам д'Ортолан. — Она по-человечески с вами обращалась?

— Она определенно отнеслась ко мне, как к человеку.

Украшенный перстнем палец мадам д'Ортолан вновь постучал по его колену.

— Говорят, — произнесла она, обращаясь будто бы к колену или к пальцу, — что миссис М. перенесла вас в другой мир во время… соития. — Она приподняла брови. — Это правда?

— Да, Теодора.

— Ах… — ее голос прозвучал мечтательно. — Дорога удовольствий…

— Вообще-то, мы транзитировали уже после…

— Надеюсь, оно того стоило.

— Судить не берусь, — сказал мистер О, стараясь отделаться общей фразой.

Похоже, собеседницу его ответ устроил.

— Скажите, Тэм, что она поведала вам обо мне? — Мадам д'Ортолан погладила его по бедру.

— Я точно не помню, Теодора.

— Правда?

— Да.

— Возможно, вы просто хотите пощадить мои

чувства?

— Не думаю.

— А по-моему, я вас раскусила! Вы пытаетесь быть галантным. — Она придвинулась к нему так близко, что один из ее сосков мягко уперся в его пиджак, где-то на уровне сердца. — Ну же, признавайтесь!

— Скорее дело в другом. Я так долго и нудно докладывал об этом Отделу дознаний, что чувствую себя выпотрошенным. Раздетым догола, если хотите. Словно вместо самих воспоминаний у меня остались лишь воспоминания о них.

В ее быстром взгляде ему почудился живой интерес.

— И все же, Тэм, перегибать с галантностью не стоит, — твердо сказала она. — Мои чувства здесь ничто не оскорбит.

Мистер О понимал, что мадам д'Ортолан либо прочла стенограмму допроса, либо посмотрела видеозапись из Отдела дознаний. Она имела полный доступ к архивам и могла выяснить все, что хотела.

— Миссис Малверхилл… — начал он и тут же заметил, как три ближайшие головы повернулись в его сторону; тогда он наклонился к уху мадам д'Ортолан и, понизив голос, продолжил: —

Сказала, вы приведете «Надзор» к катастрофе, а то и к гибели. А еще, что вы — или ваша фракция в Центральном совете — преследуете собственные скрытые цели. Впрочем, она не знает, какие именно.

Мадам д'Ортолан ненадолго погрузилась в молчание. Двое мужчин из Совета, не слышавшие их разговора, курили кальян и шутили. Они внезапно и громко расхохотались, закашлявшись в серо-розовом дыму.

— Знаете, Тэм, — тихо промолвила мадам д'Ортолан со стальной ноткой в голосе, из чего мистер О заключил, что его собеседница трезва как стеклышко, — ведь мы всеми силами старались вас защитить. — Он молча выдержал ее пристальный взгляд. — Мы очень, очень внимательно за вами наблюдали, поручив множеству агентов оградить вас от тлетворного влияния этой женщины. Наши лучшие люди следили за всеми вашими перемещениями. Нас весьма впечатляют ваши успехи, однако печалит тот факт, что мы не в силах помешать этой женщине вас отыскать и перенести куда ей вздумается. Где один раз, там и другой. Мы ведь даже задним числом не сумели отследить, куда вы с ней наведывались. Мне кажется невероятным, чтобы она

провернула такое в одиночку. Подозрительно, согласны? — Мадам д'Ортолан принялась накручивать локон на палец.

— Нет, Теодора, — ответил мистер О. — Да, мы с ней пару раз встречались, но я ничего для этого не делал. Это случалось, и все. Поверьте. — Он глотнул из бокала-аквариума.

Она взяла мундштук кальяна и легонько провела им по ноге мистера О, от бедра до середины икры.

— Конечно, Тэм, я вам верю, — рассеянно проговорила она, будто задумавшись о чем-то другом. — Однако некоторые люди считают, что ситуация… зашла чуточку слишком далеко. Возникает вопрос, и довольно резонный: как этой женщине удается вершить свои делишки, не получая помощи и содействия от вас? Возможно, нам следует проверить, насколько это просто — переместить вас таким… способом.

— Вы имеете в виду объятья… и остальное?

— В общем, да. — Мадам д'Ортолан не отрывала взгляда от своих пальцев.

Он подождал, пока она вдохнет дыма, перехватил мундштук и тоже затянулся.

— Если я правильно понял ваш намек, Теодора, то я с удовольствием и сочту это за честь.

— Прошу прощения… — захлопала глазами она. — На что же, по-вашему, я намекала?

— Возможно, я вас неправильно понял, мадам. — Мистер О отмахнулся от облачка розоватого дыма. — Тогда не выразиться ли вам яснее, чтобы мы оба избежали неловкой ситуации?

С многозначительным взглядом мадам д'Ортолан взяла мундштук.

— Полагаю, Тэм, вы и так прекрасно меня поняли. — Она изящно втянула порцию дыма.

— К вашим услугам, мадам. — Он, как мог, изобразил поклон, полулежа на подушках.

Она улыбнулась.

— Вы точно к этому готовы? Даете свое согласие? — Она взяла его за руку. — Видите, я прошу у вас разрешения, хотя могла бы заставить. Но это было бы грубостью с моей стороны. Даже насилием.

— Я полностью в вашем распоряжении.

У нее вырвался короткий звонкий смешок.

— Ах, эти ваши казенные фразочки! — Она сжала его пальцы. — Начнем же. Сделаем это.

Без лишних церемоний они мгновенно перенеслись в другое место. Мадам д'Ортолан была одета, как прежде. Мистер О — нет. Теперь на нем красовался дутый, в голубую и серебряную

полоску маскарадный костюм, туфли с загнутыми кверху носами и огромная шляпа в форме луковицы. Все остальное почти не изменилось. Тот же амбр, те же языки. Их окружали подушки, похожие на те, что были на корабле, только теперь ложе располагалось на маленьком круглом островке в центре бассейна, на дне которого степенно перемигивались синие и зеленые огоньки. Потолок и стены неразличимо темнели вдалеке. В теплом воздухе витали терпкие, пьянящие ароматы. Вокруг — ни души.

Мадам д'Ортолан подсела ближе к мистеру О.

— Мы сейчас под полом Туманного купола. Наши покинутые «я» плывут на лодке где-то у нас над головами. Вас все устраивает?

Ее голос сопровождался чуть запаздывающим естественным отзвуком. Мистер О сделал вывод, что они находятся в центре идеально круглого помещения; эхо подчеркивало сферичность пустоты вокруг.

— Насчет вот этого — не уверен. — Ощупав огромную шляпу, он стянул ее с головы; его голос тоже звучал необычно, выразительное эхо бежало вдогонку, накладываясь на его слова. — А остальное — да, вполне устраивает.

Мадам д'Ортолан с улыбкой пригладила ему

волосы и прошептала:

— Сделаем так, чтобы все показалось вам идеальным. — Она скользнула еще ближе, обняла, прильнула губами к его губам.

До этого он гадал, не станет ли ему неловко или совестно. Не стало. Когда миссис Малверхилл спросила, не затащил ли он в постель мадам д'Ортолан (или не затащила ли она его? — он не помнил точную фразу), он решил, что гордость не позволит ему такое допустить. Он даже пообещал себе хранить верность миссис М. и в сексуальном, и в — как бы сказать? — идейном плане, хотя уже тогда почувствовал в этом нечто абсурдное, фальшивое. Последние несколько минут он внушал себе, что, если до дела все-таки дойдет, то он проявит холодность, будет долго ломаться, совершит все наскоро и с намеком на презрение.

Однако сейчас, встретив столь лестное внимание от вышестоящего лица, столкнувшись с могучей волей женщины, которая пожертвовала многим, чтобы добиться грандиозной, нарочитой привлекательности, — он не нашел в себе сил противиться. Вероятно, ему что-то подмешали в кальян или напиток. Впрочем, как признался он себе, этого могло и не быть.

Мадам д'Ортолан показала себя в высшей

степени искусной любовницей — опытная, неутомимая, она беспокойно, неустанно его касалась, постоянно перемещая свои руки и губы, переключая внимание с одного участка тела на другой, как будто, несмотря на удовольствие от сделанных открытий, все равно искала чего-то нового, лучшего.

Их костюмы, похоже, специально были задуманы так, чтобы обладатели легко могли добраться до интимных мест друг друга, при этом не раздеваясь полностью. Когда мистер О вошел в нее, мадам д'Ортолан издала громкий сладостный вздох. Она обвила его руками и ногами, откинула назад голову, демонстрируя длинную белую шею, и как будто хрипло усмехнулась.

— Наконец-то, — прошептала она, обращаясь скорее к самой себе. — Да, вот так…

То, что случилось несколько минут спустя, когда они вместе достигли пика, было проделано с филигранным мастерством. Одновременный оргазм — явление само по себе довольно необычное, пусть и клише, поэтому мистер О в процессе даже искренне восхитился. Как только ощущения пошли на спад и эхо их вскриков затихло, мадам д'Ортолан прижала к себе мистера О и перенеслась с ним в другую пару сплетенных тел. А

через миг — еще в одну, и еще, и еще… Проносясь сквозь тела и миры, он не успевал их анализировать, разве что мельком подмечал калейдоскоп амбров, разную освещенность — глаза открыты или закрыты, — а также размеры пространства вокруг. Становилось то теплее, то холоднее, в нос ударяли ароматы духов и мускусные запахи тел, менялись фигуры и сексуальные позиции; все слилось в бесконечном мерцающем экстазе.

И все-таки, несмотря на столь насыщенное, долгое наслаждение, он внезапно подумал о людях, что живут в состоянии непрерывного полового возбуждения, постоянно испытывая оргазмы даже от малейшей физической стимуляции, в самой будничной обстановке. Казалось бы — вот абсолютное блаженство, предмет для завистливых шуточек подвыпивших друзей, — однако печальная правда такова, что в острой форме это тяжелый, изнурительный недуг. А люди, страдающие им, нередко сводят счеты с жизнью. Выходит, даже блаженство — чистый физический экстаз — бывает абсолютно нестерпимым.

Права была миссис М.: всему нужен толчок, катализатор.

Наконец это закончилось. Последние транзиции в чужие трепещущие, потные тела длились

все дольше и дольше, пока не синхронизировались так, что в каждом случае любовники испытали несколько финальных толчков, опустошающую разрядку оргазма и напоследок — долгое, тягучее послевкусие. Как будто воплотилась чья-то нелепая, гротескно-слащавая мечта о полном единении душ и тел.

Когда все прекратилось и мистер О наконец открыл глаза, пришел в себя и огляделся, он все еще был внутри мадам д'Ортолан. Они сидели лицом друг к другу на чем-то вроде бархатного кресла для любовных утех — в форме буквы V, с различными рычажками и приспособлениями.

От солнца их прикрывал черный, хлопающий на ветру шатер, к которому со всех сторон подступало море золотистого песка. Теплый воздух ласкал их полностью обнаженные тела. Других людей вокруг не было. Под креслом пестрел узорами мохнатый ковер, мистер О едва касался его ступнями. Рядом на столике стояли расписные глиняные горшки и высокий, изящный кувшин. На широкой скамеечке для ног лежала стопка одежды. Неподалеку от шатра спали два крупных зверя с желтовато-коричневым мехом.

Амбр почти не считывался. Языки остались прежними. Тело было стройнее и мускулистее,

чем его собственное. Чем все его тела до этого, если вдуматься. Опустив взгляд, мистер О увидел, что внизу гладко выбрит, как и его спутница.

Мадам д'Ортолан зевнула и потянулась. Одарила его улыбкой. Такая же, как прежде, только без одежды и украшений. Она погладила его по волосам, окинула взглядом лицо.

— Ну что, Тэм… — лениво проговорила она и легонько сжала его у себя внутри.

— Полагаю, ваше исследование завершено? — произнес мистер О немного холоднее, чем собирался.

— Похоже, что так. — Ее голос звучал бесстрастно; погладив его по лицу, она добавила: — Мне было очень приятно в нем участвовать. А вам? — Она очаровательно, едва ли не робко улыбнулась.

Он взял ее руку в свои и мягко поцеловал сухими губами.

— Мне… — начал он и затих, не смея взглянуть ей в глаза.

Смутившись, он почувствовал, что не должен молчать. Лучше отшутиться или, напротив, повести себя пылко и романтично: отблагодарить, подбодрить, осыпать льстивыми комплиментами, восхититься и оценить ее старания по

достоинству. И в то же время его тянуло прогнать ее, поставить на место, оскорбить — да просто сбежать.

Он так и завис между противоречивыми порывами — застрял, как на несуразном кресле для секса.

— Надеюсь, чары этой леди хотя бы частично развеялись? — шепнула мадам д'Ортолан ему на ухо и провела по его щеке подушечками пальцев. — Уверена, в ней есть свое наивное очарование, однако ничто не сравнится с опытом, не так ли? Опыт сулит новые перспективы. Лишь он позволяет нам сопоставлять, оценивать, судить. А первые, незрелые впечатления, даже самые пленительные, со временем меркнут в сравнении с чем-то более искусным, совершенным. Какие-то вещи поначалу кажутся непревзойденными, а затем мы просто… производим переоценку. — Она откинулась на свою половину кресла, все еще поглаживая его щеку. — Молодое вино хорошо выполняет свою задачу, и тот, кто не знал ничего лучше, сочтет его неплохим. Но только выдержанное вино, достигшее вершины зрелости, играет всеми оттенками вкуса, даруя нам целую гамму ощущений. Согласны?

Мистер О остановил ее ладонь, накрыв своей.

— Ну… — произнес он, заставив себя посмотреть ей в глаза. — Тут даже сравнивать бессмысленно.

Под ее пристальным взором он мгновенно понял, что его хитрая, казалось бы, ремарка, которая должна была ввести в заблуждение, создать видимость одного, на деле означая другое, — не сработала.

Что-то переменилось. Поджав губы, мадам д'Ортолан процедила:

— Пора назад.

Они вернулись. Вернулись на ледяной корабль, где возлежали на россыпи подушек с другими гостями. Мадам д'Ортолан выпустила его руку, отвела взгляд и со скучающим видом взяла мундштук кальяна. Глубоко затянувшись, она вновь повернулась к мистеру О. Ее лицо казалось непроницаемым.

— Замечательно, мистер О, — обронила она и небрежно взмахнула рукой. — А теперь возвращайтесь на банкет. Доброй ночи.

От ее взгляда и бушующих внутри чувств он будто онемел. Немного помедлив, он понял, что любые слова или действия только ухудшат ситуацию. Поэтому кивнул, встал и удалился.

Пьяный, горланящий песни карлик доставил

его на берег в шлюпке из сахарной ваты и напоследок даже отломил ему кусочек планширя:

— Со вкусом рома, сэр! Попробуйте, ну же!

Философ

Должен признаться, мне в какой-то мере повезло. Вернувшись из-за границы и демобилизовавшись, я сразу нашел себе работу, хотя в то время царила тотальная безработица. Один мой бывший сослуживец — офицер связи — порекомендовал меня руководству полиции. Вышестоящие по достоинству оценили мои таланты и навыки. Не стану скрывать, мне это польстило.

Сперва кое-кто из коллег-полицейских отнесся ко мне враждебно — возможно, потому, что завидовал моей должности. Предпочитаю думать, что со временем я заслужил всеобщее уважение, хотя, конечно, в любом коллективе найдутся злопыхатели, и с этим ничего не поделаешь.

Я поступил на службу в гражданскую полицию — старейшую и самую влиятельную ветвь государственной полиции — как раз тогда, когда жители моей страны, включая правительство, только начали осознавать реальный масштаб христианской террористической угрозы.

Какое-то время все убеждали себя, что с подоб-

ными людьми можно вести переговоры, а если и наказывать, то чисто символически. Думаю, первая же бойня в аэропорту положила этой беспомощной политике конец. Террористы отправили в терминал небольшую группу сильных, тренированных смертников, которые запросто одолели один из двух вооруженных отрядов полиции, ведь в каждом числилась всего-то пара человек. Да, охрана аэропортов в то время оставляла желать лучшего.

У двоих полицейских не было ни единого шанса: трое или четверо громил-фанатиков повалили их на пол, безжалостно перерезали им глотки, забрали автоматы и обоймы, после чего открыли огонь по ближайшей очереди пассажиров. Смертники, которые не стреляли, бросились на визжащих, разбегающихся туристов с ножами, преследуя даже детей и женщин, перерезая горло всем без разбора. Около сорока ни в чем не повинных людей пали жертвами кровавой вакханалии.

Когда в автоматах иссякли патроны, террористы приготовились покончить с собой, однако двоих сбила с ног разъяренная толпа, не позволив исполнить трусливое намерение. Один из смертников не пережил линчевания, другого

удалось вытащить. С ним-то потом я и поработал — признаюсь, весьма охотно, — дабы выяснить как можно больше о структуре и целях его группировки.

Я чрезвычайно гордился тем, что на допрос назначили именно меня, и счел это за комплимент как моим техническим навыкам, так и взвешенному, обдуманному стилю работы. В те дни народный гнев на террористов был так силен, что более импульсивный дознаватель, скорее всего, провалил бы задание. Это миф, будто полицейские и прочие силовики совсем невосприимчивы как к собственным эмоциям, так и к чувствам других граждан. Да, нас и правда тренируют не поддаваться сиюминутным порывам, однако ничто человеческое нам не чуждо.

Я тоже испытывал холодную ярость по отношению к жалкому индивиду, совершившему столь подлое нападение, но не позволил этому чувству, пусть и объяснимому, повлиять на мои профессиональные решения, ведь малейшая моя поспешность или несдержанность сулила выродку-экстремисту слишком быстрое избавление от несомненно заслуженной кары.

Не считаю нужным вдаваться в подробности того допроса. На мой взгляд, в зудящем любо-

пытстве касательно таких вещей нет ничего хорошего. Мне и моим коллегам за эту работу платят, а также учат справляться с ее пагубным влиянием на психику, так что, поверьте, есть веские причины, почему мы действуем в тени и почему ограждаем общественность от своих дел. Обывателям знать о наших рабочих реалиях не стоит, для их же собственного блага.

Отмечу лишь, что, как ни старался допрашиваемый приобщить меня к своей извращенной, жестокой религии со всей ее зацикленностью на мученичестве, каннибализме и предполагаемой способности святых отпускать все грехи, даже самые дикие и кровавые, — я ни на мгновение не задумался снова стать христианином. И если честно, ни на секунду не поверил в то, что террорист проявил храбрость или силу воли, пытаясь меня обратить. Фанатиками движет лишь собственный фанатизм, к тому же всем, кто обучен сопротивлению при допросе, известен этот прием — сделать предметом дискуссии самого дознавателя. Субъект отнюдь не рассчитывает по-настоящему изменить ваши взгляды или воззвать к жалости, а просто отвлекает вас от допроса как такового.

В любом случае, я остался доволен, пусть даже

нам не удалось выведать личности других террористов: их имена, в силу структуры организации, оказались надежно скрыты. Тем не менее мы с коллегами извлекли из пойманного смертника максимум информации и благодаря самодисциплине доставили его живым, практически невредимым, но определенно сломленным на суд в Министерство юстиции, где преступнику вынесли заслуженный, на мой взгляд, смертный приговор.

Эдриан

Я заработал мистеру Нойсу кучу денег. Не то что его болван-сынок! Тот кучу отцовских денег растранжирил. Высосал, высморкал и спустил в унитаз. Раз в пару лет он высовывал нос из своего индийского бара, объявляя, что возвращается в Лондон. Мол, хочет заняться чем-то стоящим. Вот только до дела так и не дошло. Всякий раз он снова оказывался в баре. Должно быть, надеялся, что папаша вытащит и даст работу в своей фирме, но мистер Н. помогать не спешил. Подумаешь, сын! Голубая кровь — ничто, все решает зелень. Деньги — это не шутки. Это вечный, мать его, риск.

Барни все время упрашивал отца отписать ему бар, внести его имя в документы, но мистер Н. и тут не оплошал. Он знал, что Барни этот бар

продаст, проиграет в покер или заложит ради какой-нибудь сомнительной схемы. Опять растрезвонит всем о грандиозных планах, а затем прогорит и прискачет к родителям с голым задом.

Думаю, Эд немного стыдился такого сынка и втайне радовался, что тот застрял на другом конце света.

Мы с Барни теперь тоже не очень-то ладили. Этот нытик постоянно плакался, как трудно ему живется, — что, понятное дело, брехня. Ушлепку с рождения ни в чем не отказывали. Мы с Эдом разве виноваты, что он все просрал?

И вообще — бар на побережье! Для большинства это же хренов джекпот! Любой мечтает покайфовать на курорте хотя бы на старости лет. Вот уж действительно — не жизнь, а каторга!

А Барни еще и хватало наглости винить во всем меня! По крайней мере, отчасти. Он так и заявил, когда мы в какие-то выходные напились в Спетли-холле. Мол, я такой-разэтакий — занял его место под родительским крылом! Ну, допустим, — дальше что? Друг из меня вышел лучше, чем из Барни — сын. Вот он засранец, скажите?

Да и вообще, я оказался что твой золотой самородок. Конечно, Нойсы почитали меня за

родного, да и фирма мистера Н. держала меня на плаву не хуже спасательного круга, но я и сам был все равно что денежный станок. Основная часть выручки возвращалась в контору, но и мне доставалось немало в виде солидной зарплаты и особенно щедрых надбавок. Порой у нас с мистером Н. случались споры насчет размера премиальных, но каждый раз мы приходили к компромиссу.

Думаю, мы оба понимали, что рано или поздно я уйду в другое место, но пока дела шли хорошо, никто не заморачивался.

Я прикупил квартиру побольше, в дивном Доклендсе [45], и целую череду все менее практичных авто. Подумывал о яхте, но все-таки решил, что это не мое. Будет нужно — возьму в аренду. Отпуска я проводил в Аспене и Клостерсе, на Мальдивах и Багамах, в Чили и Новой Зеландии. Не говоря уже о Майорке и Крите — немного старого доброго рейва в шумных клубах лишним не бывает.

А еще девушки. Ах, эти девушки, храни гос-

---

[45] Примечания: 45

Доклендс — полуофициальное название территории к востоку и юго-востоку от центра Лондона, расположенной по обоим берегам Темзы и восточнее Тауэра. Название обусловлено тем, что раньше в этих краях находились корабельные доки.

подь их кружевные трусики! Саския и Аманда, Джульетта и Джаянти, Талия и Джун, Чарлин и Шарлотта, Фиона и Мария, Эсми и Симона… И многие, многие другие. Я перечислил самых необычных — тех, чьи имена я потрудился запомнить и с кем охотно провел бы больше одной ночи. Каждую я по-своему любил, и они, полагаю, отвечали мне тем же. Многие из них хотели бы перейти на новый уровень, но только не я. Никаких «мы», предупреждал я сразу. Каждый сам по себе. Им не в чем было меня упрекнуть. Денег я не жалел, а если кто-то и ушел обиженным, то явно не по моей вине.

Кроме того, ежемесячно мне на счет поступало по десять тысяч баксов. Всякий раз, когда приходило уведомление, я с легким замиранием сердца вспоминал о событиях — реальных или мнимых — в прохладной ночной Москве. О клубе «Новая правда».

После визита в комнату с черной мебелью и янтарным светом мы с миссис М. вернулись за столик, где Конни Секворин болтала с парочкой русских качков. Эти двое, похоже, не обрадовались нашему появлению — особенно моему. Оставили свои визитки, бутылку шампанского и свалили. Мы выпили, съели еще блинов с икрой,

миссис М. и Конни со мной потанцевали.

Я по-прежнему был как в тумане, хотя особо не парился. Вскоре миссис М. расплатилась, мы забрали из гардероба вещи и сели в тот же белый «мерс», на котором прикатили в клуб.

С рыжевато-черного неба, кружась, падал снег. Мы подъехали к большому, очень светлому и теплому отелю. Мне вручили ключ от номера. Миссис М. пообещала со мной связаться и чмокнула в щеку. Конни сказала то же самое и притворно меня расцеловала, не касаясь губами. Они сняли один номер на двоих, и, шагая по широченному коридору к себе, я гадал, уж не намечается ли что-то между ними.

Я проспал до обеда, а проснувшись, обнаружил под дверью конверт с купюрой в тысячу рублей и билет в салон первого класса на рейс Москва — Лондон. Вылет — через четыре часа. Номер мне оплатили. Миссис Малверхилл и Конни уехали из отеля намного раньше. На стойке регистрации меня ждала записка: «Добро пожаловать за борт. Миссис М.».

Не на борт, а за борт. Я так и не понял, описка это или какой-то хитрый намек.

Через месяц я вернулся. В Москву, в тот же клуб. Там втерся в доверие к воротиле Клименту (не

без труда — он не помнил ни нас с миссис М., ни Конни Секворин и, возможно, заподозрил, что я коп или журналюга), после чего наконец-то осмотрелся на месте. Я нашел спальню, куда привела меня миссис М. и откуда мы совершили — если совершили — страннейшее путешествие в болотистую глушь, где на Москву намекали только руины.

Той ночью мне не пришло в голову захватить с собой цветок или камешек — слишком уж я перенервничал. Хотя что бы это доказало? Ровным счетом ничего. Я и так знал: случилось нечто странное, но не понимал, что именно. Мне дали побродить по зданию несколько часов, пока не нагрянул персонал, чтобы подготовить клуб к ночной тусовке. Я хорошенько оглядел и янтарную комнату, и две соседние. Даже подвал внизу и небольшой приватный бар этажом выше. Ничего необычного, только при дневном свете стало виднее, что мебель немного пошарпана.

Я так и не понял, в чем подвох, — а он, несомненно, был. Я подозревал наркотики. Или гипноз. Глюки это все — и деловое предложение, и остальное.

Впрочем, я и сам не понимал, чему верить. Уж слишком реальным все казалось. Так ничего и

не прояснив, я покинул клуб. Даже отказался от VIP-столика и бесплатной бутылки шампанского, несмотря на уговоры моего нового приятеля Климента. Сослался на усталость. Мол, в другой раз. Тем же вечером я вернулся в долбаную старушку Британию.

Я думал слетать и в Чернобыльскую зону, но такое путешествие не так-то просто устроить, да и в целом идея меня не радовала. Чем больше я об этом размышлял, тем больше убеждал себя, что даже если вернусь туда, рискуя здоровьем, и найду то самое место, где мы встретились с миссис М., то обнаружу совершенно пустой ангар, как будто в него уже сто лет не заходили. Не будет никакого офиса — просто заброшенный магазин, или склад, или еще какая-то хрень.

Я спросил Эда — он заявил, что ничего не знает. Мол, ни разу не встречал миссис Малверхилл. Вообще не знает, кто такая. Да и о Конни С. слышал лишь мельком перед тем, как она пожелала со мной познакомиться. Он поклялся, что не в курсе ни про какой «Надзор» и что не получал таинственных денег каждый месяц. Ни восьми с половиной тысяч — ничего. Я так наседал на мистера Н., что едва не вывел его из себя. Вряд ли он лгал. Я ничего не рассказывал, лишь зада-

вал наводящие вопросы, но даже те крупицы, о которых я упомянул, его заинтриговали, и уже он начал меня расспрашивать. Я не раскололся. Сказал, что подробностей ему лучше не знать.

Что до Конни — она, похоже, испарилась с нашей чертовой планеты. На звонки не отвечала. По адресу с визитки обнаружился ненадолго арендованный офис в Париже, о котором никто из ее предполагаемых коллег не слышал.

Я проверял счет, видел новые поступления и ждал звонка. Без толку. Все, что случилось, — курьер принес мне заказное письмо из Ташкента, столицы Узбекистана, от К. Секворин. В конверте я нашел список странных имен — по-видимому, какой-то шифр. Конни просила меня запомнить их, а если не получится — хранить письмо у себя, пока оно не понадобится. Я спрятал его в сейф.

(А еще сразу же нанял частного детектива в Ташкенте — в нашу дивную новую эпоху глобализации это раз плюнуть, если у вас куча денег, конечно. Итог нулевой. Очередной пустой офис. Не удалось и выяснить, кто пополняет счет на Каймановых островах. Еще бы! Если уж власти не могут ничего отследить в налоговых гаванях, то я и подавно. Меня эта мысль про власти чертовски успокаивала.)

Через неделю после письма с шифром мне принесли проложенный пупырчатой пленкой конверт. По весу и размерами он напоминал кирпич. Внутри я обнаружил футляр из прочной черной пластмассы, а в нем — стальную коробочку, на которой красовалось нечто вроде наборного диска из семи концентрических колец. Изготовленные из разных металлов, они располагались вокруг чуть продавленной кнопки в центре. Эти кольца вращались по часовой стрелке и против с каким-то тихим щелканьем или стрекотом — ну, вы поняли, — а присмотревшись, я разглядел на них крошечные узоры из точек, с виду бессмысленные. Поперек коробочки проходил малюсенький, тоньше волоса, желобок, что как бы намекало на возможность ее открыть. Например, если верно расположить кольца на крышке. Вроде кодового замка на сейфе.

В посылке я нашел и записку от миссис Малверхилл, в которой говорилось, чтобы я берег эту коробочку как зеницу ока и отдал лишь тому, кто верно назовет пароль из прошлого письма.

Я даже просветил коробочку рентгеном — помог приятель, который работал в службе безопасности аэропорта. Только вот сканер на эту штуку не подействовал. Мой кореш вообще

решил, что аппарат сломался, ведь коробочка даже не отобразилась на экране!

Что за черт? Выходит, если изготовить из этого металла пистолет, то его запросто можно пронести в самолет? Мой друг тоже это просек, и я убедил его, что нам обоим не поздоровится, если он хотя бы заикнется об увиденном. Едва я с ним поговорил, мне на мобильный пришло сообщение с четким приказом никогда больше не просвечивать коробочку. И не пытаться каким-то другим способом заглянуть внутрь.

Спрячь ее и береги. Вот и все, что от меня хотели.

И как они узнали, черт их дери?

Я затолкал неведомую штуку поглубже в сейф вместе с письмом и постарался как можно скорее о них забыть, причем весьма успешно.

Шли месяцы, годы. В 2000-м, когда мистер Н. вышел на пенсию, я уволился из его фирмы и стал хеджевиком. Работал в крошечном офисе в Мейфэре с еще дюжиной ребят. Летал в Нью-Йорк и покинул город ровно за день до обрушения башен-близнецов. Я так и не понял, убрался я вовремя или, наоборот, пропустил нечто важное, пусть и ужасное. Потом мог бы всем говорить, что был там. Впрочем, на тринидадском пляже меня

это мало волновало. После того, как Эд отошел от дел, я редко виделся с Нойсами, хотя они еще много лет звали в гости.

Я заработал еще больше денег. Правда, немного потерял, открыв с парочкой приятелей ресторан, — каждый из нас думал, что другие двое уж точно знают, как вести этот бизнес. Век живи — век учись, ага?

Я и еще пяток ребят откололись от старого хедж-фонда и основали новый, под названием «НФС». Открыли офис в Мейфэре, в нескольких метрах от бывшего. В реестре компаний и на Каймановых островах мы значились, как «НФС», безо всяких расшифровок, а всем, кто допытывался, я говорил, что буквы значат «Национальный фонд «Содружество», «Новые финансовые суперзвезды» и тому подобную хрень, хотя на самом деле мы имели в виду: «Ни фига себе». А точнее: «Ни фига себе, сколько мы зашибаем бабла!»

Новый офис мы специально сделали больше прежнего. В подвале — бассейн, в мансарде — спортзал, а еще — игровая комната с панорамными мониторами, чтобы рубиться в шутеры и гоночки. Ах да, у каждого — своя флоат-капсула!

[46] Как вы уже поняли, налогами все это не облагалось. Даже компьютерные игры нужны были для дела — куда еще выплескивать тестостерон и агрессию? Кроме нас, хеджевиков, в офис приходило много народу со стороны — давали нам советы по работе, обучали всякому. Мы наняли личных коучей, массажиста, сомелье, консультантов по подбору парфюма, экспертов по стилю и самопрезентации, лайфстайл-гуру, диетологов, яхтенных брокеров, тренеров по фехтованию. А также персональных шопинг-ассистентов: они прочесывали бутики в «Харродс» и на Джермин-стрит, после чего привозили в офис одежду, которая, по их мнению, нам подойдет (самим ходить по магазинам в толпе плебеев у нас не было ни времени, ни желания).

Я уже молчу про элитную эскорт-службу, расположенную в соседнем квартале, — на случай, если нужно выплеснуть тестостерон по-другому. Для таких дел у нас в офисе была отдельная комната под кодовым названием «кискотека», хотя некоторые парни все равно тащили девчонок на

---

[46] Примечания: 46

Флоат-капсула, или камера сенсорной депривации, — небольшая ванна, которую наполняют водой с большой концентрацией соли. Благодаря этому тело человека не погружается в воду, а удерживается на поверхности. Таким образом создается эффект «невесомости», который помогает расслабиться и снять стресс.

рабочее место.

Я не сразу проникся эскорт-услугами. Раньше я никогда не платил за секс и вроде как гордился этим. Но порой сидишь за компом и вдруг понимаешь, что не прочь развлечься, а рядом — всего один звонок и десять минут ожидания — есть роскошная девушка, которую совсем не нужно убалтывать, вести в ресторан, умасливать алкоголем или разговорами на тему: «Как думаешь, у нас все серьезно?» Даже обнимать необязательно. Позвонил — и она твоя. И если для какого-нибудь нищеброда это несколько зарплат, то для тебя — сущая мелочь. Как фастфуд, только качественный.

Коксом мы тоже баловались. Ваш покорный слуга — в меру, а вот остальные серьезно подсели. Я стал кем-то вроде офисного сомелье — если понимаете, о чем я. Хотя большую часть дилеров я уже не знал — передел рынка, все дела, — поставщики нам попались надежные. И все равно я каждый раз проверял, хорош ли снежок, и он почти всегда был хорош. Я в этом деле спец. Мог бы сертификаты качества выдавать.

Когда Чез — толковый мужик, еще из прошлого хедж-фонда, — отошел от дел, чтобы нянчиться с детьми и чистокровными скакунами, я понял,

что теперь в офисе самый старший, хотя мне всего-то тридцать с небольшим. Воистину, НФС!

Верите или нет, мы обзавелись собственными финансовыми консультантами. Да, мы зашибали бабло и тратили его (не без чужой помощи — см. выше), но грамотно распорядиться деньгами, отложить на черный день — это уже задачи другого уровня. Конечно, мы разбирались в финансах в сто раз лучше, чем какой-нибудь бомжара из подворотни, однако в этой области есть настоящие профи, и мы к ним прислушивались. Уклонение от налогов, всяческие списания, перевод в офшоры всего, что только можно, передача имущества в траст-фонды, которые теоретически управлялись извне, но выдавали все, что тебе нужно, стоит лишь вежливо попросить… Каймановы острова, Багамы, Нормандские острова, Люксембург, Лихтенштейн, Швейцария…

В итоге мы платили меньше налогов, чем наши пакистанские уборщицы. Колеся по набитым под завязку улицам Западного Лондона, я глядел на все эти рожи и думал: «Вот лошары!»

Среди нас были гениальные математики. Разумеется, я не о себе. Наши сотрудники делились на две группы. Во-первых, хеджевики от бога, вроде меня, которые нутром чуяли, что происходит,

держали нос по ветру, все видели и слышали, налаживали связи, подмазывали здесь и там, а во-вторых, аналитики — люди цифр, математические маги, которые в другую, тупую эпоху просиживали бы штаны в какой-нибудь древней богадельне вроде Оксбриджа, изобретая новые числа, философствуя хрен знает о чем и не делая для общества ничего полезного. У нас для них нашлась работенка, за которую платили больше, чем даже они могли сосчитать. Среди математиков имелись и программисты. Остальные и не пытались понять, над чем колдуют эти ребята, но они делали нашу работу эффективнее и прибыльнее.

Когда съехали арендодатели из соседнего помещения, мы прикупили и его, снесли стену и расширили офисное пространство, переоборудовав его в вычислительный центр. Пришлось устанавливать промышленные кондиционеры, чтобы сервера не превратили здание в печку.

Угадайте, что? Я поднял еще больше бабла! Машины, квартиры, таунхаус в Мейфэре, скромный восьмикомнатный домик в Суррее, много отпусков и девушки, девушки, девушки…

По поводу работы за десять штук в месяц попрежнему никто не звонил. Сами деньги мне

были побоку, но получать их стало вроде как традицией, понимаете?

Однако всякий раз, когда приходило уведомление, у меня по спине пробегали мурашки.

10

Пациент 8262

Как-то раз наш преподаватель философии в Университете практических навыков озвучил мысль, которую в тот день я принял как должное (возможно, просто предпочел не задумываться). Однако сейчас, когда появилось время пораскинуть мозгами, я всерьез забеспокоился. Вот что он сказал: «Если ваша идея на шкале вероятности равнозначна солипсизму — не принимайте ее в расчет».

Солипсизм, говорил преподаватель, в какой-то мере присущ любому человеку. Где-то глубоко в каждом из вас сидит зернышко убежденности в том, будто лично вы, ваш собственный разум — единственное, что существует по-настоящему, а остальное не важно. Этот абсолютный, требовательный ко всему и вся эгоизм, который сквозит в поведении ребенка (с самого младенчества, когда мы парадоксально чувствуем себя всесильными, хотя на деле крайне беспомощны), с годами трансформируется в ощущение, что мы неуязвимы, нам уготован особый путь и мы попросту не

можем умереть — только не в этом триумфально свежем, юном состоянии души.

В воюющих армиях, подчеркивал профессор, полно едва оперившихся мальчишек, уверенно твердящих мантру: «Уж со мной этого точно не случится!» Что примечательно, многие из них не отличаются набожностью, которая способствовала бы столь иррациональной эгоцентричности и беспочвенному оптимизму. Конечно, есть множество других солдат, прекрасно осознающих бренность бытия, да и человек, считающий себя неуязвимым, способен измениться, признав существование превратностей судьбы. Однако в большинстве своем, несмотря на повсеместные свидетельства безразличия и случайности рока, молодые люди убеждены, что уж с ними-то ничего плохого не произойдет.

В общем-то, мы так до конца и не избавляемся от этого чувства, независимо от того, сколько иллюзий утрачиваем с возрастом и насколько покинутыми и ничтожными ощущаем себя, когда жизнь взимает с нас горькую дань. Разумеется, такое упорство не доказывает нашей правоты. Приходится признать, что солипсизм — бессмыслица и самообман, — иначе в бессмыслицу превращается все остальное.

Преподаватель научил нас своеобразной проверке, позволяющей выявлять самые дикие и несостоятельные философские допущения. Конечно, бывает интересно, а иногда и полезно поразмыслить над совсем уж эксцентричными теориями, изучить выводы, далекие от земных материй, — лишь бы они не отвлекали от общепринятых догм и реального мира.

Всякий раз, когда вас внезапно захватывает идея, которая прежде виделась сомнительной, задайте себе проверочный вопрос: эта идея в своей основе более вероятна, чем солипсизм? Если нет — или вероятность их примерно сопоставима, — смело выбрасывайте ее из головы.

Разумеется, чисто теоретически мысль о том, что во Вселенной нет ничего — а главное, никого — кроме самого наблюдателя, опровергнуть нельзя. Того, кто искренне уверен, что он — единственное в мире существо, обладающее разумом и чувствами, ни одно доказательство в обратном не убедит. Любое, казалось бы, внешнее событие такой человек пропускает сквозь призму все той же гипотезы, будто есть лишь его собственный разум, который и создал — попросту выдумал — весь так называемый внешний мир.

Однако, как подмечал наш учитель, в бес-

компромиссной позиции любого радикального солипсиста легко найти брешь. Достаточно задать вопрос: если ты — единственное, что существует на самом деле, зачем вводить себя в заблуждение? Зачем кому-то всемогущему создавать видимость объективной реальности? А что еще важнее — почему именно этой, конкретной реальности? Зачем солипсисту загонять себя в рамки, которые не существуют физически? Если их можно менять на свое усмотрение?

На практике эти вопросы часто задают солипсистам, запертым в специальных учреждениях, или попросту в психбольницах. Почему вы томитесь здесь, подчиняясь строгим правилам, вместо того, чтобы избрать себе жизнь, полную удовольствий? К примеру, жизнь бога или всемогущего супергероя, который одной силой мысли достигает чего угодно и возносится на вершины блаженства?

Насколько подобные аргументы повлияют на конкретного солипсиста, зависит от глубины его самообмана, а также от истории и характера его помешательства, однако горькая истина, как сказал профессор, состоит в том, что мгновенное озарение почти никогда не наступает и солипсисты крайне редко возвращаются в общество

и становятся полезной его частью. Всегда есть какая-то скрытая психологическая причина, вынуждающая человека прятаться в иллюзорной крепости неприступного эгоизма, и пока эта причина не всплывает, принятие реальности маловероятно.

Теперь понимаете, почему я обеспокоен?

Вот он я, лежу на больничной койке, сравнительно беспомощный и абсолютно незаметный. Почти никто не обращает на меня внимания — разве что слабо интересуются те, кому поручено за мной ухаживать, — и все же я убежден, будто просто скрываюсь, выжидаю, прежде чем вновь занять место, причитающееся мне по праву. Причем не только в этом мире, но и во множестве других!

Раньше моя жизнь была полна приключений и эмоций, большого риска и еще бóльших достижений, важность которых сложно переоценить, а теперь я здесь — абсолютное ничтожество, прикованное к кровати. Почти все время я сплю или лежу с закрытыми глазами, прислушиваясь к мелкой больничной суете. Дни идут, едва отличимые друг от друга, а я все вспоминаю — или воображаю? — свои лихие, отважные, полные изящества и вкуса свершения, тоскую по былому

положению и власти.

Какова вероятность, что мои воспоминания реальны? Чем они ярче и насыщеннее, тем больше походят на мечты и представления, а не на четкие следы свершившихся событий.

Что вероятнее: то, что эти вещи действительно случались, искрящим электрическим проводом пронзая тусклую ткань моего бытия? Или то, что я, очутившись в лихорадочной, отупляющей обстановке, где времени на раздумья слишком много, а реальных событий, способных отвлечь от мыслей, слишком мало, — и несомненно, одурманенный веществами, которые подсовывают мне под видом обычных лекарств, — вообразил целый калейдоскоп ярких деяний и персонажей, лишь бы почувствовать себя значимым?

Несложно поверить, будто я сошел с ума или, по меньшей мере, занят самообманом. Возможно, я долгое время жил в мире иллюзий и только сейчас начал видеть реальное положение дел? Быть может, предаваясь подобным размышлениям, я потихоньку выбираюсь из ямы *лжи*, куда сам себя загнал?

Откуда же тогда взялись эти отголоски былой жизни? Откуда они вообще могли взяться? Будь это правдивые воспоминания о событиях реаль-

ного мира или нескольких миров, или же байки, которые я себе внушил, — откуда они? Неужели я их выдумал от начала до конца? И разве их многообразие не говорит о том, что все это могло случиться на самом деле? Ведь если я так прост и примитивен — откуда столь безумные фантазии?

Сюда меня привел некий жизненный путь. Почему бы не тот, о котором я вспоминаю?

Я, кажется, помню довольно обычное взросление в мире, который любому показался бы самым затрапезным. Помню город и дом, родителей и друзей, школу и работу, страсть и влюбленности. Помню амбиции, страхи, триумфы, неудачи. Все эти подробности похожи на правду, разве что в силу будничности немного размыты. И какие-то незначительные, что ли. Банальные, повседневные, ничем не примечательные.

А затем начинается настоящая жизнь: знакомство со множеством миров и «Надзором», череда необычных людей и вихрь событий, которые уже никак не назовешь заурядными. Тогда-то я и обрел свое истинное «я».

И пускай от меня прежнего осталась лишь бледная тень, я обязательно себя верну. Обязательно.

Однако вы понимаете, почему я волнуюсь.

Ведь, возможно, вы часть меня. Или моего будущего «я».

Транзитор

У меня что, взаправду получилось? Конечно нет!

А если все-таки да, то я — первопроходец. (Хотя… Возможно, такое случается сплошь и рядом, просто они это держат в секрете. Я имею в виду, «Надзор». Секретность — их фишка. Но почему тогда не просочились слухи?)

Неужели я только что транзитировал без септуса? Невозможно. Без септуса переместиться в другой мир нельзя; это вещество необходимо — хотя бы в каком-нибудь виде. У меня его не было. Запасную таблетку из моего зуба изъяли, да и сам зуб на всякий случай выдернули. И пусть я этого не помню, потому что лишился чувств, зуб точно отсутствовал.

Возможно, приходит мне в голову, я на мгновение пришел в себя уже после того, как мне врезали по лицу, но прежде, чем очнуться на стуле, — и все-таки успел проглотить таблетку? А может, она по счастливой случайности попала мне в горло, когда меня вырубили? Удар в челюсть мог запросто выбить таблетку из лунки, я сглотнул, а они не заметили. Чтобы выявить

таблетку у меня внутри, понадобилась бы громоздкая аппаратура вроде МРТ-сканера. И даже если бы они обнаружили пустой зуб…

Но ведь дознаватель заявил, что они нашли тайник и забрали таблетку! Зачем об этом лгать? Ерунда какая-то. И почему меня так штормило, если я не транзитировал? Я не понимал, кто я такой! Да и голова трещит до сих пор. Раньше подобного не бывало, даже во время обучения.

Я решаю придерживаться версии, что проглотил таблетку случайно. В который раз повезло. Пусть и не все кусочки мозаики складываются, это объяснение более вероятно, чем транзиция без септуса.

Ладно, сейчас важнее другое: я голый, в таком виде на улицу не высунешься, а значит, нужно найти одежду. Выходя из бального зала, я щелкаю выключателем на стене, однако ничего не происходит. У высоких двойных дверей, ведущих в аванзал, я прислушиваюсь: вдруг по Палаццо Кирецциа бродит кто-то еще? Гробовая тишина.

Дрожа, крадусь по аванзалу и коридору к центральной лестнице. Да, в здании прохладно, но сильнее на меня действует призрачный дух забвения, все эти свернутые в рулоны ковры, мебель в чехлах, сумрачный свет, запах долгого

запустения…

Я захожу в одну из просторных спален на первом этаже. В шкафах и в гардеробной пусто, не считая шариков нафталина, разложенных в гнездышках из скомканной бумаги или уныло катающихся по дну ящиков. В тусклом свете от прикрытого ставнями окна я гляжу на свое отражение в зеркале. Очередной неприметного вида мужчина среднего роста, правда, мускулистый.

В одной из комнат на втором этаже я наконец-то нахожу набитый платяной шкаф. Наверное, тут есть и мой размер, вот только одежда кажется старинной. Я иду к окну, с треском распахиваю ставни и выглядываю. По улочке вдоль стены дворца снуют люди в цветастых, относительно облегающих и довольно разнородных одежках.

Полагаю, я в стандартной деградирующей реальности позднекапиталистического типа (проще говоря — в мире корыстолюбцев). Время — конец двадцатого или начало двадцать первого века. Амбр мои догадки подтверждает. Возможно, в этом или чертовски похожем мире я когда-то повстречал свою пиратку. Надумай я и правда перенестись без септуса, чтобы избежать пыток, то из всех миров неосознанно выбрал бы какой-нибудь вроде этого — мир, где я уже

немного освоился, но не проживал постоянно.

Вы можете возразить, что логичнее всего было бы перенестись в Кальбефракию, мол, почему бы не вернуться в собственное тело, в собственный дом на склоне горы с видом на Флесс? А вот почему: уже многие годы я знал, что могу стать перебежчиком — не только в мыслях, но и на деле. Я готовился к этому, просчитывал риски. И в случае транзиции по принуждению или в полузабытьи я наказал себе ни при каких обстоятельствах не отправляться домой.

Впрочем, я никогда не планировал попасть именно сюда.

Похоже, в платяном шкафу висят старые бальные и маскарадные костюмы. Обыскав еще три комнаты, я наконец нахожу мужскую одежду подходящей эпохи и нужного мне размера. Всего лишь одежда, а я уже чувствую себя намного лучше.

Горячей воды в Палаццо Кирецциа нет; я умываюсь холодной. Свет тоже не включается, но, когда я убираю чехол с рабочего стола в кабинете профессора Лочелле и снимаю трубку телефона, в ней раздаются гудки.

Что теперь? Я стою столбом, пока телефон не разражается гневным писком, вынуждая меня

положить трубку. В этом мире у меня ни денег, ни знакомств, ни септуса; согласно правилам, я первым делом должен выйти на связь с посредником или другим Посвященным, которого ввели в курс дела, а тот, в свою очередь, вернет меня под крыло «Надзора» и обеспечит запасом септуса. Но так я лишь наживу себе проблем: снова попадусь в руки преследователей и встречусь со своим вежливым другом — любителем клейкой ленты. Об этой ситуации предупреждала миссис М., и я свой выбор сделал. Серьезный выбор. Я все еще сомневаюсь, что правильный, однако назад пути нет, и мне нужно смириться с последствиями.

Суть в том, что, действуя очевидным образом и попытавшись связаться с официальным агентом «Надзора» в этом мире, я сыграю на руку врагам.

Важнее всего сейчас добыть септус. Без него я почти бессилен. Даже если я и транзитировал без таблетки, то совершил это в чрезвычайных обстоятельствах, безотчетно, экспромтом. К тому же попал я, по сути, в случайное место, испытав неприятные ощущения и полнейшее замешательство — сперва даже не понимал, кто я такой, — что сделало меня весьма уязвимым. Если рядом оказались бы недоброжелатели, мне бы, мягко говоря, не поздоровилось.

Я чувствую: у меня хватило сил лишь на одно спонтанное перемещение. Пусть какие-то остатки септуса и встроились в мой организм, позволив совершить эту единственную транзицию, теперь они иссякли — и даже если я намеренно подвергну себя жуткой опасности, сравнимой с пытками удушением, то, вероятно, намочу штаны, и все. В общем, без септуса никуда. А все его запасы в этом мире, как и в прочих, находятся под неусыпным контролем параноиков из «Надзора».

Должен быть другой выход, обходной путь.

На стуле рядом с телефоном лежит лист бумаги; я провожу по нему пальцами. Едва запылился.

Я сажусь и начинаю стучать по кнопкам телефонного аппарата, набирая короткие цепочки цифр, пока в трубке не раздается мужской голос. Я забыл почти все итальянские слова, которые выучил в прошлый раз, поэтому приходится искать язык, понятный нам обоим. Сходимся на английском. Оператор терпеливо меня выслушивает и в конце концов соединяет со справочной службой «Надзора», только не местной, а британской.

В мирах, где «Надзор» орудует чаще всего, действуют специальные убежища, конспиративные квартиры, агенты под прикрытием и органи-

зации для отвода глаз. Учитывая мою работу, я знал обо всех официальных контактах «Надзора» в этой реальности, хотя, конечно, наивно было бы полагать, что от меня ничего не утаили.

Впрочем, я располагал и еще одним контактом — неофициальным. Он был связан с личностью, которая уже не являлась полноправным членом «Надзора», — с изворотливой и вездесущей миссис М.

— Какой-какой город?

— Крондьен Ангэло Шаплселли, — повторяю я.

Я не мог напутать; во время тренировок нас со всей серьезностью заверяли: подобные кодовые фразы для экстренных случаев так четко впечатаются нам в память, что мы вспомним их, даже если вследствие шока или травмы забудем собственные имена. Этот пароль, скорее всего, придумала миссис Малверхилл, а не какой-то безымянный служащий «Надзора» из Координационной группы по чрезвычайным ситуациям на собрании для оперативников. Как и официальные коды, пароль должен был работать во многих мирах и на многих языках. Возможно, фраза и звучит странно, однако за полную бессмыслицу ее не примут. Вместе с тем кодовые слова не должны слишком сильно напоминать имя кон-

кретного человека или название организации, чтобы избежать ошибочных контактов и непредвиденных ситуаций, угрожающих безопасности.

— Что, простите?

— Возможно, это фирма или имя. Город я не знаю.

— Вот как…

— Попробуйте Лондон, — немного подумав, предлагаю я.

Выясняется, что в британской столице и правда есть контакт, который откликается на такой запрос.

— Соединяю.

— Слушаю? — раздается из трубки мужской голос.

Он звучит довольно молодо. По единственному слову, произнесенному с задержкой, взвешенно, я понимаю: собеседник насторожен, даже взволнован.

— Это Крондьен Ангэло Шаплселли? — спрашиваю я.

— Надо же! Давненько я не вспоминал про этот код.

— Что ж, — продолжаю я согласно регламенту, — вероятно, вы сможете мне помочь.

— За этим я тут и сижу, разве нет?

— Могу я узнать, с кем говорю?

Смешок.

— Меня зовут Эдриан. Можете звать меня Эд. А вас как зовут?

— Вы ведь знаете порядок действий?

— Что? Ах да!.. Я должен дать вам имя, не так ли? Оки-доки… Как насчет Фреда?

— Фред? Здесь это распространенное имя?

— Тут их как грязи! Уж поверьте.

— Хорошо.

— Чудненько. С этим разобрались. Чем могу помочь, дружище?

Мадам д'Ортолан

Мадам д'Ортолан сидела в птичнике, что располагался на крыше ее парижского особняка, и под хлопанье тысячи крыльев наблюдала, как на темнеющих улицах загораются фонари. Небо, расчерченное на клеточки решеткой, к северо-западу наливалось темно-красным и иссиня-лиловым — недавняя гроза отступала перед закатом. Город по-прежнему пах дождем, предвестником осени, и умытой листвой. Где-то вдали завыла сирена. Мадам дивилась, каким огромным стал Париж, а в этом мире — еще и опасным, полным беззакония, ведь сирены тут почти не умолкали. Их вой был чем-то вроде личной под-

писи города — амбром, различимым на слух.

— Значит, он припрятал другую таблетку где-то еще, — вздохнув, предположила мадам д'Ортолан.

В тени, сбоку от ее бамбукового кресла — экстравагантного изделия с широкой, похожей на веер спинкой, — стоял мистер Клейст. Он следил за порхающими по вольеру птицами. Когда одна пронеслась совсем рядом, он дернул головой и невольно пригнулся.

— Нет, мэм. Я уверен.

— И все же…

— Он был полностью обездвижен, мэм. Таблетка могла быть только у него во рту, а там мы все тщательно проверили — и перед допросом, и после. Особенно после, когда стало ясно, что он транзитировал.

— Так уж и тщательно? — усомнилась мадам д'Ортолан.

Мистер Клейст достал из кармана прозрачный пластиковый пакет и положил его на тростниковый столик у кресла. Наклонившись, мадам д'Ортолан разглядела порядка тридцати окровавленных зубов.

— Все перед вами, — сообщил мистер Клейст. — Самые обычные зубы.

— А тот, фальшивый, с выемкой… В нем хватило бы места для двух таблеток?

— Нет. К тому же и таблетку, и сам зуб мы изъяли еще до того, как субъект пришел в сознание.

— Могли частички септуса остаться во рту или в горле?

— Я уже спрашивал об этом самых сведущих экспертов. Подобное практически невозможно.

— Пусть еще раз проверят, на всякий случай.

— Разумеется. — Мистер Клейст убрал пакетик с зубами в карман.

— А может, у него был трансдермальный пластырь или подкожный имплант?

— Повторюсь, мэм: мы проверяли и до, и после.

— А если в носу? Почему бы и нет? — рассуждала мадам д'Ортолан, обращаясь скорее к себе, чем к мистеру Клейсту. — Плохо воспитанные люди иногда издают такой противный, всхрапывающий звук, когда с шумом втягивают воздух. Он мог вдохнуть таблетку подобным способом.

— Теоретически да, — признал мистер Клейст, — но не в нашем случае.

— И никаких звуков он не издавал?

— Нет, мэм. Он не мог провернуть трюк, который вы описали, потому что его рот и нос были намертво заклеены скотчем. Он не мог ни вдох-

нуть, ни выдохнуть.

— Возможно, у него внутри было спрятано какое-то устройство? Например, в анусе? А приводилось в действие оно… — Ей не хотелось представлять, как именно срабатывают такие устройства.

— Мы обыскали одежду и провели вторичный внутренний осмотр. Пусто.

— А если сообщник? Ввел ему септус с помощью дротика или чего-то подобного?

— Исключено, мэм.

— Допрос вы вели в одиночку?

— Нет. В присутствии ассистента.

— А этот ассистент…

— Заслуживает абсолютного доверия, мэм.

— Тогда, если вы сами не были соучастником, мистер Клейст, — мадам д'Ортолан просверлила его взглядом, — единственное, что могло ему помочь, — таблетка замедленного действия, которую он, должно быть, проглотил заранее.

Мистер Клейст сохранил невозмутимость.

— Агенты из группы перехвата, задержавшие его, заверяют, что это невозможно. К тому же мы взяли образцы крови и до, и после. Никаких следов.

— Значит, произошла ошибка, и результаты

анализов неверны! Перепроверьте еще раз.

— Как скажете, мэм.

Мадам д'Ортолан отвернулась и поглядела, как тьма окутывает город. Освещенные улицы четко змеились вдаль в кристальном после грозы воздухе. Немного погодя она поднесла ладонь к подбородку и легонько ущипнула нижнюю губу.

— А если анализы все же верны, мэм? — нарушил тишину мистер Клейст, заподозрив, что Мадам забыла о его присутствии.

— Тогда, — промолвила она, — проблема приобретает колоссальный масштаб. Это значит, что мы имеем дело с человеком, способным транзитировать без помощи септуса. А тот, кому это под силу, практически всемогущ. — Немного помолчав, мадам д'Ортолан добавила: — Кошмарный прецедент! Пусть даже человек был бы полностью на нашей стороне… — Она повернулась к мистеру Клейсту, различив лишь смутный силуэт. — Впрочем, я не верю, что это произошло.

— Пожалуй, разумнее действовать так, будто это свершившийся факт, — заметил помощник. — Во всяком случае, поначалу.

На столике стояла маленькая лампа. Мадам д'Ортолан включила ее. Одетый в черный или околочерный костюм, мистер Клейст по-преж-

нему выглядел темным пятном; бледное лицо оставалось в тени.

— Здесь я с вами соглашусь, — произнесла она. — И вот что. Умертвите оболочку и проведите полное — самое досконально — вскрытие.

— Этот человек не просто оболочка, мэм.

— Плевать.

— Вас понял, мэм.

— Что насчет следопытов?

— Мы отправили за ним еще две команды вдобавок к той, что обнаружила его после убийства лорда Хармайла. Пока они ничего не сообщали.

— Они хотя бы знают, где искать? У них есть план?

Мистер Клейст замялся.

— Даже если так, они на редкость немногословны.

— Ладно, забудем, как именно мы его упустили. Предположим, он ускользнул. Что он предпримет первым делом?

— Возможно, он уже предупредил людей из списка. Кто-то определенно это сделал. Резервные отряды так и не смогли никого ликвидировать.

— Даже эту Обликк? — Мадам д'Ортолан произнесла фамилию команданте тем же ядовитым тоном, какой обычно приберегала для миссис

Малверхилл. — Я думала, уж ее-то они достали!

— Увы, — развел руками мистер Клейст. — Теперь они полагают, что она все-таки сумела транзитировать за миг до выстрела.

— Их точно предупредил он.

— Или кто-то другой. Вряд ли он успел бы сам.

Мадам д'Ортолан нахмурилась.

— А ваш ассистент слышал список имен?

— Как я уже говорил, мадам, у нас нет причин его подозревать.

— Вы так не говорили. Разумно подозревать всех и каждого.

— Тогда позвольте, я перефразирую. Я абсолютно уверен в его лояльности и благонадежности.

— Вы готовы поручиться за него жизнью?

Мистер Клейст задумался.

— Так безоговорочно я не доверяю никому, мэм, — наконец проговорил он. — Как вы сами сказали, разумно подозревать всех.

— Гм-м… Ладно, что там с людьми из списка?

— Мы наблюдаем. Подобрались так близко, насколько смогли, и ждем подходящего момента, однако все не так просто и перспективы не самые радужные. Обликк и Плайт исчезли, отследить их пока не удалось, а остальные либо отсиживаются в труднодоступных локациях, либо все

время маячат на публике — в общем, не подступишься. Ликвидационные отряды держатся поблизости, готовые возобновить попытки по вашему приказу, как только представится удобный случай. — Он выдержал паузу. — Боюсь, мы потеряли весомое преимущество. Теперь наш удар уже не будет неожиданным и одновременным. Устраним одного — другие об этом узнают и начнут вести себя еще осторожнее, что усложнит нам задачу.

Мадам д'Ортолан кивнула своим мыслям и глубоко вздохнула.

— Выходит, все пошло не по плану…

— Это уж точно, мэм.

Воцарилось молчание. Откуда-то сверху доносились чириканье и шелест. Случалось, что одна из птиц заболевала или ломала крыло и, не в силах больше летать, трепыхалась на полу вольера. В такие моменты мадам д'Ортолан запускала в птичник кошек, чтобы поскорее избавиться от умирающего создания. Ее всегда забавляло, какой поднимался переполох, хотя обычно все заканчивалось быстро. Она повернулась в кресле и воззрилась на помощника:

— А что бы сделали вы, мистер Клейст? Как бы поступили на моем месте?

Безо всяких раздумий он ответил:

— Мы сейчас сражаемся на два фронта, мэм. Это неприемлемо. Я бы отложил меры в отношении членов Совета на неопределенный срок и отозвал бы все дополнительные отряды следопытов. Бросил бы все силы на поиски мистера О. Он видится мне большей угрозой.

Мадам д'Ортолан прищурилась.

— Мистер Клейст, я работала десятки лет, чтобы добиться нынешнего положения в Совете. Если не ударим сейчас, есть огромная вероятность, что эти люди поддержат опасную, подрывающую устои чушь, которую Малверхилл почти десяток лет вбивала в пустые головы студентам, техникам и агентам. Таких, как она, теперь все больше; их влияние крепнет. Не смогу же я вечно отгонять их от значимых постов! Нужно действовать немедленно. Другого шанса может не быть.

Клейста ее речь не убедила.

— Мэм, боюсь, момент уже упущен. Может представиться другой, но не сейчас. Пока ни у кого, похоже, нет доказательств, что за покушениями на членов Совета стоите именно вы. Во всяком случае, никто не готов рассуждать об этом открыто, поэтому здесь у нас, фигурально выражаясь, стабильная линия фронта. Тогда как

мистер О — угроза активная и чрезвычайная. Особенно если они с Малверхилл действуют сообща. К тому же, раз уж мистер О был назначен исполнителем, мы можем сделать вид, что на людей из списка напал он на пару с Малверхилл.

Мадам д'Ортолан отвернулась и тяжко, обреченно вздохнула.

— Полагаю, вы правы, — тихо сказала она. — Как ни досадно это признавать.

Мистер Клейст молчал. Выражение его лица не изменилось.

— Отдать надлежащие распоряжения? — осведомился он наконец.

— Будьте любезны.

Помощник направился к выходу.

— Мистер Клейст!

— Мэм? — Обернувшись, он встретился взглядом с мадам д'Ортолан.

— Вся эта ситуация чрезвычайно меня задела и огорчила. Хотелось бы, чтобы мистер О заплатил сполна. Лично мне. Поскольку его польза для наших целей исчерпана, то я хотела бы попросить вас преподать мне некоторые техники вашей прежней профессии. Я опробую их на нем. А заодно и на Малверхилл. Не сомневаюсь, она тоже замешана.

— Можете на меня рассчитывать, мэм. — Мистер Клейст чопорно поклонился.

Тонкие губы мадам д'Ортолан тронула улыбка (такую мистер Клейст называл про себя «улыбка — бумажный порез»; она напоминала ему о запахе лимонов и протяжных, долго не стихающих криках).

Мадам д'Ортолан взмахнула рукой.

— Спасибо. На этом все.

Помощник спустился еще на две ступеньки, и его снова окликнули. Леди славилась этим приемчиком.

— Да, мэм? — поднял глаза мистер Клейст, сохраняя невозмутимость.

Птицы уже почти затихли, угнездившись на ночь.

— Как там вас раньше называли? Моралистом?

— Философом, мэм.

— Да, точно. Надеюсь, вам понравилось ненадолго вернуться к прежнему ремеслу?

Задержав на ней взгляд, он тихо произнес:

— Почему же ненадолго, мэм? Мы ведь только начали. — И, не отворачиваясь, добавил: — Вообще-то нет, не очень понравилось.

Он поклонился и вышел.

Питчер

Майк Эстерос сидит у барной стойки в отеле «Коммодор» на Венис-бич [47]. Очередная неудачная презентация. Строго говоря, итоги еще неизвестны, но у Майка чутье на такое, и он готов поспорить, что вновь получит отказ. Это начинает удручать. Нет, он не бросит свою идею, которая — он знает — однажды воплотится в фильм, ведь в этом бизнесе главное — настрой: если сам в себя не поверишь, не поверит никто. И все же…

В баре тихо. Обычно Майк в такое время не выпивает. Он думает, как бы подправить сценарий. Может, сделать ставку на семейную аудиторию? Сосредоточиться на мальчике, его отношениях с отцом? Добавить милоты. Выжать слезу. Фильму это не повредит. Во всяком случае, ощутимо. Возможно, он слишком зациклился на основной задумке, вообразив, что раз ее красота и элегантность очевидна ему, то и другим тоже, а инвесторы собьются с ног, лишь бы взять идею в оборот и отвалить ему кучу денег.

Не стоит забывать закон Голдмана [48]: никто

---

[47] Примечания: 47

Венис-бич — пляж в Лос-Анджелесе, одна из визитных карточек города.

[48] Примечания: 48

Уильям Голдман (1931–2018) — американский писатель, драматург и сценарист. Лауреат двух премий «Оскар» за сценарии. Автор книг, в том числе посвященных Голливуду и нюансам сценарного мастерства.

ничего не знает. Никто не знает заранее, какая идея выстрелит. Вот почему снимают столько сиквелов и ремейков: не от банальной нехватки фантазии, а оттого, что боссы не спешат рисковать, вкладываясь в новые, непроверенные задумки. Приемы, которые уже срабатывали прежде, хотя бы частично избавляют от пугающей неопределенности.

У Майка же затея радикальная, непривычная. Пожалуй, центральная концепция даже слишком оригинальна, что ей во вред. Вот почему ее не мешает загнать в некие традиционные рамки. Майк вновь перепишет сценарий. Честно говоря, такая перспектива его не больно-то радует, однако он считает, что это необходимо. Есть смысл покорпеть.

Идея того стоит, и он в нее верит. Пока это просто мечта, но она может стать явью, ведь Майк живет там, где мечты исполняются. Не только творческие, но и те, что связаны с деньгами и перспективами. Все они воплощаются здесь. Он любит это место, возлагает на него надежды.

Майк выходит из бара, садится на скамейку с видом на океан и наблюдает, как по тротуару и пляжу снуют люди — кто-то рассекает на роликах или скейтборде, кто-то бросает фрисби, кто-то

просто гуляет.

Рядом садится девушка. Точнее, женщина. На вид — ровесница Майка. Он заговаривает с ней. Она милая, умная и дружелюбная. Темнокожая и длинноногая, заливисто смеется. Его типаж.

Она юрист. Вот, решила расслабиться в выходной день. Зовут Моникой. Он предлагает что-нибудь выпить, она отвечает: «Может, травяного чаю?» — и они здесь же, рядом с пляжем, находят крохотную кофейню. Затем идут пообедать в ближайший вьетнамский ресторанчик.

Майк рассказывает новой знакомой про свой питч, потому что видит в ее глазах неподдельный интерес. Она говорит, что замысел прекрасен. Похоже, идея и правда заставляет ее задуматься.

Позже они гуляют по пляжу под луной-половинкой, садятся рядом на песок. Затем — поцелуи и немного ласк, хотя Моника предупреждает, что на первом свидании никогда далеко не заходит. Он заверяет ее, будто и сам таких же взглядов. Кривит душой, конечно, и понимает, что она это понимает, но ей, в общем-то, плевать.

И вдруг, когда они лежат, крепко обнявшись и жарко целуясь, что-то меняется. Он это чувствует, открывает глаза и видит: луна исчезла, воздух стал прохладнее, а песчаная полоса теперь круто

обрывается к другому, более спокойному морю.

Вдали виднеются поросшие деревьями острова — темные силуэты на фоне звездного неба.

Майк непонимающе смотрит на Монику. Он инстинктивно отшатывается, ползет от нее прочь. Она теперь тоже выглядит иначе. Светлокожая блондинка, ниже ростом, с другими чертами лица. Два громилы — больше на пляже никого нет — стоят от них футах в десяти, наблюдая.

Блондинка встает, отряхивая руки.

— Добро пожаловать, мистер Эстерос! Отныне вы живете здесь.

11

Пациент 8262

Надо мной надругались! Худшие кошмары воплотились в жизнь. Ладно, может, не самые худшие, но определенно скверные. Меня гладили, лапали, домогались в моей собственной постели! К счастью, я вовремя очнулся и спугнул извращенца. Заорал, позвал на помощь. Но сам факт!..

Это случилось днем, где-то через час после обеда; я пребывал в состоянии, в котором последнее время предпочитаю находиться как можно дольше: не спал и не бодрствовал, а просто лежал с закрытыми глазами, иногда прислушиваясь и много размышляя.

Я услышал, как кто-то зашел ко мне в палату. Стук закрывшейся двери я пропустил и все же заметил, что звуки, доносившиеся из коридора, стали глуше. Это должно было меня насторожить, вот только я, увы, потерял бдительность.

После странного визита несущих околесицу гостей я почти не слонялся по коридорам и общим комнатам, едва ли не все время проводя в кровати. Другие пациенты и обитатели клиники

странно на меня косились, а некоторые даже пытались завязать со мной бессвязный разговор — похоже, на том самом тарабарском языке. Широкие улыбочки явно говорили, что их обладатели в курсе всеобщего веселья и тоже хотят выставить меня на смех. Я сворачивал от них в сторону и уходил со всем достоинством, на какое был способен.

Пару дней назад ко мне в палату снова заявился тот толстяк, с которым я болтал на выдуманном языке. Я зарылся под одеяло и накрыл голову подушкой. Толстяк ласково ко мне обратился, пытаясь — я понял это по интонации — выманить меня наружу. Еще чего! Когда он приподнял одеяло, чтобы сунуть нос в мое импровизированное укрытие, я хлопнул его по руке и зашикал. Он издал страдальческий вздох, какие обычно направлены на публику, и удалился.

Санитары по-прежнему за мной ухаживают. Каждый день они помогают мне встать с кровати, усаживают на стул. Раз или два уговорили меня прогуляться с ними по коридору, правда, заходить в комнату отдыха я наотрез отказался. Похоже, они рады, что я вообще могу самостоятельно передвигаться. Пожалуй, я шаркаю чуть выразительнее, чем раньше, почти не отрывая

ноги от пола, но это ради маскировки, и только. Чем более немощным, больным и смирным я кажусь, тем сильнее напоминаю обычного пациента. Лучше вписываюсь в среду.

Меня по-прежнему навещают и врачи. На прошлой неделе приходила женщина, которая проявляла ко мне участие, и просидела в палате почти полтора часа. Она медленно со мной разговаривала — по большей части я ее понимал — и светила ярким фонариком мне в глаза.

А сегодня — этот инцидент. Я не открыл глаза, чтобы узнать, кто зашел в палату. Когда он тронул мое одеяло, я подумал, что это, может быть, доктор пришел меня осмотреть, хотя пахло от него не по-врачебному. Значит, не санитар и не уборщик, решил я по той же причине. Бывало, они поправляли мне постель, если я неаккуратно ел или сбивал простыни, неловко повернувшись на койке. Я бы предположил, что ко мне пожаловал другой пациент, хотя точно не один из тех, от кого воняет.

Я сдуру понадеялся, что незваный гость увидит меня спящим и не станет будить, но вдруг почувствовал, как одеяло стягивают вниз. Затхлое постельное тепло сменила прохлада. «Что происходит?» — изумился я про себя.

Вдруг к моему бедру прикоснулась рука — сперва ткнула пальцем, а затем ухватилась за ткань моей пижамы и дернула, словно пытаясь задрать кверху.

Что этот пришелец творит?.. Думал, на мне ночная рубашка? Я не спешил открывать глаза, полагая, что, кем бы ни был этот профан, я только вгоню его в краску, если вмешаюсь (медики должны быть на моей стороне, а значит, не стоит выставлять их дураками).

Рука оставила тщетную попытку задрать мои пижамные штаны и переместилась к моей промежности. Пальцы скользнули под свободную резинку штанов, пошарили там и сомкнулись у меня на члене! Сжав его, юркнули ниже, к яйцам!

Услышав щелчок выключателя, я распахнул глаза. Время было вовсе не обеденное. Поздний вечер, а то и ночь. В палате — темным-темно, лампа не горит. Я совсем запутался, растерялся.

Рука мгновенно оставила в покое мои интимные места. Сбоку от койки с сердитым ворчанием распрямилась фигура, едва различимая во тьме, и не успел я даже мельком взглянуть, кто это был, как она ускользнула в коридор, бросив дверь открытой.

Тапочки. Судя по звуку, гость носил тапочки, поэтому бежал не слишком-то быстро. Я мог бы вскочить и броситься следом, но решил не тратить время.

Вместо этого я позвал на помощь.

Какая наглость! Шок, убожество!

Вот до чего я докатился — стал секс-игрушкой у слюнявого психа в приюте для кретинов! Позорище! С моими-то прошлыми заслугами, статусом! И данным себе обещанием, которое — клянусь! — я обязательно выполню.

Философ

Один-единственный раз я позволил себе выйти за рамки. Использовал служебное положение, чтобы забрать субъекта у отвечавшего за него оперативника.

Для нас это был всего лишь Субъект 47767, однако его имя и данные в системе меня заинтересовали. Отчасти благодаря ему я предложил свои услуги полиции и службе безопасности, когда вернулся из армии. Мне, как и многим другим, он казался героем. Почему же он попал к нам в застенки?

В его деле упоминалось нападение на известного человека, а также вероятное членство в террористической группировке или связанной с

ней организации. Вторая часть обвинения почти ничего не значила; как верно подметил один мой коллега, закон о контактах с террористами и «связанными организациями» был сформулирован так размыто и общо, что под него подпадали даже мы сами. Подобные обвинения вешали на тех, кого не могли уличить в чем-то конкретном, но и отпускать не хотели, потому что претензии к ним все же имелись.

Этот мужчина, номер 47767, работал в полиции десять лет назад, когда террористическая угроза только набирала обороты. Он состоял в отряде, захватившем двух террористов, которые закладывали бомбы в урны, стоявшие на людных вокзалах, автобусных остановках и оживленных улицах. Несколько человек погибло, десятки были ранены. Перед тем как этих двоих схватили, произошел своего рода сбой в коммуникации между разными ветвями их террористической ячейки, в результате чего полиция разжилась информацией о местах, где будет заложена последняя партия взрывных устройств. Находчивый полицейский отправил своих ребят по указанным адресам, и обоих террористов изловили, правда, к тому времени они успели заложить как минимум одну бомбу в месте, сведений о

котором у полиции не было.

Подозреваемых разделили. Одного допросили обычным путем, второй попал к полицейскому, который теперь стал Субъектом 47767. Этот полицейский провел куда более жесткий допрос и все-таки выяснил, где находится бомба. Сотрудники полиции эвакуировали людей с окрестной территории за пятнадцать минут до детонации. Жертв удалось избежать. В те ранние трудные годы подобный успех был редкостью.

Журналисты раскрыли личность полицейского — будущего Субъекта 47767. В газете его признали героем, и большая часть публики согласилась, что он совершил нечто жестокое, но необходимое. Способ, который он применил для спасения людей, тоже стал достоянием общественности: полицейский вырывал террористу ногти клещами (сколько именно пришлось выдернуть, не уточнялось). Этот дилетантский, но вполне эффективный метод частенько бывает на слуху.

Несмотря на спасенных и на то, что сам террорист остался жив-живехонек, отдельные СМИ и политики потребовали отдать офицера под суд и вышвырнуть из полиции. Насколько помню, в конце концов его с позором выгнали и обвинили в преступном нападении. Он отказался от

адвоката, заявив, что намерен защищать себя сам, однако на суде не проронил ни слова. Его приговорили всего к двум годам заключения, вот только в тюрьме для него все сложилось не лучшим образом, и он провел там порядка десяти лет. За эти годы его дети выросли, жена развелась с ним, переехала в другой город и снова вышла замуж.

Насилия и беззакония вокруг творилось хоть отбавляй, и общественность забыла злополучного полицейского. Однако не успели его выпустить из тюрьмы, как он сразу же, в тот же год, вновь попал в руки правоохранителей и теперь ожидал допроса.

Я чувствовал здесь какую-то недосказанность. Меня сбивали с толку отдельные детали, которые никто не прояснил. Не в силах сдержать любопытство, я взялся за дело сам. Строго говоря, правил я не нарушил, однако поступил весьма нестандартно. Раз-другой такой произвол мог сойти мне с рук, но на регулярной основе грозил отметкой в личном деле.

Субъект 47767 выглядел обычно. Среднее телосложение, светлая кожа, каштановые волосы, короткие и редеющие; усталое, обреченное выражение лица. Хотя в глазах сверкал вызов.

Возможно, мне просто хотелось так думать. Судя по синякам, недавно его избили. Раздевать не стали, только приковали к полу наручниками с цепью. В остальном его движений ничто не стесняло.

Я занял другой стул, стоявший напротив. Так близко к субъекту, что он мог бы меня пнуть. Обычно я действовал осмотрительнее, но тут — особый случай. Чуть поодаль сидел младший сотрудник — следил за аппаратурой, но в самом допросе не участвовал.

Первым делом я спросил Субъекта 47767, действительно ли он тот, о ком я думаю. Он подтвердил. В дальнейшем я обращался к нему по имени — Джей. Я спросил, знает ли он, почему попал к нам.

— Ударил не того человека, — горько усмехнулся он.

— Кого именно?

— Сына министра юстиции. — Он вновь изобразил кислую улыбку.

Я спросил, почему Джей его ударил.

— Потому что меня тошнит от злобных неотесанных мудил, которые вопят, какой я, мол, герой.

Я спросил, намекает ли он на эпизод с тер-

ристом, из которого он пытками вытащил местонахождение бомбы.

Джей тряхнул головой и отвел взгляд:

— О, дайте угадаю… Вы тут все на меня молитесь, да?

Я сказал, что многих людей восхищает его поступок, и меня в том числе.

— Еще бы, — фыркнул он.

— Вы так говорите из-за моего рода занятий? — спросил я.

Джей кивнул.

— Вы — мучитель, — сказал он, глядя мне в глаза.

Обычно я легко заставляю человека отвести взгляд, но с ним это не сработало.

Я сказал, что даже будь у меня другая профессия, меня все равно восхитил бы его поступок.

— Как и других идиотов. — В его словах я услышал не презрение, а скорее печаль, хотя и нервозность тоже.

Он сглотнул.

— Разве вы сами не гордитесь тем, что сделали?

— Нет, — ответил он. — Конечно нет, черт вас дери!

— Но вы же спасли столько жизней!

— Тогда я думал, что выполняю свой долг, — сказал Джей.

— Вы поступили бы так снова — зная то, что знаете теперь?

— Может, да, а может, нет.

Я спросил, почему нет.

— Возможно, что-то изменилось бы, поступи я иначе. Или ничего. Может, несколько человек, которые выжили, погибли бы. Но как знать. У нас ведь нет машины времени.

— А что могло бы измениться, поступи вы иначе?

— Общество. Возможно, люди не жили бы в постоянном страхе перед такими, как вы. — Он пожал плечами. — Но, как я уже сказал, есть вероятность, что не поменялось бы ровным счетом ничего. Наивно верить, что, переиграв один свой выбор, я изменил бы мир.

Я сказал, что, на мой взгляд, он заблуждается, вменяя себе в вину текущие проблемы общества. На самом деле виноваты люди, которые обществу угрожают: террористы, радикалы, левые, либералы и прочие предатели. Люди, которые рвут государство на части своими действиями и которые словами и пропагандой влияют на самые доверчивые слои населения, чтобы те делали

грязную работу за них.

— Я знал, что вы так скажете, — вздохнул Джей.

Я сказал, что, вероятно, в тюрьме ему пришлось тяжело. Его не должны были судить и тем более признавать виновным. Он заслужил медаль, а не срок. Вероятно, это разрушило его жизнь. Его ведь так долго не выпускали на свободу.

— Опять двадцать пять. — Он еще раз вздохнул. — Вы так ничего и не поняли?

Я попросил объяснить.

— Это я настоял, чтобы меня судили! Лично потребовал. Отказался от адвоката, потому что хотел раскаяться, однако мне не позволили. Они угрожали моей семье. Поэтому мне пришлось отрицать свою вину. Но на суде я просто не стал защищаться, и меня все-таки приговорили к двум годам, хотя по закону должны были к девяти, так что я постарался провести в тюрьме именно девять лет. Продлить себе срок несложно. — Джей улыбнулся, но глаза его оставались серьезными. — Освободившись, я стал называть всех, кто считает меня героем, идиотами, а тех, кто предлагал вручить мне медаль, сразу слал на хер. Одного молодчика слишком уж заклинило на том, что я герой, и он никак не затыкался про

сраную медаль, поэтому пришлось его ударить. Вот только он оказался сыном министра юстиции. И я попал сюда.

Я сказал, что не понимаю. Почему он хотел, чтобы его судили? Тем более — признали виновным? Зачем он упек себя в тюрьму на девять лет?

Джей вздернул подбородок.

— Потому что я верю в правосудие! — Он едва ли не выплюнул последнее слово. — В закон! Я совершил нечто плохое, противоправное и заслуживал наказания. Это не должно было сойти мне с рук. Еще хуже, если б меня за это наградили, как предлагали многие.

Я возразил, что ничего он дурного не сделал. Только спас невинных людей и помог одолеть врагов общества.

— И все же я нарушил закон! — взорвался Джей. — Как же вы не поймете! Если закон хоть чего-нибудь сто́ит, я не могу им пренебречь. Даже будучи полицейским или потому, что кого-то спас! Все это не важно. Закон запрещал пытать людей, и я его нарушил. Понятно? — Он покачнулся на стуле, отчего звякнула цепь, соединявшая наручники с кольцом в полу. — Судить полицейских, нарушивших закон, важнее, чем кого бы то ни было! Иначе полиции никто не

будет доверять!

Я заметил, что, к счастью или нет, допросы с пристрастием теперь полностью легальны.

— С пристрастием? Говорите уж прямо — «с пытками».

Можно и так назвать, согласился я. Однако почему он не излил душу журналистам, которые рвались взять у него интервью? Или на суде, где его уж точно выслушала бы беспристрастная сторона?

Джей насмешливо взглянул на меня.

— Неужели вы верите, что в газетах печатают чистую правду? А не то, что хотят втемяшить нам в башку медиамагнаты и правительство? — Он тряхнул головой. — То же самое и с судом.

Я сказал, что он слишком к себе строг. И я по-прежнему считаю его поступок хорошим.

Мой собеседник выглядел изнуренным и сломленным, хотя никаких методов давления я к нему еще не применял.

— Если честно, — произнес он, — окажись я опять в той же ситуации, зная то, что знаю сейчас, — я бы, наверное, поступил бы так же. Выдрал бы ублюдку ногти, заставил бы его говорить, выяснил бы, где бомба, и ждал бы, надеясь, что наши ребята вовремя успеют в нужный город, на

нужную улицу и в нужный ее уголок. — Его глаза блеснули то ли вызовом, то ли мольбой. — Однако я снова настоял бы, чтобы меня обвинили и судили. — Он еще раз дернул головой. — Разве не ясно? Нельзя узаконивать пытки! Ни за что! Сперва вы разрешаете их лишь в исключительных случаях, но это длится недолго. Истязательства всегда должны быть вне закона, для всех людей и во всех ситуациях. Конечно, закон не прекратит каждую пытку в стране. Наказание за убийство не предотвращает всех убийств, так ведь? Но благодаря законам мы уверены, что люди даже не подумают их нарушить, разве что впадут в отчаяние или в дикую ярость. Мучители должны отвечать за свои действия. Сполна. Иначе они слетят с катушек. И в итоге мы получим вот это. — Он окинул взглядом камеру, подразумевая, очевидно, все здание, а может, и нечто большее. — Иначе вы, — он зыркнул в мою сторону, — одержите верх. Кем бы вы там ни были.

Обдумав наш разговор, я сделал вывод, что психика этого мужчины, вероятно, надломилась в тюрьме, однако идеалистом он, скорее всего, был всегда. Он рассуждал как идеалист. Почти фанатик. Тем не менее, если бы это зависело от меня, я бы его отпустил. Честное слово. Увы, здесь я был

бессилен. Во-первых, к его делу проявляли интерес большие шишки, а во-вторых, от обвинения в помощи террористам не так-то просто отмыться. В одном он был прав: закон нужно соблюдать.

Сперва я хотел передать Джея кому-нибудь из младших коллег, которые о нем не слышали, однако, подумав, решил сделать все сам. Лишь тот, кто знал о его печальном прошлом, мог отнестись к нему снисходительнее.

В итоге мы остановились на методе скотча/удушения. Джей отрицал все, что связано с членством в подпольных и нелегальных организациях — даже сочувствие к ним и критические замечания в адрес властей, — пока мы не повысили степень давления на него до примерно среднего уровня. После этого он выказал все стандартные, ожидаемые признаки смятения и сообщил, что готов сознаться в чем угодно. Всякий бы на его месте сознался, заметил он. Мол, единственная правда, которую порождают мучения, состоит в следующем: люди сознаются в любом преступлении, лишь бы прекратить пытки, даже отдавая себе отчет, что признание может оказаться фатальным. Весь этот процесс лишен смысла, жесток и тлетворен, заключил Джей. Разрешая и оправдывая пытки, государство

жертвует частью души.

Позже он умолял, чтобы я наконец прекратил его пытать, и вновь подтвердил, что во всем сознается и подпишет любую бумажку, которую мы перед ним положим. Я предпочел не уточнять, что перенесенные им неудобства я не назвал бы настоящими пытками, поскольку они не включали ни истинной боли, ни физических увечий — просто стресс и серьезный дискомфорт.

С немалым, надо сказать, облегчением я прекратил допрос, пока Джей не сознался в чем-то большем, что вынудило бы нас продолжить.

На следующий день его выпустили. В отчете я указал, что мы обошлись с ним гораздо жестче, чем по факту. Думаю, власти именно этого и хотели; они считали наши допросы скорее методом наказания, нежели способом докопаться до правды. Нет нужды говорить о том, как сильно удручала меня подобная трата нашего времени и ресурсов, предотвратить которую, конечно, я не мог.

К сожалению, месяц спустя мы узнали, что Джей — наш Субъект 47767, бывший полицейский и, по мнению многих, герой, — покончил с собой, бросившись под колеса грузовика, который вез в типографию рулоны бумаги для печати

газет. Как заметил один мой коллега, с формальной точки зрения самоубийство тоже нарушает закон. Я нашел это ироничным и печальным одновременно.

Субъект 7

За все время лишь один человек отнесся к ней с неподдельным участием — одна из женщин с щетками. Женщин с щетками было много. Все низенькие, темнокожие, сгорбленные. Их щетки с шумом всасывали воздух или заглатывали пыль с пола. А еще с ламп на потолке. Женщины с щетками появлялись только по ночам. Тогда же приходил высокий мужчина, который командовал.

Ей нравились женщины с щетками, потому что они не делали ей больно. Они вообще ее не трогали. Сперва она их побаивалась, ведь все, что тут происходило, сбивало ее с толку или причиняло боль, а эти женщины явно были местные, вот она от них и шарахалась. Однако со временем она перестала бояться и теперь ждала их с нетерпением, потому что они не походили на Других.

Другие делали ей больно. Они таскали с собой папки, электрические штуковины и фонарики, которыми светили ей в глаза, а еще маленькие коробочки, твердые и увесистые, в которые

говорили. С помощью стеклянных штук под названием «шприцы» Другие впрыскивали в нее разные жидкости. А еще они цепляли к ней проводки. Много проводков. Трубочки тоже. Но в основном проводки. Трубочки жалили сильнее, чем проводки, но и проводки могли ужалить будь здоров. Все Другие носили белые халаты или бледно-голубую форму.

Боль обычно жгла огнем вены. Хотя ей причиняли и другие виды боли. Бывало всякое.

Некоторые из Других носили не белые халаты, не голубую форму, а одежду обычных людей. Эти просто садились вокруг нее и смотрели. Ей казалось, что они могут проделывать разное прямо у нее в голове. Когда она пыталась проложить себе мысленную дорогу прочь — убежать тем способом, который помогал ей прежде, — сидящие кружком закрывали глаза, или сжимали кулаки, или вдруг наклонялись вперед, и таким образом проникали к ней в голову, доставая ее из единственного места, где она чувствовала себя спокойно, где хотя бы на время стихала боль.

Даже бодрствуя, она слышала голоса и видела призраков. По ночам ей в кровь вводили жидкости, она засыпала и видела страшные сны. Вначале у нее оставалось совсем мало времени,

чтобы наблюдать за женщинами с щетками и говорить с ними: сон накатывал слишком быстро, забирая туда, где таились кошмары. Она даже думала, что женщины с щетками — это часть дурных снов. Но постепенно, ночь за ночью, она училась оставаться в сознании чуть дольше, прежде чем провалиться в сон.

А может, женщины с щетками стали приходить раньше — кто знает?

После того как ей перед сном вводили жидкости, один из Других приходил ее проверить. Она стала делать вид, что спит. Наутро, когда ее будили, чтобы помыть и покормить перед тем, как снова проделывать с ней разные вещи, она тоже притворялась спящей. Тогда вечером, прежде чем выключить свет, они стали помещать меньше жидкости в шприц. Теперь ночью она по-прежнему прикидывалась спящей, но утром вставала вовремя. Других, похоже, это устраивало. Она была счастлива, потому что могла наблюдать за женщинами и их щетками.

Она пыталась заговорить с женщинами, но они не обращали внимания, а если все-таки обращали — говорили на другом языке.

Впрочем, одна из них вдруг изменилась и начала ее понимать, беседовать с ней. Эта женщина

всегда убирала волосы под серый платок.

Она не сомневалась, что эта женщина сначала тоже не могла говорить с ней на одном языке, поэтому удивилась, когда беседа вдруг стала получаться. Это было хорошо. Впрочем, даже теперь она не понимала всего, что говорила женщина с щеткой. Порой казалось, что женщина говорит сама с собой или использует мудреные, загадочные слова, которые произносили Другие — те, кто причиняет боль.

Иногда женщина в сером платке вновь прекращала с ней разговаривать или переставала ее понимать.

Это сбивало с толку.

В те ночи, когда разговор клеился, женщина в сером платке казалось другой, нежели в ночи, когда они не разговаривали. Иначе ходила, иначе стояла. Когда рядом был орущий мужчина, женщина в сером платке всегда вела себя одинаково, а как только он уходил — женщина немного менялась, как будто хотела поговорить.

Возможно, больше никто этих перемен не замечал, но она замечала. Она умела считывать такие вещи. Она была особенной и могла видеть то, чего не видят остальные. У нее были и другие необычные навыки, которые ее выделяли, делали хуже

в сравнении с прочими. Из-за них ее называли Трудным-Ребенком, Сложнообучаемой, Особенной-в-Развитии и Социально-Неполноценной, а затем и вовсе признали Психически-Неуравновешенной и Опасной-для-Самой-Себя-и-Окружающих (насколько она поняла, окружающие всегда старались защитить себя).

В конце концов из-за всего этого у нее произошел Срыв, и ее Незамедлительно и На-Неопределенный-Срок приговорили к Содержанию-в-Специальных-Учреждениях, в одном из которых она сейчас и находилась. Сперва она попала в больницу, напоминавшую тюрьму. Затем в другую — похожую, но не совсем. И наконец, в это место, которое оказалось хуже любых больниц-тюрем, потому что здесь люди, от которых она ждала заботы, делали ей больно. Хуже того, она не могла даже использовать свои особые таланты, чтобы избежать мучений.

К тому же она не могла давать сдачи. Не могла причинять боль своим мучителям из-за людей в обычной одежде, которые сидели кружком, наблюдали за ней и щурились, сжимали кулаки, наклонялись ближе. А может, сил ее лишали жидкости из шприцев. Они ее усыпляли или делали слишком вялой, мешая думать и четко

прицеливаться.

Вот некоторые вещи, которые говорила ей женщина в сером платке:

— Привет. Как ты сюда попала? Как тут тебя называют? Субъект Семь? М-да-а, как ласково. Помнишь меня? Как себя чувствуешь? Что они с тобой сделали? Добрый вечер. Это снова я. Я даже не понимаю, что это. Что за дерьмо? Ох. Здравствуй, Субъект Семь! Давно не виделись. Как дела? Черт, что они тебе вкололи… Ты еще с нами, Седьмая? Ты здесь? Есть кто дома? Ублюдки! Бедная девочка! Похоже, они что-то в тебе нашли. Что-то им от тебя нужно, да? Гм-м… Да поможет нам судьба… Что? Ох, если бы я только могла… А сейчас что они с тобой делают? Бедняжка…

И так далее и тому подобное.

Она отвечала женщине фразами вроде этих:

— Я иду искать Монти-видео. Разбей меня в две безги. У меня ребенок ушился, пимиги мне. Кривенс, мистер Гивенс, вы меня в грог загоните. Честное слово, ни разу о таком не слышала! Есть такая штука, мамой клянусь. Сух сук нес барсук. Система подъемных глоков еще никому не вредила. Порядок? Я покажу тебе порядок, прохиндеец несчастный! На колени! Помоги же мне. Крепитесь, прутья и люстры, объединимся в

эти трупные времена! Глина.

— …слышишь? Ты меня слышишь? Послушай, Седьмая, я не могу тебя отсюда вытащить. Ни физически, ни по-другому. То, что я здесь, — уже сродни чуду. Никогда не думала, что так сложно будет вернуться. Сдается мне, ты все равно ни черта не понимаешь. Так ведь? Но просто, чтобы ты знала — вдруг ты все-таки меня слушаешь или когда-нибудь услышишь, — благодаря тебе, тебе одной, я многое узнала. Узнала, что они делают, чего хотят, чем готовы рискнуть и как низко готовы пасть. Надеюсь, еще не все потеряно. А теперь послушай, дорогая. Делай все необходимое, чтобы облегчить себе жизнь. Продолжай в том же духе. Ты меня поняла? Делай понемногу то, чего от тебя ждут, однако внутри сохраняй свою истинную суть, дух протеста. Не страх, а злость. Однажды ты освободишься, и мы найдем, как тебе помочь. Возможно, в этот миг я буду рядом. Если буду, вспомни меня. Вспомни, если увидишь. Удачи!

— К добру нам эта встреча в ясный день. К бобру нам эта встреча в ясный пень. Паста лоббиста, детка!

Женщина в сером платке постоянно к ней прикасалась: то по ладони погладит, то похлопает по плечу, то поправит волосы. Вот и сейчас отвела

ей прядь волос со лба.

Вода.

При свете она увидела, что на щеках у женщины блестит вода. Слезы.

Странно. Она почему-то думала, что только она умеет делать слезы, а остальные — нет.

Затем женщина в сером платке ушла вместе с другими уборщицами.

И больше не возвращалась.

Транзитор

После грандиозного карнавала под Туманным куполом я перестал быть любимчиком мадам д'Ортолан. Едва ли я вообще когда-либо был у нее в фаворе, что бы там ни говорила миссис Малверхилл, но теперь уж точно попал в немилость. Должно быть, я прошел испытание, которое устроила мне Теодора, организовав эту странную серийную оргию на двоих, потому что остался жив, да и на допросы меня больше не вызывали, однако мадам д'Ортолан почувствовала себя оскорбленной и теперь явно хотела поквитаться.

Я по-прежнему был убежден: это испытание она провела, чтобы проверить, насколько просто перенести меня в другое место, и чтобы дать следопытам, наблюдателям и провидцам наводку — как собаке дают понюхать одежду человека,

которого хотят найти. Если личный аспект и присутствовал — я подозревал, что мадам д'Ортолан питала своеобразную ревность из-за случившегося между мной и миссис Малверхилл, — то на первом месте все равно стоял вопрос безопасности «Надзора».

Тем не менее я понимал, что уязвил Теодору и она приняла это близко к сердцу. Я повел себя неожиданно. Не так, как требовалось. Продемонстрировал неуважение, возможно, даже неприязнь. Уж точно не благоговейный трепет, не потрясенную — с толикой смущения — благодарность, которых она ждала и считала своими по праву.

Конечно, по абсолютной шкале обид это была сущая ерунда; обычный человек способен проглотить и забыть унижения в сотню раз хуже. Но для личности такого порядка, как мадам д'Ортолан, для ее непомерно раздутого эго сама непредсказуемость моей реакции многократно умножила обиду, взрастив ее до исполинских размеров, сравнимых с масштабами побед и достижений ее в остальном благополучной жизни.

Еще несколько месяцев я не получал ни одного задания, а затем «Надзор» начал поручать мне гораздо более сложные и опасные миссии. Все

меньше времени удавалось проводить в горном коттедже неподалеку от Флесса. Я все дольше и дальше носился по множеству миров, участвуя в безрассудных авантюрах, смертельных схватках и откровенном бандитизме. Постепенно даже флесский домик перестал казаться мне тихой гаванью, и когда мне выдавали лишний септус и появлялся шанс отдохнуть — если это, конечно, можно назвать отдыхом, — я отправлялся в ту Венецию, где встретил и потерял свою маленькую пиратку. Как заблудшая душа, я скитался по городу с обожженным историей лицом и познавал мир, искалеченный жестоким наследием и губительным поклонением алчности и эгоизму. И хотя это ваш мир, уверен, что во многих отношениях он известен мне лучше, чем вам.

Есть одна присказка, в которую верят глупцы: что нас не убивает, делает нас сильнее. Я же доподлинно знаю, причем и на собственном, и на чужом опыте: то, что нас не убило, оставляет нас калекой. Или мечтающим о смерти беднягой в ужасном помрачении духа, которое переживают — хотя производное от «жить» здесь едва ли подходит — узники закрытых учреждений или «овощи» на больничных койках. Судя по моему опыту, именно такие люди верят, что все

происходит не просто так. Учитывая предельно варварскую историю миров, где есть хотя бы малейшее присутствие человека, эта вера видится мне до дрожи будничным воспеванием прошлой и будущей жестокости — практически оправданием самому беспощадному и непростительному садизму.

Однако — уверен, удача помогла мне не меньше, чем навыки или природные качества, — я выдержал эти испытания. Приобрел новый опыт, стал искуснее в своем деле, а также терпимее к изощренным, сомнительным с этической точки зрения и, если честно, бесславным методам, которых требовала от меня служба.

Впрочем, крепли и мои страхи, ведь с каждой новой миссией, полной риска, схваток или убийств, я понимал, что даже прогрессирующие навыки не спасут, если удача меня покинет. Когда придет час, мастерство не будет играть ни малейшей роли, а значит, каждое следующее задание рискует стать последним, и вовсе не потому, что я хуже готовлюсь, теряю смекалку, бдительность или форму, а в силу статистики, банального случая.

Миссии, которые я выполнял, постепенно забывались, и позже я не мог вспомнить, скольких

людей ранил, покалечил или напугал на всю оставшуюся жизнь.

В конце концов, к своему стыду, я потерял счет даже убитым.

Есть некая тошнотворная эмульсия — смесь вины и покорности судьбе, — которая, мне кажется, покрывает всех, кто занимается столь смертоносной, фатальной работой. Смертоносная она для наших жертв, фатальная — для нас самих: сколько ни продолжай, впереди маячит неизбежный финал.

Мы приходим к пониманию неотвратимости конца, и ужас этого осознания — растущая уверенность, что каждый успех, каждый триумфальный побег из когтей смерти лишь приближает миссию, которая станет последней, — делает нас все беспокойнее и нервознее, а нашу психику — уязвимее.

Мы — люди, которые убивают в силу профессии и при этом не лишены остатков совести, — даже понимая, что боремся за правое дело и вершим судьбы из лучших побуждений, все равно отчасти ждем этого конца и, если уж совсем начистоту, приветствуем его неизбежность. По крайней мере, нашим тревогам тоже придет конец, а с ними — вине и кошмарам как во сне, так и наяву.

(А еще закончатся тики, неврозы и психозы. И я больше не попаду в разум человека с ОКР. Эта особенность — единственная, что неизменно кочует со мной между мирами и телами.)

Я мог бы отказаться, подать в отставку, однако мною двигала тупая гордость: я не желал признавать свой страх и превосходство кого бы то ни было, включая мадам д'Ортолан — отныне негласного лидера «Надзора». А когда первоначальный запал угас, и я мог резонно объявить, что с меня довольно, и отойти от дел, на меня накатила покорность судьбе, подстрекавшая и отравлявшая одновременно. Я жаждал, чтобы все закончилось — закончилось так же, как началось, — словно только это каким-то образом меня оправдает, придаст значение моим деяниям.

Иными словами, к тому времени, когда я нашел в себе силы бросить навязанную мне роль, было уже слишком поздно. Я стал другим человеком. Мы все так или иначе меняемся с каждой прожитой секундой, с каждым новым пробуждением; даже не имея дел со множеством миров, мы непрерывно взаимодействуем с контекстом — окружающими людьми, общественными нормами. Что же говорить о тех, кто постоянно перескакивает из мира в мир, из разума в разум,

из контекста в контекст, из оболочки в оболочку, — оставляя позади непонятно что и усваивая непонятно что от кого попало?

Мне уже не раз казалось, будто пробил мой час, — к примеру, недавно, когда я гнался за опальным диктатором по территории его ранчо.

Я выбежал вслед за ним из особняка на широкое, уходящее за горизонт сине-зеленое поле, поросшее высоченной травой. Спустившись — практически скатившись — по каменным ступеням, каудильо неуклюже выхватил и уронил револьвер, стараясь на бегу придерживать штаны и не споткнуться о красный широкий кушак, концы которого болтались под ногами. (Я застал его за сексом и на толчке одновременно — он тужился, а девушка-рабыня сидела на нем верхом. Ей-богу, чужие сексуальные пристрастия никогда не перестанут меня удивлять. Теперь вы, наверное, подумали, что я видел абсолютно все. Уверяю вас, это не так.)

Каудильо толкнул любовницу на меня, что позволило ему сбежать. В коридоре он запнулся о тела двух охранников, которые все еще подрагивали. Я отцепился от визжащей девушки — пришлось ударить ее свободной, не сжимавшей мачете, рукой: эта фурия набросилась на

меня (только местным богам ведомо почему), пытаясь расцарапать ногтями лицо. Наконец я рванул в погоню, грозно рыча для пущего эффекта.

Я даже не понял, откуда на ступенях взялся револьвер. Нагнувшись, я поднял его с земли, в то время как диктатор исчез в высоких зарослях, истерически вопя. Не заряжен. Чтоб тебя! Я все равно заткнул оружие за ремень и побежал по примятой траве, постепенно замедляясь, пока не перешел на шаг. Диктатору приходилось тяжко: он пробивался вперед, раздвигая и топча стебли с палец толщиной, тогда как мне доставалась готовая тропа, следуя по которой даже одноногий слепец настиг бы противника.

Ветер шелестел верхушками трав у меня над головой, и на мгновение я перенесся мыслями в пригород за Парижской окружной дорогой, где однажды прыгнул на крышу сгоревшей машины, преследуя двух молодых магрибинцев. Они собирались изнасиловать девушку в одной из многоэтажек по соседству. Добейся они цели, и бедняжка стала бы загнанной, пропащей душой, которая, не дожив и до двадцати, сбросилась бы со своим младенцем с крыши той самой многоэтажки и никогда не достигла бы научных высот

в психосемантике — что бы это ни значило — в Трирском и Каирском университетах.

У парней была бутылка азотной кислоты — должно быть, они хотели дополнительно поиздеваться над жертвой. Предполагалось, что я применю эту кислоту к ним (иначе они напали бы на девушку снова), однако не успел я их поймать, как оба забрались на какую-то стену, не удержались и упали с десятиметровой высоты в свежевырытый котлован — там строилась новая станция метро. Один вскрикнул, прежде чем разбился о бетонную плиту. Второй умер молча — должно быть, не успел набрать в легкие воздуха. Горе-паркурщики резво скакали по крышам только в играх на «плейстейшн», а в реальном мире оба перекувырнулись в полете и врезались головами в бетон. Я залез на стену и застыл. По-моему, я все-таки услышал, как ломаются их шеи, хотя, возможно, это раскололись черепа. Из разбитой бутылки растеклась кислота, окутывая тела ядовитыми пара́ми.

Вот только на этот раз оба парня забрались по сетчатой ограде на территорию электрической подстанции и побежали по гудящему оборудованию, перепрыгивая через препятствия, как лошади на скачках. Внезапно их с громким хлоп-

ком поглотила ярко-голубая вспышка, которая ослепила меня в ночи и вызвала звон в ушах. Я резко затормозил, врезавшись в металлическую сетку.

Стоп, ведь все произошло по-другому… Я влез на стену. Я не собирался штурмовать сетчатый забор и вприпрыжку лавировать среди электрошин.

А затем я вернулся на сине-зеленое поле, где, шурша травой, по-прежнему шагал вслед за отчаявшимся диктатором. Я слышал впереди его тяжелое дыхание вперемешку с хриплыми, сбивчивыми мольбами о пощаде. Дорожка, которую он протаптывал сквозь жесткие, упругие стебли, повернула: вероятно, он решил податься назад, к особняку. Сообразил, что обрекает себя на смерть, прокладывая тропу для нас обоих.

Но нет; я мчался вниз по склону холма в Баие [49], на котором раскинулись фавелы, перепрыгивая через пустые канистры и крича вдогонку тощей девчонке, что убегала от меня сквозь шумную толпу. Эту мне поручили всего лишь припугнуть. Она должна была принять меня за копа под прикрытием, забросить торговлю наркотиками и в будущем стать известной скри-

---

[49] Примечания: 49

Баия — штат на северо-востоке Бразилии.

пачкой. Она свернула на первую же широкую улицу у подножия холма, буквально на сантиметр разминувшись с грузовиком. Тот вильнул, опасно накренившись, а какой-то мотоциклист на полной скорости врезался в кузов, в лепешку размозжил голову и упал замертво. Девушка скрылась в дальнем переулке. Я остановился и, согнувшись, упер руки в колени, чтобы перевести дух.

У меня закружилась голова. Я пошатнулся, и вдруг эта качка превратилась в бег; я опять несся за девчонкой по фавелам. Когда я выкрикнул ее имя, она уже выбегала на широкую улицу и обернулась через плечо, взметнув длинными темными волосами. Грузовик врезался прямо в нее и швырнул безвольную тряпичную фигурку на встречную полосу, где ее переехал автобус, подскочив, как на лежачем полицейском. Я остановился у перекрестка так резко, что мои темные очки упали на асфальт. Какого черта?!.

Помедлив, я вновь припустил за каудильо, держа наготове мачете и встряхивая головой, чтобы отогнать до странности реалистичное чувство, будто я только что переиграл моменты из собственного прошлого.

Хотели мачете — получите мачете. Похоже,

выбор оружия имел историческую подоплеку. В любом случае, теперь диктатору не видать никакого триумфального возвращения. (Лучше не спрашивайте, чем он провинился… Ну ладно, сейчас объясню. Здесь замешана продажная пресса, махинации с участием иностранных правительств и богатеев, влиятельные семьи, подкупающие бандитов и судей. Любой непрофессионализм, любое зло можно покрывать, имея достаточно власти и денег. Что ж, песенка нашего кадра спета; во всяком случае, в этой версии его жизни.)

Тропа по-прежнему изгибалась дугой. Теперь она чуть сузилась — каудильо стал работать экономнее. Наверное, его осенило, что лучше раздвигать стебли и проскальзывать между ними, нежели идти напролом и протаптывать себе путь. Я зашагал бодрее, все еще недоумевая, что за недофлешбэки (или больше, чем флешбэки?) только что пережил.

Сначала я набрел на кушак диктатора, алым росчерком — или аккуратным кровавым ручейком — лежавший на примятой траве. А затем увидел на земле и самого беглеца. Его грудь вздымалась и опадала, из глаз катились слезы, воздух со свистом вырывался изо рта. Штаны он так до конца

и не натянул. Сложив руки, будто в молитве, он бросился умолять меня о пощаде, предлагая все большие суммы денег.

Я замахнулся мачете, лишь слегка отведя назад руку — в зарослях особо не развернешься, — а ублюдок вдруг изловчился и выхватил откуда-то крошечный пистолет. Двуствольный, серебристого цвета. Дрожащие дула метили мне в лицо. Про себя я отметил, что, несмотря на скромные размеры оружия, в выходные отверстия легко пролез бы мизинец, да и дистанция такая, что не промажешь.

Моя рука с мачете описывала дугу, как в замедленной съемке. Успел бы я транзитировать? Не уверен. Однако процесс я запустил. Вдруг повезет?

Выходило, что флешбэки — или нечто большее — каким-то образом намекали мне о грядущей проблеме. Вот что они значили: предупреждение. Как глупо было пренебречь советом подсознания! Да и простое, но очень сильное желание сбежать, как только нытик-каудильо начал размахивать пистолетом, — это тоже призыв к действию, причем гораздо менее туманный…

Но они хотели мачете. Что бы делали люди вроде меня без отмазки, будто всего лишь выпол-

няют приказы?

Сцена слишком затянулась. Мне показалось, что я слышу, как мачете со свистом рассекает воздух и вырезает пару ближайших стеблей — стальное лезвие против лезвий зеленых.

Рука диктатора, сжимавшая пистолет, дернулась.

Щелчок.

И тишина.

Заклинило, наверное. А может, он не снял пистолет с предохранителя.

Или пушка вообще не заряжена, как револьвер, который он выронил на ступенях. (Глупец так нелепо убегал от меня через поле — с чего бы ему умело обращаться с оружием?)

Впрочем, без разницы.

Изогнутое лезвие ятагана вспороло рыдающему халифу сперва одну руку, затем другую, рассекло четыре кости — и два отрубленных предплечья вместе с пистолетом рухнули в камыши.

Погодите…

Еще взмах — и голова вопящего мужчины отлетает в сторону. К тому времени я уже начал транзицию и теперь не понимал, покидаю я шелестящие бирюзовые луга Большой Патагонии или же болота Новой Месопотамии, поросшие

высоким камышом.

12

Пациент 8262

Каким-то образом я все же добился понимания со стороны медицинского персонала.

Вначале я излил душу ворчливому медбрату, который зашел узнать, почему это я кричу среди ночи. Судя по виду, парень только проснулся, хотя, по идее, должен был быть на дежурстве.

Он ни намеком не показал, что понял меня, — впрочем, я и не рассчитывал, поскольку говорил на родном языке. Между зевками он что-то успокаивающе бубнил и подтыкал мои простыни. Затем он похлопал меня по руке, измерил пульс, приложил ладонь к моему лбу и, черкнув пару строчек в блокнот, удалился.

Какое-то время я не спал. С колотящимся сердцем я мысленно призывал сбежавшего извращенца обратно (у меня есть оружие, которое я с удовольствием применил бы). Наконец я погрузился в сон и проснулся позже, чем обычно, — когда принесли завтрак.

Тем же утром ко мне заглянула одна из врачей-практиканток и отчетливо спросила на

местном языке, что встревожило меня ночью. Напрягая свой скудный словарный запас, я как смог рассказал ей о случившемся — точнее, почти случившемся. Она сделала несколько пометок и ушла.

И вот теперь, после обеда, пожаловала еще одна женщина-врач, мне не знакомая: крепко сбитая, квадратная дама в строгих очках и с копной пергидрольных волос, зачесанных в пучок, из которого выбиваются кудряшки. В послеполуденном свете они походят на протуберанцы.

Докторша держит меня за идиота. Она очень медленно, с расстановкой спрашивает — весьма разборчиво, — случилось ли ночью что-то плохое. Я киваю, явно имея все основания это подтвердить. Она интересуется, не хочу ли я пойти с ней и поговорить где-нибудь еще. Я пытаюсь ей втолковать, что здесь, в знакомой и уютной палате, мне вполне удобно, однако она глядит на меня обеспокоенно и, пропустив мимо ушей мои сбивчивые попытки изъясниться, предлагает свой кабинет.

Я протестую; докторша зовет санитара. Не слушая моих возражений, что все это равносильно еще одному надругательству, они вдвоем сажают меня в инвалидную коляску, везут по

коридору, спускают на нижний этаж в большом, недовольно скрипящем лифте, а затем везут по другому коридору, расположенному прямо под первым. Наконец мы попадаем в искомый кабинет, который находится — если я не разучился ориентироваться на местности — под комнатой отдыха, где уже, наверное, собралась привычная компания слюнявых, мычащих и пачкающих подгузники завсегдатаев, споря, какую передачу смотреть.

Докторша благодарит санитара, закрывает за ним дверь и после нескольких улыбок и ободряющих слов усаживает меня за рабочий стол. Свой стул она пододвигает так, чтобы мы сидели рядом на углу. Выдвинув ящик, она достает пару кукол. Они связаны из пряжи телесного цвета. Одна одета как девочка, другая — как мальчик, у обеих пустые, безглазые лица. Непонятно почему, докторша протягивает мне девочку. Похоже, хочет, чтобы с помощью куклы я показал, в каких местах меня трогал ночной извращенец.

Со вздохом задираю кукле подол и указываю на ее промежность. К счастью, анатомическую точность ее создатель не соблюдал: женские гениталии обозначены лишь маленьким швом. Докторша поднимает другую куклу и спрашива-

ет, не хочу ли я заменить модель. Я киваю, и она передает мне куклу-мальчика.

Я снова показываю, где меня трогали, и докторша, похоже, смущается. Она наклоняется ближе, как будто намереваясь забрать у меня кукол и показать свою версию, но затем, видимо, решает не вмешиваться. Я начинаю с помощью обеих кукол демонстрировать, что произошло на самом деле, затем поднимаю куклу-девочку и как можно отчетливее спрашиваю, есть ли еще одна кукла-мальчик. Докторша глядит с сомнением, но все-таки достает мне второго мальчика.

Из коробки с бумажными носовыми платочками я сооружаю для одной из кукол импровизированную койку, а затем несколько раз показываю пальцем то на куклу, то на себя, чтобы четко обозначить: это я, сплю в своей постели. Даже глаза закрываю, изображая сон. Потом показываю, как вторая кукла-мальчик идет по коридору, заходит в палату и приближается к койке. В этот момент мне приходит в голову, что человек, пытавшийся надо мной надругаться, мог быть и не мужчина. Я плохо рассмотрел незваного гостя, а по прикосновению руки, шершавости кожи, запаху пота определить пол не смог. Я всего лишь предположил, что это мужчина.

Я показываю, как вторая кукла-мальчик тянется к первой, спящей, и быстро хватает ее между ног. Первая кукла вскакивает и кричит, вторая пугается и убегает. Я кладу вторую куклу на стол и развожу руками, давая понять, что маленький спектакль окончен.

Коренастая женщина-врач задумчиво смотрит на меня и вновь утешающе бубнит. Затем, похоже, погружается в размышления. Я беру вторую куклу и сажаю к себе на колено, скрестив ей ножки.

Насколько я вижу, докторша сомневается в моей версии событий, хотя причину понять не могу. Неужели кто-то другой уже поведал ей, как все было «на самом деле»? Такого я не ожидал!

Я придерживаю куклу на колене. Докторша обращается ко мне. Что? Я не ослышался?.. Она говорит, что ничего не случилось — не могло случиться, и все тут!.. Да как она смеет? Кем она себя возомнила? Ее ведь вообще там не было! Я-то надеялся, что мне хотя бы поверят… С чего бы я стал выдумывать такое? Сначала унижение, теперь поклеп! Мои руки невольно сжимаются в кулаки.

Внезапно у нас над головами раздается шум: крики, череда глухих ударов, затем громкий,

резкий стук. Опять приглушенные крики. День стоит теплый, и окно кабинета приоткрыто. Снаружи чирикает птичка, шелестит на ветру листва. И вновь все заглушают крики, доносящиеся сверху.

— Вы уверены, что это с вами сделал кто-то другой? — похоже, спрашивает докторша.

Я киваю и нарочито резко выпаливаю:

— Да!

На втором этаже звучит нечто вроде сирены, слышен топот. Докторша не проявляет интереса.

— Вы знаете, кто это был? — спрашивает она.

— Нет! — рявкаю. — Не знаю!

— Может, вам приснилось? — предполагает она.

— Такое возможно, но нет! Это случилось на самом деле!

— Так вы не знаете, кто это был?

— Нет! Нет! Сколько раз повторять? Не знаю!

— А кто это мог бы быть?

— Кто угодно. Любой.

— Но не медбрат, который… — начинает она, а дальше я не разбираю. Возможно, что-то про график дежурств.

— Не медбрат, — соглашаюсь я.

(Череда глухих ударов наверху.)

Коренастая докторша глядит на мои пальцы. Я довольно крепко сжимаю куклу в районе груди, будто хочу перекрыть ей кислород. Докторша протягивает руку и, осторожно забрав у меня куклу, кладет ее на стол возле другой, которая по-прежнему отдыхает на импровизированной кровати.

Ритмичный стук наверху смолкает, слышатся тихие радостные возгласы.

— Есть одна… (что-то, мол, и что-то, не понимаю)…насчет куклы, — говорит докторша.

— Что?

У нас над головами раздается скребущий звук: возможно, кто-то передвигает стулья по деревянному полу комнаты отдыха. А затем… неужели аплодисменты?

Кукла-мальчик, которую я сжимал в руках чуть ранее, соскальзывает с края стола и шлепается на пол. И вдруг снаружи раздается вопль. Откуда-то сверху падает одетая в белое фигура, проносится мимо нашего окна и с глухим стуком ударяется о землю.

Крик боли. Мне кажется, я ощущаю эту боль. Вздрагиваю, глаза закатываются. Комната начинает вращаться.

Докторша как будто уменьшается в размерах,

медленно летит от меня прочь. Кабинет растворяется: сперва туман поглощает углы, затем стену позади стола и сам стол… Докторша — неразличимое пятно вдалеке — в ужасе озирается, вскакивает с места и бросается к окну.

Зрение покидает меня. Я словно падаю в темный колодец, удаляясь от всего вокруг, и проваливаюсь так глубоко, что больше ничего не различаю.

Наверху опять крики. Они будто доносятся из глубины длинной трубы — едва уловимые, странные, с эхом. Вскоре звуки стихают совсем.

Похоже, в конце концов я теряю сознание.

Эдриан

Убийство Кеннеди? Человек на Луне? Рухнула Берлинская стена? Мандела вышел на свободу? Одиннадцатое сентября? Седьмое июля? [50].. Какие еще «концы эпохи» попали в ваши дневники? Вот вам мой.

— Значит, человеку положено столько благ, на сколько ему хватает жадности?

— Ага, — немного подумав, подтвердил я. — Довольно точное… как там его… резюме.

---

[50] Примечания: 50

Имеется в виду 7 июля 2005 г., когда в Лондоне произошла серия терактов, организованных исламскими фундаменталистами.

— Хо-хо! — Девушка вскинула брови, а затем глотнула из бокала. — Ты долбанутый на всю голову. — И с гаденькой ухмылочкой добавила: — Приятель.

Мы болтали в баре «Мэт» — тогда еще модном местечке. Как-то я видел там одного из братьев Галлахер [51]. Тем вечером я зависал с приятелями; на следующий день мы собирались махнуть на «Формулу-1» в Брэндс-Хэтч, Сильверстоун, или где она там проходила. Девчонка пришла вместе с парочкой бывших одноклассниц, которые внезапно скрылись в дамской комнате: одна перед этим побледнела как смерть, а другая, видимо, рванула за компанию — волосы подержать. Третья осталась. Хлоя. Ее уже представили мне подруги. Сказали, что ее имя пишется *Chloë*, поэтому я про себя прозвал ее «Хлоя с омлетом». Или с умлетом? Как там называются эти две точечки над буквой?

Шум стоял такой, что мое имя Хлоя вряд ли расслышала. Впрочем, она не переспрашивала. Она была милашка. Возможно, еще студенточка: кудрявые черные волосы, щекастое личико с большими глазами. Соблазнительный топик,

[51] Примечания: 51

Братья Ноэл и Лиам Галлахеры — солисты и основатели британской рок-группы Oasis.

шикарные сиськи, брендовые джинсы, красные лодочки на шпильках. Одним словом — лакомый кусочек. Хотя сразу видно — палец в рот не клади.

— Просто у жадности плохой имидж, — сказал я Хлое.

— Угу. Как у фашизма.

— А ты у нас идеалистка! — подмигнул я.

— Да, у меня есть идеалы. — В ее манере говорить угадывались западные Домашние графства [52] и женская школа; пожалуй, она слишком уж старалась напустить на себя скучающий вид. — К тому же я человек, а значит, гуманистка.

— А еще женщина. Значит, феминистка?

Кажется, я просек фишку.

— Смотрю, ты схватываешь на лету.

— Да я вообще чудо, согласись. — Улыбнувшись, я отпил лагера. — Мои шансы растут?

Хлоя вскинула брови.

— Размечтался! С такими парнями, как ты, я не трахаюсь.

— А с какими трахаешься? — Я облокотился на барную стойку и немного придвинулся к Хлое, чтобы полнее завладеть ее вниманием.

---

[52] Примечания: 52

Домашние графства — английские графства, окружающие Лондон. К западным можно отнести Бакингемшир и Беркшир.

Часть ее внимания я уже заполучил. Когда всплывает слово «трахаться» — это знак. Разговоры о сексе, даже если в целом тебя динамят или, во всяком случае, так заявляют, — это уже что-то. Обнадеживает, понимаете?

— С хорошими.

— С хорошими? — переспросил я скептически.

— Они кончают позже меня. — Она подмигнула, явно пародируя мое подмигивание, и, довольная собой, отпила из бокала.

Рассмеявшись, я с напускной робостью протянул Хлое руку.

— Я — Эд. — Легким наклоном головы я как бы намекал: «Давай начнем сначала?»

Девушка взглянула на мою ладонь так, будто та заразная.

— Эдриан, — добавил я, одарив ее фирменной нахальной улыбкой, которая уже растопила множество женских сердец, да и не только сердец.

К слову, улыбку я тренировал перед зеркалом, чтобы добиться нужного эффекта. И ничуть не стыжусь. А что? Я же не для себя — для других стараюсь.

Хлоя все-таки пожала мою руку, задержав ее в своей не дольше наносекунды.

— Хлоя, — представилась она.

— Знаю, твои подруги уже сказали.

— Так чем же ты занимаешься, Эд? Музыкальным бизнесом? Фильмами? — Она как будто хотела меня подколоть, хотя повода я вроде не давал.

— Нет, я занимаюсь деньгами.

— Деньгами?

— У меня хедж-фонд.

— А что это такое? — наморщив лобик, спросила она.

Справедливости ради, тогда за пределами нашей отрасли мало кто слышал о хедж-фондах; крах LTCM [53] еще не произошел — время было аккурат между азиатским кризисом и российским дефолтом.

— Это способ получения денег, — ответил я.

— Что-то вроде страхования долгов?

— Что-то вроде.

— Короче, ты экономический паразит. — Очередная фальшивая улыбка.

— А вот и нет. По правде сказать, мы снабжаем деньгами множество людей. Пускаем средства

---

[53] Примечания: 53

LTCM (Long-Term Capital Management, «Долгосрочное управление капиталом») — основанная в 1994 г. и упраздненная в 2000 г. американская компания, управлявшая хедж-фондом. Хедж-фонд рухнул после азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. и российского дефолта 1998 г.

в оборот. Заставляем их работать эффективнее, чем кто-либо еще. Больше никто на такое не способен. При чем тут паразиты? Банки — вот настоящие паразиты! Высасывают деньги у тех, кто их по-настоящему зарабатывает. А мы трудяги. Точнее, хищники. Дельцы. Мы добываем прибыль. Управляем деньгами. Заставляем их работать. — Знаю, я начал повторяться — просто вошел в раж.

К тому же за пять минут до этого я хорошенько закинулся в туалете, и меня потихоньку накрывало.

— Говоришь, как продажник, — фыркнула Хлоя.

— А что плохого в продажниках? — не выдержал я; девушка уже начинала подбешивать. — Нет, я не из них, но если б даже был — что с того? Ты-то чем занимаешься, Хлоя? Кто ты по профессии?

Она закатила глаза и со вздохом ответила:

— Графический дизайнер.

— И чем же вы лучше продажников?

— Мы — люди творческие, что-то создаем, — сказала она скучающим голосом. — А значит, пользы от нас чуть больше, не находишь?

Я уперся руками в барную стойку.

— Дай-ка угадаю. Твой папаша при деньгах, а ты просто…

— Да пошел ты! — огрызнулась она. — Меня с отцом ничего не связывает!

— Хлоя, — я притворно округлил глаза, — а как же общие гены?! — Я щелкнул пальцами. — А еще спорю на что угодно, вас объединяет траст-фонд!

— Ни хрена подобного! Ты ничего обо мне не знаешь!

— Да знаю я, что не знаю! — рявкнул я, прикинувшись, что заразился ее дурным настроением. — И ты, если честно, ничуть не облегчаешь мне задачу!

Впрочем, с праведным гневом лучше не перебарщивать. Я понуро опустил плечи — мол, как же я устал от таких разговоров.

— Чем я тебе не угодил, Хлоя? — Я включил чуть уязвленную, но не слишком жалобную интонацию.

— Наверное, всей этой денежной фигней, — произнесла она так, будто втолковывает нечто очевидное. — Твой культ жадности…

— Слушай… — со вздохом начал я.

Подкатывать к ней уже не тянуло. Я просто хотел высказать то, что у меня на уме. Таких, как она, не мешает поставить на место — наконец-то

представился случай! Кроме того, отдельным женщинам нравилось, если я переставал их убалтывать и начинал с ними спорить, как с парнями. Именно так мне удавалось затащить их в постель, когда обычные подкаты не срабатывали.

В общем, попробовать стоило.

— Культ жадности? — повторил я. — Вообще-то все мы жадные, Хлоя. И ты тоже. Отрицай сколько хочешь, но спорю на что угодно, так и есть. Мы все хотим для себя лучшего. Просто не каждый может себе в этом признаться. Мы хотим, чтобы остальные во всем с нами соглашались, а у кого другое мнение — тот кретин. Что касается отношений, мы все ищем человека, который будет нас боготворить, ведь именно это для нас счастье. Скажешь, нет? Хотеть для себя счастья — довольно эгоистично, не находишь? Даже стремление избавить мир от бедности и насилия — бред полный. И то, и другое все равно никуда не денется. Это тоже эгоизм, ведь мы хотим переделать мир по своему разумению, понимаешь? Так что можешь сколько угодно прикрываться тем, что ищешь счастья для других. По факту все сводится к твоему эгоизму, твоей жадности.

Хлоя протестующе подняла руку, едва не коснувшись моих губ.

— Жадность и эгоизм не одно и то же, — возразила она. — Это близкие понятия, но не тождественные. А забота о собственной безопасности и личных интересах — это вообще третье. Абсолютно разные вещи.

— Но все-таки близкие, сама же сказала.

Вздохнув, она сделала глоток из бокала.

— Да, близкие. — Она уставилась в одну точку, словно рассматривая что-то позади барной стойки.

— Быть немного жадным вовсе не зазорно, Хлоя. Миром правит корысть. Успех, саморазвитие, амбиции. Понимаешь? Хотеть лучшего для себя — что в этом плохого? Или лучшего для своей семьи? Прекрасно, когда есть возможность подумать о бедных, голодных и так далее, — но эта возможность есть у нас только потому, что кто-то думает о себе и своих семьях.

— Знаешь, что? — Она посмотрела на меня огромными блестящими глазами. — Ты мне кое-кого напоминаешь, Эд.

— Какого-то хорошего парня, надеюсь? — съязвил я.

Она помотала головой. Мне нравилось, как пружинят ее волосы, хотя я уже смирился, что никогда не проведу по ним пальцами, не вдохну

их запах и не дерну за них, трахая их обладательницу сзади.

— Нет, — сказала Хлоя. — Он — один из тех мужчин, которого с малых лет запихнули в частную школу.

— А меня, вообще-то, нет.

— Тсс! — оборвала она меня. — Не перебивай. Суть в том, что он — не знаю уж, из-за частной школы или нет — возомнил, будто в этом мире каждый сам по себе и никто ни о ком по-настоящему не заботится, хотя некоторые делают вид. С тех пор он ищет для себя «самого лучшего». — Хлоя изобразила пальцами кавычки. — Он искренне не понимает, что с его взглядами не так. По сути, он даже не видит, что это всего лишь его личная точка зрения, причем довольно нездоровая. Нет, он уверен, будто познал великую истину о жизни и людях, которая доступна только ему и еще парочке реалистов. А на самом деле у него крыша едет. Возможно, какие-то крохи порядочности он еще не растерял, хотя сомневаюсь. Упиваться собой и своим мерзким самомнением ему позволяет убежденность, что не он один такой самовлюбленный, а чуть ли не каждый первый. Ради своего же душевного равновесия ему нужно верить, что все, кто проявляет заботу о ближнем,

лукавят: боятся признать собственный эгоизм или попросту хотят внушить вину таким, как он.

Меня посетила мысль, что она тоже нюхнула снежка, хотя внешних признаков не наблюдалось. Под коксом обычно разговаривают по-другому.

В общем, Хлоя, мать ее, не затыкалась:

— Социалисты, благотворители, сиделки, волонтеры — все они, на его взгляд, — подлые ублюдки. Либо намеренно вводят себя в заблуждение, либо — в силу каких-то левацких заморочек — нарочно подрывают самооценку нормальным людям со здоровыми амбициями вроде него. Мол, все хорошо, только если каждый заботится лишь о себе. Все в равных условиях, никто не стесняется своих стремлений и эгоизма; все четко понимают расстановку сил. А если кто-то недостаточно самовлюблен или того хуже — притворяется, что эгоизм ему чужд, — система начинает барахлить. По его мнению, именно так мир становится менее справедливым. Всякие добряки, которых он называет «святошами», выводят его из себя. Думаю, в душе он предпочитает злодеев, что довольно стремно, если вдуматься. Он твердо уверен, что добреньких шарлатанов нужно разоблачать. Постоянно об этом нудит. Не устает повторять,

что все они жулики и лжецы. И если честно, Эд, ведет он себя как последняя манда.

Забавно, но слово на букву «м» на меня особо не подействовало. В смысле, не возбудило. Мне всегда казалось, что грязные ругательства из женских уст звучат сексуально, а тут — не сработало. Странно.

— А-а, — протянул я. — Так это, наверное, твой бывший?

— Нет, Эд. Это мой папа. Ты напоминаешь мне отца. — Хлоя осушила свой бокал и похлопала меня по руке. — Прости, котик. Вон мои подруги идут, на вид им вроде получше. Слава богу. — Она изящно соскользнула с барной табуретки. — Мы, пожалуй, пойдем. Было любопытно с тобой поболтать. Пока!

После этого все трое свалили из бара.

Кого-кого я ей напомнил? Сраного папашу?! Вот сучка! Если честно, я едва не влепил ей пощечину.

Философ

Мне всегда снились кошмары. Еще задолго до того, как я стал солдатом, а затем полицейским, задолго до того, как убил отца Л. Ю. и занялся пытками, меня донимали мерзкие, тревожные, пугающие сны. Временами они становились

хуже, особенно сразу после случая с мистером Ю. Тем не менее я верю, что мое решение отказаться от личных вендетт и действовать лишь от имени авторитетных инстанций — заключить свое ремесло в четкие рамки закона и морали — помогло мне, так сказать, очистить совесть. По крайней мере, после этого кошмары стали терпимее.

Впрочем, полностью они не исчезли. Меня по-прежнему донимали люди, лица, звуки — особенно крики. Некоторые кошмары были связаны с последними на тот момент субъектами — их протестующими воплями в начале допроса, мучительным воем в процессе и неизбежным нытьем в финале. Вместе с мольбами о пощаде они порой выдавали нужные сведения, однако чаще всего пороли чушь, потому что в принципе ничего полезного не знали.

Пожалуй, я лишился определенных иллюзий, хотя к ночным кошмарам они никакого отношения не имели. Я понял, что работа у меня никогда не переведется, однако о громких достижениях можно забыть. Прибывали все новые и новые субъекты, их становилось больше в единицу времени, ширился диапазон возрастов, предысторий и профессий. Такое чувство, будто само общество рушилось. Христианская террористическая угро-

за, по всей видимости, только крепла, несмотря на усилия властей, спецслужб и нас самих, причем к реальным и потенциальным террористам прибавлялись нарушители драконовских мер безопасности и жестких законов, вызванных, в свою очередь, деятельностью экстремистов.

Мы с коллегами тешили себя мыслью, что, как бы плохо дела ни шли, без нашего профессионального усердия все стало бы намного хуже.

Получив долгожданное повышение, я перешел к административной работе и передовую, так сказать, покинул. Впрочем, с оговорками. В самые загруженные периоды я помогал коллегам, а в случае их непредвиденного отсутствия меня вызывали на замену. Подобное происходило несколько чаще, чем рассчитывал наш отдел, и чаще, чем того хотел бы я сам. Я стал посещать одобренного начальством психотерапевта, и тот назначил мне лекарства, которые действительно помогали — по крайней мере, поначалу.

Я завязал взаимно приятные отношения со служащей полиции и нашел в них своего рода отдушину, как, надеюсь, и она. Однажды мы решили вместе съездить в отпуск — погреться на солнышке в разгар зимы.

Мне это точно пришлось бы кстати. В то вре-

мя кошмары становились все тревожнее: меня убивали в собственном доме, я видел субъектов, которых когда-то допрашивал, — особенно тех, кто скончался. Они маячили в изножье моей кровати в том состоянии, в каком их оставил наш отдел. Молчали в темноте, в глазах сверкало обвинение. Я чувствовал запах их телесных жидкостей, а иногда — и полужидких субстанций, которые субъекты склонны выделять либо в начале допроса, либо под особым давлением. Я просыпался в пропотевшем комке простыней, боясь, что намочил или запачкал постель.

Сама вероятность таких неприятных сюрпризов в ночи меня ужасала. Врач выписал мне новых таблеток — от бессонницы. Стопочка виски на сон грядущий тоже пошла на пользу.

Честно говоря, перед случившимся в аэропорту меня посетило дурное предчувствие. Оглядываясь назад, я понимаю, что всего лишь вспомнил, как несколькими годами ранее христианские террористы ворвались в терминал, забрали оружие у полицейских и устроили бойню. Так или иначе, когда мы с подругой приехали в аэропорт, меня охватила странная тревога. На аэропорты уже несколько лет никто не нападал и самолеты не угонял, не считая пары-тройки попыток, ко-

торые удалось предотвратить. И хотя я твердил себе, что волноваться не о чем, дверцу машины я закрывал трясущимися пальцами.

Частично мое волнение объяснялось тем, что в последнее время я боялся наткнуться на бывшего субъекта в повседневной обстановке — например, в очереди. Кто знает, что бы он сделал: вдруг напал бы, начал орать или молча указал на меня друзьям? Смотрите, мол, вон стоит мой мучитель! За десять с лишним лет я допросил уже несколько тысяч человек, и далеко не все они умерли в тюрьме. Сотни по-прежнему гуляли на воле: чьи-то проступки признали незначительными, кто-то купил себе свободу, став информатором, а кто-то вообще ничего не совершал и пал жертвой клеветы. Что, если б я повстречал одного из них? Вдруг он набросился бы на меня с кулаками? Оскорбил у всех на глазах? Подобные думы донимали все чаще. По статистике, рано или поздно встреча должна была произойти.

Теперь я склоняюсь к мысли, что пересекался с этими людьми неоднократно. Я никогда специально не запоминал лиц или особых черт своих субъектов, однако, как показали сны, все это откладывалось в памяти неосознанно. Я начал замечать их на улицах, в парках, в мага-

зинах — в любом людном месте. Лица, которые я прежде видел в слезах или налитыми кровью, искаженными от мук, с открытыми в крике или залепленными скотчем ртами, с глазами навыкате…

Я стал реже выходить на улицу. Перешел на домашние развлечения, продукты заказывал с доставкой.

Мы с подругой зашли в терминал. Встретив суровые взгляды пограничных полицейских, вооруженных охранников и военных, я воспрянул духом. Уж этих-то парней никто не застанет врасплох, никто их оружие не отнимет. Семейную пару, стоявшую в очереди перед нами, увели на выборочную проверку багажа.

Выстояв довольно долгую и нудную регистрацию на рейс, мы отправились в бар. Я заявил, что после таких мучений мне нужно выпить, да и полеты меня нервировали. Мы просидели за столиком полчаса, прежде чем пойти на досмотр. Я осушил три или четыре бокала, моя подруга и один не допила.

К пункту досмотра тянулась длинная очередь. Я знал, что в стране объявлен повышенный уровень террористической угрозы, и предвидел, что сегодня нам придется постоять.

Мы потихоньку продвигались вперед. Я пытался читать газету. Полиция и военные ходили вдоль очереди, присматриваясь к людям. Я забеспокоился, что привлекаю их внимание, — не читаю, а притворяюсь, да еще и потею в три ручья. В голову пришло сразу несколько подозрительных психологических и физиологических типажей, которым я идеально соответствовал.

Опустив газету, я огляделся, стараясь придать себе обычный, безобидный вид. В крайнем случае, если меня все-таки вытащат из очереди, мои служебные документы пресекут любые подозрения на корню и, несомненно, обеспечат мне извинения со стороны полицейских.

Перед нами все еще маячила очередь метров на двадцать. Работали две стойки из трех; сотрудники паспортного контроля сканировали документы и билеты, после чего пропускали пассажиров в главную зону досмотра, где всесторонне проверялась ручная кладь.

В нескольких метрах впереди виднелась цветная семья, которая, как я предполагал, вызовет повышенный интерес. Прямо за мигрантами стоял молодой человек с объемистым вещмешком — парню повезло, что такую поклажу разрешили взять в салон. Судя по военной форме, это был

солдат-срочник. Мы прошли еще немного.

Подруга сжала мою ладонь. Улыбнулась.

Меня одолевали тревожные, едва ли не предательские мысли. Христианские террористы, заключил я — да и прочие тоже, — в чем-то правы. Нет, я не отрицал, что в целом они заблуждаются и творят зло или что общество должно бороться с ними всеми возможными способами, включая чрезвычайные, однако я спрашивал себя: а мы чем лучше?

С прискорбием я заключил: все люди одинаковы. Мы истекаем кровью, горим, молим о пощаде, кричим, ведем себя похоже. Не важно, виновные или нет. Без разницы, какой расы. Разве что пол имел значение, да и то небольшое. Среди христианских террористов, конечно, было много фанатиков, однако я начал сомневаться, что они фанатичнее «наших» экстремистов, которые закидывали коктейлями Молотова их общины или распинали целые семьи на затерянных фермах.

Простые христиане, застигнутые врасплох в своих церквях, в кругу родных или друзей, ничем не отличались от иных людей. Мы все походили друг на друга. Мы, человеческие существа, почти без исключения были слабыми, нечистыми на руку, жестокими, эгоистичными и подлыми. Мы

могли пойти на что угодно, лишь бы избежать боли, тюрьмы и смерти, — даже подставить абсолютно невиновных.

В этом и заключалась наша правда. Мы все были одинаковы.

Разницы никакой. На действия, направленные против нас, мы отвечали такими же действиями. Я наблюдал это сотни — тысячи — раз.

Что же толкало христианских террористов к столь отчаянным деяниям, столь ярому фанатизму? В любом обществе, в любой большой группе людей, в рамках любой распространенной религии имелись подгруппы, которые первыми ломались под давлением, что и влекло за собой насилие, экстремизм. Откуда же бралось это давление изначально? Кто его создавал?

И разве мы — обычные, достойные люди, работники служб безопасности или, к примеру, моего отдела — повели бы себя по-другому на месте террористов, если нас с ними, допустим, перепутали бы в роддоме?

Я по-прежнему верил, что занимаюсь нужным делом, однако подобные вопросы терзали меня все чаще.

В голове нашей медленно ползущей очереди, между двумя работающими стойками паспорт-

ного контроля, стоял большой, высотой где-то мне по бедро, пластиковый контейнер, в котором лежали ножи, пинцеты, металлические инструменты, а также другие вещи, конфискованные у незадачливых пассажиров, не знавших о нынешних запретах. Свободного места в контейнере почти не осталось. Я задумался, будет его содержимое продано в магазинах подержанных товаров, отдано на переплавку или попросту выброшено.

Когда до контейнера оставалось метров пять, молодой солдат вышел из очереди и махнул удивленному сотруднику аэропорта, проверявшему паспорта. Юноша что-то затараторил. Интонация — скорее доброжелательная и шутливая, нежели печальная или раздраженная. Я решил, что он опаздывает на рейс и объясняет, что хотел бы пройти поскорее, иначе ему припишут самовольную отлучку.

Я оглянулся. Ближайший полицейский направлялся к началу очереди, где солдат уже дошел до контейнера и что-то втолковывал служащему. Свой набитый вещмешок он поставил на пол, после чего заложил руки за голову и расправил спину, тем самым неосознанно спародировав позу, которую, несомненно, попросит его принять

полицейский, если парень продолжит попытки влезть вперед остальных. Вокруг уже слышался недовольный ропот.

Большой вещмешок по-прежнему лежал у контейнера, полного острых предметов.

Я до сих пор не знаю точно, почему так отреагировал. Я закричал, потом каким-то образом понял, что времени нет, и толкнул подругу в сторону, к стене, пытаясь заслонить ее собственным телом.

Это все, что я помню.

Молодой солдат был христианским террористом, бомбистом-смертником. В его вещмешке лежало взрывное устройство. И хотя бомба не содержала шрапнели, за счет предметов из контейнера ее поражающая способность возросла.

Не считая террориста, погибло тридцать восемь человек. Среди них — оба служащих паспортного контроля и полицейский, который как раз подбегал, чтобы разобраться. Все, кто стоял перед нами в очереди, умерли мгновенно, выжил лишь младенец, спавший в рюкзаке-кенгуру. В радиусе трех-четырех метров от меня погибли почти все. Моя подруга прожила еще пять дней. Я примерно столько же пролежал в критическом состоянии, а затем еще месяц — в отделении интенсивной терапии. Я лишился левого глаза, левой ноги и

обеих барабанных перепонок.

Самым трагичным и в какой-то мере беспросветным был тот факт, что военную форму молодой бомбист не украл — его действительно призвали в армию. Его состоятельная, интеллигентная семья не вызвала никаких подозрений. Парень получил безупречные рекомендации и успешно прошел все этапы проверки, включая психологические тесты. В христианство он обратился тайно, лишь за несколько месяцев до теракта. Когда я узнал об этом, меня окончательно охватило уныние, хотя и раньше, разумеется, я пребывал не в лучшем настроении.

Прошло две недели с тех пор, как меня перевели из палаты интенсивной терапии в обычную. Боль еще полностью не утихла. Я дремал на койке, и вдруг меня разбудила женщина. Низенькая, с выдающимся бюстом, хорошо одетая и сильно надушенная. Я не узнал ее и задумался, все еще сонный после обезболивающих, не одна ли это из моих субъектов явилась посыпать соли мне на раны?

Она взяла меня за руку, как будто хотела прощупать пульс, затем обхватила запястье плотнее, и тут, не успев опомниться, я очутился в совершенно другом месте.

Транзитор

Мой новый приятель Эдриан вызвался поддержать меня лично. Сейчас он в пути. Хотя прибудет в лучшем случае ближе к вечеру.

Какое-то время я слоняюсь по пустынному дворцу, чувствуя себя пленником его роскошных залов и опасаясь себя выдать: вдруг за мной кто-то наблюдает? Тем не менее покидать эти стены я не спешу. Здесь я как будто в безопасности, несмотря на ассоциации с тюрьмой и растущие шансы быть пойманным, если задержусь. Спустившись на первый этаж, останавливаюсь перед большой холодильной камерой. Питание отключено, внутри темно и сухо; толстую, с уплотнителем, приоткрытую дверь подпирает завернутый в целлофан ящик с кока-колой. Я вдруг с трепетом вспоминаю, как прибыл сюда во время снегопада, как встретил свою пиратку, как впервые ощутил уникальный амбр этого места.

В начале первого визита, еще ничего не зная об этом мире и улавливая лишь намеки на его истинную сущность, я бы охотно поставил чей-нибудь последний доллар на то, что здешние обитатели — корыстолюбцы, которые превозносят и даже боготворят свободную погоню за материальными благами и достоинства денег

как таковых. Не в качестве официальной религии, разумеется: людям нравится считать себя менее приземленными. Хотя это как посмотреть. Благими намерениями вымощена дорога в ад, а дьявол кроется в деталях договора, напечатанных мелким шрифтом.

Я вовсе не претендую на моральное превосходство. Личности вроде меня видят такие вещи яснее лишь потому, что имеют возможность наблюдать за однотипными примерами, разбросанными среди множества миров, а не потому, что мудрее или культурнее. И даже понимая первостепенное значение деталей, я вынужден признать, что именно из мелочей, из суеты и вздора нашего бытия неминуемо рождается погибель, как восстает из океанского хаоса громадная волна-убийца.

Желание копаться в подробностях однажды меня погубит. Детали всегда забирают свое.

Существует много разновидностей капитализма — как и социализма, да и любогоизма, если вдуматься. Одно из важнейших различий между целыми группами абсолютно на первый взгляд капиталистических обществ — хотя различие это основано на несущественной, казалось бы, детали — связано с тем, кто́ управляет рынком: частные

фирмы и товарищества или же акционерные компании с ограниченной ответственностью.

Я бы солгал, заявив, будто с детства увлекаюсь экономикой, однако, исходя из сведений, почерпнутых мной за прошедшие годы, возникновение компаний с ограниченной ответственностью означает одно: у людей появляется возможность рисковать по-крупному чужими деньгами, а если что-то идет не так — человек просто сбегает от долгов, потому что компания по какой-то причине считается самостоятельным лицом, и ее долги умирают вместе с ней (в случае с товариществом такая сказочка не прокатит).

Сущий бред, ей-богу. Раньше меня удивляло, как законодательная власть может подыгрывать столь откровенному надувательству и даже наделять его легальным статусом. Тогда я был слишком наивен; теперь-то понимаю, почему все эти властные карьеристы в парламентах поддерживают подобное.

Несмотря ни на что, реальности, где процветают компании с ограниченной ответственностью, прогрессируют быстрее, чем другие типы миров, хотя их развитие идет менее гладко и надежно, а порой приводит к катастрофам. Я изучал этот вопрос, и, если честно, цель средств не оправ-

дывает. Однако попробуйте сказать это тем, кто поддался соблазну безумных мечтаний; такими людьми движет слепая вера, их постоянно ублажает невидимая рука.

Я ногой отодвигаю ящик из-под колы в сторону, и дверь холодильной камеры с глухим стуком захлопывается.

Кухня в Палаццо Кирецциа поражает своими размерами. Здесь тоже, разумеется, нет электричества и других исправных источников энергии, однако в шкафах полно столовых приборов, а кладовые набиты консервами. Я зажигаю свечу и открываю банку с зеленым горошком.

Расслабившись, обнаруживаю в себе тягу узнать, сколько горошин умещается в ложке. О нет! Я-то решил, что избавился от этого изъяна.

Пытаюсь проигнорировать бредовый порыв и спокойно поесть, но ложку как будто прижимает к тарелке невидимая сила, а перед лицом словно возникает мембрана, не позволяющая поднести еду ко рту. Как ни абсурдно, мне проще смириться и сосчитать горошины.

Я не могу получить точные данные, просто таращась на ложку с медленно оседающей горкой горошин (хотя уверен, мои прикидки оказались бы близки к финальному результату), поэто-

му мне приходится высыпать содержимое на тарелку и пересчитать там. В тусклом свете единственной свечи это не так просто, как кажется. Чтобы не ошибиться, я разбиваю горошины на кучки по пять штук. Закончив подсчеты, понимаю, что обратно в ложку эти горошины не собрать. Тогда я смешиваю их с общей массой горошка на тарелке и зачерпываю новую порцию. Думаю, первая ложка содержала вполне типичное число горошин. Вторая тоже выглядит типично, а значит, горошин в ней примерно столько же.

Или нет? Я злюсь на самого себя, в полупустом животе бурчит, и все-таки желание знать перевешивает. Была ли первая ложка типичной? Можно ли полагаться на изначальные данные? Я вновь высыпаю горошек из ложки на край тарелки и тщательно подсчитываю. Горошин чуть больше, чем было в первый раз. Я вычисляю среднее, но уже в процессе понимаю, что двух ложек мало. Нужен еще один пример. В конце концов, для триангуляции необходимы три величины.

Количество горошин в третьей ложке примерно равно среднему арифметическому первых двух — идеальное попадание, верный знак, что нужное число найдено. Решив больше ерундой

не заниматься, съедаю горошек из третьей ложки. Сработало. Я снова могу спокойно откинуться на стуле. С облегчением выдыхаю через нос, пока мои зубы и язык перемалывают отдельные горошины в клейкую массу. Я глотаю ее и, наклонившись над столом, зачерпываю следующую ложку *piselli piccoli.* Пламя свечи дрожит, словно от холода.

Я роняю ложку на тарелку и, глядя на свечу, погружаюсь в воспоминания.

Вот только это уже не воспоминания. Это…

Я наблюдаю, как она проводит ладонью над зажженной свечой, поглаживая желтое пламя: веер пальцев порхает в жарком воздухе, раскаленная сердцевина трепещет, но плоть остается нетронутой. Огонек отклоняется то влево, то вправо, подрагивает, выпуская к сумрачному потолку колечки сажистого дыма, а она продолжает медленно водить рукой над эфемерной слезинкой пламени.

— И все-таки для меня разум — это прежде всего концентрация, — произносит она. — Представь себе увеличительное стекло, которое фокусирует лучи света в одной точке, пока не загорается огонь — пламя разума. Самосознание рождается путем сгущения реальности. — Она вскидывает

взгляд. — Понимаешь?

Я неотрывно смотрю на нее.

Она рядом, прямо здесь, прямо сейчас.

Это не воспоминание, не флешбэк. Конечно, мы приняли кое-какие наркотики, которые все еще действуют, однако происходящее на дурман не спишешь. Все вокруг такое яркое, мгновенное, живое. Одним словом — реальное.

Склонив голову набок, она приподнимает одну бровь:

— Тэм? Ты меня слушаешь?

— Слушаю.

— Тебя как будто что-то отвлекает, — тихо замечает она и поплотнее заворачивается в простыню.

Набрав в грудь воздуха, она собирается сказать что-то еще…

— Нет разума в отрыве от контекста, — опережаю ее я.

Между бровями у нее мгновенно проступает морщинка.

— Я как раз… — Все еще хмурясь, она убирает ладонь от свечи; пламя ярко-желтым щупальцем тянется за ее пальцами, словно отказываясь их отпускать. — Я тебе об этом уже рассказывала?

— Не совсем. — Я наблюдаю, как огонек свечи

принимает прежнюю форму. — То есть, не то чтобы… Нет.

Она глядит на меня то ли растерянно, то ли с подозрением.

— Гм-м… — произносит она. — Что ж, ты прав. Представь себе увеличительное стекло: оно отбрасывает тень на область рядом с объектом фокусировки, и это темное пятно — расплата за концентрацию на чем-то конкретном. Так и мы забираем смысл из окружающего мира, чтобы силой разума сосредоточить его в нас самих.

(Ее волосы…)

Ее волосы — водопад рыжевато-каштановых кудрей — деликатным нимбом обрамляют склоненное набок лицо и ниспадают на плечи, приоткрывая стройную шею. В ее глубоких, карих с рыжинкой глазах, издали почти черных, отражается ровное, безмятежное пламя, словно иллюстрируя ее идею о природе разума. Взгляд будто остекленел. Крохотный сполох сверкает в ее зрачках — замерших, внимательных, живых. Она неспешно, едва ли не томно моргает.

Я вспоминаю, как вспомнил, что наше зрение не статично; мы можем пристально что-то рассмотреть лишь потому, что наши глаза ежесекундно совершают множество крошечных

безотчетных движений. Если привести глаза в полную, абсолютную неподвижность, предмет в поле зрения исчезнет.

— Я люблю тебя, — говорю я.

Она резко выпрямляется.

— Что?!

Всего одно резкое слово — и огонек свечи гаснет, а комната погружается во тьму.

Внезапный ветерок задувает свечу на кухонном столе в Палаццо Кирецциа, холодит мне лицо и поднимает дыбом волоски на загривке. Ложка с зеленым горошком замерла на полпути ко рту — так я держал ее за миг до того, как проиграл в памяти, пережил заново и поменял события, произошедшие двенадцать лет и бесконечное число миров назад. Но ведь ложка, кажется, упала…

Где-то в здании хлопает дверь. Здесь, на кухне, раздаются щелчки и гудение, моторчики начинают вращаться, компрессоры в холодильнике и морозилке со вздохом оживают. В коридоре включается свет, и я слышу отдаленные шаги.

13

Пациент 8262

Прошлую ночь я провел не в своей койке, не на своем этаже. Я очутился этажом ниже, где накануне пережил нечто пугающее. Я лежал в тихой палате среди совершенно безмолвных обитателей. Недолго, но мне хватило. Ужасный опыт.

Это произошло после того, как я лишился чувств в кабинете широкоплечей докторши. До сих пор не понимаю, что там все-таки было. Под конец все превратилось в некую бредовую галлюцинацию, осознанный кошмар вудуистского толка. Признаюсь, я даже обрадовался, что упал в обморок, и по-прежнему благодарен нежданному избавлению, пусть оно и помешало мне разобраться в случившемся.

По моим наблюдениям, всегда наступает момент, когда человек понимает, что спит и видит сон. В том, что случилось вчера, я такого момента не нахожу. Могло ли мне все это присниться? Сомневаюсь. По крайней мере, я точно покидал свою палату — сам или по чьей-то воле.

Обратно меня привезли на каталке после того,

как я некоторое время пролежал в тихой палате (к чему мы еще вернемся). В этот момент я, несомненно, пребывал в таком же ясном уме, как сейчас. Впрочем, если задуматься, я столь же четко мыслил и в начале беседы с коренастой докторшей.

Ладно, проехали. События, произошедшие после тихой палаты и до настоящего времени, довольно банальны. Больше никаких ритуальных кукол, заставляющих людей задыхаться, хвататься за сердце или что там еще, а потом — выпрыгивать из окон. Впрочем, меня заверили, что мне привиделось.

Очевидно, здесь есть о чем подумать. Этим я и занимаюсь. Лежу на койке, закрыв глаза. Пытаюсь сосредоточиться. Не исключено, что мне придется встать и провести дополнительное расследование среди слюнявых товарищей в комнате отдыха, а может, еще раз расспросить санитаров, однако сейчас мне нужно спокойно поразмыслить, ни на что не отвлекаясь.

Исходя из вышесказанного, я особенно внимательно слежу за тем, чтобы дверь в палату была закрыта. Как только услышу скрип — сразу распахну глаза: вдруг злодей, приходивший позапрошлой ночью, рискнет явиться среди бела

дня?

Важнее всего две вещи. Первая — я не могу понять, в какой момент мой визит к коренастой докторше утратил осмысленность и превратился в абсурд. В воспоминаниях все происходит непрерывно. Это изводит меня сильнее всего. Я словно не могу разгадать простейший трюк фокусника или отыскать место, где к ткани пришита заплатка.

Вторая вещь — то, что я пережил, когда пришел в себя.

Я очнулся на каталке — койке с колесиками. Вокруг было темно; громадное помещение размером с комнату отдыха в конце моего коридора, а то и больше, едва подсвечивали две дежурные лампочки. Потолок казался выше, чем в моей палате или комнате с телевизором. Я чувствовал себя сонным и заторможенным, однако боли не ощущал. Значит, цел и невредим. Попробовал подвинуться, но либо мне слишком туго подоткнули одеяло, либо я временно утратил силы — спросонья не разберешь. Пришлось лежать на месте. Прислушавшись, я различил тихий храп.

Я повернул голову в одну сторону, в другую. Громадная общая палата, на краю которой я находился, напоминала о старых фотокарточках и

репортажах из бедных стран. Моя каталка стояла последней в длинном ряду коек, ближе всего к частично остекленным двойным дверям. На противоположной стороне помещения, под высокими окнами, тянулся еще один ряд кроватей.

Чтобы увидеть больше, я снова попробовал приподняться — по крайней мере, оттолкнуться руками, опереться на локти. Безуспешно.

Как бы там ни называлось чувство, которое включается в таких случаях, оно сигнализировало, что я вовсе не обессилел: мышцы работали исправно — им просто физически что-то мешало выполнять свои задачи. Что-то удерживало меня на месте. Я оторвал голову от подушки как можно сильнее, до дрожи в шее, и, взглянув поверх простыни, понял, что пристегнут.

Меня пристегнули к койке! Мгновенно накатила паника, и я попытался освободиться. Ремней было четыре: один охватывал плечи, второй стягивал живот, прижимая руки к бокам, третий фиксировал ноги в районе коленей, а четвертый стискивал лодыжки. Ни один не позволял мне сдвинуться даже на миллиметр. А если пожар? Вдруг ко мне, абсолютно беспомощному, опять полезет ночной извращенец?

Как они посмели так со мной поступить? Я ведь

ни разу не проявлял агрессию!

Так уж ни разу? Серьезно?.. Нет, разумеется, в прошлой жизни я вел себя крайне жестоко — чего еще ждать от хитроумного наемного убийцы? Однако то было давным-давно, далеко отсюда и вообще в других телах. Здесь, в клинике, я был как ягненок, как мышка, как образец идеального послушания, не обидевший и мухи! А они связали меня, словно буйного психа!

Мои усилия ни к чему не привели. Ремни по-прежнему крепко удерживали меня на койке. Вместо того чтобы их ослабить, я лишь разогнал себе пульс, перегрелся, вспотел и едва не лишился остатков сил.

«По крайней мере, — думал я, тщетно пытаясь нащупать дрожащими пальцами какой-нибудь шов, отверстие или рычажок, — если человек, который приставал ко мне прошлой ночью, и найдет меня здесь, абсолютно беспомощного, то столкнется с той же проблемой, что и я, — тугим коконом из простыней».

Оставалось надеяться, что сунуть пронырливые пальцы в мою постель будет так же сложно, как мне — выпростать руку наружу.

Тем не менее страх не отступал. Вдруг все-таки начнется пожар? Я обуглюсь, запекусь, сгорю

до костей! Отравление дымом будет подарком судьбы.

А если ночной мерзавец вернется — что тогда? Может, ему и не удастся залезть рукой под простыню, не расстегнув перед этим ремни, но в остальном он волен делать все, что хочет! К примеру, задушить меня. Заклеить рот скотчем и заткнуть нос. Совершить нечто мерзкое прямо мне на лицо. Приподняв простыню в изножье койки, он получит доступ к моим ступням. Я слыхал про мучителей, которым довольно и ступней. Если вас хлещут по пяткам что есть мочи — боль, говорят, невыносимая.

Я продолжил попытки освободить лодыжки, попутно обшаривая борта каталки на предмет бреши в моем панцире из постельного белья и ремней. Мышцы ладоней, предплечий, ступней и лодыжек заныли от боли. Дошло даже до судорог.

Я решил немного передохнуть.

По телу струился пот. Нещадно чесался нос, а я не мог ни дотянуться до него, ни повернуть голову достаточно сильно, чтобы коснуться им подушки.

Как мог, я осмотрелся по сторонам. В палате находились по меньшей мере две дюжины па-

циентов. Деталей я по-прежнему не различал — лишь мрачные очертания, бугры на койках. Звучал негромкий храп.

Я подумал, не закричать ли. Возможно, разбужу кого-то из этих сонь, и мне, наконец, помогут. Я покосился на соседнюю койку, где-то в метре от моей. Спящий человек выглядел довольно тучным, голова была повернута ко мне затылком. А вот ремней я не заметил.

Меня удивляло, что мои потуги освободиться никого не разбудили. Должно быть, я вел себя тихо.

Внезапно я уловил странный запах и вновь на мгновение испугался. Неужели пожар? Заискрила проводка? Загорелся матрас? Впрочем, немного подумав, я заключил, что пахнет вовсе не дымом. Душок неприятный, но пожар тут ни при чем. Возможно, с одним из обитателей палаты случился маленький ночной инцидент.

Я мог бы закричать. Даже тихо откашлялся. С горлом проблем не обнаружилось — похоже, голос меня не покинул. И все-таки я опасался привлекать внимание. Вдруг где-то рядом спал тот, кто пытался ко мне приставать? Или у кого-то здесь те же наклонности? Это вряд ли, убеждал я себя. Опасных пациентов не положили бы в об-

щую палату. Их бы заперли отдельно. По крайней мере, пристегнули бы к койкам, подобно тому, как по нелепой случайности пристегнули меня.

Так или иначе, я предпочел не шуметь.

Один из пациентов по-звериному всхрапнул. Другой вроде бы ответил. Снова донесся прежний запах.

Мне в голову закралась ужасающая догадка. А вдруг меня окружают вовсе не люди? Уж не животных ли тут держат? Это объяснило бы и комковатую бесформенность большинства тел, и запах, и странное кряхтенье.

Конечно, за все время, проведенное в этих стенах, я ни разу не усомнился в том, что наша клиника — респектабельное и гуманное учреждение, где с пациентами обращаются бережно. У меня не было ни малейшей причины подозревать (кроме тех догадок, которыми мои стесненные органы чувств снабжали испуганный мозг и гиперактивное воображение), что попал я не в обычную палату с мирно спящими пациентами, а куда-то еще. И все же, если человек переживает нечто странное, падает в обморок, а очнувшись ночью, обнаруживает себя намертво пристегнутым к каталке в окружении незнакомцев, — неудивительно, что готовится он к худшему.

Дородная фигура, которая смутно вырисовывалась на соседней койке — с большой вероятностью, это она источала странный запах и кряхтела, — шевельнулась, будто собираясь повернуться на другой бок, лицом ко мне.

У меня с губ сорвался вскрик, похожий на испуганное тявканье. Существо на соседней койке застыло — как будто услышало мой возглас или пробудилось. Я решил, что таиться дальше бессмысленно.

— Кто здесь? — спросил я.

Надеюсь, мой голос прозвучал уверенно.

Тишина.

— Кто здесь? — повторил я чуть громче.

Ответа вновь не последовало.

— Кто здесь?! — я уже почти кричал.

Кто-то всхрапнул, однако фигура на соседней койке больше не двигалась.

— Кто здесь?! — проорал я.

Никто не шелохнулся.

— КТО ЗДЕСЬ?!

Лежавшее рядом существо начало медленно поворачиваться ко мне.

Внезапно из коридора послышался шум, заставив меня посмотреть на двери. В стеклянных окошках замаячил силуэт: к палате шагал

освещенный со спины человек. Двери распахнулись, вошел молодой медбрат. Тихо напевая себе под нос, он приблизился ко мне, после чего, прищурившись, пробежал глазами записи, прикрепленные к изножью моей каталки. Воспользовавшись тем, что стало чуточку светлее, я перевел взгляд на соседнюю койку. Я увидел темнокожую, упитанную, вполне человеческую физиономию с недельной щетиной. Мужчина, на вид слабоумный, крепко спал, раззявив рот и расслабив мышцы лица. Он вновь захрапел. Повернув голову к медбрату, я понял, что он снимает колеса моей каталки с тормозов.

Молодой человек вывез меня в коридор. Двери у него за спиной громко хлопнули, но тишина его, похоже, не заботила. Он открепил от каталки врачебную информацию и поднес ближе к свету. Затем пожал плечами, вернул листки на место и, насвистывая, покатил меня дальше.

Должно быть, он заметил, как я на него поглядываю, потому что подмигнул мне и спросил:

— Так вы не спите, мистер Кел? Вам сейчас положено спать. Теперь уж ладно, сначала… (середину фразы я не понял)…и переложим вас на больничную койку. Не понимаю, почему… (снова не разобрал).

Его голос звучал дружелюбно, успокаивающе. Думаю, его удивило, зачем меня пристегнули к каталке.

— Ей-богу, не понимаю, зачем вас положили с этими…

Последнее слово я не понял. Судя по интонации, оно было слегка оскорбительным — один из хлестких, честных, потенциально шокирующих терминов, какие бывают в ходу у медиков и не предназначены для посторонних ушей.

Громыхающий лифт, по обыкновению, медленно повез нас наверх. Пока мы поднимались, медбрат начал расстегивать ремни. Он доставил меня в палату, помог встать с каталки и уложил на койку. Когда он пожелал мне доброй ночи, я чуть не расплакался.

На следующий день молоденькая женщина-врач с мышиного цвета волосами долго расспрашивала меня о случившемся две ночи назад. Я не понимал всего, что она говорила, но старался отвечать как можно подробнее. На этот раз никаких позорных кукол мне не предлагали, за что я, наверное, должен сказать спасибо. Впрочем, ни извинений, ни объяснений по поводу моего плена в зловещей палате тоже не последовало. Я хотел узнать, почему там очутился,

что произошло, не найден ли мой обидчик и что предпринимает персонал, дабы помешать ему наведаться снова. Увы, мне недоставало слов, чтобы выразиться ясно, к тому же я стеснялся хрупкой девушки-доктора. Не хотелось ее тревожить, рискуя поставить себя или ее в неловкое положение. Я решил разобраться сам.

День шел своим чередом. Почти все время я с закрытыми глазами сидел на койке или на стуле и размышлял. Чем дольше я думал, тем крепче утверждался во мнении, что палата на первом этаже какая-то странная.

Слишком уж там было тихо. Мужчина, спавший по соседству, выглядел чересчур отрешенным. А если там всех накачали успокоительным? Не исключено. Трудных пациентов частенько усмиряют с помощью химического эквивалента ремней, которыми меня так несправедливо пристегнули к каталке. Возможно, без седативных препаратов пациенты перевернули бы клинику вверх дном.

И все же за этим чудилось нечто большее. Что-то в тихой палате показалось мне почти знакомым, всколыхнув половинку или даже четверть воспоминания — думаю, оно мне еще пригодится, если не сейчас, то в будущем. Навер-

ное, все дело в ощущении места, его атмосфере (по-моему, здесь должен быть другой термин, но он от меня ускользает). А может, виновата деталь, которую я подметил машинально, хотя осознанный мыслительный процесс ее пропустил?

Меня тянуло провести расследование. Да, днем ранее я точно так же хотел разузнать про ночного гостя, расспросить персонал и малахольных из комнаты отдыха, однако не вышло. И бог с ним, подумал я: раз уж вторжение не повторилось, лучше забыть о нем и больше ни с кем не обсуждать. Зачем привлекать к подонку лишнее внимание? Тайна палаты с тихими пациентами почему-то казалась мне важнее, серьезнее. Она определенно заслуживала тщательной проверки. Я решил вновь туда наведаться.

Я открыл глаза. Нужно было идти, пока не стемнело. Мне представлялось, что в дневные часы я узнаю о тихой палате больше, нежели ночью, когда все в любом случае будут спать.

Я встал с койки, надел халат и тапочки, по коридору добрался до лестничной клетки и спустился на первый этаж. Уборщицы у дверей тихой палаты накричали на меня, едва завидев. Я понял — в основном по жестам, — что не должен был топтать мокрый мол.

Ближе к вечеру я предпринял еще одну попытку, но меня завернула обратно медсестра, дежурившая в тихой палате. Когда двери закрывались, я заглянул в щель и увидел безмятежную картину. На белоснежные койки из окон падал мягкий свет, однако никто не сидел, опершись о подушку или свесив ноги на пол, никто не бродил по комнате. И пусть я не успел присмотреться, это спокойствие меня насторожило. Я ушел с твердым намерением вернуться ночью.

И вот, в самый разгар ночи, я соскальзываю с койки и накидываю халат. Я чувствую лишь небольшую сонливость после вечерних лекарств: я проглотил только одну таблетку, вторую тайком выплюнул.

Мне разрешают пользоваться карманным фонариком, который я храню в прикроватной тумбочке. Батареек в нем нет — он работает, если сжимать ручку. Крошечный маховик начинает крутиться с еле слышным скрежетом, отчего загорается маленькая желто-оранжевая лампочка. Я беру фонарик с собой.

Еще у меня есть нож, о котором персонал не знает. Думаю, он предназначен для чистки овощей и фруктов. Я нашел его однажды утром, когда принесли завтрак. Ножик лежал под большой

тарелкой. У него маленькое острое лезвие и черная пластиковая рукоять с глубокой царапиной. Обнаружив его, я заметил, что к металлу пристал кусочек какого-то склизкого овоща — значит, ножом недавно пользовались. Должно быть, работники кухни забыли положить его на место, и он по ошибке очутился на моем подносе.

Сперва я хотел сообщить о находке, позвать кого-нибудь или оставить ножик на тарелке, чтобы его забрали и вернули на кухню — а может, и выбросили (эта зазубрина на ручке, наверное, служила рассадником микробов). Сам не знаю, почему забрал нож себе, протер салфеткой и положил на маленький выступ позади прикроватной тумбочки. Просто решил, что так нужно. Я не суеверный, однако счел этот ножик подарком судьбы и вселенной, а такими вещами не разбрасываются.

Нож я тоже беру с собой.

Моя палата не заперта. Я выхожу, тихо прикрываю дверь и оглядываю тускло освещенный коридор. Вдали — там, где комната отдыха и сестринский пост — виден маленький островок света и приглушенно звучит радио, какая-то задорная мелодия. Путь теперь кажется гораздо опаснее, чем предыдущие две вылазки днем.

Я дохожу до лестницы. Подошвы моих тапочек шлепают тишайшим образом. Осторожно открываю и закрываю дверь. Лестничная клетка освещена ярче и пахнет чистящими средствами. Я спускаюсь на первый этаж и крадусь по нижнему коридору столь же тихо, как по верхнему. Опять полумрак. Я приближаюсь к дверям с застекленными окошками, за которыми темным-темно.

Прикрываю за собой двери. Палата не изменилась. Оглядываю тучного мужчину на ближайшей ко входу койке. Рядом с ним прошлой ночью поставили мою каталку. Пожалуй, он выглядит так же, как вчера. Прохожу мимо остальных кроватей. Везде лежат обычные люди — исключительно мужчины, разной комплекции и с кожей самых разных оттенков. Все мирно спят.

Что-то не дает мне покоя. Какой-то нюанс относительно самого первого пациента — толстяка у дверей. Возможно, я пойму, когда взгляну на него еще раз, на обратном пути.

У одного из мужчин в дальнем конце палаты я замечаю что-то на шее. Приходится включить фонарик. Прикрываю его рукой, чтобы свет не бил в глаза спящему. Возле кадыка вижу запекшуюся кровь. Впрочем, совсем немного — ничего

зловещего. Скорее всего, порез от бритвы.

Вот оно! Я на цыпочках возвращаюсь к толстяку. Его побрили! Прошлой ночью у него была щетина, какая отрастает примерно за неделю, а сейчас он гладко выбрит. Я оглядываюсь. Все лица выбриты. Прежде я встречал и бородатых, и усатых пациентов — судя по всему, здесь нет четких правил касательно волос на лице. Из каждых двадцати подопечных клиники у одного-двух точно будет борода.

Я рассматриваю дряблое, безбородое лицо толстяка. Он побрился — или его побрили — не слишком аккуратно. Тут и там торчат пучки волос, порезы тоже имеются. Поддавшись порыву, я кладу руку ему на плечо и легонько трясу.

— Прошу прощения, — тихо говорю я на местном языке. — Вы меня слышите?

Я вновь его встряхиваю, на этот раз чуть сильнее. Он издает утробный звук, веки начинают подрагивать. Я опять его трясу. Глаза толстяка распахиваются, и он медленно поднимает на меня взгляд. Выражение лица почти не меняется. Похоже, смотрит он не особо осмысленно.

— Здравствуйте. Как вы? — спрашиваю я, не придумав ничего лучше.

Понимания в его взгляде не прибавляется. Он

несколько раз моргает.

— Эй! — Я щелкаю пальцами у него перед носом.

Ноль внимания.

Тогда я достаю фонарик и направляю луч ему в глаза. Врачи так делают, я видел. Здоровяк щурится, пробует отвернуться. Его зрачки сужаются очень медленно. Наверное, это что-то значит, вот только не знаю, что именно. Я перестаю сжимать рукоять фонарика. Моторчик стихает, свет гаснет. Не проходит и пяти секунд, как мужчина уже снова храпит.

Случайным образом я выбираю еще одного подопытного, ближе к центру палаты, и наблюдаю ту же реакцию.

Как только я выключаю фонарик, а пациент проваливается в сон, в коридоре раздаются шаги. К палате приближается неясная фигура. Я пригибаюсь, а когда двери начинают открываться — отползаю подальше. Нырнув под койку, я ударяюсь головой о металлический каркас и с трудом подавляю вскрик. Я слышу, как некто расхаживает по помещению; неяркий луч то вспыхивает, то исчезает. В поле зрения возникает пара ног: юбка, белые туфли. Не останавливаясь, медсестра проходит мимо моего убежища. Я на-

клоняю голову, чтобы за ней понаблюдать. Она движется к дальнему концу палаты. Задержавшись у пары коек, дважды щелкает фонариком. Затем разворачивается и шагает обратно. На миг медсестра замирает у выхода и наконец уходит, бесцеремонно хлопнув створками дверей.

Я выжидаю несколько минут. Сердце потихоньку успокаивается. Я настолько расслабляюсь, что едва не засыпаю.

Выбравшись оттуда, я преодолеваю нижний коридор и лестницу незамеченным. Вот только в моей собственной палате горит свет. Внутри я застаю медбрата — дежурного по нашему этажу. Нахмурившись, он читает мою историю болезни.

— В туалет ходил, — оправдываюсь я.

Похоже, санитар не слишком-то верит, однако помогает мне забраться в постель и подтыкает одеяло.

Едва сомкнув веки, я мысленно возвращаюсь в палату на первом этаже и вдруг понимаю, что именно бередило мне душу и не давало покоя, пусть я не сразу это осознал: однообразие. Все прикроватные тумбочки выглядели одинаково. Я не заметил ни открыток с пожеланиями, ни цветов, ни корзин с фруктами — никаких указаний

на конкретного пациента. На каждой тумбочке — кувшин с водой да пластиковый стаканчик. И все! Не видел я и стульев возле коек. Вообще ни единого стула в палате!

Оболочки. Все время возвращаюсь к этому до странности важному слову. Оно приходит мне на ум всякий раз, когда я вспоминаю тихую палату и ее накачанных лекарствами или иным способом обесчеловеченных обитателей. Оболочки. Пустые оболочки. Сам не знаю, почему это слово так много для меня значит.

Оболочки…

Мадам д'Ортолан

— Но, мадам, неужели это и правда настолько ужасно?

Мадам д'Ортолан воззрилась на профессора Лочелле как на умалишенного. Они двое еле втиснулись в кабинку для индивидуальной научной работы, находившуюся в шпиле одного из наименее презентабельных корпусов Университета практических навыков. Из этого здания был виден Туманный купол, однако располагалось оно достаточно далеко и уединенно, чтобы встреча гарантированно прошла без свидетелей.

— Кто-то транзитирует без септуса! И правда, что здесь ужасного? — язвительно бросила мадам

д’Ортолан.

— И все же, мадам, — Лочелле взмахнул коротконалой ладонью, — почему бы нам, напротив, не отпраздновать тот факт, что один из нас открыл — предположительно, разумеется, — способ перемещаться без препарата? Это же прорыв! Или, по крайней мере, прогресс.

Одежда мадам д’Ортолан — безукоризненный молочного цвета комплект из брюк, кардигана и джемпера — напоминала нелинованный блокнот, тогда как буколический костюм-тройка Лочелле — зеленоватую миллиметровую бумагу. Судя по выражению лица, мадам д’Ортолан всерьез жалела, что при всем желании не смогла бы вытолкнуть профессора из слишком узкого окошка и отправить в полет с высоты в шестьдесят метров.

— Лочелле, — с ледяной четкостью прошипела она, — вы совсем обезумели?

(Профессор изогнул брови, показывая, что с таким выводом не согласен.)

— Если люди научатся транзитировать без септуса, как же мы будем их контролировать? — медленно, как малого ребенка, попыталась вразумить его мадам д’Ортолан.

— Ну… — возразил было Лочелле.

— Прежде всего, — оборвала его Мадам, — это открытие сделано отнюдь не в наших крайне дорогих, а теперь, похоже, бесполезных лабораториях. И не во время тщательно продуманного полевого эксперимента, проходящего под неусыпным надзором. Нет, эта весть свалилась на нас как снег на голову, да еще и когда в Совете кризис! К тому же тут замешан наш бывший сторонник, внезапно переметнувшийся к врагу, — наемный убийца, который — как с беспокойством сообщили мне те, кто его выслеживает, — весьма вероятно, может развить в себе и другие, прежде немыслимые способности. Вы только…

— Правда? Но ведь это поразительно! — воскликнул профессор, воодушевленный такими новостями.

Леди нахмурилась.

— Да уж, чудесно! — рявкнула она, хлопнув ладонью по маленькой парте и подняв тучу пыли.

От неожиданности Лочелле подскочил. Мадам д'Ортолан взяла себя в руки и, тяжело дыша, продолжила:

— Не сомневаюсь, вы будете рады узнать, что ученые, эксперты и профессора университета разделяют как ваш энтузиазм, так и прискорбную неспособность понять, что дело вот-вот обернется

катастрофой!

Она положила ладони на пухлые щеки профессора и сжала его гладкое, надушенное лицо. Сплющенный рот и красный нос-луковица словно оказались стиснутыми между двух лоснящихся подушек.

— Включите же голову, Лочелле! Проще всего одолеть врага или группу врагов, задавив количеством. Если у противников дубинки, нужно лишь раздобыть еще больше дубинок, да покрупнее. То же самое с пушками, символикой, бомбами, другим оружием или навыками. А как прикажете бороться с человеком, который, без сомнения, покинул наши ряды, яростно на нас ополчился, да еще и умеет делать то, чего не можем мы?

Ее железная хватка, сводившая на нет вероятность членораздельного ответа, навела профессора на мысль, что вопрос задан скорее риторически.

Мадам д'Ортолан мотнула профессорской головой из стороны в сторону.

— Из-за этого индивида мы рискуем попасть в большую, огромную беду! А вдруг и того хуже — да-да, все может стать еще хуже! — вдруг этот навык после недолгих тренировок станет доступен каждому? Любой идиот, фанатик, дилетант,

бунтарь, диссидент или подрыватель устоев сможет захватить чужие тело и разум, когда вздумается! Без предварительного плана, необходимых мер безопасности и законных оснований! Без достойной цели! Без сопровождения и опыта «Надзора», в конце концов! Куда это нас приведет? Как по-вашему? Я вам скажу: вероятно, самая могущественная способность, какая доступна человеку во множестве миров, ускользнет из-под нашего контроля! Можем ли мы это допустить? Можем пустить на самотек? Стоит ли это поощрять? — Она медленно развела ладони в стороны, выпустив щеки Лочелле.

Его лицо вернуло прежние очертания.

Профессор удивился и немного возмутился такому обращению.

Мадам д'Ортолан неспешно качала головой с печальным и серьезным видом. Профессор Лочелле обнаружил, что тоже качает головой ей в такт, словно выражая солидарность.

— Нет, — заключила леди, — такого допускать нельзя!

— Полагаю, это может привести к анархии, — заявил профессор, хмуро глядя в пол.

— Ах, мой дорогой профессор, — сказала мадам д'Ортолан, — уж лучше встретить анархию с

распростертыми объятиями, вручить ей ключи от дома и уйти, беззаботно насвистывая, чем столкнуться с тем, что нам грозит. Уж поверьте!

Лочелле вздохнул.

— И как же, по-вашему, следует поступить?

— Задействуем все средства, — ответила она напрямик. — Он изобрел дубинку нового типа — что ж, и у нас найдутся непростые дубинки. Особенно одна. — Леди взглянула на облака, проплывавшие по серебристому небу за окном, после чего вновь повернулась к хмурому профессору. — Мне кажется, мы действовали слишком осторожно. Возможно, даже к лучшему, что обстоятельства вынуждают нас принять меры. Иначе мы погрязли бы в сомнениях. — Она внезапно одарила Лочелле улыбкой. — Перчатки долой, выпускаем когти!

Профессор сдвинул брови еще сильнее.

— Полагаю, речь об одном из ваших особых проектов? Я прав?

— Разумеется. — Мадам д'Ортолан улыбнулась шире и вновь потянулась к его лицу; Лочелле чуть заметно вздрогнул, однако она всего лишь легонько потрепала его по правой щеке, как будто любимого кота. — И вы, конечно, мне поможете, профессор?

— А если нет — это поставит крест на ваших замыслах?

— Это поставит крест лишь на моем глубоком к вам уважении, профессор, — сказала она с серебристым смешком, который не нашел отклика в ее взгляде.

Посмотрев ей в глаза, Лочелле тихо проговорил:

— Что ж, мадам… Ваше уважение для нас — все. Вспомнить хотя бы Обликк, Плайта, Кряйка и остальных. Слышал, они едва избежали… Странные творятся дела.

— И не говорите… — Мадам д'Ортолан поцокала языком, изображая крайнюю обеспокоенность. — Сейчас нам всем следует быть осторожнее.

— Я стараюсь, — тускло улыбнулся Лочелле.

— Уверена, ваши старания окупятся! — просияла она.

Транзитор

— Так в чем же состоит наша работа? За кого и против кого мы боремся? Зачем нужны?

— Опять за свое? Подозреваю, что если мое мнение совпадет хотя бы с чьим-нибудь из «Надзора», ты заявишь, что я не прав.

— Давай проверим.

— Мы помогаем человечеству во множестве

миров. Поддерживаем и развиваем позитивные, прогрессивные силы, а негативные, упадническ ие — блокируем.

— С какой целью?

— Мы филантропы. — Он пожал плечами. — Нам нравится быть хорошими.

Они сидели в гидромассажной ванне, стоящей на полированном гранитном полу под звездным небом. Их окутывали облака пара. Она зачерпнула теплой пенистой воды и вылила себе на левое плечо, затем проделала то же самое с правым. Тэмуджин наблюдал, как пузырьки скользят по ее коже. Даже сюда миссис Малверхилл надела крошечную снежно-белую шляпку с такой же белой в горошек вуалью.

— Как мы отличаем, какие силы — хорошие, а какие — плохие?

— Плохим парням обычно нравится убивать других, желательно в больших количествах, — ответил Тэм. — А хорошие парни — и девчонки — не такие; они кайфуют, если снижается детская смертность и повышается продолжительность жизни. Плохие парни любят указывать другим, что делать, а хорошие призывают думать своей головой. Плохих хлебом не корми — дай захватить все богатства и править остальными, а хорошие

хотят, чтобы деньги и власть распределялись справедливо и ничьи права не нарушались.

Этой реальностью когда-то повелевал Всемирный император. Дворец выстроили по его приказу, разровняв вершину горы, которая звалась то Сагарматхой, то Джомолунгмой, то *Пиком-XV, то Эверестом (а еще Викторией, Александром, Ганди, Мао и сотнями других имен).* Роскошные хоромы обнесли стеклянным куполом, а под ним, настроив температуру и давление, воссоздали условия тропического острова. Впрочем, теперь, после глобальной катастрофы, вызванной близким к Земле — по космическим меркам — всплеском гамма-излучения, в этом мире погибли как люди, так и почти все живое. Началось постепенное, растянувшееся на эпохи затухание жизненных процессов, что привело к снижению концентрации углекислого газа и даже замедлению движения тектонических плит.

Впервые обнаружив этот мир через несколько лет после катастрофы, сотрудники «Надзора» отреставрировали дворец. С тех пор привилегированные служащие проводили здесь отпуска. Миссис Малверхилл, которая теперь не работала в «Надзоре» и вольна была делать что угодно, нашла версию этого мира — а точнее, целую

россыпь версий, где дворец уже восстановили, но отдыхать еще никто не приезжал. Фактически она обзавелась личным миром — по крайней мере, на какое-то время. Сюда она и перенесла Тэмуджина. На этот раз ей достаточно было взять его за руку.

— Какой смысл творить добро в определенных мирах, если есть бесконечное число других миров, где злу ничто не мешает?

— Мы должны делать все, что в наших силах. Добро — это добро в любом случае. Мы помогаем отдельным людям и сообществам. И не важно, если всем мы помочь не в силах. Действия «Надзора» улучшают хотя бы какую-то долю жизней и миров, чего уже достаточно. Отказываться даже от скромных свершений из-за невозможности творить добро неограниченно — морально извращенная позиция. Если тебе жаль нищего, ты подашь ему милостыню, невзирая на то что не можешь озолотить всех нищих на свете. — Тэм погрузился под воду и вынырнул среди пенных островков, стряхивая капли с лица. — Ну как? Я, конечно, многое упрощаю, но в целом мне нравится. Пожалуй, напишу статью.

— Превосходно. Начальство может тобой гордиться.

— Я так и думал. — Он пальцами зачесал волосы назад. — Что ж, ладно. Теперь скажи, где я не прав и чего на самом деле добивается «Надзор». Я весь внимание.

Миссис Малверхилл сухо кивнула. Временами Тэмуджину казалось, что чувство юмора, ирония и сарказм ей совершенно чужды.

— Я пришла к выводу, что «Надзор» не просто сеет добро в мультивселенной. Он преследует более конкретные цели. Попутно творя нечто хорошее, но эпизодически. В качестве прикрытия истинных намерений.

— И в чем же они заключаются, эти намерения?

— А это, надеюсь, мы узнаем вместе. Если ты согласен.

— Значит, ты так до сих пор и не выяснила?

— Нет.

— И все равно подозреваешь, что они мутят воду?

— Конечно.

— Откуда такая уверенность?

— Чувствую.

— Чувствуешь?

— Именно так. По правде говоря, я абсолютно в этом уверена.

— Если ты хочешь кого-то убедить, включая меня, то нужны более веские аргументы, чем «я уверена, и все тут». Звучит довольно расплывчато.

— Согласна. Просто имей это в виду.

Конечно же, миссис Малверхилл обладала чувством юмора, но столь изящным и невесомым, что Тэмуджин никогда не знал наверняка, иронизирует она или нет. Как правило, сарказм она не жаловала — и все же.

— Хорошо, — сказал он, располагаясь поудобнее.

Она поднесла руку к голове, отчего ее розовый сосок на краткий миг вынырнул из пены, и сняла шляпку, положив ее на черный гранитный бортик ванны. Овальные зрачки, окруженные янтарными радужками, мимолетно сузились.

— Нам доступно бесконечное множество миров, — произнесла миссис Малверхилл, — в том числе весьма необычных. Полагаю, есть миры настолько странные, что нам в них не попасть: их невозможно вообразить, а если мы не можем представить, как туда перемещаемся, то не можем и переместиться. А теперь задумайся, сколь узок диапазон реальностей, в которые мы способны заглянуть. Начнем с того, что это обязательно

Земля, какой мы привыкли ее видеть. Нам никогда не открывались соседние планеты — ни ближе к Солнцу, ни дальше: Венера, Марс или их эквиваленты. Земле, на которую мы попадаем, обычно около четырех с половиной миллиардов лет, а окружающей Вселенной — около четырнадцати миллиардов. Как правило, даже если разумной жизни на планете нет, что-то живое все равно имеется. Практически во всех случаях наша планета обращается вокруг Солнца в галактике, состоящей из сотен миллионов звездных систем, а Вселенная содержит сотни миллионов галактик.

Не переставая говорить, она протянула ногу и ступней нащупала его мошонку. Ее пальцы легко, как вода, скользнули по его члену и яйцам.

— Погоди. — Он немного раздвинул бедра, чтобы ей было где развернуться. — Ты опять все сводишь к вопросу: «Где остальные?»

— Разумеется.

— Тут все просто. «Остальных» не существует. Только мы. Никаких пришельцев нет. Ни в одном из множества миров не нашлось ни следа контактов с инопланетянами. Ни в прошлом, ни в настоящем. Разве это не доказывает, что во Вселенной мы одни?

Она провела ступней по его твердеющему члену.

— Но во всех ли вселенных?

— В каждой.

— Это подрывает саму идею бесконечности, не находишь?

— И каким же образом?

— Что это за бесконечность, если она не породила инопланетян? В огромной Вселенной — лишь один разумный вид! Что-то непохоже на бесконечность.

Миссис Малверхилл, раскинув руки, оперлась на бортики ванны и теперь ублажала его обеими ступнями, мягко двигая ими вверх-вниз.

Тэм откашлялся.

— А что же похоже на бесконечность?

— Вероятно, все дело в явлении, которое теоретики транзиции зовут «проблемой невообразимости». Я уже об этом упоминала: мы попросту не способны представить себе мир, где есть инопланетяне. А может — в глубине души — просто не желаем его представлять. — Миссис Малверхилл сдула с ладони пену; внимательно рассмотрев свои ногти, она продолжила: — Или, возможно, здесь имеет место умышленная изоляция, методичное отгораживание, глобальное

сокрытие фактов…

— Да ты, никак, в конспирологию ударилась?

— Пожалуй, — с улыбкой согласилась она. — Жизнь заставила. Расследуя столь темные делишки, поневоле становишься конспирологом. — Последовала нехарактерная для нее пауза. — Я обнаружила несколько примеров. Тебе они будут знакомы. Хочешь услышать?

— Выкладывай. Только не прекращай вот это. — Он опустил взгляд на ее гладкие ступни, которые ритмично двигались под шипучей, бурлящей водой.

Миссис Малверхилл улыбнулась.

— Мои примеры будут, пожалуй, предельно экзотичными. И все же…

— Всегда любил экзотику.

— Не сомневаюсь. Помнишь певца по имени Макс Фитчинг?

— Да.

— История с «зелеными» террористами была фальшивкой. На самом деле он собирался пожертвовать деньги на исследования SETI [54].

— Ого!

---

[54] Примечания: 54

SETI (*англ.* Search for Extraterrestrial Intelligence, «Поиск внеземного разума») — общее название проектов и мероприятий по поиску внеземных цивилизаций и возможному вступлению с ними в контакт.

— А Мэрита Шауна припоминаешь?

— С содроганием.

— Он собирался с помощью своей спутниковой сети искать внеземные цивилизации. Только не ловить, а наоборот — отправлять сигналы к звездам. Он хотел вложить часть денег в сооружение трех орбитальных телескопов для поиска планет земного типа и разумной жизни. Ты убил его незадолго до того, как он внес бы этот пункт в завещание. Догадываешься, к чему я веду?

— Ты забыла про Сержа Анструтера.

— Йержа Аусхаузера. Нет, тот и правда был говнюком. Геноцид он вряд ли учинил бы, но дай ему волю — та еще началась бы заварушка. Он хотел выкупить целый штат на Среднем Западе и устроить там вечную нирвану для богатеев. Некую смесь Ксанаду [55] и Шангри-ла [56]. Тоже

---

[55] Примечания: 55

Ксанаду — принятое в западноевропейской традиции название Шанду, летней резиденции монгольского императора Хубилая. В 1275 г. город посетил Марко Поло. Благодаря его описанию Ксанаду стал считаться символом богатства и роскоши.

[56] Примечания: 56

Шангри-ла — вымышленная страна, описанная английским писателем-фантастом Джеймсом Хилтоном в романе «Потерянный горизонт» (1933). Представляет собой живописное, гармоничное и в то же время наполненное мистикой место в горах Куньлунь — своеобразный земной рай, изолированный от остального мира.

мне, фантазер. Либертарианец [57] чертов.

Встретив взгляд Тэмуджина, миссис Малверхилл поняла, что термин ему не знаком, и со вздохом пояснила:

— Либертарианство — это недалекое воззрение правого толка. Идеально подходит социопатам, которые не могут или не хотят замечать никого, кроме себя.

— Похоже, ты долго размышляла об этом — антстве.

— И сочла его полной чушью. Но сдается мне, скоро многие к нему приобщатся. Как только мадам д'Ортолан укрепит свои позиции. Таким, как ты, Тэм, эта идеология весьма подходит.

— Тогда я весь в нетерпении.

— Еще бы.

— Как ты обо всем этом узнала?

Она пошевелила пальцами ног, словно играя на своеобразной флейте.

— Я соблазняю провидцев. Нескольких уже переманила на свою сторону. У меня даже появился

---

[57] Примечания: 57

Либертарианство (от лат. *libertas* — «свобода») — политическая философия, в основе которой лежат принципы политической свободы и автономии, свободы выбора, добровольного объединения и индивидуального суждения. Сторонники либертарианства скептически относятся к государственной власти, часто призывают к ограничению или роспуску принудительных социальных институтов.

персональный прогнозист.

— Ух ты!

— В последнее время «Надзор» все чаще поручает агентам вроде тебя грязную работенку. Иногда ты убиваешь настоящих плохишей, однако это не более чем прикрытие. Главная цель — отнюдь не в этом. Они начали преследовать даже тех, кто всего лишь задумался об истинном месте человека во вселенной. Есть, к примеру, парень по имени Мигель Эстебан/Майк Эстерос/Мишель Сенруа/Микки Сэнтс, который постоянно всплывает в одной подгруппе миров. Этот недотепа всего-навсего хочет снять фильм про обнаружение пришельцев. Так представь, они и его теперь депортируют! А о скольких мы еще не знаем… Могу поспорить, их сотни.

— И снова все вертится вокруг мадам д'Ортолан?

Он покрепче ухватился за бортики ванной, подался вперед, ближе к миссис Малверхилл, а она чуть сильнее согнула ноги, отчего над пузырчатой водой показались ее блестящие колени. Ступнями она продолжала ласкать ему член.

— Да. Мадам д'Ортолан по-прежнему продвигает бредовые теории и продолжает садистские изыскания, — пояснила миссис Малверхилл.

— Мне всегда казалось, что тут скорее личный конфликт. Между тобой и Теодорой.

— У меня нет особого желания сводить все к личной вражде. Просто ниточки ведут к Теодоре, как ни крути.

— Ясно. — Он схватил ее за лодыжки. — А теперь я тебя немного отвлеку, если не возражаешь.

— Не возражаю, — отозвалась она.

Из-за восточных пиков, где занимался рассвет, расползалось желтовато-розовое пятно. Закутавшись в дутую многослойную одежду, рассчитанную на любую погоду в высокогорье, они поднялись на круглый балкончик под открытым небом, расположенный на самом верхнем куполе дворца. Перед балкончиком находился небольшой воздушный шлюз.

Они вдыхали кислород из прозрачных масок, закрывавших только носы. Живительным газом их снабжали закрепленные на куртках баллончики, а резервная система подачи кислорода, встроенная в площадку, ждала наготове — вдруг что-то пойдет не так. Даже с учетом этого, нельзя было сразу выйти из тепличных условий дворца на высоту в девять с половиной километров над уровнем моря; из-за огромного перепада давления требовался период адаптации в воздушном

шлюзе.

Наилучший вид с балкона открывался перед рассветом, когда, как правило, наступало безветрие. Сейчас, тем не менее, с севера дул разреженный, но ощутимый ветер. Выдвижной стеклянный экран, будто гигантский флюгер, автоматически развернулся, заслоняя площадку от дуновений.

Светящиеся цифры на встроенном в парапет дисплее термометра показывали минус сорок. Воздух, обдувающий губы и открытые участки кожи вокруг глаз, казался сухим, как мел, и наряду с теплом вытягивал влагу.

— Мы — человечество — идем на любые компромиссы с окружающим миром, — говорила миссис Малверхилл, — лишь бы убедить себя, что мы — главные. Проблема вот в чем: наши возможности — в частности, свободный доступ к септусу — могут раздуть это присущее людям чувство собственной важности до откровенного солипсизма. — Ее голос на фоне ревущего ветра звучал тихо, но отчетливо.

— В любом случае, солипсизм — заблуждение. Мир существует и без нас, нравится нам это или нет.

— Убежденный солипсист пропустил бы твои

слова мимо ушей, — улыбнулась она. — Дело в том, что он не видит разницы между объективной правдой и субъективной. Его заботят лишь субъективные материи, потому что, кроме них, ничего не существует. А члены Центрального совета живут в условиях, которые подстегивают подобное мировоззрение. Это не идет на пользу ни Бюро, ни «Надзору». Да и вообще никому и ничему.

— Я думал, что для членов Совета такие взгляды оправданны.

— Оправданны? Если они банально достигли бессмертия, это не значит…

— Уверен, им это банальным не кажется.

— Положим, ты прав. — Миссис Малверхилл прислонилась к парапету, по высоте доходившему ей до талии; медленно разгоравшийся на востоке рассвет придавал ее белой куртке прохладный розовый оттенок. — Но следует задаться вопросом, какие у «Надзора» перспективы.

— Говори уже, не томи.

— Если нам не лгали настолько глобально, что даже я не распознала обман, то «Надзор» существует на протяжении тысячи лет. Все это время — во всяком случае, первые восемь веков — организация активно изучала другие миры,

свойства септуса и способности, какими он наделяет специально обученных людей. Кроме того, теоретики «Надзора» пытались разобраться в метафизических законах, по которым существует многомирье, и в контекстуальной структуре, куда оно, так сказать, вписано. До определенного момента вмешательства в другие реальности совершались редко, поскольку вызывали бурную полемику и нравственные метания. Каждый прецедент строго контролировался и подвергался тщательному анализу впоследствии. А затем, лет двести назад…

— Что же случилось двести лет назад?

— Случилась мадам д'Ортолан, — кисло улыбнулась миссис Малверхилл. — Она обнаружила, что транзиторы могут переносить других людей из мира в мир, и «Надзор» получил кладезь новых возможностей. Число исследуемых миров резко возросло. Как только мадам д'Ортолан попала в Центральный совет, ее политика стала гораздо агрессивнее. Она поощряла все новые вмешательства, ее влияние крепло. Это она предложила, чтобы все, а не только самые заслуженные члены Совета могли менять старые тела на более молодые. Причем менять неоднократно, вопреки установленному запрету.

— Я думал, дальше разговоров дело не пошло.

Среди сотрудников «Надзора», как и в Кальбефракии, ходили об этом слухи, но официальных подтверждений не было.

— В теории — да. — Обернувшись, миссис Малверхилл взглянула на сияющие вершины, похожие на огромные розовые зубы. — Однако периодически это происходит. Как только очередной член Совета достигает почтенного возраста, в котором начинаешь думать, что идея не так уж и плоха, хотя прежде мог годами ее осуждать, сердобольная Мадам любезно предлагает ему пересмотреть решение. Насколько мне известно, лишь два члена Совета пока непреклонны, хотя не удивлюсь, если и они передумают. Чем ближе спускаешься к могиле, тем круче ступеньки. — Она усмехнулась. — Едва запахнет жареным — люди меняются. Так что те двое тоже, считай, у нее в кармане. А если и нет, то, как только они умрут, она подберет на замену кого-нибудь посговорчивее. В конце концов, времени у нее прорва. Ее интриги могут длиться вечно.

— Значит, теперь Центральный совет вечен?

— Как орган управления таким он был задуман изначально. Как и любая бюрократическая структура. — Она пожала плечами. — Однако теперь у

членов Совета появилась реальная возможность жить вечно. Проблема не в том, что Центральный совет никогда не исчезнет, а в том, что он навеки останется прежним. Его состав никогда не сменится.

— Они все равно продолжают стареть. Не телом, так разумом.

— Да, интересно будет установить опытным путем, как много информации может вместить молодой, здоровый мозг, если подселить в него настолько пожилой разум. Само собой, члены Совета убеждены, что по мере прожитых лет становятся лишь мудрее, и не видят в затее Теодоры ничего плохого. Однако любого стороннего наблюдателя с мозгами такие перспективы приводят в ужас. Старые и могущественные люди никогда не отказываются от власти добровольно. Они искренне считают, что абсолютно незаменимы и единственно правы. И всегда ошибаются. Старение и смерть существуют главным образом для того, чтобы молодые могли сказать свое слово, сполна насладиться жизнью и отринуть ошибки предыдущего поколения, при этом постаравшись сохранить прогресс и накопленные блага.

Солнце сияло все ярче, подсвечивая ее диковинные темные глаза с вертикальными зрачками.

Зрачки эти сузились, льдисто сверкнув.

— Безумная самонадеянность! Власть всегда стремится себя увековечить, но здесь уже какой-то апофеоз тупости. Лишь тот, кто избалован вседозволенностью, привык мыслить предвзято и упивается собственной важностью, может хотя бы на мгновение подумать, что такая политика приемлема.

Облокотившись на перила рядом с миссис Малверхилл, Тэмуджин искоса за ней наблюдал. Даже закутанная с ног до головы в теплые, до смешного пухлые одежки, она все равно каким-то образом казалась стройной и гибкой, лучилась чувственной энергией. Он представил ее наготу под многослойной одеждой, ее запах, вспомнил, какова она на ощупь. Они провели здесь почти целый день и неоднократно занимались сексом. Он до сих пор ощущал усталость и легкую дрожь в ногах после того, как около получаса назад они стоя сплелись телами в воздушном шлюзе, коротая время, пока выравнивалось давление.

Задумавшись о ней, он ожидал, что член отреагирует, но нет. Холод тут был точно ни при чем, и Тэм заключил, что на этот раз он полностью иссяк. Когда миссис Малверхилл предложила ему подняться на балкон, он заподозрил, уж не подыс-

кала ли она эффектную точку для прощального секса. Рискованно, подумал он. Не дай бог себе что-нибудь отморозить. Ничего, вместо этого они трахнулись в шлюзе. Он надеялся, что больше ей не захочется, во всяком случае в ближайшее время, так как внизу у него побаливало, а сил совершенно не осталось.

— Как здорово ты во всем разбираешься, — похвалил он.

— Спасибо. Полагаю, особенно хорошо я изучила мадам д'Ортолан. Понимаю, как работает ее мозг.

— А я могу поручиться за исправность некоторых других ее органов.

— Ее самомнение достигло почти солипсистских масштабов. Это ее главная слабость. А еще — ярый педантизм.

— По-твоему, ее погубит педантизм?

— Во всяком случае, поспособствует. Думаю, фактического контроля над Советом ей будет мало. Пускай хоть весь Совет станет плясать под ее дудку, она из принципа не потерпит несогласных. Захочет, чтобы абсолютно все коллеги ее поддерживали. Уж таковы педанты. А раздутое эго скажет ей, как обычно, что ничего плохого она не делает, ведь она — это не кто-нибудь. Невзирая

на расчетливость, коварство и безжалостную рассудочность, зернышко иррационального глубоко внутри нашептывает ей, что любая ее затея, даже самая опрометчивая, обязательно сработает. Почему? Да просто потому, что триумф предначертан ей судьбой. Так для нее устроен мир. Все множество миров. На этом мы ее и подловим, Тэм.

— И как же?

— Продолжим выводить ее из себя, ставить палки в колеса, вынудим действовать все более рискованно. Рано или поздно она решит прыгнуть выше головы и оступится.

— Или победит.

Миссис Малверхилл мотнула головой.

— Чем дольше ты путаешь карты, тем вероятнее проиграешь.

— А вдруг она остановится?

— Разумно. Но ведь она абсолютно уверена, что триумф неизбежен, а всяческие козни его только приблизят. Зачем медленно плестись к славе, если можно достичь ее в три героических прыжка?

— Что, если ты ошибаешься?

Миссис Малверхилл печально улыбнулась.

— Тогда нам крышка. — Глубоко вздохнув, она

поглядела на рассветное небо с клубящимися облаками. — Вот только я не ошибаюсь.

— Просто чувствуешь, и все?

Она смерила его взглядом, сухо усмехнулась.

— Что ж, ладно. Аргумент принят. Однако нам не помешает действовать смелее, если мы не хотим так и остаться пешками в чужой игре. Ну, или множеством шариков, которые по чьей-то воле с клацаньем отскакивают куда попало. Кстати, ты еще не сказал, поможешь мне или нет. Ты должен выбрать, на чьей ты стороне.

— Я еще до конца не понял, где чья сторона.

Миссис Малверхилл опустила взгляд на облачную завесу в двух километрах ниже по склону.

— Знаешь, — произнесла она, — люди во главе любой организации предпочитают думать, что они, образно выражаясь, на вершине горы, откуда все прекрасно видно. Конечно, они заблуждаются. На самом деле внизу сплошной туман. Ты счастливчик, если видишь хотя бы на уровень ниже. Дальше, как правило, все скрыто во мгле.

— Неужели? — воспользовавшись паузой, вклинился Тэмуджин.

— В случае с «Надзором» понять, что творится, еще сложнее. Существуют уровни, о которых большинство сотрудников даже не подозревают.

Я была на уровень ниже Центрального совета. Если б не совала нос, куда не следует, — вероятно, уже заседала бы там бок о бок с Теодорой. Не сейчас, так лет через десять точно, особенно если один из противников омоложения остался бы при своем мнении и умер вместо того, чтобы обзавестись новым телом. Ты, Тэм, этого уровня пока еще не достиг, но движешься к нему семимильными шагами. Хотя, — она наклонила голову, и ее зрачки вновь сузились, — тебе самому это, вероятно, невдомек. Так ведь?

— В Асферже, насколько мне казалось, в твои обязанности входило слишком уж много бумажной волокиты и политиканства. А я больше люблю практические задачи. Да и многие уже обратили внимание, что за последние полвека ротация кадров в Центральном совете сильно замедлилась.

— Как бы там ни было, в тебе есть задатки избранного.

— Весьма польщен. Поэтому ты и пытаешься меня завербовать?

— Не совсем. Они явно что-то в тебе разглядели, и я тоже, однако, полагаю, нас привлекло нечто разное. Я вижу потенциал, о котором они, на мой взгляд, не догадываются. Думаю, ты выберешь

верную сторону.

— Они, скорее всего, думают так же. Что возвращает нас к вопросу, где чья сторона. Я уже говорил, что не знаю. Надеялся, ты объяснишь.

Она шагнула к нему и накрыла его снежно-белую рукавицу своей.

— Члены Центрального совета одержимы властью в отрыве от всего остального. Средства для них заменили цель. Если никто не вмешается, «Надзор» превратится в махину, которая существует лишь ради укрепления собственного могущества и преследует тайные цели отдельных своих представителей. С этим, я думаю, ты спорить не станешь? Кроме того, подозреваю, что по указке мадам д'Ортолан «Надзор» уже ведет некую скрытую игру. Возможно, она как-то связана с уникальностью человеческого разума и самобытной природой Кальбефракии, хотя мне так и не удалось подобраться достаточно близко к правящей верхушке, чтобы подтвердить свои догадки.

— А у меня, по-твоему, получится?

— Нет, продвигать тебя в Совет — слишком уж долгая канитель. Может не выйти, а время будет упущено. Причем безвозвратно.

— Почему безвозвратно?

— Потому что уже скоро Совет станет ровно таким, каким хочет его видеть мадам д'Ортолан — сборищем ее сторонников, которые во всем с ней согласны, подчиняются любой ее прихоти и живут вечно, поскольку переселяются в новые тела, как только прежние начинают дряхлеть.

— И что же ты предлагаешь?

Миссис Малверхилл с вызовом усмехнулась.

— Прежде всего, я упразднила бы Центральный совет или, по крайней мере, строго ограничила бы его права и радикально сменила бы состав. Установила бы над ним нечто вроде демократического контроля. Пусть даже члены Совета остаются бессмертными — как только навсегда покидают свой пост. Долгая жизнь будет наградой за долгую службу. Стимулом служить, а не удерживать власть.

— Ты хочешь от них слишком многого.

— Знаю. С тем, что имеют, они без боя не расстанутся.

— А противостоишь им только ты со своей бандой разбойников?

— Наши взгляды разделяют многие. В том числе — кое-кто из Совета.

— Кто, например?

Опять эта улыбка. Правда, теперь немного на-

стороженная.

— Сначала вот что скажи, Тэм: ты меня, случаем, не предал? — Чуть опустив подбородок, она взглянула на него снизу вверх.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы с тобой виделись. А меня разыскивают. Если ты играешь по правилам, то, скорее всего, сообщал о наших встречах.

— Сообщал, — признался он. — Это предательство?

— Само по себе — нет. А дальше? Как они велели действовать?

— Продолжать с тобой встречаться, разговаривать.

— Ты так и поступил.

— Так и поступил.

— И обо всем докладывал.

— Да.

— Абсолютно обо всем?

— Не совсем.

— И ты согласился оказать им помощь в моей поимке?

— Нет.

— Значит, отказался?

— Тоже нет. Когда они поставили вопрос ребром, я ответил, что, разумеется, поступлю как

должно.

Она улыбнулась.

— И ты уже понял, как именно должно?

Он глубоко, полной грудью вдохнул чистого кислорода и ошеломляюще ледяного воздуха.

— Полагаю, им не стоит особенно надеяться на мою помощь.

На лице миссис Малверхилл отразилось приятное удивление.

— Это в тебе галантность заговорила, Тэм?

— Возможно. Я сам до конца не понимаю.

— Мадам д'Ортолан пристыдила бы тебя за сексуальную сентиментальность.

— Что она об этом знает?

— Да, сама она крайне далека от сантиментов. Разве что к кошкам испытывает слабость. — Немного помолчав, миссис Малверхилл спросила: — Как думаешь, они могут использовать тебя, чтобы меня поймать, без твоего на то согласия?

— Уверен, они пытаются. Но ведь по части безопасности у тебя все схвачено?

— Я делаю все, что в моих силах. — Она развела руками. — Думаю, я все еще на шаг впереди.

— По-твоему, они наступают тебе на пятки?

Миссис Малверхилл кивнула.

— За мной постоянно охотятся как минимум два

отряда следопытов. А есть еще этот специальный проект Теодоры, ее джокеры — рандомайзеры, которых она подавляла и мучила, пока у них не проявились особые способности, чтобы разыскивать людей вроде меня. Она надеется, что они сотворят чудо и не только выследят меня, но и обезвредят. Пожалуй, мне даже льстит столь пристальное внимание.

Ее взор устремился вдаль, на фантастически яркую точку восходящего солнца. Окружающие горы теперь лучились изжелта-белым. Освещенная полоса все ниже спускалась по вершинам и каменистым склонам, в то время как солнце поднималось ввысь, рисуя на снежных откосах и ледяных шапках зубчатые тени.

В этот миг спутница показалась Тэмуджину крохотной, уязвимой и загнанной. Даже испуганной. Сам тому удивившись, он ужасно захотел ее обнять, защитить, утешить. На мгновение он задумался, насколько это просчитано, не стал ли он жертвой манипуляций, — и за этими сомнениями упустил момент. Миссис Малверхилл вновь подняла на него сияющий взгляд.

— Будь осторожен, Тэм, — сказала она. — Ты не сможешь вечно откладывать неизбежное. Особенно после сегодняшней встречи. До сих пор

ты успешно притворялся, что служишь им, и в то же время слушал меня, но рано или поздно они потребуют от тебя доказательств. Заставят выбирать.

— Я думал, это ты подбиваешь меня выбрать сторону.

— Так и есть. Но я тебе не угрожаю.

— Они тоже.

— Это пока. Скоро начнут. Если, конечно, ты не поймешь намеков, которые, возможно, уже делаются. В таком случае до откровенных угроз не дойдет. — Она окинула взглядом бугристое покрывало облаков, по-прежнему скрытое в тени далеко внизу. — Центральный совет предпочитает действовать исподволь — угрожать угрозами. Так эффективнее. Все, что недосказано, дорисует твое воображение.

— Ты так и не расскажешь, кто в Совете тебя поддерживает?

— Разумеется, нет. Впрочем, ничто не мешает тебе строить догадки. Быть может, попадешь в точку. В любом случае, никаких договоров я не заключала. Никто не обещал мне поднять восстание. Я даже не со всеми успела поговорить. Просто предполагаю. Можешь сказать дознавателям, что пытался это выяснить.

— Придется.

Она вновь притихла. Ветер ревел, набирая силу, а похожее на флюгер устройство со скрипом и стонами направляло навстречу стихии стеклянный заслон.

— Тебе нужно отнестись к ситуации серьезнее, — произнесла она с мягким упреком, едва ли не обиженно. — Эти люди постепенно превращаются в монстров. Теодора — уже и так чудовище во плоти. Боясь ее гнева, они сделают все, чтобы пресечь вредные, на ее взгляд, помыслы. Развяжут мировые войны, учинят геноцид, ускорят глобальное потепление… Все что угодно, лишь бы прервать наше медленное продвижение к неизведанному.

— Надеюсь, моя напускная беспечность тебя не обманывает. — Он притянул ее к себе и заключил в объятия.

Повисло молчание.

— В глубине души ты по-прежнему не принимаешь все это всерьез. Я права? — Она чуть заметно, тускло улыбнулась.

— Я же сказал, что только притворяюсь беспечным. — Он сжал ее крепче. — Я отношусь к этой ситуации так же серьезно, как ко всему остальному, включая мою собственную жизнь.

Ее это, похоже, не впечатлило.

— Я надеялась на большее.

— Дай мне время. Я посмотрю, что можно сделать.

Она развернулась в его объятиях и вгляделась в почти безжизненное царство скал, льда и снега, преградившее путь несмелой, дрожащей заре.

— Вероятно, мы больше не сможем видеться вот так, — тихо произнесла миссис Малверхилл. — Прости.

— Тогда я рад, что эта встреча прошла так плодотворно.

Когда она оглянулась, Тэм не смог понять, что написано у нее на лице. Его накрыло щемящее чувство — нечто среднее между вновь пробудившимся влечением и совершенно нежданной печалью по возможной утрате. Эта женщина — как он только сейчас, слишком поздно, осознал — всегда была ему родственной душой. Впрочем, он никогда бы не осмелился еще раз назвать это чувство любовью.

Немного отстранившись, миссис Малверхилл погладила его по ладони, облаченной в рукавицу поверх перчатки, — сколько же барьеров их разделяло…

— Я наслаждалась каждой нашей встречей, —

сказала она. — Хотелось бы мне, чтобы их было больше.

Немного выждав, он спросил:

— Что теперь?

— Прямо сейчас, ты имеешь в виду? Ты вернешься в Кальбефракию, а я опять исчезну.

— Если я приму решение… как с тобой связаться?

— Я оставлю тебе список мест, дат и людей.

— А потом?

— Главное вот что. Надо полагать, рано или поздно мадам д'Ортолан выступит против членов Центрального совета, которые с ней не согласны. Попробует их рассорить или даже убить.

— Убить? Шутишь?

Дела в Центральном совете обычно велись по-другому. Тэмуджин слыхал о паре подозрительных смертей, да и те случились много веков назад — вероятно, бедняг отравили. С тех пор — ничего подобного. Даже после возвышения мадам д'Ортолан Совет у большинства людей ассоциировался с чем-то бесстрастным и унылым — уж точно не с риском и убийствами.

— О, я вовсе не шучу. Как и она, — заявила миссис Малверхилл, сверкая глазами. — Личности вроде мадам д'Ортолан, — культурные снаружи,

жестокие внутри, — оправдывая свои варварские замашки, мнят себя реалистами, а также приписывают подобное бездушие окружающим. Вера в то, что остальные столь же беспощадны, как она, помогает Теодоре мириться с собственной лютостью, которую она считает проявлением благоразумия. Она знает, как поступила бы с таким же человеком, как она, — убила бы, не задумываясь. Поэтому предполагает, что оппоненты затевают нечто подобное или скоро к этому придут. Тогда, если следовать ее безумной логике, необходимо убрать их прежде, чем они расправятся с ней. Для столь резкого обострения конфликта ей даже не нужны доказательства, что противники действительно строят козни. Она только похвалит себя за непредвзятую практичность, а может, даже внушит себе, будто не питает к тем, кого обрекает на смерть, ни грамма неприязни. Всего лишь политика, ничего личного.

Улыбнувшись краешком губ, миссис Малверхилл продолжила:

— Теодора примет меры, как пить дать. Совершит храбрый, по ее мнению, поступок, а по сути — жестокое убийство. — Она провела ладонью в рукавице по его руке. — Не исключено, Тэм, что она захочет поручить эту задачу тебе.

Ведь ты по-прежнему ее любимчик. Заодно проверит твою верность и готовность исполнять приказы. Разумеется, она продумает и запасные варианты на случай, если ты откажешься. — Она пристально поглядела ему в глаза. — Если ты не подчинишься — тоже станешь отступником, символически окажешься по другую сторону баррикад вместе с изгнанниками вроде меня. И если мы не добьемся своего, рано или поздно вся мощь «Надзора» обрушится на тебя, на всех нас. Поэтому нам нужно заручиться поддержкой тех, кто еще колеблется, — а таких, вероятно, большинство, — и прожить достаточно долго, чтобы это осуществить. Если мы успешно дадим отпор Совету, то выставим их слабыми, хотя бы отчасти лишим авторитета. Тогда уже будут возможны переговоры и некий компромисс.

— Звучит не очень оптимистично.

— Оптимизма у меня хоть отбавляй, — возразила миссис Малверхилл слабым, глухим голосом.

Он шагнул к ней и обнял. Она тихо прильнула к его груди. Чуть позже почти одновременный писк возвестил, что кислород у них в баллонах заканчивается.

14

Пациент 8262

Наверное, пора уходить. Больше тут оставаться не могу. Или все же могу? Я в сомнениях.

Здесь комфортно. До идеала, конечно, далеко: я побаиваюсь, что кто-то вновь ко мне пристанет. Прибавьте еще пугающий инцидент с коренастой докторшей и ее куклами, когда мне почудилось, что реальность от меня ускользает и выбраться я смогу, только лишившись чувств. Однако в целом моя жизнь здесь довольно спокойна и безмятежна. Возможно, стоит остаться.

Теперь я стараюсь поменьше спать, дремать или лежать с закрытыми глазами. Хочу выяснить больше о месте, в котором нахожусь: о людях, о клинике, о самом себе. Результаты пока неоднозначные. Тем не менее мне это видится необходимым, независимо от того, останусь я или уйду. Если останусь, то надо знать, где именно я остаюсь, и таким образом подготовиться к возможным последствиям. (Не исключено, что мое пребывание в клинике обеспечено неким медицинским фондом или страховыми выплатами, и

как только вливания иссякнут, меня без зазрения совести вышвырнут.) А если мне суждено уйти, я должен разобраться, в какого рода мир попаду.

Отныне я стал проводить — с неохотой, особенно поначалу — больше времени в комнате отдыха, сидя перед телевизором со слюнявыми, мычащими, вопящими и в подгузники ходящими соплеменниками. (Парочка не столь безнадежных завсегдатаев составляла абсолютное меньшинство.) Удивительно, как мало полезных сведений содержат передачи, которые нравятся этим людям. Периодически я пытаюсь отыскать новости или каналы с актуальной повесткой дня — и всякий раз встречаю сопротивление даже от самых недалеких, хотя те, уверен, с равным интересом глазели бы и на карманные часы.

Большинство любит мультфильмы и передачи, где много мельтешения, криков и цвета, — такие зрелища действуют примерно как подвесные игрушки в детских колясках, не вызывая никакого умственного напряжения. Я чуть лучше выучил местный язык — да и все, пожалуй. Не ухожу я только потому, что отупляющая природа этих передач иногда помогает мне очистить сознание от сиюминутного, давая возможность спокойно поразмышлять.

Я попросил себе в палату радио, и мне его принесли. Полезная штука.

В беседах с персоналом я все еще с трудом понимаю около четверти услышанного — а то и больше, если говорят быстро, — однако выяснил, что нахожусь в довольно мирной реальности, а добросердечное местное общество тяготеет к эгалитаризму [58]. Мое лечение в клинике бессрочное, оплачивается государством, а оказался я здесь, поскольку попал в какую-то аварию, после которой целый месяц пробыл в кататоническом состоянии [59]. Врачи полагают, что я страдаю амнезией и бредовыми фантазиями. А может, симулирую болезнь — притворяюсь психом, чтобы избежать… чего бы там мне ни хотелось избежать.

Я снова заглядывал в тихую палату — на этот раз при свете дня. Остановить меня никто не

---

[58] Примечания: 58

Эгалитаризм — мировоззрение, в основе которого лежит идея, предполагающая создание общества с равными социальными и гражданскими правами для всех его членов. В идеале, равными должны быть не только права, но и возможности. Эгалитаризм — противоположность элитаризма.

[59] Примечания: 59

Кататонический синдром — это состояние психического расстройства с нарушениями в двигательной сфере. У пациента может наблюдаться как заторможенность (ступор), так и возбуждение. Во время кататонического ступора наблюдается обездвиженность и отказ от речи.

пытался. Оказалось, палата самая обычная. Пациенты по большей части бодрствовали; некоторые дремали, но явно не все. Возле коек стояли стулья, тумбочки пестрели цветами и открытками; одного из мужчин даже навещала семья — печальная, с землистым лицом жена и два маленьких притихших ребенка. Взрослые тихо переговаривались. Когда я застыл в дверях, наблюдая за происходящим, несколько пациентов, сидевших на койках, уставились на меня. Под их спокойными, но малость осуждающими взглядами я почувствовал себя глупо и поспешил ретироваться по гулкому коридору, испытывая облегчение и досаду одновременно.

Мое имя мне по-прежнему ни о чем не говорит. Кел. Мистер Кел. Мистер П. Кел. Мистер Поли Кел. Ноль эмоций. Оно ничего для меня не значит — и смутно кажется каким-то неподходящим. Тем не менее я к нему привык. Думаю, оно не хуже любого другого.

Говорят, я трудился крановщиком. Управлял башенным краном — возводил многоэтажные дома и разные крупные строения. Работа сложная и ответственная, такую поручают только вменяемым, здравомыслящим людям. Наверное, поэтому я не могу просто взять и вернуться.

Впрочем, мне думается, что эта профессия может привлечь и человека, который сторонится окружающих, — того, кто, выполняя техническую часть работы безупречно, любит спокойно помечтать, глядя на город с высоты.

Я жил один — отшельник как дома, так и над землей. Перемещал грузы с места на место, пока люди внизу суетились, как муравьи, получал инструкции от прерывистых бесплотных голосов. Ни семьи, ни близких друзей (отсюда и отсутствие посетителей, не считая коллеги-прораба, который навестил меня, когда я пребывал в ступоре, — впрочем, вся наша строительная бригада уже перебралась в другой город). По словам врачей, я снимал скромную муниципальную квартиру. Ее уже передали новому жильцу. Мое имущество, каким бы оно ни было, отправили на склад до востребования.

Ничего из этой жизни я не помню.

Зато помню, как был опасным, умелым и сумасбродным героем, полным раскаяния, но беспощадным наемным убийцей, вдумчивым бандитом, а еще (не знаю уж, действительно или нет) сделал стремительную карьеру в обширной и активно развивающейся теневой организации, которая тайно сопровождает наше банальное

существование, словно потрясающе сложная, многоцветная мозаика, веками погребенная под слоем золы.

Я все еще убежден, что мой нынешний тихий, бесхитростный мирок, блеклый и зацикленный на себе, не единственный на свете. Помимо скучных будней существует более обширная реальность. Когда-то я был ее частью, и весомой, а теперь собираюсь вернуться. Меня предали или, как минимум, подвергли гонениям; я оступился и чуть не сгинул, однако выбрался живым — как, впрочем, всегда, ведь я — это я. Сейчас я прячусь и жду своего часа. Мне нужно подготовиться и принять решение: оставаться тут дальше или взять дело в свои руки и выйти из тени.

Мне еще многое предстоит сделать.

Мадам д'Ортолан

В Асферже, городе платанов и бельведеров, сейчас разгар лета; утро стоит ясное, и Туманный купол, царственно парящий над Университетом практических навыков, сверкает в рассветных лучах, словно колоссальный золотой мозг. А ниже, на крыше философского факультета, зеленеет парк, где меж статуй и каналов в сопровождении свиты прогуливается леди Бисквитин…

Мадам д'Ортолан и ее верный мистер Клейст

наблюдают за этой процессией с более высокой террасы парка, расположенной метрах в пятидесяти. Издали Бисквитин выглядит вполне обычно: миловидная пухлая блондиночка в длинном белом платье слегка старомодного кроя, рядом — четверка джентльменов и гувернантка.

— Мэм, мы могли бы прибегнуть к услугам кого-нибудь другого, — произносит Клейст. — Выбор у нас есть.

Он давно искал подходящий момент, чтобы начать этот разговор. Сегодня уже раз пять собирался, но медлил. Мадам д'Ортолан ожидала от него этих слов.

— Знаю, — говорит она помощнику, наблюдая за приближающейся компанией.

Похоже, Бисквитин ее пока не замечает. Сопровождающие — кураторы и охранники — должны бы заметить, если не зря едят свой хлеб, однако и они не подают вида. Мадам д'Ортолан отступает на два шага по розоватой брусчатке, чтобы не выпускать идущих из поля зрения.

— Как дела у Гонговы и Джилдипа? — интересуется она.

Клейст понимает, что вопрос риторический — скорее брошенная вскользь ремарка, нежели интерес как таковой.

— Есть и другие варианты. Еще рано обращаться к этому… существу, — упорствует он.

— Разумеется, варианты есть. Однако время поджимает. Очередная группа перехвата, если не привлечем нашу белокурую подружку, станет не больше чем препятствием. Скорее всего, примерно этого он от нас и ожидает. Лучше устроим ему весьма неприятный сюрприз.

— Не сомневаюсь, что в случае ее участия такой сюрприз неизбежен. А то и два.

По-прежнему не глядя на спутника, мадам д'Ортолан внимательно следит за белой фигуркой вдалеке.

— Вы имеете в виду, что сюрприз ожидает и нас?

— Именно это я и подразумевал.

— Я вас услышала, мистер Клейст. Любопытно… — Прищурившись, она склоняет голову набок. — Похоже, при свете дня я ее вижу впервые.

Мистер Клейст сомневается, что последняя реплика, произнесенная так тихо, предназначалась для его ушей. Скорее всего, мадам д'Ортолан не лукавит. Раньше они видели это создание только в лабораторных условиях. Оно было пристегнуто к чему-то наподобие стоматологического крес-

ла, заперто в тесной камере с прорезиненными стенами или привязано к больничной койке. Существо то плакало, то билось в истерике, а в последнее время все чаще вело себя апатично, что-то мурлыкало себе под нос или несло околесицу. Рядом всегда находились ученые с папками-планшетами; тихо переговариваясь, они держали наготове измерительные приборы и электроды. Окон вокруг не было, разве что на отдалении, свет — сугубо искусственный. И до сегодняшнего дня подопытную ограничивали в движениях.

Не самое приятное зрелище, однако способности этой девушки, очевидные с рождения, пусть и плохо контролируемые, с годами только крепли и оттачивались. Иными словами, превращались в оружие. Сам мистер Клейст полагал, что следовало чуть меньше времени уделять доведению этих талантов до пугающих масштабов и сосредоточиться на том, чтобы сделать их более предсказуемыми и управляемыми, вот только Бисквитин в своем нынешнем амплуа была по большей части детищем мадам д'Ортолан, которая осмотрительностью не отличалась.

— Гм-м, — хмурится Мадам, — при дневном свете она, пожалуй, похожа на полукровку. Вам

так не кажется, мистер Клейст?

Тот неохотно косится на фигуру в белом.

— Не возьмусь судить, мэм.

Мадам д'Ортолан снова вглядывается в даль.

— Октороника [60], не иначе, — заключает она, кивая собственной догадке.

Следует пауза, потом вздох, и мистер Клейст произносит:

— Что ж, мэм, если вы твердо приняли решение, тогда не стоит больше терять время.

Мадам д'Ортолан бросает на него недовольный взгляд, но затем смягчается, поводит плечами.

— Вы правы. Я откладываю неизбежное. — Она кивает в сторону лестницы, ведущей с террасы. — Нужно ловить момент, — добавляет она, поглаживая рюши на вороте блузки, ниспадающие на лацканы пиджака; из петлицы торчит вялый цветок, выхолощенный мистером Клейстом. — Пусть момент и неприятный.

Как только Клейст и мадам д'Ортолан подходят ближе, становится ясно, что леди Бисквитин собирает с клумб жучков, улиток и комки земли

---

[60] Примечания: 60

Октороп — ребенок квартерона и представителя европеоидной расы. Квартерон, в свою очередь, — это человек, у которого один из предков во втором поколении (дед или бабка) принадлежит к негроидной расе. Соответственно, квартерон — негроид на 1/4, а октороп — на 1/8.

— кое-что съедает, а остальное складывает в цветастую поясную сумочку на кулиске. Прелестное личико в нимбе из блондинистых кудряшек умыто и самую малость подкрашено донельзя суетливой гувернанткой, правда, в уголках рта виднеются коричневые потеки. Гувернантка — худая, одетая в черное женщина, в чьих движениях есть что-то от хищной птицы, — послюнив носовой платок, вытирает губы своей подопечной.

Бисквитин останавливается и, разинув рот, таращится на идущих навстречу. Ее лицо на мгновение лишается всякого выражения, словно она ребенок, увидевший нечто новое и неожиданное, а теперь решающий, захохотать или расплакаться. Двое из ее конвоиров — крепкие молодые люди в темно-серой с коричневым форме, вооруженные автоматическими пистолетами и электрошокерами, — отдают честь при виде старшей по возрасту и служебному положению женщины. Еще двое, более худощавые и одетые в штатское, смотрят безразлично. Впрочем, оба кивают в знак приветствия. Гувернантка делает реверанс.

— Бисквитин, золотце мое! — воркует мадам д'Ортолан, останавливаясь в паре метров от

цели.

При встрече с Бисквитин она никогда не знает, куда деть руки. Прикасаться, разумеется, опасно.

— Как себя чувствуешь? — продолжает мадам д'Ортолан. — Выглядишь прекрасно!

Леди Бисквитин смотрит на нее, не мигая. Внезапно в ее глазах вспыхивает радость, и без того прелестное лицо озаряет простодушная улыбка. Звонким, как колокольчик, девчоночьим голоском Бисквитин поет:

— Агби-Дагби мячик купил, Агби-Дагби гол не забил. Агби-Дагби долго гулял, Агби-Дагби совсем заплутал! — Она гордо кивает — для пущей убедительности, — а затем садится прямо там, где стояла; пышные юбки ее парчового платья расстилаются вокруг, напоминая пролитое молоко.

Высунув кончик языка, девушка достает из пестрой сумочки жука и пытается приподнять ему надкрылья, которые то и дело возвращаются на место, в то время как само возмущенное насекомое жужжит и трепыхается в запачканных пухлых пальцах.

— Простите, мэм, — со вздохом говорит один из тощих, томящихся от скуки кураторов. — В последнее время дела идут чуть хуже.

Разводя руками, он бросает взгляд на Бисквити-

тин, которая уже успела оторвать жуку одно из надкрыльев, а теперь сосредоточенно, скосив глаза к переносице, изучает беззащитное крыло. Молодой человек смущенно улыбается. Похоже, ему немного стыдно.

— Надеюсь, она не утратила свою… эффективность? — осведомляется мадам д'Ортолан. — Ее навыки при ней?

Второй куратор, столь же молодой и тощий, с авторитетным видом заявляет:

— О, даже не сомневайтесь, мэм! Дар этой леди ничуть не ослаб, уверяю. — Как и мистер Клейст, он щурится на солнце.

— После завтрака она уже раз шесть порывалась транзитировать! — Первый куратор закатывает глаза.

Бисквитин меж тем отрывает второе надкрылье и сует в рот, пробуя на вкус. Скривившись, она сплевывает на дорожку, после чего наклоняется, чтобы остатки слюны стекли с выпяченных губ. Затем с ворчанием вытирает рот рукавом.

— Миссис Шанкунг, если не ошибаюсь? — Мадам д'Ортолан окидывает гувернантку оценивающим взглядом.

— Мэм, — та вновь приседает в реверансе.

— Нам требуются услуги и уникальные талан-

ты леди Бисквитин.

Миссис Шанкунг сглатывает.

— Прямо сейчас, мэм?

— Да.

— Это… еще одна тренировка, исследование?

— Отнюдь. Нечто совсем иное.

— Хорошо, мэм.

Клейст понимает, что гувернантка обескуражена. Даже малость напугана. А то и не малость.

Жук с гудением трепещет крылышками в тщетной попытке освободиться. Его большие, похожие на рога жвалы неистово шевелятся, хватают воздух и, наконец, кусают Бисквитин за палец. Она вздрагивает, буравит насекомое хмурым взглядом — и целиком отправляет его в рот. Почти не поморщившись. Раздается хруст.

Транзитор

Пока я сижу на кухне Палаццо Кирецциа, держа в руке ложку с зеленым горошком, происходит чертовски странная вещь. Передо мной возникает нечто вроде огромного взрыва: сперва он выглядит застывшим, затем я погружаюсь в него или же он распускается мне навстречу, и я всматриваюсь в его бурлящую поверхность, после чего, словно частица под обстрелом броуновских собратьев в камере Вильсона, проталкиваюсь

сквозь множество миров — стопку страниц, которые мелькают так быстро, что ни сосчитать, ни разобрать слов… И вдруг — бац! — я снова здесь, и в то же время как будто парю на полпути куда-то еще, потому что — ей-богу! — вижу себя, сидящего на кухне, со стороны!

Вместе с тем я вижу дворец целиком. В трех измерениях. Все здание стало как из стекла: стены и черепичная крыша, перекрытия и половицы, ковры и гобелены, мебель и даже сваи, на которых покоится палаццо, — многовековые, искривленные древесные стволы, плотно загнанные, вкрученные в почву на большую глубину. Я знаю, что все на своих местах. Различаю цвета и даже, к примеру, узоры на персидских коврах — и в то же время вижу предметы насквозь. Мне видны и ближайшие окрестности: здания справа и слева, тоже выходящие на Гранд-канал; канал поменьше с одной стороны от палаццо; улочки с двух других сторон; а еще смутные очертания остального города, — хотя внимание мое, по понятным причинам, направлено на внутренности дворца.

Кто, черт возьми, это делает? Неужели я сам? Такое чувство, что за один краткий миг я вышел за пределы всей мета реальности, а затем при-

близил изображение, нацелившись именно на этот мир, этот город, это здание в данный момент времени. Мне доводилось беседовать с самыми мозговитыми студентами, изучавшими теорию транзиции на экспедиционном факультете, и мое внезапное виде́ние здорово смахивает на то, что они постоянно рисовали в своем воображении, однако затруднялись сформулировать. Вот только мне — честное слово — все это кажется настоящим, осязаемым.

Рассмотрев открывшуюся мне панораму, я понимаю, что больше не один. Несколько человек приплыли на катере и теперь заходят в палаццо с частного причала, тогда как другой отряд врывается в здание через парадную дверь. Я различаю даже движение воздуха: дуновение, которое я ощутил немного раньше, произвели двери, ведущие с причала. Теперь сквозняк исчез.

Итак, два отряда по шесть человек. В каждом есть специалист, который гасит способность транзитировать у всех, кто находится поблизости. На меня сейчас действуют оба блокатора. Есть и дополнительные бойцы: четверо охраняют выходы из здания, еще двое дежурят у другого причала — на Гранд-канале, чуть поодаль от дворца.

И как они только…

После странного, нечаянного перемещения из комнаты со стулом и вкрадчивым дознавателем с липкой лентой наготове я пробыл в отключке около двух часов. Два часа! Я и не думал, что так долго пролежал без сознания. Понятия не имею, откуда узнал об этом именно сейчас, однако уверен на все сто. Не важно. Суть в том, что времени на подготовку у них было достаточно.

Возможно, меня выдал звонок в Лондон? Едва это подозрение зарождается, как я уже понимаю, что оно ошибочно. Они узнали раньше; звонок из пустующего здания только подтвердил их догадки.

Оба отряда разделились. Восемь человек теперь прочесывают палаццо по заранее намеченной схеме, не пропуская ни единого уголка. Двое из каждой группы остаются на месте возле дверей. У всех бойцов — цифровая рация с шифрованием. Антитранзиционные поля — теперь я вижу, что в обоих случаях их генерирует участник пары, дежурящей у дверей, — препятствуют использованию наших фирменных технических средств. Устройства для связи, должно быть, местные — чуть проще последних военных разработок этого мира, чтобы свести к минимуму неудобные вопросы при возможной встрече со здешней

полицией.

Одного из мужчин у парадного входа — не того, кто подавляет транзицию, другого — зовут Джилдип. Он не только руководит отрядом, но и отвечает за операцию в целом. Женщина, стоящая у выхода к причалу вместе с еще одним блокатором, — это Гонгова. Она заместитель Джилдипа и вторая по званию. А вдобавок — его любовница. Забавно, хотя к делу, боюсь, не относится.

Женщина из отряда Гонговы ворвется на кухню, где прячусь я, примерно через восемь секунд. Ее фамилия — Тоббинг. Как и у остальных, у нее способности следопыта. Она поймет, что я — тот, кто им нужен, еще до того, как меня увидит: специалисты ее уровня чуют транзиторов метров с четырех. Такие мощные ребята — и все по мою душу! Я должен быть польщен.

Вот вы бы стали вкладывать столько ресурсов в поимку одного опального транзитора? Наверное, стали бы, будь вы мадам д'Ортолан. Представьте: вот вы пытаетесь очистить Центральный совет от несогласных, дабы учинить нелегальный и абсолютно беспрецедентный переворот, — а первый же наемный убийца, которому вы поручаете эту сомнительную миссию (предположу, что ко мне

обратились в первую очередь), начинает убирать тех членов Совета, которых вы считали союзниками… Теперь понимаете, что ее так разозлило?

Однако у меня открылся еще один необычный талант в придачу к недавним гиперреалистичным флешбэкам, не говоря уже о постоянно крепнущем подозрении, что я транзитировал без чудо-препарата. Все это несколько ошарашивает, да — но и пробуждает интерес.

А если обернуть это странное новое чувство себе на пользу? Вы только представьте!

Что из этого получится? К чему приведет?

Панорама дворца внезапно превращается в туманную россыпь дворцов, и каждый немного отличается от другого.

Я могу сосредоточиться на любом, внимательно изучить. Ах, вот оно что! Это альтернативные пути, ведущие к разному будущему! Самые вероятные видны отчетливее всего, а чем они менее вероятны, тем сильнее размыты. Вплоть до белесого тумана, разглядывать который нет смысла.

Я просматриваю варианты по очереди. Люди — бойцы двух отрядов, прочесывающие дворец, — теперь перемещаются очень медленно, что мне только на руку. Мисс Тоббинг по-прежнему на подступах к кухне. Я слышу гулкий,

продолжительный стук в той реальности, которую для простоты буду звать физической. Должно быть, Тоббинг сделала очередной шаг. Эхо предыдущих еще звенит в воздухе.

Я исследую вариации событий, ищу и сравниваю, пока наконец не выбираю, как поступить. Решение довольно сложное, но гуманной альтернативы я не вижу.

Развернув стул к открытой двери, я сажусь и поднимаю руки.

Мисс Тоббинг вихрем врывается в комнату и принимает стойку: ноги широко расставлены и немного согнуты в коленях, оружие на изготовку. На ней темно-синий брючный костюм, волосы стянуты в пучок. Это все, что я успеваю осознать, прежде чем она стреляет в меня из тазера — и я, корчась и подергиваясь, падаю на пол. Это мучительнее, чем я думал. Почти жалею, что не выбрал другое будущее, но прочие варианты привели бы к большему числу жертв. Не то чтобы я ждал благодарностей…

Когда мисс Тоббинг прекращает бить меня током, на кухню гурьбой вваливаются остальные, и доктор Джилдип самолично вводит мне полный шприц транквилизатора. Рискну предположить, что он подумывал заодно вколоть мне вещество,

препятствующее транзиции, однако такие препараты могут необратимо навредить здоровью, а ему приказали доставить меня в сохранности.

Стоп. Теперь я вижу, что эта дорожка ведет меня к массовому убийству. Мне в мозг врывается новая подборка грядущих раскладов, из тех, что еще минуту назад были скрыты в тумане, а сейчас, когда я к ним приблизился, сделались отчетливее. Неужели я смогу совершить то, что мне показывают? В самом деле?..

В физической реальности я уже отключаюсь; нужно решать быстрее. Не хватало еще застрять непонятно где…

Мисс Тоббинг вихрем врывается в комнату и принимает стойку: ноги широко расставлены и немного согнуты в коленях, оружие на изготовку. На ней темно-синий брючный костюм, волосы стянуты в пучок. В ухе наушник со встроенным микрофоном. Симпатичная синяя блузка. Это все, что я успеваю подметить, прежде чем она стреляет в меня из тазера.

Перед этим я использовал пять секунд и мое сверхчеткое рентгеновское зрение, чтобы выдвинуть ящик буфета и схватить большой запакованный рулон алюминиевой фольги. Точно зная траекторию, по которой из тазера вылетят два

маленьких гарпуна, я делаю так, чтобы они врезались в рулон и весь заряд, никому не навредив, ушел по проводкам в фольгу. Другая моя рука завернута в позаимствованное из того же ящика кухонное полотенце; с его помощью я хватаю провода, соединяющие электроды с шокером, и с силой дергаю на себя, притягивая ближе еще не успевшую удивиться мисс Тоббинг, прежде чем она догадается выпустить тазер из руки.

Что ж, сейчас поглядим, сработает штука, которую я видел в этом раскладе событий, или нет. В режиме просмотра все получилось довольно легко.

Моя рука сжимает правое запястье мисс Тоббинг.

Я внезапно и оглушительно чихаю.

Мое старое тело бесстрастно глядит на меня.

Гм-м… Пожалуй, это все же одно из самых привлекательных моих воплощений. Даже теперь, когда у него с носа свисает сопля. И хоть кто-нибудь сказал бы «будь здоров»! Что за люди!

Я снимаю палец со спускового крючка, чтобы тазер перестал бессмысленно палить в рулон фольги, который падает на пол аккурат туда, где секундой ранее стоял я — точнее, уже не я, а он. Я выдергиваю руку из его пальцев. Он

рассеянно улыбается, затем встряхивает головой. Выражение его лица вдруг меняется, и он начинает громко тараторить на каком-то языке вроде словенского (а я сейчас владею английским, немецким, французским, итальянским и севернокитайским). Перехватив тазер, двигаю им говоруну в челюсть. Он едва удерживается на ногах, а я захлопываю дверь перед его носом.

— Это Тоббинг, — говорю в наушник и, оказавшись в коридоре, выбрасываю использованный картридж от тазера; новый с щелчком встает на его место. — Только что встретила на кухне неизвестного гражданского.

— Уверена, что это гражданский? — отвечает голос Джилдипа. — По нашим сведениям, в здании больше никого не должно быть.

— Уверена.

— Ты все еще с ним?

— Нет, я иду…

— Оставайся с ним! Вернись туда, живо!

— Ой, да ну тебя, — бормочу я.

И вновь чихаю.

Опять никакого «будь здоров!».

Происходит то же самое, только на этот раз я ни о чем не отчитываюсь, а просто бегу по коридору. По рации говорят, что, судя по звуку, сработал

чей-то тазер, но, когда меня спрашивают напрямую, отвечаю: лично я ничего не слышала.

Любопытно побывать женщиной. Другая пластика — возможно, из-за широких бедер, да и вес распределен иначе. Грудь с каждым шагом колышется, правда, не сильно. Спортивный лифчик как-никак.

Два поворота, два коридора и одну дверь спустя я выхожу к причалу. Вижу Гонгову и блокатора — худосочного паренька, который с весьма сосредоточенным видом курит сигарету. Я стреляю из тазера, и парень падает в воду рядом с пришвартованным катером. Гонгова вздрагивает, поворачивается, нащупывает в куртке пистолет… И вдруг расслабленно замирает. Рука безвольно повисает, пистолет теперь целится в деревянный настил. Когда прибежит Джилдип, дабы разобраться в случившемся, она выстрелит ему в пах за то, что он изменял ей с Тоббинг (чистая правда, кстати; так что я ни при чем, просто подстегнул неизбежное). В ужасе от содеянного, Гонгова сядет на корточки и начнет рыдать, пока все не закончится. А случится это примерно через две с половиной минуты.

Где-то минуту спустя костлявый блокатор, отплевываясь, вылезет из грязного канала на

берег, однако какое-то время удерживать блок не сможет, и его часть палаццо будет открыта.

То, что я здесь вытворяю, считается невозможным. Нельзя транзитировать в разум другого транзитора, да и вообще любого, кто хотя бы раз перемещался, пусть и с чужой помощью. Целевой индивид должен быть Непосвященным. Человек, в этом смысле девственный и чистый, крайне уязвим, однако стоит ему один лишь раз транзитировать, даже с кем-то в паре, в качестве увеселительной прогулки, — и больше к нему не подобраться. Все давно свыклись, что из этого правила нет исключений, и руководство «Надзора» даже не думает готовить сотрудников к подобным ситуациям. Поэтому сейчас я могу свободно перескакивать из разума в разум и творить беспредел — причем, похоже, безнаказанно.

Я все еще сомневаюсь, что смогу переместиться в другую реальность и таким образом по-настоящему сбежать — чтобы транзиция произошла неосознанно, нужен внезапный, мощный стимул, — однако способность, которую я получил взамен, меня тоже вполне устраивает.

Проще говоря, мне по-прежнему нужен септус — не ждать же, в самом деле, когда меня вновь охватит сильная бравада или отчаяние, — но

сейчас с препаратом проблем не предвидится, ведь отряды «Надзора» всегда упакованы как следует. Конечно, я предпочел бы дождаться Эдриана — посланца миссис Малверхилл — и его чистейшего, без примесей, товара, по которому транзитора нельзя отследить, однако и запасы нападавших лишними не будут.

Двух бойцов, обыскивающих верхние этажи, неожиданно осеняет, что они всегда друг друга любили, и, не теряя время даром, они сплетаются телами прямо на полу коридора. Их коллега завороженно смотрит на свое отражение в зеркале, словно видит себя впервые. Одна из женщин точно так же зачарована персидским ковром — узор, надо признать, и правда потрясающий, — а ее напарник решает раздеться догола и прыгнуть с крыши в Гранд-канал. Водитель катера, который их сюда привез, клянется в вечной любви к природе и дает себе слово никогда больше не связываться с двигателями внутреннего сгорания. Он выдергивает ключ из замка зажигания и с мечтательной улыбкой бросает его в бледно-зеленые воды. Его товарищ на том же катере забывается глубоким, мирным сном. Одному из парней, патрулирующих окрестные улочки, мерещится давно умерший отец, и боец срывается

вдогонку за призрачной фигурой.

Вторая половина дворца остается под блоком, но, когда Джилдип только начинает догадываться, что происходит, я уже прибегаю с тазером в главный вестибюль и обезвреживаю второго блокатора. Сам доктор Джилдип исчезает в узком служебном коридоре. Что ж, ладно.

Я проникаю в разум Джилдипа и узнаю нечто досадное (помимо того факта, что он собирался на месте прострелить мне колени, несмотря на запрет командования): ни у кого из этих людей нет при себе септуса! Они ничего с собой не взяли из опасения, что я мог бы одолеть кого-нибудь из них, отобрать препарат и сбежать. Конечно, они боялись скорее традиционного удара по затылку, нежели хитроумных манипуляций с сознанием, однако — вот засада! — их меры все равно оказались действенными.

Завершив миссию, они собирались встретиться с незнакомым посредником и получить таблетки от него. Ха! Бедные засранцы поверили начальству на слово и теперь вынуждены болтаться здесь в ожидании Прекрасного незнакомца. В общем, им не позавидуешь — а вместе с ними и мне. Придется все-таки дождаться моего лондонского приятеля. Это существенно ограничивает

мои возможности. Даже по-настоящему глубокое внедрение в мозг доктора Джилдипа делу не помогает.

Наверное, я мог бы остаться в одном из этих разумов, однако задолго до того, как прибудет поставщик септуса, придут в себя блокаторы, а если я их обезврежу — пожалуют новые, и я окажусь в ловушке. А еще вероятнее, хороший блокатор почувствует в своем стане врага, как занозу в пальце, и меня схватят.

Как бы то ни было, пока оба блокатора в отключке, никто не в силах меня остановить, да и мне сражаться дальше ни к чему. Я могу спокойно уйти.

Ничем не примечательный мужчина — лет тридцати, черноволосый, обычной комплекции — сидит в кормовой части вапоретто, плывущего к вокзалу Санта-Лючия, и вдруг видит, как по крыше величественного черно-белого палаццо на западном берегу Каналассо [61] бежит голый человек. Подобно прочим пассажирам, которые начинают переглядываться, бормоча «Боже правый!», «*Eh? Cosa?*» [62] и так далее, — брюнет

---

[61] Примечания: 61
Каналассо — другое название Гранд-канала в Венеции.

[62] Примечания: 62
Что?! *(ит.)*

видит, как голый мужчина спрыгивает с крыши и с громким всплеском погружается в волны прямо перед водным такси. Катер резко сворачивает в сторону, а затем возвращается, чтобы помочь утопающему, хотя тот, похоже, готов плыть по каналу до самой площади Сан-Марко. Водитель другого катера внезапно заглушает мотор и беззаботно выбрасывает ключ зажигания за борт.

Неприметный пассажир вапоретто какое-то время выглядит озадаченным — и вдруг чихает.

(Итальянский, английский, греческий, турецкий, русский, севернокитайский.)

Мэвис Боклайт, сидящая напротив пенсионерка из Баксли, штат Джорджия, дружелюбно подмигивает:

— Будьте здоровы, сэр!

Ну хоть кто-то! С улыбкой киваю ей:

– *Grazie, signora!* [63]

[63] Примечания: 63
Спасибо, синьора! *(ит.)*

15

Пациент 8262

— По-моему, я здоров, — говорю я коренастой докторше, которая с куклами.

Теперь я знаю, как ее зовут: доктор Вэлспиттер.

— Думаю, меня можно выписывать.

Я сумел довольно сносно овладеть местным языком (называется айтик). Доктор Вэлспиттер глядит на меня, поджав губы и так сильно сдвинув брови, будто их стянули веревкой на переносице.

— Я благодарен за все, что для меня тут сделали, — продолжаю я.

— Вы помните, как жили прежде? — спрашивает доктор.

— Не особо, — признаюсь я.

— Что будете делать, если вернетесь во внешний мир?

— Найду место, где жить, работу. Работать я могу.

— Но не по старой специальности, полагаю.

— Устроюсь простым рабочим. Буду выполнять что-нибудь несложное на стройке. Это мне по

силам. Обычный ручной труд.

— Вы уверены, что справитесь?

— Думаю, да.

— Как вы найдете жилье?

— Обращусь в муниципальную жилищную контору.

Доктор Вэлспиттер кивает — по всей видимости, одобрительно — и делает пометку в записях.

— Хорошо. А как вы устроитесь на работу?

Вопрос закономерный.

— Похожу по стройкам, поспрашиваю. Зайду в центр занятости населения.

Доктор вновь что-то отмечает в блокноте. По-моему, все идет неплохо. Нужно, чтобы меня отпустили. Пора отсюда выбираться. И уходить как можно дальше.

Прошлой ночью меня мучила бессонница. В предрассветные часы я опять прокрался по коридору к лестнице на первый этаж и затем к палате, которую по-прежнему называл про себя тихой. Не мог ничего поделать: тянуло туда, и все. Не уверен, что проснулся именно из-за этого, но, едва проснувшись, понял, что из головы у меня не идут ряды неподвижных коек с глядящими в пустоту молчаливыми пациентами и то, насколько иначе эти люди выглядели днем, когда бодрствовали.

В том, чтобы глазеть на бедолаг, особой пользы я не видел, однако больше заняться было нечем. К тому же я надеялся, что, посмотрев на них вживую, смогу наконец уснуть.

Итак, я заглянул в тихую палату. Все как раньше, не считая открыток и других безделушек на тумбочках да нескольких стульев, расставленных тут и там, — то есть вещей, которых, как я убеждал себя, во время первых двух визитов не было, хотя на самом деле, сдается мне, они были здесь всегда. Я побрел обратно.

В мою палату кто-то проник! Перед уходом я закрыл дверь и выключил лампу, однако теперь заметил под дверью узкую полоску света: она блекло отражалась в блестящей поверхности пола. Сперва я, конечно, подумал, что это снова дежурный медбрат.

Затем я уловил еще движение — в дальнем конце коридора, там, где комната отдыха. Бледный силуэт сначала пропал в темноте, потом возник, вновь оказавшись в свете приглушенных на ночь коридорных ламп. Я разглядел, что это дежурный медбрат возвращается в кабинет, держа в руках журнал и увлеченно перелистывая страницы. Он даже не поднял глаз, а значит, меня не увидел.

Охваченный внезапным ужасом, я буквально

вжался в стену, спрятавшись за металлическим шкафчиком с противопожарным оборудованием. Медбрат зашел в сестринскую рядом с комнатой отдыха. Уселся, закинув ноги на стол, и продолжил читать. Затем потянулся — я услышал, как скрипнули колесики кресла, — и включил радио. Тихо забренчала музыка.

Дверь в свою палату я теперь не видел. Кто же туда пожаловал, если не дежурный? А вдруг это прежний ночной злодей, который пытался ко мне приставать? Может, войти и застать его врасплох? Шум и возня, безусловно, привлекут внимание персонала. Или сразу обратиться к медбрату, рассказать, что кто-то засел в моей палате, — пусть разберется?

Я выбрал второй вариант и уже хотел было шагнуть из-за пожарного щитка, как вдруг с противоположного конца коридора донесся плеск спускаемой воды.

Скрипнула и захлопнулась дверь. Я бочком, по стенке скользнул к ближайшей палате, повернул ручку и юркнул внутрь. Должно быть, я очутился в комнате для посещений. По ночам она пустовала. Откуда-то со стороны туалетов послышалось шлепанье тапок. Я узнал походку местного старичка, довольно адекватного — из

тех, что способны поддержать беседу, причем не только о погоде и телепередачах. Из-за приоткрытой двери я наблюдал, как он, сгорбившись, шаркает мимо.

Старичка окликнули. Вскинув взгляд, он махнул кому-то в конце коридора — несомненно, дежурному медбрату. Я приоткрыл дверь чуточку шире, чтобы посмотреть, как пациент идет дальше. Когда он поравнялся с моей палатой, которая располагалась через одну от его собственной, оттуда в коридор вдруг хлынул свет.

— Мистер Кел? — раздался громкий мужской голос.

Старичок растерянно застыл на месте. Моргая, он уставился на того, кто к нему обратился, затем перевел взгляд на сестринскую. Я услышал, как скрипнули колесики стула. Медбрат что-то сказал, судя по интонации — задал вопрос.

Ослепительный луч ударил старику в лицо, и он прикрыл глаза ладонью. Дежурный что-то крикнул. Яркий свет погас, и незнакомый мужчина — статный, в темном костюме — рванул по коридору к лестнице. В одной руке он сжимал массивный фонарь. В другой я заметил что-то еще. Пробегая мимо моей двери, он сунул этот предмет в карман пиджака. Нечто темное, на вид

тяжелое — я понял, что это пистолет.

Так вот.

— Вы меня выпишете? — спрашиваю я у доктора Вэлспиттер. — Могу я уйти? Пожалуйста!

— Возможно, — улыбается она. — Необходимо, чтобы еще один врач подтвердил мое заключение, но, полагаю, вас отпустят.

— Чудесно! Мы можем спросить этого врача поскорее? Получить его мнение прямо сейчас?

— Вы так торопитесь нас покинуть?

— Да, очень, — признаюсь я. — Хочу уйти сегодня.

Чуть заметно нахмурившись, она качает головой.

— Сегодня не получится. Может, завтра. Если коллега со мной согласится, мы заполним нужные бумаги, выдадим вам одежду, личные вещи, деньги и так далее. Вероятно, за день управимся, но обещать не могу. В любом случае, скоро вас выпишут. Поймите нас и проявите терпение.

Тянет возразить, однако я понимаю, что рискую перегнуть палку. Если им покажется, будто я слишком уж сильно рвусь на волю, они сочтут меня невротиком, психически неуравновешенным или припишут еще какой-нибудь диагноз.

— Что ж, завтра так завтра, — натянуто улыба-

юсь я и добавляю «надеюсь», прежде чем суровая докторша напомнит, что ничего не обещала.

— Нет! — возмущаюсь я, увидев на дне стаканчика две бежевые таблетки.

Стаканчик — крошечный, бесцветный, из полупрозрачного пластика, размером на один глоток, будто для крепкого алкоголя, — кажется мне темной, глубокой и опасной шахтой. Я разглядываю его в отчаянии.

— Не хочу! — Я в курсе, что веду себя, как непослушный ребенок.

— Вы обязаны их принять, — настаивает пожилая медсестра; похоже, ее терпение на исходе. — Они вам не навредят, мистер Кел. Хорошо выспитесь, вот и все.

— Но я и так отлично высыпаюсь!

— Доктор настояла, чтобы вы их приняли, мистер Кел, — твердо говорит медсестра; аргумент, по ее мнению, железный. — Или мне позвать ее?

Звучит как угроза. Если я откажусь от лекарства при враче, мне могут припомнить этот бунт, когда будет решаться вопрос о выписке.

— Прошу вас, не заставляйте, — я закусываю нижнюю губу.

Возможно, мне удастся разжалобить медсестру. К тому же я притворяюсь лишь отчасти. Увы, мой

спектакль ее не тронул. Она привыкла к строптивым пациентам. На сестричку помоложе могло и подействовать, но эта — тертый калач, такую не проведешь.

— Что ж, прекрасно. Пойду за доктором.

Она разворачивается, чтобы уйти, и мне остается лишь схватить ее за руку и крикнуть:

— Не надо! Я согласен!

Хорошо, что воспитание не позволяет ей самодовольно улыбнуться.

— Давайте сюда таблетки, — говорю я.

Первая линия обороны: я спрячу лекарство под языком и выплюну его, как только медсестра уйдет, однако она предупреждает, что потом внимательно осмотрит мой рот. Выбора нет — я глотаю таблетки.

Вторая линия обороны: я побегу в туалет, где извергну лекарство наружу. Увы, медсестра подозревает, что именно так я и поступлю. Разнося медикаменты по палатам, она дважды застает меня в коридоре и отправляет обратно в кровать, напоследок пригрозив, что вколет мне успокоительное, если еще раз заметит возле уборной. Она знает, что я уже наведывался туда по нужде минут десять назад.

Третья линия обороны: я вызову у себя рвоту

прямо здесь, в палате, и выблюю лекарство в кувшин для воды или за окно.

Если придется, я не стану ждать выписки и сбегу. Конечно, моя дальнейшая жизнь из-за этого усложнится — в плане поисков квартиры, работы и так далее, — однако нет ничего невозможного. Мозги у меня на месте, выжить сумею…

Немного погодя я смутно ощущаю, как из моих рук забирают некий предмет — должно быть, кувшин, а меня аккуратно приподнимают, кладут в кровать, затем подтыкают одеяло и выключают свет. Я чувствую себя очень вяло и в какой-то мере рад этому. Так приятно забыться сном в теплом коконе… В то же время другая часть меня вопит от ужаса и ярости, велит сейчас же вставать и убираться подальше, что-то делать, хоть что-нибудь…

Этой ночью он вновь приходит ко мне. Лекарство еще действует, и происходящее видится будто сквозь многослойную пелену, сквозь бесчисленные мутные, едва проницаемые пласты, отчего по краям изображение расплывается.

Свет и звуки вокруг каким-то образом меняются. Очень тихо открывается и закрывается дверь. Сразу накатывает осознание, что я в палате не один. Угрозы пока не чувствую.

Я делаю смутное, беспочвенное и донельзя глупое заключение, будто этот человек не даст меня в обиду, защитит. И вдруг понимаю: с моей постелью что-то происходит. Меня по-прежнему греет туманное ощущение, что все хорошо, обо мне позаботятся. Должно быть, мой гость поправляет одеяло. Как мило с его стороны. Я будто ребенок: лежу в тепле и безопасности, а меня любят, холят и лелеют.

Вот только заботой тут и не пахнет. Постель не поправляют, а разоряют — откидывают простыню и одеяло, расчищают путь.

Чья-то юркая ладонь по-паучьи пробирается ко мне, скользит по бедру. Я чувствую, как пальцы трогают мою пижаму, нащупывают шнурок на брюках, дергают — сперва осторожно, потом резче. Узел не поддается, и пальцы тянут уже сильнее — нетерпеливо, со злостью.

Я словно наблюдаю за собой по телевизору. Как будто все творится с другим, посторонним человеком где-то далеко, и чувства, сопровождающие этот опыт, — которые, по сути, и являются опытом, — транслируются мне в мозг с помощью невиданной технологии или сверхспособности. Я отделен от того, что разыгрывается вокруг. Ничего не происходит — во всяком случае, со мной. А

значит, реагировать, сопротивляться нет нужды. Какой смысл? Ведь я в этом не участвую.

Впрочем, есть одно маленькое «но», о котором какая-то часть меня ни на секунду не забывала, терзаясь и вопя: все происходит именно со мной, и ни с кем другим!

Рука развязывает шнурок на моих пижамных штанах и резко стягивает их вниз. В движениях пальцев возникает суетливость, которой прежде не было. Думаю, тот, кто это делает, прекрасно понимает, что я в глубоком наркотическом сне и вряд ли закричу или дам отпор.

А еще от этого человека исходит ощущение — ужасное, ужасное ощущение — безудержной страсти, какая охватывает нетерпеливых любовников: когда трясущимися руками мы рвем друг на друге одежду, когда на коже появляются синяки — нечаянные и незамеченные, когда раздаются крики, стоны, шум и грохот, и не важно, кто услышит, когда мы всецело отдаемся порыву, который стирает границы между «я» и «ты», оставляя лишь то, что между нами, помимо нас, за пределами нас… Когда-то я, кажется, испытывал нечто подобное: желал кого-то именно так и чувствовал ответную тягу. А эта однорукая интервенция, эгоистичное, бездумное ощупывание

— пусть даже пылкое, лихорадочное — каким же унылым, жалким, ничтожным все это кажется в сравнении!

Где-то глубоко внутри я готов расплакаться оттого, что воспоминания о дикой, торжествующей страсти, об искренней и обоюдной мечте разбиваются о мерзкое, скользкое хватанье и тисканье. Я ощущаю, как вскипают и текут по щекам горячие слезы. По крайней мере, я что-то чувствую. Может, смогу и действовать? Не стоит ли дать отпор, а не впадать в забытье, пока все не закончится? Что лучше: наблюдать за подобным насилием, понимая реальность происходящего, или пребывать в блаженном неведении, когда просыпаешься, охваченный болью и удивлением, что-то подозреваешь, но все же оставляешь себе шанс отмахнуться и забыть? Не знаю. В любом случае выбора у меня нет — все происходит именно со мной, и я прекрасно это понимаю.

Рука устает щупать мои гениталии и начинает переворачивать меня на бок, чтобы подставить насильнику мой беззащитный тыл.

До чего жгучи эти слезы отчаяния! Почему я не сопротивляюсь? Какой гнусный эгоист способен на такую низость по отношению к другому?.. Мой мозг по-прежнему не поспевает за событи-

ями, однако сердце, видно, понимает весь ужас происходящего. Оно мечется, содрогается в груди, посылает по телу волны боли, силясь меня разбудить.

Я чувствую движение сзади. Пытаюсь приподнять руки, пошевелить ими, оттолкнуть гада, хотя, возможно, я все воображаю. Тем не менее я держусь за это ощущение, мнимое или нет, стараюсь подкрепить его, усилить.

Что-то проникает в меня. Палец. Для пениса слишком уж тонкий и узловатый. Теоретически это похоже на бесстрастный врачебный осмотр, вот только он отнюдь не бесстрастный и не ради моего здоровья, а исключительно для удовольствия насильника.

Ублюдок! Как он смеет!.. Я собираю всю ярость, все отвращение воедино и направляю в единственный рывок. Затем глубоко вдыхаю, напрягаю живот и исторгаю из горла звуки — выблевываю крик, который сразу переходит в кашель и ужасную, гнетущую боль, давящую на грудь, загоняющую в ловушку.

Насильник резко выдергивает палец. Я переваливаюсь на спину и мельком вижу своего врага: опрокинув стул, он устремляется к двери.

Я его узнал! Это дежурный медбрат с первого

этажа — парень, который насвистывал! На медицинскую униформу он накинул халат пациента. Втянув голову в плечи, мерзавец бросается в коридор. Я слышу, как медсестра — сегодня ночью дежурит женщина — что-то говорит, затем повышает голос. Моя дверь с треском захлопывается.

Снаружи начинается беготня, но я не могу оторвать спину от койки и едва ли что-то слышу помимо собственных хрипов; все вокруг заполняет ощущение, будто десятитонный железный гигант наваливается на меня сверху и давит коленом на грудь, перекрывая кислород. Мои ребра все крепче сжимает металлический обруч, боль нарастает. Последнее, что я помню отчетливо: заходит медсестра, бросает на меня единственный взгляд и тут же убегает. Тоже мне, опытная работница медучреждения!

Впрочем, внешнее отходит на второй план, теряет значение… Важна лишь боль внутри боли — теснящая, сокрушающая.

Звучит сирена. Я едва различаю ее в огромной, всеобъемлющей тишине, которая спускается на меня чернильной тучей, дождем из боли. Внезапно мне мерещится, что дверь с грохотом распахивается, и кто-то начинает стучать меня по груди. Как будто я еще не настрадался!

Когда на мне разрывают пижамную рубашку, я пытаюсь протестовать. Прошу… Страсть, что-то взаимное, пусть меня хотят и желают всей душой, но только не насилие, только не это… Стоп. Мою голову откидывают назад, чьи-то губы прикасаются к моим, целуют, вдувают в меня воздух. Улавливаю женский парфюм. Старая добрая сладость… Мне будет ее не хватать. Но все это непрошено, меня вновь принуждают… А еще она, похоже, ела чеснок… Опять толчки и удары по пустынной и тихой пещере, в которую превратилась моя грудная клетка.

Я постепенно отключаюсь, несмотря на тычки и тряску, несмотря на регулярные поцелуи-выдохи, призванные заполнить вакуум у меня под ребрами.

И вдруг — голоса, огни, ощущение толпы… О, верные, придите! Здесь всем хватит места, возлюбленные мои, — и в моей пустой груди, и в гаснущем разуме. Будьте как дома, гости мои: я останусь тут надолго… и еще дольше.

Что-то обхватывает меня поперек туловища, словно трос, и тащит наверх, натягивая, словно толстую, вибрирующую струну из плоти, выгибает и отрывает от постели мою спину, пробуждает каждый нерв, каждую мышцу моего естества — а

затем отпускает, позволяя мне мешком рухнуть на койку.

Некий процесс, некая регулярность возобновляется — будто заглохший мотор, хрипя и запинаясь, в конце концов возвращается к жизни. Мне так кажется. Точно не знаю. Меня все еще куда-то несет, как лодку вдоль причала, когда ее удерживает всего один фалинь, отчего суденышко качается и подпрыгивает по прихоти волн, течений и ветров. Еще немного — и меня унесло бы в море, однако мне везет, и этого не происходит.

Мне чудится, что я плыву в теплой пелене тумана, в коконе умиротворения — как вдруг натыкаюсь на пирс, и меня снова пришвартовывают к берегу.

И вот я здесь, лежу на койке в своей палате. Меня вернули к жизни, за что я благодарен, однако ужас не отступает, ибо я видел, что случится дальше. Мне кажется, я знаю, чем все закончится.

Я не могу уйти. Я слишком измотан, слаб и подавлен после пережитого. Не то что встать — даже сесть и попросить о помощи не выходит. Я пытаюсь достучаться до медиков — рассказываю им, чего боюсь, однако внятная речь меня покинула. В мыслях я прекрасно формулирую и

проговариваю фразы, довольно связно их озвучиваю на родном наречии — пусть и отдаю себе отчет, что никто его не понимает, — вот только способность переводить на местный язык, язык медсестер, врачей, уборщиков и других пациентов, судя по всему, утрачена… К каким бы словам я ни прибегал, выходит тарабарщина, да и говорю я так тихо, что меня, скорее всего, не слышат.

И вот я лежу здесь, наблюдая сквозь шторы за дневным светом и призрачной дугой, вдоль которой медленно движется по небу солнце; в ожидании темноты гадаю, случится ли все именно этой ночью, и понимаю, что да. Еще до рассвета за мной придет человек в черном.

Я чувствую, как набегают слезы, как они мягко струятся по щекам, натыкаясь на трубочки и проводки, а медицинские приборы теснятся со всех сторон, словно скорбящие — вокруг того, кто уже мертв.

Транзитор

Неудивительно, что я отрешаюсь от происходящего. Я сижу в небольшой кофейне неподалеку от железнодорожного вокзала, спиной к стене. Потягиваю американо и наблюдаю, как курсируют по Гранд-каналу лодки. На широкой набережной в рядок стоят туристы с чемоданами, поджи-

дая водное такси. Два австралийца за соседним столиком спорят, как правильно пишется — «эспрессо» или «экспрессо».

— Да погляди ж ты сюда, бога ради! Вот же, черным по белому написано!

— Да это опечатка, чувак! Не видел, что ли, китайских инструкций?

Все никак не наиграюсь со своими новыми способностями. Я бы даже сказал — сверхспособностями. Больше в чужой разум я не прыгал — ни к членам «Надзора», ни к гражданским. Похоже, у меня проснулся смутный, но весьма полезный дар, каким обладают наблюдатели «Надзора». Я чувствую, как члены отрядов перехвата — растерянные, разобщенные, деморализованные — все еще бродят по Палаццо Кирецциа в поисках своих, помогают раненым, приносят извинения друг другу и самим себе, по-прежнему не понимая, что стряслось. Они ждут помощи и подкрепления.

Я нахожусь от них всего-то в нескольких сотнях метров. Если понадобится — мгновенно сорвусь с места. По крайней мере, я рад, что вижу их, а они меня — нет. Они производят впечатление слабослышащих людей, которые не понимают, насколько громко разговаривают друг с другом, тогда как я сижу в полной тишине. Проверять

свое предположение мне боязно, и тем не менее я странным образом уверен, что никакой следопыт меня сейчас не заметит. Даже в метре от моего столика он не уловит, что за ним наблюдает транзитор. И конечно, никто понятия не имеет, как я теперь выгляжу.

Я научился лучше управляться со стеклянными панорамами и дорожками в будущее. В данный момент новое чувство говорит мне, что ничего особенно опасного не предвидится.

Кстати, я могу подсматривать и в прошлое. В моей голове, в моей памяти как будто пролегают коридоры, а в каждом — бессчетное множество дверей, развернутых ко мне под углом. Вглядываясь пристальнее, увеличивая масштаб, я могу заглянуть за любую из них и увидеть свои прежние транзиции. Меня посещает жутковатое чувство, что за каждой дверью скрывается еще целый сонм коридоров, целый пучок разнообразных направлений — и вертикальных, и горизонтальных, и пронзающих другие измерения, которые не описать словами… Как ни удивительно, мой мозг справляется с этим опытом.

Вот мой недавний триумф в Палаццо Кирецциа, когда я одурачил не одну, а целых две специально сформированных «Надзором» высококлассных

группы перехвата (можно сказать, и три, если учесть людей, охранявших периметр).

А вот я сижу рядом с женщиной, которую, возможно, любил, и зачарованно смотрю на ее ладонь, легко, как шелк, скользящую над пламенем свечи.

А тут я бегу по парижским трущобам, пытаясь догнать двух оборзевших подростков, и вижу, как они погибают… и вновь погибают, только по-другому.

Вот мгновение, когда я вышибаю мозги музыканту, сидящему в нелепой навороченной тачке.

А здесь, посмотрите, я спасаю молодого человека от верной смерти.

А тут — пялюсь на увешанные бриллиантами сиськи мадам д'Ортолан.

А вот — давний солнечный денек; я иду с приятелями по улице и останавливаюсь возле старого толстяка, загорающего на своем микроскопическом участке.

Я сижу, завороженный этим внутренним слайд-шоу. Чертовски увлекательно!

Мой американо остывает. Гранд-канал по-прежнему кишит суденышками. Австралийские спорщики ушли. Среди обитателей Палаццо Кирецциа царит замешательство и чувство глубоко

оскорбленного профессионального достоинства. А также легкий страх, потому что прибывает подкрепление, и ходят слухи, что скоро появится мадам д'Ортолан, у которой возникло немало вопросов.

Теплый ветерок приносит запахи табачного дыма и дизельных выхлопов, возвращая меня из раздумий в осязаемую, насущную реальность.

Конечно, вся эта ретроспективная игра порядком захватывает, если бы не маленькое «но»: меня ищет «Надзор», пустив в ход почти все возможные ресурсы. От этого так просто не отмахнуться. Не стоит забывать и о перевороте, затеянном мадам д'Ортолан. Тут, впрочем, я уже сделал все, что мог. Остается только надеяться, что мои попытки привлечь внимание миссис М. к членам Совета, которых мне поручили убрать, увенчались успехом, и теперь эти бедолаги предупреждены и защищены.

К моему нынешнему воплощению прилагался мобильный телефон. Я пытаюсь дозвониться до своего приятеля Эда, который уже мчит сюда с замысловато устроенной коробочкой, полной септуса, однако его мобильник выключен, а на работе говорят, что он уехал и вернется только завтра.

На моем запястье часы. Короткая, но более важная стрелка указывает на две параллельные черточки немного левее вертикальной оси. Одиннадцать. Эдриан предупреждал, что приедет к четырем часам вечера. Мы условились встретиться в ресторане «Куадри» на площади Сан-Марко — чем больше вокруг туристов, тем безопаснее.

Видно, придется подождать.

Оплатив счет, я отправляюсь на прогулку: пересекаю Гранд-канал по мосту Скальци, а полчаса спустя возвращаюсь тем же путем — изящно выгнутый новый мост откроют лишь через неделю-две. Затем слоняюсь по вокзалу, заглядываю в очередное кафе и заказываю еще один американо — лучший выбор, чтобы пить неспешно. Меня посещает смутное желание сосчитать, сколько на вокзале платформ, но это остаточное, и я легко переключаюсь на другие мысли. Несколько раз напоминает о себе телефон; на экране всплывают лица и имена звонящих — Анната, Клаудио, Эньо. Я не отвечаю.

Потом я прогуливаюсь по западной части Каннареджо и ближайшим кварталам Санта-Кроче, захожу в разные кафе, сильно не удаляясь от Палаццо Кирецциа и каждый раз окидывая внут-

ренним взором туманную неразбериху во дворце. Веду себя тихо. Как будто наблюдаю за прохожими, а на самом деле все глубже погружаюсь в собственное прошлое.

Когда я сижу в ресторанчике для туристов на Фондамента Веньер возле Понте-делле-Гулье [64], меня внезапно узнают! Я готовлюсь к худшему, однако местный житель всего лишь узнал мое тело — точнее, лицо, и спросил, почему я еще не на работе. Я смущенно что-то бормочу, ограничиваясь общими фразами и почти не поднимая глаз. Прежде чем уйти, мужчина мне подмигивает и хлопает по плечу. Должно быть, решает, что я дожидаюсь любовницу. Я залпом выпиваю чай с лимоном и ухожу. Кофе на сегодня достаточно.

Я перемещаюсь в другое кафе, на Рио-тера-дела-Маддалена. На этот раз заказываю спритц и пасту. Уставившись на порцию спагетти, впадаю в странное, похожее на транс, состояние: сперва задумываюсь, сколько отдельных макаронин в тарелке, затем — на сколько метров они протянутся, если сложить их друг за другом, и, наконец, понимаю, лениво наматывая на вилку бледные, мягкие трубочки, что своей запутанно-

---

[64] Примечания: 64

Понте-делле-Гулье — мост через канал Каннареджо в Венеции.

стью спагетти напоминают сюжеты и эпизоды моей жизни. Закрученная, головоломная, топологически извращенная карта моей реальности, свернувшись влажными петлями, лежит передо мной на тарелке: обрезанные, короткие макаронины — это жизни, которые я оборвал, а блестящие капли томатного соуса — закономерное кровавое дополнение.

Как же много жизней, не счесть… Сколько элизий и аббревиаций, сколько небрежных окончаний… Сколько моих собственных самопрерываний — кратких судеб, проведенных в чужих телах и разумах, которые я затем покидал, небрежно смахивая, как пыль с рукава… Каждая миссия — суицидальная, каждая транзиция — перемещение от жизни к смерти (и обратно к жизни, но главное все же — смерть).

Почти неосознанно я уплываю в свой личный кинотеатр прошлого. Вот я учусь ходить, сижу на маминых коленях, качаюсь на руках у папы, иду в школу, покидаю дом, поступаю в Университет практических навыков, завожу друзей, хожу на лекции, впервые встречаю миссис М., учусь, выпиваю, танцую, трахаюсь, сдаю экзамены, провожу каникулы дома, впервые занимаюсь любовью с миссис М., в последний раз занимаюсь

любовью с миссис М., стою пьяный на балконе в Асферже и гляжу на раскинувшийся внизу Большой парк, гадая, куда она исчезла, почему бросила меня и не лучше ли взять и спрыгнуть, а затем просто падаю навзничь — слишком захмелевший, чтобы удержаться на ногах или даже заплакать. А вот я уже тренируюсь, чтобы стать сраным межпространственным ниндзя.

Я даже вижу, как попал туда, где в метафизическом плане нахожусь теперь, — если понимаете, о чем я; вижу, как и почему за последние несколько месяцев, недель, дней и даже часов усовершенствовались мои навыки, изменился я сам. Я всегда обладал талантами, схватывал на лету, трезво смотрел на вещи, да и генетически был предрасположен к тому, чтобы развить дар транзитора и сопутствующие ему способности до невиданных прежде высот. Требовался лишь начальный импульс. Впрочем, не такой уж я особенный: триллионы не менее одаренных умов на просторах бессчетного множества реальностей рождаются и умирают в безвестности — не замеченные, не предсказанные «Надзором».

А еще я вижу, что тяжелые и опасные миссии, которые мадам д'О. взваливала на меня сверхурочно, укрепили меня и закалили. Именно они

побудили меня найти и развить таланты, о которых я прежде не догадывался. Теперь я четко выделяю в себе особые черты и допускаю, что подготовленная личность — условная малверхилл или д'ортолан — могла заметить их во мне еще много лет назад, стоило лишь взглянуть под верным углом.

Я возвращаюсь из забытья, когда официант — судя по всему, умышленно — задевает мой стул.

Освещение переменилось, остатки пасты остыли. Смотрю на часы. Пятнадцать минут пятого! Оставшись в этом теле, я опоздаю минимум на полчаса, даже если опрометью помчусь к Сан-Марко сквозь толпы туристов. Возможно, стоит свернуть направо, выйти к Гранд-каналу и поймать водное такси? Или же поступить умнее и вселиться в человека, который уже на площади? Закрыв глаза, я готовлюсь к перемещению в нужное тело.

Ничего не происходит.

Как же так? В чем дело?

Пытаюсь еще раз — опять ничего. Меня как будто вновь заблокировали. Я застрял в этом теле!

Вскочив, я бросаю на столик несколько банкнот, чтобы покрыть счет, и быстрым шагом направляюсь к Сан-Марко. На ходу достаю теле-

фон — позвонить Эдриану, — попутно задаваясь вопросом: могу ли я, как раньше, чувствовать людей из «Надзора» на расстоянии или эта способность тоже меня покинула? Не до конца набрав номер, я резко останавливаюсь, поскольку понимаю: чутья я не утратил. А ощущаю вот что: в Палаццо Кирецциа произошла разительная перемена.

Нечто очень странное, неприятное появилось среди людей из «Надзора», собравшихся в здании и вокруг него. Нечто иное, диковинное и отнюдь не безобидное.

Кто это — или что?

В мозгу возникает тревожная догадка, что именно оно меня и блокирует. Когда я на него смотрю, оно с плотоядным интересом глядит в ответ.

Эдриан

— Алло! Кто это?

— Эд, это Фред! У нас назначена встреча.

— Ах да, Фред, конечно! Слушай, чувак, я уже еду, окей? Думал, пройду всю эту канитель в аэропорту и доберусь до города минут за сорок. Чуток не рассчитал. Ты уж прости — сам знаешь, как это бывает. Сейчас я уже в речном такси — или как там его. Лечу на всех парусах. Кэп говорит,

что минут через десять-пятнадцать причалим. Лады?

— Хорошо. Только, Эдриан, попроси отвезти тебя к Риальто. Встретимся там. Не на площади Сан-Марко. Я тоже опаздываю, а к Риальто мы прибудем практически одновременно.

— Риальто, не Сан-Марко. Заметано. Это ведь мост, ага?

— Так и есть.

— Оки-доки! Увидимся там, дружище!

— Только коробочку никому не показывай.

— Что? А, точно. Окей.

— Поднимись как можно ближе к центру моста, на самый верх пешеходной зоны.

— Понял. Буду наверху посередине.

— Как ты одет?

— Голубые джинсы, белая рубашка и куртка… м-м-м… оранжеватая такая, или, скорее, бежевая. Из кожи.

— Я тебя найду.

— Что ж, отлично. До встречи!

Мадам д'Ортолан

Голосок напевал:

— Туточки-туточки, туточки-минуточки!

В самом большом кабинете дворца Кирецциа громоздился внушительный диван, с которого

недавно сняли белый чехол. На этом диване, совсем не по-девичьи расставив ноги, сидела леди Бисквитин. Она поковыряла в носу, затем внимательно, сдвинув брови, осмотрела палец. Слева от нее пристроилась миссис Шанкунг, справа — один из кураторов. Мадам д'Ортолан восседала в затейливо украшенном кресле; от Бисквитин ее отделяли два метра персидского ковра и журнальный столик, все еще накрытый покрывалом.

Остальные помощники стояли за спинкой дивана.

— Итак, моя дорогая, — тихо сказала мадам д'Ортолан, — мне нужно знать абсолютно точно. Он все еще здесь, в городе? В Венеции? Ты уверена?

Причмокнув губами и многозначительно взглянув на расписной потолок, Бисквитин изрекла:

— Мои адвокаты — Гамси́п и Сларджо́й — пришлют тебе счет и возьмут за простой.

Она широко улыбнулась, демонстрируя белые зубы с застрявшими кусочками водорослей. Тело, в которое она транзитировала, принадлежало деловой, элегантно одетой девушке. Та стояла на понтоне, ожидая вапоретто, когда к ней в голову внедрился разум Бисквитин, которая сразу сочла,

что облепившие плавучий пирс водоросли выглядят съедобно, даже аппетитно.

Мадам д'Ортолан покосилась на миссис Шанкунг. Гувернантка нервно и внимательно наблюдала за своей подопечной. Вид у Бисквитин был взъерошенный: волосы растрепаны, жакет отброшен за ненадобностью, расстегнутая снизу блузка выбилась из юбки, колготки в затяжках, туфли валяются рядом. Откинув назад голову и выпятив нижнюю челюсть, девушка низким, почти мужским голосом произнесла:

— Блинкенскуп, дурень ты эдакий, как это называется? Сплошной сыр-бор, сыр-бор, сыр-бо-о-ор! Ты мне все загораживаешь! Сгинь, мирской еж!

— Ей нужен один из ваших блокаторов, чтобы сказать наверняка, — заявила миссис Шанкунг.

Мадам д'Ортолан и мистер Клейст переглянулись. Они выглядели довольно нетипично. Он был слишком молодым, белокурым и поджарым, она — чересчур толстой и несуразной, с плохо прокрашенными черно-седыми волосами и в спортивном костюме из ядовито-оранжевого велюра. Миссис Шанкунг тоже не попала в свой типаж, приняв обличье дородной, крепко сбитой дамы, которая при ходьбе опиралась на трехногую алюминиевую трость. Подыскать тела,

близкие к собственным, они не успели, ведь транзитировать пришлось всем вместе, с Бисквитин и ее помощниками — у тех тоже внешность подобралась случайным образом.

— Блокатор? — нахмурилась мадам д'Ортолан. — Вы уверены?

— Возможно, вы имеете в виду наблюдателя? — предположил мистер Клейст.

— Нет, нужен именно блокатор. — Миссис Шанкунг, протянув руку, смахнула непослушный локон со лба Бисквитин. — И непременно один из тех, кто прибыл сюда раньше, с первым отрядом.

Мадам д'Ортолан кивнула мистеру Клейсту. Тот вышел. Бисквитин отмахнулась от миссис Шанкунг и принялась дергать себя за каштановые волосы, по большей части еще собранные на затылке. Вытянув из пучка длинную прядь, она засунула кончик в рот и, довольная собой, начала жевать. При этом она с крайне сосредоточенным видом воззрилась на картину, висящую на дальней стене.

— Что случится с блокатором? — спросила мадам д'Ортолан.

Миссис Шанкунг вскинула на нее взгляд.

— Вы и сами знаете.

Несколько минут спустя мистер Клейст вернул-

ся с одним из блокаторов.

Молодой человек еще не успел высохнуть после падения в канал возле дворцового причала. Одет он был в банный халат. Темные волосы висели сосульками, изо рта торчала сигарета.

— Выкиньте ее, — велела миссис Шанкунг.

— Мне проще работается, когда я курю, — возразил блокатор, ища поддержки у мадам д'Ортолан, однако она осталась безучастной.

Парень вздохнул и напоследок поглубже затянулся. На письменном столе он увидел пепельницу и погасил окурок, попутно бросив хмурый взгляд на леди Бисквитин. Та, в свою очередь, проявила неподдельный интерес. Не переставая жевать волосы, она уставилась на блокатора широко распахнутыми глазами.

В кабинет примчался щуплый лысый мужчина и первым делом поцеловал руку мадам д'Ортолан.

— К вашим услугам, мадам.

— Профессор Лочелле. — Она похлопала его по ладони. — Рада вас видеть, как и всегда. Простите, что устроили бардак в вашем прелестном доме.

— Да что вы, не волнуйтесь, — пробормотал профессор.

— Надеюсь, вы останетесь? Прошу вас!

— Конечно.

Лочелле встал позади ее кресла.

Журнальный столик отодвинули в сторону, а молодого блокатора усадили на стул прямо напротив Бисквитин. Парень, как видно, немного нервничал. Он поплотнее запахнул халат, откашлялся.

— Она возьмет вас за запястья, — предупредила миссис Шанкунг.

Блокатор кивнул и вновь прочистил горло. Бисквитин выжидающе посмотрела на миссис Шанкунг. Та жестом велела ей начинать. Девушка издала крик наподобие «Гру-у-у!», мгновенно наклонилась вперед и вцепилась парню в запястья, постаравшись обхватить их как можно плотнее своими тонкими пальцами, а затем ударила головой ему в грудь.

Реакция последовала незамедлительно. Молодой человек скрючился, согнулся вдвое, подобно складному ножу, и, как будто специально, блеванул прямо на затылок и спину Бисквитин. После этого блокатор затрясся, словно в припадке, и начал оседать, сползать со стула. Его ноги разъехались в стороны, и он не совладал с мочевым пузырем и кишечником одновременно.

— Срань господня! — Мадам д'Ортолан вскочи-

ла так стремительно, что опрокинула кресло.

Профессор Лочелле закрыл платком рот и нос, после чего отвернулся, опустив голову.

Мистер Клейст сохранил невозмутимость, разве что кратко, с оттенком беспокойства, взглянул на мадам д'Ортолан. Он поспешил поставить упавшее кресло на ножки.

Миссис Шанкунг поджала ноги, чтобы не запачкаться.

Бисквитин, похоже, ничего вокруг не замечала, все еще прижимая к себе молодого человека, пока он корчился, бился в конвульсиях и громко опорожнял всевозможные отверстия.

— Кто у нас плохой мальчик? — Среди прочего шума голос Бисквитин прозвучал глухо; обнимая трясущееся тело, она повалилась с ним на пол; по комнате расползся тяжелый, удушливый смрад. — Кто плохой мальчик? Где он? Где это он, а? Это ты мне скажи! Ах, Ферровиа, Ферровиа, аль Сан-Марко, Фондамента Веньер, ах! Джаккобе, это ты? Нет, не я. Понте-Гулье, алора, Рио-тера-де-ла-Маддалена. Страда Нова, аль Сан-Марко. Алора, иль Куадри. Дуэ эспрессо, пер фаворе, синьори. А тебя, Боузмен, сюда не звали! А ну вали отсюда, вали в свой собственный магазин, если он у тебя есть!.. Фу-у, гадость! — Похоже, Бисквитин нако-

нец заметила, в какой грязище лежит.

Она оттолкнула от себя молодого человека, который безжизненно шлепнулся на ковер, измазанный экскрементами. Глаза блокатора — выпученные, почти вылезшие из орбит — уставились в потолок с библейской фреской.

Лучезарно улыбаясь, Бисквитин вскочила на ноги, снова сунула в рот прядь волос, но тут же, скривившись, выплюнула. Еще какое-то время она отплевывалась, а затем, как ребенок, протянула руки с растопыренными пальцами к миссис Шанкунг:

— Хочу купаться!

Мадам д'Ортолан посмотрела на Лочелле, который прижимал к губам носовой платок. Профессор кивнул.

— Как мне видится, — сипло выговорил он, — наш объект направляется от Санта-Лючии — это железнодорожный вокзал — к площади Сан-Марко. Насколько я могу судить по упомянутым названиям улиц. Возможно, он уже прибыл на место, в «Куадри». Это ресторанчик, где, кстати, неплохо кормят. У них отличная выпечка.

Мадам д'Ортолан повернулась к своему помощнику.

— Мистер Клейст?

— Я проверю, мэм. — Он вышел из комнаты.

Неуклюже топнув ногой, Бисквитин потребовала:

— Купаться!

Поймав вопросительный взгляд миссис Шанкунг, мадам д'Ортолан велела:

— Отведите ее в душ. — Она брезгливо покосилась на Бисквитин. — Только не мешкайте. Возможно, скоро она опять нам понадобится.

Транзитор

Я проталкиваюсь сквозь заторможенное скопище туристов на кратчайшем пути к мосту Риальто и дальше — к Галерее академии и площади Сан-Марко, пытаясь идти так быстро, насколько это возможно, если никого не расшвыривать и не топтать маленьких детей.

– *Scusi. Scusi, scusi, signora*, простите, прошу прощения, *scusi*, позвольте пройти. *Scusi, scusi*…

В то же время я подсматриваю за тем, что происходит на противоположном берегу Гранд-канала. Какой же винегрет из навыков и дарований собрался в Палаццо Кирецциа! Тут и блокаторы, и следопыты, и провидцы, и замедлители, и даже люди, чьи способности я не могу распознать. Многие прибыли совсем недавно. Я чувствую и личное присутствие конкретных личностей. Вот

мадам д'Ортолан, вот — профессор Лочелле. А в самой гуще этой компании — непостижимое создание; необъяснимо чистое, бесхитростное зло.

Один из блокаторов куда-то исчез. Тот, которого я обезвредил первым, — парень с сигаретой. Помню, как он упал в канал, протекающий сбоку от дворца. Больше его здесь нет. Среди оставшихся несколько человек снимаются с места, покидают палаццо и движутся в моем направлении — к мосту Риальто. Остальные, кажется, садятся на катер…

— Боже! Эй, вы! Смотрите, куда идете! Черт… то есть, господь вас раздери!

– *Scusi, signore*! Простите, простите, ради бога, — говорю я туристу, которого только что сбил с ног, и помогаю ему подняться под неодобрительный ропот окружающих.

— Что ж, ладно…

– *Scusi!* — Я вновь бросаюсь в путь сквозь толпу, огибая прохожих, словно лыжник — флажки на трассе для слалома; протискиваюсь, выставляя вперед то одно, то другое плечо, изворачиваюсь и семеню на носочках.

Катер с полудюжиной людей из «Надзора» уже мчится по Гранд-каналу. Еще больше преследователей — десять-двенадцать — направляются к

Риальто пешком. Я в паре минут от моста. Если они сейчас свернут налево, то я опережу их совсем ненадолго, или, того хуже, мы столкнемся.

Звонит мобильник. Это Эд. На экране мигает значок, которого я раньше не видел. Похоже, телефон вот-вот разрядится.

— Фред?

— Привет, Эдриан.

— Я возле Риальто. Мы причалили к какой-то плавучей остановке — или что это? — фиг разберет! Через минуту поднимусь на мост.

— Скоро буду.

Тяжело дыша, я задерживаюсь в дверном проеме магазинчика с перчатками. Перенестись в другое тело по-прежнему не выходит. Я чувствую, как группа преследователей разделяется. Большинство выбирает кратчайший путь к площади Сан-Марко, а трое идут прямиком сюда. Я оглядываю улочку. Успокаивая себя и стараясь не привлекать внимания, предпринимаю попытку выжать максимум из своих новых способностей в автономном режиме.

На улочке роится народ. С гулко бьющимся сердцем я узнаю одного мужчину и только затем понимаю, что это всего-навсего бедолага, в которого я врезался, а идет он совсем в другую

сторону. Я быстро и довольно топорно использую новый дар, чтобы выяснить, где мои ближайшие преследователи. Все трое уже свернули на улицу с магазинчиком.

Я срываюсь с места, заворачиваю за угол и с востока подхожу к мосту Риальто.

Мадам д'Ортолан

— Мам-родная! Смотрите в оба, други! Во-он наш парнишка! Гип-гип-ура! Кто последний — тот слизняк! Ничего публичного! Кстати, я не на диете!

— Что? Где? — встрепенулась мадам д'Ортолан и повернулась к миссис Шанкунг: — Есть какие-то новости?

Миссис Шанкунг передала одному из помощников полотенце, чтобы он продолжил сушить Бисквитин волосы, а сама заглянула подопечной в глаза.

— Похоже на то, — прошептала она.

Вся компания уже переместилась в одну из главных дворцовых спален. Мистер Клейст с профессором Лочелле воззрились на Бисквитин. Как, впрочем, и ее помощники, в том числе наблюдатель в школьной форме, который поддерживал связь с группами перехвата, спешащими на площадь Сан-Марко, а также командами поменьше,

что прочесывали другие места, упомянутые девушкой. Бисквитин сидела на кровати в таком же белом махровом халате, какой недавно красовался на бедняге-блокаторе.

— Ты про плохого человека, да? — ласково спросила миссис Шанкунг.

Бисквитин кивнула.

— Подать сюда тарелки, Чаплип! Есть хочу, черт побери!

Миссис Шанкунг взяла девушку за руку, накрыла ее ладонь своей и погладила, будто котенка.

— Мы обязательно поужинаем, дорогая. Очень скоро. Переоденем тебя — и сразу пойдем кушать. Скажи, где сейчас плохой человек?

— Свари сосиськи. Я их так назвавываю, потому что это мило. Где моя старая мама, а? Куда она запропала с нашей сфермы?

— Так где же плохой человек, солнышко?

— Он здесь, солнышонок, — ответила Бисквитин, почти вплотную приблизив лицо к гувернантке. — Пойдем поглядим на плохого человечка? — произнесла она таким голосом, как будто обращалась к ребенку. — Пойдем? Сходим к плохому человечку? Поглядим, да? Поглядим? Поглядим?

— Да, — шепнула миссис Шанкунг в тот же миг,

когда мадам д'Ортолан крикнула: «Хватит!»

Бисквитин, похоже, не обратила на них внимания. Она воздела вверх палец, чуть не угодив в глаз помощнику, который вытирал ей волосы.

— К мосту Риальто, други мои! К посту Реальность! Ах, Тэлли, грязная ты шлюпка!

— Риальто. Это рядом, не так ли? — обратилась мадам д'Ортолан к профессору Лочелле.

— В пяти минутах отсюда.

Миссис Шанкунг похлопала Бисквитин по руке и начала было:

— Пойдем переоде…

— Нет, — вставая, отрезала мадам д'Ортолан. — Ведите ее в чем есть. На улице тепло. — Она с кислой миной окинула взглядом собравшихся; лишь профессор Лочелле был похож на самого себя и смотрелся более-менее презентабельно. — Наша компания и так смехотворнее некуда.

Транзитор

Мост Риальто над Гранд-каналом — компактный и вместе с тем массивный, надежный и в то же время изящный. Такое чувство, что на нем сейчас толпится все человечество. Два ряда маленьких, теснящих друг друга магазинчиков разделяет широкий проход, представляющий собой дугообразную лестницу с невысокими

серыми ступенями, отделанными по краям кремового цвета мрамором, который в изобилии встречается по всему городу. По противоположным сторонам, позади магазинчиков, тянутся еще две пешеходные дорожки. Они соединяются с главной ступенчатой аллеей в трех местах: на обоих концах моста и в самом его центре.

Дорожка, выходящая на юго-запад, более многолюдная, так как оттуда открывается особенно живописный вид на молочно-бирюзовый канал и скользящие по нему лодки.

Еще одна группа людей покинула Палаццо Кирецциа. Странное существо — чистейшая, до дрожи пугающая аномалия — теперь в пути, как и практически все, кто оставался во дворце, включая саму Мадам и профессора Лочелле. Они в какой-нибудь минуте отсюда. Возможно, уже видят мост.

Вновь оживает мобильник — звонит Эдриан. Я нажимаю на кнопку ответа, однако экран, мигнув, гаснет. Телефон сел и больше не включится. Кладу его в карман и начинаю подниматься на Риальто, смешавшись с толпой.

Мадам д'Ортолан

— Когда, сэр? Ну что ж, сэр. Я скажу вам, когда: между одеялтым совраля и запятнадцатым пони-

мая! ВОТ КОГДА! — Возглас леди Бисквитин эхом разнесся среди окрестных зданий.

— Тише, милая, — шепнула миссис Шанкунг, заметив, сколько взглядов обратилось в их сторону.

Они шли по улочке Руга-дельи-Орефичи, впереди уже виднелся мост Риальто. Бисквитин весело вышагивала в центре пестрого парада несуразных тел и неуместных нарядов. На ней был все тот же махровый халат, в который ее облачили после душа. Ее убедили надеть трусы, однако туфли и даже тапочки она категорически отвергла. Обхватив себя руками, она глазела на магазинчики с чарующе яркими вывесками и неумело пыталась насвистывать.

На площади возле церкви Сан-Джакомо-ди-Риальто, показавшейся по левую руку, Бисквитин отвлеклась на аромат свежего хлеба из пекарни.

— Я все еще хочу есть! — выкрикнула она.

— Знаю, милая, — сказала миссис Шанкунг, приобнимая девушку за талию. — Скоро поужинаем.

— Куда это вы смотрите, сквайр? — пробасила Бисквитин, когда две загорелые девчушки-школьницы, проходя мимо, покосились на нее и прыснули. — Дерьмо вам в челку, сучки! Так вас

через голову! И я не обшилась, не ошиблась, не ушиблась. Так и знайте!

— Ш-ш-ш, дорогая!

— Клаудия?! — Перед Бисквитин вдруг возник мужчина.

Ей пришлось остановиться, остальным тоже.

Незнакомец был высокий, в костюме и темных очках, с черными, тронутыми сединой волосами. В руке — дипломат.

Мужчина снял очки и, прищурившись, сурово поглядел на Бисквитин.

— К добру ли эта встреча в ясный день? — надменно произнесла она. — Не стоит ли мне прочертить мерзавца?

Волнение в глазах собеседника сменила озадаченность.

— Это ты, Клаудия? — вновь спросил он. — Ты ведь сейчас должна быть… Эй, какого черта?

Его плотно обступили люди, которые, похоже, сопровождали эту девушку, на вид ему знакомую, но ведущую себя странно.

Мистер Клейст не стал дожидаться команды от мадам д'Ортолан. Он шагнул к мужчине в костюме со словами:

— Сэр, позвольте мне объяснить… — и с размаху ткнул ему пальцем в шею.

Задыхаясь и выпучив глаза, не в силах произнести ни слова, бедолага схватился за горло и отступил. Все произошло так быстро, что прохожие даже не заметили.

— Я вас догоню, — тихо сказал остальным мистер Клейст.

Он усадил мужчину, который со свистящими хрипами хватал ртом воздух, на тротуар, сам присел на корточки рядом. Мадам д'Ортолан сверкнула на помощника глазами, но он не мог бросить человека просто так: тот привлекал слишком много внимания. Мистер Клейст внушал себе, будто всего лишь хочет убедиться, что мужчина обезврежен и больше за ними не увяжется, хотя на самом деле желал одного: прекратить этот жуткий, надсадный хрип и облегчить бедолаге участь. Он ущипнул пострадавшего за шею, попытавшись разблокировать ему пережатую трахею. Тот оттолкнул его руку. Вокруг собирались зеваки, кто-то уже вызывал карабинеров. Мужчина на тротуаре издал ряд сдавленных, сосущих звуков.

Спеша вперед, Бисквитин обернулась:

— Будет больно, как пить дать. Дуб даю. Бежим!

— Золотце, — сказала миссис Шанкунг, — мы

уже почти пришли. Еще немного.

— Когда, сэр? Ну что ж, сэр. Я скажу вам, когда: перемежду одеялтым соврабря и витринадцатым пилюля. Пасибки, располагашки, кивашки, удушашки. Охдетка, ох-детка, ох-клетка. Ох-детка-ох-клетка-ох. Терпессия. Плыть на спине? В этих туфлях? Ты что, листья с заборов подметал? Хватит! Устроил тут помойку, щукин сын!

— Как бы ее заткнуть? — шепнула мадам д'Ортолан профессору Лочелле, когда они взбегали по широким невысоким ступеням на мост Риальто.

— Ну-у… — протянул профессор.

— Так-так, мозговорчики в строю! — Голос Бисквитин прозвучал обиженно.

— Тише, милая, тише, — миссис Шанкунг похлопала девушку по руке и покосилась через плечо на мадам д'Ортолан.

— Не-е-ет! — Бисквитин опять перешла на низкий, почти мужской голос. — А вы, амдам, похоже, рады использовать этих бедных истерзанных созваний для своих чайных подлых елей! Скажете, я не трава?

— Тише, Биск! Тс-с-с!

— Бедных истерзанных созваний, бедных истерзанных созваний…

Они уже поднялись почти на самый верх моста,

где толкотня только усилилась.

— Он здесь? — спросила мадам д'Ортолан, схватив миссис Шанкунг за руку.

Внезапно Бисквитин остановилась, изобразила пируэт и, указав куда-то пальцем, воскликнула:

— Бинго! Бандиты прямо по курсу, други! Полный вперед!

Эдриан

Ну вот я и в Венеции. Стою по центру моста Риальто, на самом верху. Чувствую себя слегка по-идиотски и прикидываю, каковы шансы, что все это гигантская и затянувшаяся подстава.

(Нет, конечно, с чего бы? Деньги мне приходили вполне реальные, да и коробочка, которую прислала мне миссис М., а Фред попросил привезти сюда, не проявилась на досмотре в Хитроу. Все путем!)

Тем не менее меня не отпускает чувство «какого-хрена-я-тут-делаю». Хотя, конечно, здесь по-своему мило — в жарком, слащавом и адово-туристическом смысле слова. Уже в который раз мне приходится отступать с самой верхней и центральной точки, потому что очередные японские, китайские или хрен-пойми-какие туристы хотят сфоткаться именно здесь! Тут-то я и замечаю небольшую компанию — стремновато

одетую, если честно, — которая поднимается с противоположного конца моста.

В центре — какая-то серая мышь в банном халате: на голове — воронье гнездо, бормочет себе под нос… Форменная психичка! Ни с того ни с сего она показывает на меня пальцем и ускоряет шаг, продолжая тараторить. Одновременно я чувствую, как кто-то аккуратно берет меня за локоть, будто это бокал бренди, и я не знаю, куда смотреть, потому что вся эта шайка во главе с полоумной теперь пялится в мою сторону, а человек сзади — тот, что держит меня за локоть, — шепчет:

— Эдриан? Это я, Фред.

Транзитор

Как только Эдриан поворачивается ко мне, его выражение лица и язык тела меняются.

— Тэм, дорогой мой, наконец-то, — говорит он.

Я недоуменно гляжу на Эда, а затем на то, что происходит у него за спиной. В водовороте болтающих, смеющихся, снующих туда-сюда людей мелькает знакомая мне компания. В ее составе мадам д'Ортолан, профессор Лочелле и средоточие зловещей силы, которая последние полчаса блокировала мои способности. Вот только больше меня никто не блокирует. С той самой секунды, когда некто другой занял место Эдриана.

Преследователи спешат наверх, они уже в шести-семи метрах от нас.

— Тэм, любовь моя, — говорит Эдриан, — думаю, теперь ты можешь действовать. Поспеши. Теодору предоставь мне. Я хочу с ней побеседовать.

В разум девушки я проникнуть не могу. Однако с остальными — ее свитой, профессором Лочелле, телохранителями и специалистами из «Надзора», включая спешащего к ним человека по фамилии Клейст, — уж с ними-то я поработаю на славу. Все они внезапно ощущают себя настоящими туристами и начинают бродить по мосту, любуясь видами. Тот же трюк я проворачиваю с оставшимися группами перехвата — им уже приказали развернуться и двигаться к Риальто. Ребята на катере, который, превышая скорость, несется сюда по Гранд-каналу под всеобщие окрики и гудки, дружно решают съесть по мороженому на острове Бурано, хотя возле вокзала их все равно остановит водная полиция.

Тем временем все вооруженные бойцы «Надзора», демонстрируя озадаченную брезгливость, двумя пальцами извлекают оружие из карманов и выбрасывают. Четыре тазера и шесть пистолетов с плеском падают в воду, чтобы пополнить залежи тайн, веками сокрытых на дне каналов.

После этого местный амбр становится менее тревожным.

Несколько секунд мадам д'Ортолан недоуменно озирается. Затем с криками обрушивается на своих подчиненных, которые восторженно глядят по сторонам, улыбаясь и не обращая на нее внимания.

— Мистер Клейст! Лочелле! Мистер Клейст!

Одна Бисквитин ведет себя по-прежнему. Она озадаченно наблюдает, как ее окружение разбредается по мосту.

— Чудной сыр-бор, — размышляет она, ковыряя в носу. — Я занят, мистер Рамблбанк. Дела.

У меня появляется время, чтобы спросить у Эдриана:

— Это ты, миссис М.?

Она кивает его головой.

— Разумеется. Здравствуй, Тэм. Рада, что ты прыгнул в верном направлении. Добро пожаловать в команду!

— Ты так умеешь? Перемещаться в тело того, кто уже транзитировал?

— Очевидно, да. — Она развела руками Эдриана. — Впрочем, это ведь я лишила его транзиционной невинности. Неплохо придумано, да? Я потихоньку развиваю свои навыки. Как и ты,

кстати. Мои поздравления!

— Как там люди из списка?

— Они в безопасности. Я добралась до них первой. — Эдриан мне подмигивает. — Так что с тебя причитается.

— А что теперь?

— Боюсь, тебе придется уйти, любимый. — Миссис Малверхилл шарит в карманах куртки, достает коробочку, которую Эдриан привез из Лондона, и отдает мне. — Возьми ее и беги как можно дальше. Я имею в виду — так далеко, как сумеешь, чтобы тебя не нашли. — Обернувшись, она глядит на мадам д'Ортолан: та стоит в нерешительности, затем что-то говорит девушке в белом халате; обе направляются к нам. — Не важно, чем все закончится; тебе в любом случае нужно исчезнуть. Даже если во главе «Надзора» не одни подонки, велики шансы, что тебя захотят найти и разобрать твой мозг на молекулы, дабы выяснить, как ты транзитируешь без септуса. Или попросту убьют… Думаю, скоро ты научишься обходиться без этого, — она с улыбкой кивает на коробочку.

Мы снова оглядываемся на мадам д'Ортолан, которая вынуждена растолкать локтями группу смеющихся китаянок, чтобы к нам подобраться.

— Пора, — говорит миссис М., сжимая мои ладони. — Ты сделал все, что мог. Теперь настал мой звездный час. Надеюсь, еще увидимся. Давай! — На мгновение она прижимает палец к моим губам, а затем встречает мадам д'Ортолан лицом к лицу.

Миссис Малверхилл

Разгневанная дама в оранжевом спортивном костюме из велюра идет прямиком к мужчине в рыжевато-коричневой куртке, невзирая на общую толчею и отдельные людские потоки, напирающие со всех сторон. Девушка в белом халате рассеянно плетется следом, ковыряя в носу единственным ногтем, который не успела сломать за несколько часов пребывания в этом теле.

— Мне все еще есть охота, — вздыхает она, извлекает что-то из ноздри и кладет в рот.

Ух ты! Соленькое!

Мадам д'Ортолан останавливается так близко к миссис Малверхилл, что обтянутые велюром груди и живот касаются расстегнутой куртки, рубашки и джинсов Эдриана. Она глядит в его серо-зеленые глаза.

— Ну, здравствуй, Теодора, — говорит миссис Малверхилл приятным низким голосом Эдри-

ана.

— Как поживаешь? — Мадам д'Ортолан пытается обхватить запястья Эдриана, однако в итоге в плену оказываются ее собственные.

— Ну уж нет, Теодора. Останемся тут и поговорим как цивилизованные люди. Согласна?

— Кто ты, черт возьми, такая, Малверхилл?

— Всего лишь зоркий критик «Надзора». — Миссис Малверхилл глядит на девушку в белом халате из-за плеча мадам д'Ортолан и посылает ей улыбку Эдриана.

Бисквитин в ответ грозит пальцем:

— Амазаро! Пищите женщину. Я вся твоя, Подземка.

— Лицемерная сучка! — негодует мадам д'Ортолан.

— Ох, я тебя умоляю! Разве это я прокладываю себе кровавую дорожку к абсолютной власти в Центральном совете? А твои сторонники почему-то целы-невредимы.

— Да неужели? А как же Хармайл?

— Ох, он так много раз перебегал из одного лагеря в другой, что сам, наверное, запутался, кого и когда предал. Так себе соратничек, в общем. Думаю, его убрали, чтобы привлечь твое внимание.

— Думаешь? Может, спросим самого мистера О? — Мадам д'Ортолан пробует высвободить руки, но тщетно.

— Суть в том, что если бы я захотела — убила бы их всех во сне. Но я не ты. Предпочитаю быть белой вороной.

— Ты у нас будешь в белых тапочках!

— Сначала придется меня поймать, а в этом вы до сих пор не преуспели.

— Тогда попробуй транзитировать отсюда!

— Я знаю, что, пока твоя подружка так близко, мы все тут застряли.

— В этом есть свои плюсы, — шипит мадам д'Ортолан, пытаясь ударить тело Эдриана по яйцам.

Миссис Малверхилл уворачивается, все еще сжимая запястья мадам д'Ортолан. Обтянутое велюром колено врезается Эдриану в бедро.

— Ай! Что за фокусы, Теодора? Мы же хотели поговорить цивилизованно, помнишь?

— Ай-би ай-би фай-би фор, — напевает Бисквитин. — Чушь собачья это все! Спят усталые игрунки, крышки спят. — Она подходит вплотную к мадам д'Ортолан и, высунув язык, тычет пальцем в ее оранжевую спину. — У меня в шиворте мурчит. Как же мне пыть? Буду поушинать. Нужно какао, кокосовое. Уверяю.

Мадам д'Ортолан резко оборачивается, насколько это возможно, когда тебя держат, и рявкает:

— Не смей меня трогать!

Бисвитин отступает на шаг и сердито складывает руки на груди.

— Лейплиг! Мою колесницу сюда! — ворчит она. — Сейчас же, слышь?

Мадам д'Ортолан теснее прижимается к телу Эдриана, пытается его толкнуть, но миссис Малверхилл удерживает равновесие. Мадам д'Ортолан встает на цыпочки, чтобы прошептать Эдриану на ухо:

— Будь у меня оружие, я бы вышибла твои сраные мозги!

— Ух ты! Заряжай финтовку, Чак!

Миссис Малверхилл вздыхает.

— Похоже, у нас с тобой разное представление о цивилизованной беседе, Теодора.

— Чего ты добиваешься, Малверхилл? Ты могла бы уже много лет заседать в Совете! Мы жили бы в мире, тебя бы не трогали. Никакой вражды. Мы прагматики, а ты не обделена талантами. Но ты сама от этого отказалась. Чего еще ты ждала?

— Отрекись сегодня же, о Мендельброт!

— Если бы да кабы, Теодора. — По воле миссис Малверхилл Эдриан улыбается двум проходящим

мимо монахиням — черно-белому вкраплению в безумном многоцветье. — Если думаешь заболтать меня, пока твои бойцы приходят в чувство, — не выйдет. Тэм на нашей стороне, и он уже вырвался отсюда. А у твоей подружки скоро кончится терпение. — Эдриан кивает на Бисквитин, которая буравит взглядом затылок мадам д'Ортолан.

— Что есть, то шесть. *Terminé, terminé* [65].

— Это не твоя забота. С ней я как-нибудь разберусь.

— Боюсь, уже слишком поздно, — голос Эдриана звучит печально, обреченно. — Ты даже не представляешь, какую кашу заварила, Теодора.

— А ты, конечно, представляешь!

— Да. Как и Тэм, я умею заглядывать за угол.

— До Тэма мы еще доберемся.

— Поздно. Я добралась до него гораздо раньше.

— Не сомневаюсь, дорогуша.

— Мой лучший ученик. Хотя по-настоящему закалила его ты. Все эти миссии… Ты ведь хотела убить его?

— Да.

Миссис Малверхилл приподнимает бровь.

---

[65] Примечания: 65
Кончено, кончено *(фр.).*

— Что ж, — сухо говорит она. — С чем боролась, на то и напоролась, Теодора. Мы с тобой сделали его особенным. Он далеко пойдет.

— Ыстрее, прошу вас! Пора!

— Не так уж и далеко. Мы его поймаем.

— Скоро не будет никаких «мы», Теодора. Ты окажешься одна, в изгнании.

— Это мы тоже еще увидим.

— И я не про отставку из Совета. Я про то, что вот-вот совершит она. — Миссис Малверхилл кивает в сторону Бисквитин. — Она может всех нас превратить в солипсистов. Ты больше никогда не увидишь Кальбефракию, Теодора.

— Не пытайся меня запугать, дорогуша, — злобно улыбается мадам д'Ортолан.

— Теодора, это дело решенное. Все кончено. Я вижу, куда расходятся дорожки от этого момента, и все они…

— Пошла на хер! — Мадам д'Ортолан снова пытается освободить руки.

Миссис Малверхилл поворачивает Эдриана боком, защищая его промежность.

Бисквитин закатывает глаза.

— Простите за ваш французский. Попрошу не выморжаться. Эй! Я оченьвидно из Биафры, городуша. Я что, похожа на хрюеву эфиофку? Вот

су-ушка!

Мадам д'Ортолан ее игнорирует.

Миссис Малверхилл все еще чувствует присутствие Тэмуджина. На мгновение она видит его у барной стойки кафе, на безопасном расстоянии от Бисквитин. Он залпом выпивает эспрессо. Она чувствует, как люди «Надзора» понемногу начинают вспоминать, кто они, где находятся и зачем. Тэмуджин исчезает.

— В добрый путь, — шепчет она.

— Что? — спрашивает мадам д'Ортолан.

— Помогите мне, о генерал Предателюс, на вас моя последняя одежда!

— Да так, ничего, — говорит миссис Малверхилл. — Зачем ты все это делала, Теодора? Власть мы в расчет не берем.

— Ты знаешь зачем.

Миссис Малверхилл улыбается.

— Теперь, кажется, знаю. Но ты не можешь сдерживать это вечно.

— Еще как могу! Вечностей много, и они накладываются друг на друга. И власть тут очень даже при чем, тупая ты сука! Не моя власть — власть человечества в целом. Никакого унижения, подчинения, смешивания культур, встраивания в контекст…

Миссис Малверхилл качает головой Эдриана.

— Так ты и правда расистка, Теодора!

— Я за человеческую расу! — скалится мадам д'Ортолан. — И горжусь этим!

— Зря стараешься. Рано или поздно мы с ними встретимся. Они все равно прилетят. Это неминуемо при любом раскладе.

— Только через их чертовы трупы!

— Скоро это уже не будет в твоей власти.

— Да неужели?

— Неважно, нравится тебе это или нет.

— Не нравится.

– *Terminé*. Бедлам!

Миссис Малверхилл глядит из-за плеча мадам д'Ортолан на девушку в белом халате и голосом Эдриана произносит:

— Прощай, Теодора!

С этими словами она выпускает запястья женщины в оранжевом и легонько толкает ее в кипучую толпу.

Бисквитин, которой все надоело, говорит:

— Так убирайтесь же прочь, вы все!

Бисквитин

И в мгновение ока они убрались — рассыпались по реальностям, в которые она их отправила; все люди на планете, кто был связан с «Надзором» —

за исключением двоих, — исчезли, вырванные с корнем и разбросанные по разным судьбам. Лишь немногие смогли отчасти повлиять на этот выбор — те, кому хватило времени и ума сообразить, что происходит, и кому Бисквитин позволила хотя бы отчасти контролировать свою межпространственную траекторию. Остальные же, ничего не понимая и ни на что не в силах повлиять, очутились там, куда их выслали, — причем некоторые отнюдь не случайно.

Личность, называвшая себя мадам д'Ортолан, была отправлена куда подальше с особым удовольствием и в то же время — с толикой циничного безразличия. Бисквитин, конечно, не позволила ей влиять на выбор пункта назначения, но и сама ее дальнейшей судьбой не озаботилась. Достаточно было дать ей понять, что власть — это еще не все; что ее выбросили, отвергли и что какая-то убогая чудачка не сочла ее достойной даже малейшего внимания. Для мадам д'Ортолан это было хуже любой продуманной кары.

Теперь, когда все, кто сдерживал Бисквитин, исчезли, она наконец-то обрела свободу. Они позволили ей набрать такую мощь, потому что себя считали умниками, а ее — тупицей. Однако она

оказалась не так уж глупа, ведь что бы ни мнили о себе эти люди, они никогда в полной мере не понимали, на что она способна и что прятала от чужих глаз. У нее внутри таилось крепкое ядро — стальная ярость, масштабов которой они даже представить не могли. До сих пор Бисквитин бесстрашно эту силу скрывала и выпустила на волю лишь сейчас, когда они думали использовать ее как оружие, а в итоге она использовала их. То-то же!

Обычные люди, чьи тела были захвачены, внезапно вернулись. Изумленные и растерянные, шатаясь и озираясь, они гадали, что произошло и почему так быстро наступил вечер. Женщина в оранжевом спортивном костюме осмотрелась по сторонам, не обращая никакого внимания на мужчину в кожаной куртке, стоящего в двух шагах от нее. Она развернулась, смерила критическим взглядом странную девушку в махровом халате, похожем на те, что выдают в отелях, протолкнулась мимо нее и растворилась в жужжащей толпе.

А он никуда не делся, отметила Бисквитин. Человек в коричневой куртке, который стоял прямо по центру моста, который чуть ранее отдал коробочку другому мужчине (тот вскоре исчез,

причем самостоятельно), который удерживал за руки высокомерную женщину в оранжевом, поглядывая из-за ее плеча, — этот человек остался на месте.

Бисквитин посмотрела на него, прищурившись и насупив брови.

— Эй, а ты не с нашего района, — выставив челюсть, она куснула нижнюю губу.

— Все закончилось. Теперь можешь отдохнуть, — ласково сказал ей мужчина.

Он вообще показался ей очень добрым.

— Это не шутки, Сидни. Это не сутки, Шидни.

— Могу я спросить, как тебя зовут? Бисквитин, я права?

Она встала навытяжку и отдала честь.

— Ать-два, лева-права! Шагом арш — куда-то туда!

— Ты меня помнишь, Бисквитин? Когда мы виделись в прошлый раз, тебя называли Субъектом Семь. Мы с тобой говорили, помнишь?

Бисквитин помотала головой.

— Внимание: наша обвинистрация за действия прошлого куроводства ответственности не несет.

— Неужели ты совсем меня не помнишь?

— Ночью все щетки серы. А где твоя бандана? Я как-то съела такую, только не серую, а горчич-

невую.

— Ага! — улыбнулся мужчина.

(Теперь Бисквитин поняла. Он сразу показался ей знакомым. Внутри у него сидела женщина. Все выворот-нашиворот!)

— Ну что, — сказала муженщина, — теперь тебе получше?

— Приносим извинения за причиненные удобства.

— Послушай, Седьмая, Бисквитин, мне скоро пора будет уходить. Могу я как-нибудь тебе помочь?

— Да ты в угаре, стиляга! Круто. Горячая тучка.

— Может, прогуляемся? Найдем кафе, сядем за столик, перекусим. Что скажешь?

— Разрази меня гном! Пора смываться, мой старый начайник!

— Я возьму тебя за руку, ты не против?

— Уже многие пытались, Тракли. Оставь меня. Я тебя только задержу. Это приказ, мистер. Давай валить отсюда. Мелкая шпана.

— Все хорошо. Пойдем со мной. Присядем. Ты взбодришься. Я пришлю к тебе помощь.

— Боже. Обратного пути нет, учти. Только не в мою перемену.

— Это будут мои люди, а не те, другие. Тебе не

навредят. Обещаю.

— Дело не в тебе, а во мне.

— Давай-ка запахнем халат. Вот так.

— Я несу полную ответственность.

— Вот, так-то лучше.

— Что за жизнь, чувак, что за жизнь!

— Пойдем?

— Наугад.

Эпилог

Пациент 8262

Заканчивается все вот как: ко мне в палату заходит человек. Одет он в черное, на руках — перчатки. Вокруг темно, горят только дежурные лампы в коридоре, однако мужчина меня видит. Я лежу на больничной койке, подголовная секция приподнята; пара трубок и проводки соединяют мое тело с медицинскими приборами. Человека в черном это не волнует: медбрат, который мог бы услышать сигнал тревоги, валяется в конце коридора связанный и с заклеенным ртом; его монитор выключен.

Мужчина закрывает дверь, и в комнате становится еще темнее. Он тихонько, на цыпочках подбирается к изголовью кровати, хотя разбудить меня не так-то просто, ведь врачи дали мне успокоительное — слегка одурманили, чтобы лучше спалось. Незнакомец оглядывает койку, даже в полумраке подмечая, что одеяло и простыни плотно подоткнуты, а я туго спеленут, будто в коконе.

Убедившись, что я неподвижен, мужчина берет

свободную подушку, осторожно опускает мне на лицо, а затем резко наваливается сверху, давя ладонями на подушку и локтями прижимая мои руки к койке. Он переносит вес почти целиком на верхнюю часть тела; в пол теперь упираются лишь носки его ботинок.

В первые секунды я не сопротивляюсь. А когда начинаю, незнакомец только ухмыляется. Мои слабые попытки высвободить руки или отбрыкаться ни к чему не приводят. Даже здоровый, сильный парень, будь он накрепко замотан в простыни, вряд ли сбросил бы с себя такую тяжесть.

Последним, отчаянным рывком я пытаюсь выгнуть спину. Человек в черном легко меня усмиряет. Спустя мгновение-другое я падаю без сил и больше не шевелюсь.

Мой противник далеко не глуп — понимает, что я могу притворяться мертвым.

Идут минуты, а он — неподвижный, как и я, — лежит сверху, время от времени сверяясь с наручными часами, дабы убедиться, что мне конец.

…Вот только прибор, который отслеживает состояние моего сердца, не издает надсадного писка. Сигнал не учащается, пока я отхожу в мир иной. Вообще ни звука! Мужчина в черном ждал

обратного, поэтому немного озадачен.

Теперь он, разумеется, посмотрит на часы. И поймет, что с моего последнего взбрыкивания прошло уже больше двух минут. Он хмурит лоб (наверное; я не вижу). Затем наваливается на меня еще сильнее. Его ботинки со скрипом отрываются от линолеума. У нас похожие представления о возможностях человеческого организма, а значит, незнакомец в курсе, что спустя четыре минуты наступит окончательная смерть мозга.

Он выжидает четыре минуты.

Мужчина в черном ослабляет хватку и осторожно приподнимает подушку. Потом отбрасывает ее в сторону и смотрит на меня сверху вниз, после чего бросает любопытный, но не слишком обеспокоенный взгляд на мониторы аппаратов, стоящих возле койки. Вновь поворачивается ко мне, едва заметно сдвинув брови.

Вероятно, его глаза уже немного адаптировались к сумраку, и теперь убийца ищет причину, почему не сработал тревожный сигнал. Наконец он замечает крошечную прозрачную трубочку, почти неразличимую во тьме, — она идет от моего носа к баллону с кислородом. (Его внезапное удивление от меня не укрылось, поскольку глаза у меня чуть-чуть приоткрыты и гораздо привыч-

нее к темноте.)

Моя правая рука выскальзывает из-под простыней. Чуть раньше, едва заслышав странные звуки из коридора, я достал из-за прикроватной тумбочки нож для овощей. Кардиомонитор выключил тоже я.

Я замахиваюсь ножом, взрезаю воздух и попадаю в подушку, которую подставил незнакомец, пытаясь защититься. Лезвие утыкается во что-то твердое, я чувствую отдачу. Подушка рвется, вздымая облако из крошечных кусочков белого поролона, которое начинает медленно оседать, в то время как человек в черном, спотыкаясь, устремляется к двери, сжимая одну руку другой. Изможденный, я валюсь на пол, увлекая за собой постельное белье, не в силах выпутать ноги из кокона простыней. Мой выпад, должно быть, повредил или отсоединил какие-то провода, потому что тревожные сигналы все-таки раздаются.

Если бы нападавший мыслил ясно и не запаниковал из-за раны, то мог бы остаться и довершить начатое, воспользовавшись моей слабостью, однако он буквально таранит дверь, распахивает ее настежь и убегает, зажимая порез. Выпутавшись наконец из круговерти простыней, я выползаю из их чрева, словно новорожденный, и замечаю

на линолеуме чернильно-темные пятна. Так и лежу, хватая ртом воздух, на окровавленном полу, а вокруг снежинками вьются мягкие кусочки поролона.

Никто не приходит, так что в конце концов именно я освобождаю привязанного к стулу дежурного медбрата, чтобы тот вызвал полицию. Лишившись последних сил, оседаю на пол.

На следующее утро моего несостоявшегося убийцу находят мертвым в разбитой машине. Автомобиль врезался в дерево на проселочной дороге в нескольких километрах от клиники. Рану я нанес не смертельную, однако кровь текла обильно, а беглец не стал задерживаться, чтобы как следует перевязать руку. Полиция считает, что он, должно быть, увидел на дороге животное — оленя или лисицу, резко свернул, а окровавленные пальцы соскользнули с руля. К тому же парень оказался непристегнут.

В течение двух месяцев я постепенно иду на поправку, после чего без лишних церемоний покидаю клинику, в которой провел почти полтора года.

Что теперь? Я смирился с произошедшими событиями и своей в них ролью. Кроме того, я признаю, что все закончилось и что по-прежнему

разумнее считать, будто ничего и не было, будто я сам все выдумал и меня никогда на самом деле не звали Тэмуджином О.

Конечно, в таком случае без ответа остается вопрос, зачем кто-то проник в больницу, связал дежурного медбрата и попытался задушить меня в постели, но под каким бы углом я ни смотрел на ситуацию, как бы ее себе ни обрисовывал, всегда находилась как минимум одна нестыковка. И версия, будто я все придумал, с конкретно этой нестыковкой по поводу нападения, сулит мне наиболее объяснимое прошлое и наименее проблематичное будущее.

Вот и славно. Я смиренно готовлюсь вести тихую, обыденную жизнь и довольствоваться малым. Мне предстоит найти жилье и достойную, полезную работу. А мысли о «Надзоре», миссис Малверхилл и мадам д'Ортолан — как и о том, что я когда-то был мистером О, — должны остаться в прошлом.

Поживем — увидим. Кто знает, вдруг я ошибаюсь даже насчет того, что считаю разумным?

Думаю, мне есть о чем подумать.

Философ

Мистер Клейст приходит в себя от боли. Голо-

ва раскалывается. Он как будто напился, или проснулся с похмелья, или все сразу. Его мучит жажда. Трудно дышать. Это потому, что рот ему заклеили скотчем. Чувствуя, как подступает паника, он оглядывается по сторонам.

Клейст узнает подвал, в котором побывал много лет назад. Только сейчас это он привязан к котлу центрального отопления.

Какой-то юнец в шерстяной балаклаве осторожно спускается по лестнице с чайником, полным кипятка.

Мистер Клейст пытается закричать.

Мадам д'Ортолан

Мадам д'Ортолан — с позором изгнанная, утратившая львиную долю влияния, отрезанная от прошлой жизни — едет в Лхасу наблюдать солнечное затмение, не сомневаясь, что в очередной раз потратит время впустую. За окном проносятся складчатые серо-буро-зеленые просторы Тибета.

Ей не хватает мистера Клейста. Пусть между ними и не было никакого интима, она все равно скучает.

Ее нынешний помощник и телохранитель спит, похрапывая, на сиденье напротив. Он превосходно сложен и полон сил, но в его красивой, крепко сидящей на шее голове нет ни одной ори-

гинальной идеи или хотя бы точки зрения.

Мадам д'Ортолан с сожалением вспоминает Кристофа — шофера из другого Парижа. Вот с ним интима было море. Она делает глубокий вдох через небольшую маску, связанную с поездной системой подачи кислорода.

Грезы о Кристофе прерывает внезапный удар в дверь. Не успевает мадам д'Ортолан вскинуть брови или изумленно открыть рот, как к ней вламывается мужчина: локти расставлены, в руках — пистолет с длинным дулом.

Спящему телохранителю проснуться уже не суждено. Хотя храпеть он все же прекращает. Его лицо так и остается слегка нахмуренным, когда пуля вышибает ему мозги. Брызги серовато-красным веером орошают его плечо и окно позади; от удара головы о внутренний слой двойного стеклопакета паутинкой, словно по льдине, расползается трещина.

Мадам д'Ортолан в ужасе отшатывается и взвизгивает, когда частички крови и мозгов попадают на нее. Бандит пинком закрывает дверь и окидывает взглядом купе. Мадам д'Ортолан перестает кричать и поднимает ладонь.

— Стой, погоди! Если это ты, Тэмуджин, — у меня по-прежнему немало связей! Я многое могу

предложить! Давай…

Незнакомец не отвечает. Он ждал, чтобы мадам д'Ортолан подтвердила свою личность, и она это сделала.

За мгновение до смерти мадам д'Ортолан осознает, что ее ожидает, и, не окончив предыдущую фразу, выплевывает одно-единственное слово:

— Предатель!

— Предательница, — тихо поправляет убийца, спуская курок. — И только для тебя, Теодора, — после чего производит контрольный выстрел в голову.

Питчер

Майк Эстерос сидит у барной стойки в отеле «Коммодор» на Венис-бич. Очередная неудачная презентация. Строго говоря, итоги еще неизвестны, но у Майка чутье на такое, и он готов поспорить, что вновь получит отказ. Это начинает удручать. Нет, он не бросит свою идею, которая — он знает — однажды воплотится в фильм, ведь в этом бизнесе главное — настрой: если сам в себя не поверишь, не поверит никто. И все же…

В баре тихо. Обычно Майк в такое время не выпивает. Он думает, как бы подправить сценарий. Может, сделать ставку на семейную аудиторию? Сосредоточиться на мальчике, его отношениях

с отцом? Добавить еще чутка милоты. Выжать слезу. Фильму это не повредит. Во всяком случае, ощутимо. Возможно, он слишком зациклился на основной задумке, вообразив, что раз ее красота и элегантность очевидна ему, то и другим тоже, а инвесторы собьются с ног, лишь бы взять идею в оборот и отвалить ему кучу денег?

Не стоит забывать закон Голдмана: никто ничего не знает. Никто не знает заранее, какая идея выстрелит. Вот почему снимают столько сиквелов и ремейков: не от банальной нехватки фантазии, а от того, что боссы-параноики не спешат рисковать, вкладываясь в новые, непроверенные задумки. Приемы, которые уже срабатывали прежде, хотя бы частично избавляют от пугающей неопределенности.

У Майка же затея радикальная, непривычная. Пожалуй, центральная концепция даже слишком оригинальна, что ей во вред. Вот почему ее не мешает загнать в некие традиционные рамки. Майк вновь перепишет сценарий. Честно говоря, такая перспектива его не больно-то радует, однако он считает, что это необходимо. Есть смысл покорпеть.

Идея того стоит, и он в нее верит. Пока это просто мечта, но она может стать явью, ведь Майк

живет там, где мечты исполняются, причем как творческие, так и те, что связаны с деньгами и перспективами. Все они воплощаются здесь. Он по-прежнему любит это место и возлагает на него надежды.

В бар заходит молодая женщина и садится через стул от Майка. Темнокожая, длинноногая, в джинсах и рубашке. Их взгляды встречаются, и Майк с ней заговаривает, предлагает купить ей выпивку. Незнакомка раздумывает, глядит оценивающе и, наконец, соглашается на бокал пива. Майк хочет составить ей компанию, она не возражает. Милая, умная и дружелюбная, заливисто смеется. Его типаж.

Она юрист. Вот, решила расслабиться в выходной день. Зовут Конни.

Завязывается беседа. Они выпивают еще по пиву, а затем решают, что впустую тратят солнечный день, и выходят на прогулку по набережной. Над ними высятся пальмы. Роллеры рассекают на роликах, скейтеры — на скейтбордах, велосипедисты — на велосипедах, прохожие ходят взад-вперед, а серферы вдалеке — ловят волну. Здесь же, рядом с пляжем, Майк и Конни находят крохотную кофейню. Затем идут пообедать в ближайший вьетнамский ресторанчик.

Майк рассказывает новой знакомой про свой питч, потому что видит в ее глазах неподдельный интерес. Она говорит, что замысел прекрасен. Похоже, идея и правда заставляет ее задуматься.

Позже они гуляют по пляжу под луной-половинкой, садятся рядом на песок. Затем — поцелуи и немного ласк, хотя Конни предупреждает, что на первом свидании никогда далеко не заходит. Он заверяет ее, будто и сам таких же взглядов. Кривит душой, конечно, и понимает, что она это понимает, но ей, кажется, плевать.

Она берет его ладони в свои и говорит:

— Майкл, а если я скажу, что у меня есть доступ к большим деньгам? Которые, как мне кажется, тебе пригодятся. Которые я хочу отдать тебе для дела.

Он усмехается.

— Это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Ты заходишь в бар, мы вместе его покидаем, целуемся под луной, а теперь ты заявляешь, что богата? — Он встряхивает головой. — Нет, ты серьезно? Даже я не написал бы такой сценарий!

— Только спонсирую я не съемки фильма.

— Да? Ну вот! Зачем же тогда давать мне деньги?

— Ты мог бы стать охотником за затмениями.

Колесить по миру, посещая определенные места на пути затмений. Искать вычурно одетых людей, фургоны с тонированными стеклами, арендованные коттеджи с неведомыми жильцами или яхты с пустующими палубами…

Какое-то время он молча на нее глядит.

— Черт! Ты серьезно?

— А еще тебе понадобится сменить документы. Есть люди, которые хотят от тебя избавиться. Одна из них собиралась сделать это сегодня. Мы проходили мимо нее, когда гуляли по набережной.

Майк вертит головой по сторонам.

— Это что, розыгрыш? Меня снимают?

— Это не розыгрыш, Майкл. — Она обхватывает его запястья как можно плотнее. — Послушай, я обязательно верну тебя обратно, но сперва позволь показать, что они собираются с тобой сделать.

— …Ни хрена себе!

Эдриан

Случившееся приводит Эдриана в замешательство и внушает легкую паранойю. Он возвращается на Туманный Альбион и, порядком напуганный, начинает продавать свое имущество. Ему весьма кстати удается сбыть почти все

нажитое за считаные дни до того, как терпит крах «Леман Бразерс» [66], а мировая финансовая сфера испытывает первый из целой череды ощутимых ударов. Эдриан находит в этом явное подтверждение собственного превосходства и неслыханной удачи. Отныне он решает жить поближе к своим деньгам и приобретает виллу на Большом Каймане — самом крупном из Каймановых островов, расположенных к югу от Кубы.

Каймановы острова — настоящий рай с чистейшим аквамариновым морем, пальмами, золотистыми пляжами и прочим, однако там нередко случаются ураганы. Летом 2009 года синоптики предупреждают о мощном тропическом циклоне. Большинство богатеев на несколько дней улетают в более спокойные места, но Эдриан хочет встретить стихию лицом к лицу, ведь он, в конце концов, неуязвим.

Правда, вскоре выясняется, что во время предыдущего урагана пятой категории его виллу затопило. После тщетного поиска хоть каких-нибудь людей, готовых выполнять работу, за

[66] Примечания: 66

«Леман Бразерс» (Lehman Brothers Holdings) — международная фирма по оказанию финансовых услуг, которая потерпела крах на фоне ипотечного кризиса в США 2007 г. Подала заявление о банкротстве в 2008 г.

которую им, на хрен, платят, он одалживает у приятеля древний фургон и грузит в него все добро, которое может вынести с виллы: телевизоры, компьютеры, акустические системы, водолазное снаряжение, ковры, кое-какую дизайнерскую мебель, несколько бенинских бронзовых пластинок [67], две полноразмерные копии терракотовых воинов [68], картины и так далее. Работенка тяжелая, но Эдриан уверен: усилия будут вознаграждены.

Он паркуется на возвышенности возле прочной на вид водонапорной башни неподалеку от Джорджтауна [69] и пережидает там ночь. Вокруг беснуется ветер. Фургон, даром что переполненный, трясется и подпрыгивает на своих старых перегруженных рессорах.

Один из терракотовых воинов, стоящий поза-

---

[67] Примечания: 67

Бенинская бронза — коллекция из свыше тысячи латунных пластинок с изображениями, отлитых в XIII–XVI вв. в Бенинском царстве (на территории современной Нигерии). Пластинки были захвачены британскими войсками во время бенинской карательной экспедиции 1897 г. Около двухсот предметов были переданы в Британский музей, остальные разошлись по частным коллекциям.

[68] Примечания: 68

Терракотовая армия — захоронение 210–209 гг. до н. э., содержащее свыше 8000 полноразмерных терракотовых статуй китайских воинов и их лошадей у мавзолея императора Цинь Шихуанди в Сиане, Китай.

[69] Примечания: 69

Джорджтаун — столица Каймановых островов.

ди водительского сиденья, всю ночь маячит у Эдриана за плечом — то ли ангел смерти, то ли ангел-хранитель. Зловещий нюанс: компания — производитель этих копий предлагала заказчикам решать самим, какие у воинов будут лица, и Эдриан выбрал свое, так что, по сути, у него за спиной его глиняный двойник.

Всю ночь водонапорная башня грозно скрежещет, пугая Эдриана чуть ли не до смерти, — но не падает.

В полдень следующего дня, когда ураган стихает, Эдриан едет на потрепанном фургоне обратно по усеянной листьями и обломками дороге. Уже издали он видит, что вилла на месте и ничуть не затоплена. Повреждения минимальны. Удача вновь на его стороне, он по-прежнему неуязвим. Эдриан с ухмылкой треплет по щеке терракотового воина: спасибо, ангел-хранитель!

Однако на подъезде, уже вопя и гикая от радости, он не справляется с управлением, и фургон заваливается в кювет.

Вещи Эдриана скользят вперед и погребают хозяина под собой.

Бисквитин

Бисквитин остается Императрицей всего, на что обращает свой взор. Как, впрочем, и всегда.

Транзитор

Ну ладно. Про тихую, обыденную жизнь я солгал. Так что рассказчик из меня ненадежный. А еще ни олень, ни лиса, ни другое животное в аварии не участвовали. Участвовал я: проник ублюдку в голову, когда он мчался прочь из клиники. Я пробыл там ровно столько, чтобы отстегнуть ремень да посильнее крутануть руль, и покинул чужое сознание за секунду до удара.

Дольше я все равно не продержался бы — было больно, потом я много дней восстанавливал силы.

Но с чего-то начинать надо.

КОНЕЦ